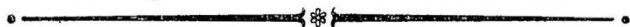

БИБЛИОТЕКА ПРИКЛЮЧЕНИЙ
И НАУЧНОЙ ФАНТАСТИКИ

СИЛУЭТЫ ГРЯДУЩЕГО

*Антология
фантастической
и приключенческой прозы
20-х — 30-х годов XX века*

ИЗДАТЕЛЬСТВО «СПУТНИК™»
2021

© Состав: издательство «СпутникTM», 2021
© Перевод произведения, отмеченного в содержании *):
В.Тимошенко-Пастраки, 2018

АНДРЕЙ ПЛАТОНОВ

ЛУННЫЕ ИЗЫСКАНИЯ

(ЛУННАЯ БОМБА)

Научно-фантастический рассказ
(Полный вариант)

Художник С. Лодыгин

*Произведение печатается по тексту, опубликованному
в собрании сочинений А. Платонова
(том «Усомнившийся Макар», М.: Время, 2009 г.)
Впервые опубликовано в сокращении в журнале
«Всемирный следопыт» № 12 1926 г.,
иллюстрации С. Лодыгина из данного издания.
Также использованы иллюстрации из сборника
«Лунариум». М., МГ, 1975 г.*

Рисунки худ. С. Лодыгина.

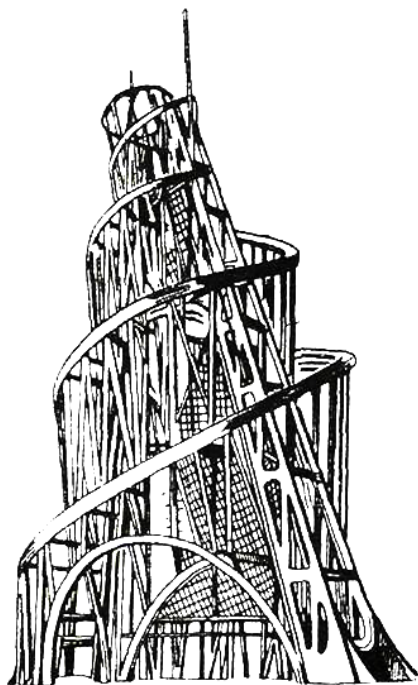
Научно-фантастический рассказ инж. А. Платонова.

*Кончайте же пустынную тропу, —
И будет в мире молодость души.
Ю. Балтрушайтис*

I.

Сын шахтера, инженер Петер Крейцкопф в столице своей страны был первый раз. Вихрь автомобилей и свист надземных железных дорог приводил его в восторг. Город должен быть населен почти одними механиками. Но заводов было не видно — Крейцкопф сидел на лавочке центрального сквера. Заводы стояли на болотах окраин, на полях сброса канализационных вод, за аэродромами мировых воздушных путей.

Крейцкопф был молод и денег не имел нисколько: он серьезно поссорился с администрацией копей, желавшей добывать деньги из одного сжатого воздуха, посвоевольничал в своей копи, был отдан под суд и уволен. И Крейцкопф приехал в столицу. Поезд пришел рано, но этот странный город был уже бодр: он никогда не просыпался, потому что не ложился спать. Его жизнью была не дума, не настроение, не ритм, а равномерно ускоренное движение. Город не имел никакой связи с природой — это был бетонно-метал-

лический оазис, замкнутый в себе, совершенно изолированный и одинокий в пучине мира и в змеином гнезде стихий.

Роскошный театр из смуглого матового камня привлек взор Крейцкопфа. Театр был так велик, что мог бы быть стоянкой воздушных кораблей. Горе раскололо сердце Петеру Крейцкопфу: его молодая, когда-то влюбленная в него жена Эрна осталась в Карбоморте, угольном городе, откуда Петер приехал. Когда Эрна сошлась с главным инженером-электриком, Петер предостерегал ее: «Не стоит уходить, Эрна,

мы жили с тобой семь лет, дальше будет легче, я поеду в центр и приступлю к постройке “кирпича” — мне дадут денег, наверное дадут».

Но Эрне надоели обещания, надоел угольный туман копей, узкая жизнь Карбоморта и одинаковые рожи бессменного технического персонала, особенно две личности друзей Петера — узких специалистов, сознательно считавших себя атомами человеческого знания. Самый высокий разговор, слышанный Эрной, это слова друга мужа, Мерца: «Мы живем для того, чтобы знать».

— А того и не знаете, — ответила тогда Эрна, — что люди живут не для того, чтобы знать...

Петер понимал и Эрну, и друзей, а его они не особенно понимали. Аристократка, дочь крупного углепромышленника, получившая образование в Сорбонне, Эрна ненавидела и других друзей Петера — мастеров, электромонтеров и

изобретателей, просиживавших в ее гостиной с Петером в ненужных спорах до полуночи.

Крейцкопф знал, что мало у него общего с Эрной: он полу-самоучка, инженер по призванию, и она, овладевшая последними цветами европейской культуры, ему недоступной.

И Эрна ушла в свой круг людей, — людей, получивших воспитание и умеющих сдерживать инстинкты внутри себя, людей, знающих философию и новейшую литературу; а главное — людей, искушенных в женщине и ее пороках.

Крейцкопф тосковал, он не знал, что ему делать одному среди множества людей.

— Эрна, — думал он, — Эрна, и ты лишь стихия, а я надеялся замкнуть тебя в сооружение любви. Но стихия смысла мое сооружение любви — и стихия снова ищет... более прочного сооружения.

От всеобщей занятости, электрических реклам, запаха отработанных газов и рева бушевавших машин тоска Крейцкопфа удесятилась. Он вспомнил прошедшие годы своей жизни, полные труда, доверия к людям, технического творчества и преданности любимой единственной женщине. И вот — все истреблено неясными стихиями: люди обманули и предали, его труд был не нужен для них, женщина полюбила другого и возненавидела его, творчество привело его к одиночеству и нищете. Крейцкопф знал — трава гуще растет на гниющих трупах материнских травинки, человек держится близ человека из-за пользы, но Крейцкопф допустил одно исключение — любовь, когда люди связаны бесполезно, — и был разбит; сердце его теперь разорвано в клочья, и мозг утратил свежесть и яснovidение. Оказывается, не такова жизнь: сырые силы природы рвут душу человека так же, как рвет искусственный огонь миры, примостившиеся в парах бензина.

— Неужели нет спасения? Чепуха — неси свою жизнь, как бурю, от которой отступят все земные ветры. Смерть? Нет, пусть меня раздавит неодолимое — или я одолею все видимое и невидимое.

Крейцкопф встал, утерся грязным платком и пошел в Научно-технический комитет Республики. Он не верил в

пользу зеленых письменных столов, знал иронию, спрятанную в ящиках канцелярий, и глухое невежество профессоров. Но податься было некуда.

Его принял председатель комитета, инженер-путеец. Крейцкопф изложил ему свое предложение, иллюстрируя его графическими материалами. Предложение касалось некоего транспортного орудия, способного перемещаться во всякой газовой среде: в атмосфере и вне атмосферы. Металлический шар, начиненный полезным грузом, укреплялся на диске, стационарно установленном на земле. Шар укреплялся на периферии диска; сам диск имел либо горизонтальное земной поверхности положение, либо наклонное, либо вертикальное, — в зависимости от того, куда посылался снаряд: на земную станцию или на другую планету. Диску давалось достаточное, для достижения снарядом станции назначения, вращение; по достижении диском необходимого числа оборотов, в нужном положении диска, совпадающем с направлением линии полета, шар автоматом отцеплялся от диска и улетал по касательной к диску. Все совершалось по формуле центробежной силы, включив в нее коэффициент сопротивления среды. Безопасный спуск снаряда на землю (или на другую планету) обеспечивался автоматами на самом снаряде: при приближении к твердой поверхности замыкался в автомате ток, и сжигалось некоторое количество взрывчатого вещества в направлении, обратном полету, — этим достигалось торможение полета, и падение превращалось в плавный безопасный спуск. Взлет снаряда также был безопасен и плавен, так как скорость кидającego диска начиналась с нуля.

Во всем изобретении был скопирован камешек мальчика, который летит, брошенный слабой рукой. А тут был не камешек, а «кирпич» с тугою начинкой — коммерческим грузом или пассажирами, все равно.

Крейцкопф предложил пустить первый снаряд по такому пути, чтобы он описал кривую вокруг Луны, близ ее поверхности, и снова вернулся на Землю. В «кирпиче» будут установлены все необходимые аппараты, автоматически запечатлевающие в межпланетном пространстве и близ Лу-

ны температуру, силу тяготения, общее состояние среды, строение электромагнитной сферы; наконец, автоматические киноаппараты воспримут все, что несется мимо снаряда, и оставят ленты. Конечно, в конструкции всех этих аппаратов должно быть принято во внимание мчащееся состояние «кирпича».

Крейцкопф руководился тайной мыслью: человек порочен потому, что народонаселения на земле много, — в давке, в тесноте, у иссыхающих питательных жил земли проходят дни неповторимой жизни, и отсюда — скука, дикость души и скользкая тропа под ногами; отсюда — не до любви, не до счастья: лишь бы продержаться сумму кратких лет. Крейцкопф надеялся открыть на соседних планетах новые, девственные источники питания для земной жизни, провести от этих источников рукава на земной шар — и ими рассовать зло, тягость и тесноту человеческой жизни. И когда откроются безмерные недра чужого звездного дара — человек зануждается только в человеке, а не в вещи и не в пище и питье.

Тогда, сокровенно знал Крейцкопф, любовь будет возможной, любовь станет тогда в человеке единственной скупостью и прочным достоянием; и притом, любовь будет одной у человека, и не пройдет, и не повторится на другой, до последнего часа у руки любимой. Любовь конкретна и индивидуальна, поэтому она разное чувство у каждого. Она не закон природы, а нарушение его, не общий признак, а отличие, такое отличие, что любящее и любимое человечество будет драгоценной коллекцией разных минералов, ломающих в себе лучи зенитного солнца каждый по-своему, а вместе — чудесней радуги.

— Урожай у нас ожидается хороший, — выслушав, в раздумье сказал председатель Комитета, — промышленность налажена, идет новое строительство... Да, пожалуй, денег просить можно. Сколько у вас требуется по смете? Шестьсот тысяч. Хорошо. Только необходимо весь вопрос поставить перед пленумом Комитета, добиться положительного заключения пленума и тогда уже войти с представлением в правительство... Пленум Комитета у нас себе-

рется... сегодня вторник... в пятницу. Я лично сторонник вашего предложения. В расчетах, насколько я уловил, нет ошибки. Так вы в пятницу свободны?

— Я в вашем распоряжении, — ответил Крейцкопф.

— Хорошо. Так до пятницы. Будьте здоровы.

— До свидания.

Крейцкопф ушел. Он не ожидал такого внимательного отношения. Да, но что делать до пятницы, три дня, и где взять еды?

Город неизменно бунтовал жизнью и делом. Был полдень и знойное лето. Крейцкопф купил дешевую газету. Начал с объявлений. «...Требуется инженер... в отъезд... в отъезд...» Нету ничего нужного. Вот: «Требуется конструктор... генераторов...» Не знает детально Крейцкопф этой отрасли. Еще: «Нужен временно гонщик для испытания автомобильных моторов новых конструкций на динамику...» Это идет: Крейцкопф имел два автомобиля — подарок жены в пер-вый год их жизни — ездить умел отлично и любил это занятие.

Крейцкопфа приняли и дали жалованья, к его удивлению, больше, чем он получал в копиях. Предложили прийти в среду с утра на работу в гараж. Крейцкопф заметил, что экзаменовал его технически неграмотный человек. Это его не касалось.

Вечер и ночь Крейцкопф просидел в парке на одном месте. Думы о прошлом терзали его. Он видел, как чужие волосатые руки обнимают оставшиеся девичьими груди Эрны. И Крейцкопф не знал, что ему делать. Он прохаживался и возвращался снова. Стало прохладно. Мимо еще ходили проститутки и в желтом рассвете, смешанном с электрическим сиянием, улыбались, как трупы.

— Теперь они уснули, — подумал Крейцкопф, — теперь они устали и проснутся не ранее полудня. И я до двенадцати часов успокоюсь. И ветер ведь волнуется, и я взволнован, иначе не бывает на земле. Может быть, на Веге, на Луне другое... Посмотрим когда-нибудь...

Крейцкопф пошел в гараж, на место новой службы. Гараж был открыт, но не было заведующего. Разгоралось утро. Была окраина города. Крейцкопф курил и боролся со сном.

Наконец пришел заведующий, и Крейцкопфу дали машину: с виду похожа на тип девяностосильных Испано-Суиза, но было в ней что-то иное: диаметр колес увеличен и радиатор полукруглый. Мотор был запломбирован. В отдельном ящике, тоже на пломбе, стояли все нужные саморегистрирующие приборы.

Крейцкопф выехал. Машина ступала мягко и тянула бешено, несмотря на неразогретый мотор. Вместо пассажиров был положен мертвый груз.

Крейцкопфу дали задание: «Сделайте сегодня до обеда 300 километров по счетчику и возвращайтесь после этой дистанции».

Шоссе лежало пустым, Крейцкопф воткнул четвертую скорость, дал газ до отказа и полетел кирпичом. Тахометр показывал 104 километра. Но мотор разогревался и усиливал тягу. 118 километров. Мимо свирепствовал ветер в это тихое утро. Кругом распласталась природа. Вдалеке дымились трубы крематория, там гибнут остатки людей.

Успокоенный, забывший горе своего сердца, Крейцкопф наращивал скорость. 143 километра. Дорога безлюдна, мертво наше прошлое, а навстречу — ветер, путь и восходящая стрелка измерителя скорости.

Вдруг показалась корова. Крейцкопф срулил мимо без тормоза. Дальше шел небольшой поворот, машину немного занесло от скорости. Крейцкопф выключил конус и в метре от машины заметил лохматую голову.

Крейцкопф рванул налево руль и повел ручным тормозом до отказа. Машина затряслась, запыхала вывернутая мостовая, но ребенка ударило правым фонарем, и голова его расселась по материнским швам. Туча черной крови залила его легкую летнюю одежду, неповрежденные глаза полуприкрылись длинными ресницами, и пухлые нетронутые губы сложились бантиком, который теперь никогда не развяжется.

Крейцкопф оледенел от рвущего тело страдания, он крикнул одичавшим сердцем и лег на труп ребенка, рыдая, терзаясь и борясь с обступившей его темнотой последнего

отчаяния. Крутом было молчаливо, мотор потух, и город вдали ровно шумел.

Крейцкопф встал, поднял на руки ребенка и положил его в автомобиль. Это был мальчик, на фуражке его было написано «Океан», кровь запеклась и остановилась, ему было лет пять.

Крейцкопф тронул машину и тихо поехал, ища глазами мать, обходя выбоинки, чтобы не трясти мальчика. Но не было никого. И Крейцкопф погнал, сбросив фуражку, резко подкидывая стрелку тахометра, — и слезы текли по его лицу, смешанные с пылью, грязными струями. Он опять рыдал, налегая грудью на руль. Труп ребенка свалился с сиденья на пол и там шевелился от тряски.

Крейцкопф свернул на проселок и скоро остановил машину. У межевого столба была яма. Он слез туда с ребенком и положил его в готовую могилу. Личико ребенка уже сморщилось, не совсем прикрытые глаза побелели и закатились. Крейцкопф набрал воды из радиатора и обмыл его начисто, потом тихо поцеловал в чистые губы, и горячие слезы снова омыли его лицо.

— Я тебя не забуду никогда, милый, теплый ты мой... Я переверну все и отомщу за тебя, — шептал Крейцкопф, и горе горело в нем костром.

Он отрезал пучок светлых волос и взял их себе вместе с шапочкой «Океан», потом засыпал могилу автомобильным инструментом. Засыпав яму, он затосковал по мальчику так, что хотел его откопать.

— Я искуплю тебя, — прошептал он и пошел к машине. — Что Эрна, что моя ревность?! Тут будет теперь моя вечная привязанность и моя верная нежность...

Крейцкопф заметил местность могилы и поехал. Он ехал медленно, стихнув сердцем, прижимая рукой к рулю круглую шапочку «Океан» с прядью тонких русых волос.

Вернувшись в гараж, Крейцкопф взял аванс под жалование и ушел в город. Он купил вечернюю газету, желая найти имя мальчика, и нашел его: «Родители умоляют... ушел из дома в шесть утра... звать Гога... четыре с половиной года, русский, очень ласковый, фуражечка с надписью “Океан”... свекловичное хозяйство Ромпа... директору Фемм...»

— Гога Фемм, — шептал Крейцкопф, сидя в темноте кино. — Но что же мне делать, ведь мать его умрет.

II.

Пришла пятница, Крейцкопф защищал в Центральном научно-техническом комитете свой проект и защитил его. Он спорил и бился отчаянно, и мертвый мальчик был в его памяти.

Проект получил визу Комитета и пошел в правительство. Не раньше, чем через месяц, станет известным результат.

Крейцкопф по-прежнему обкатывал машины, убивая вечера в кино и в бесцельных шатаниях по кипящим улицам.

Раз он получил письмо от Эрны, каким-то путем узнавшей его адрес: «Петер, мы с мужем уезжаем до Нового года в Брюссель. Хотела бы иногда тебя видеть как друга. Прошлого не изгладишь сразу, чувство не издается дважды равноценно. Мы будем в столице с 20 по 25 августа; жить будем в “Майоне”, где жили когда-то мы с тобой. Я слышала, ты не очень счастлив, служишь шофером; с твоего разрешения, я могу попросить мужа устранить препятствия, мешающие твоей карьере. Ведь ты чрезвычайно одаренный человек, я-то знаю. Отвечай мне в Карбоморт. Эрна».

Крейцкопф ничего, конечно, ей не ответил.

Шли недели. Крейцкопфа ценили на новой службе, и раз он участвовал в официальных гонках, где выиграл второй приз.

Наконец его вызвал Комитет: из правительства пришел ответ — деньги по смете будут отпущены в два года равными долями, к работам можно приступать, все результаты исследования межпланетного пути и Луны поступают в собственность правительства.

Крейцкопф ликовал. Он съездил на могилу мальчика, где увидел, что холм порос лебедой, что поле глухо, что сердце его обрастает салом забвения. Дорогой он плакал и рвал сухие колосья. Однако, не имея никого близких, не зная друга, он дал телеграмму в Брюссель: «Эрна, «кирпич» будет брошен через два года, строю».

Эрна ответила: «Радуюсь, жму крепко руку».

Всю жизнь не видел Крейцкопф такой удачи и не мог сдержатъ себя: он пел в своей комнате странным голосом путаные песни и ходил в пивную с шоферами.

III.

Началась постройка. На плацдарме, открытом всему небу, бутили фундамент под электромотор в 120 тысяч лошадиных сил, под трансмиссионное устройство и под опорный подшипник — подпятник кидающего диска. Одновременно велось ответвление от ближайшей магистрали высокого напряжения для питания электродвигателя и ставился трансформатор.

Крейцкопф был вне себя от энергии, кипевшей в нем, как в паровозе. Он бы построил всю систему сооружений для развития в «кирпиче» летной живой силы в полгода, но план финансирования был растянут на два года.

Самый снаряд строился машиностроительным трестом «Монте-Монд» и должен быть готовым через пять месяцев.

Но черный случай шел вслед Крейцкопфу: при взрывных работах в котловане опорного подшипника сорок рабочих, из них пять лучших в стране специалистов, были убиты электрическим током, как констатировала комиссия. Но тока жизнеопасного напряжения на месте работ не было. Это точно установила техническая экспертиза. Однако сорок трупов были обернуты в грубое полотно и отвезены к семьям на пяти грузовиках.

Работа остановилась. Крейцкопф молчал и не предпринимал никаких шагов снова наладить постройку. В нем физически явственно разрушалось сердце: он нечаянно умертвил рабочих. Крейцкопф раньше пробовал свой метод в копах, правда, в отсутствие людей, — горные породы превращались в тонкий прах.

Метод состоял в том, что в материю, подлежащую превращению из минерала в пыль, направлялись электромагнитные волны таких периодов и такой длины, что они сов-

падали с естественным колебанием электронов атомов материи; эти искусственные волны раскачивали, усиливали электронный пульс атомов, и атом разрывался, частью превращаясь в неизвестный неосязаемый газ, частью в легкую пудру.

Зная теоретически точно безвредность электромагнитных волн такой структуры для человека, Крейцкопф, не говоря слова, пустил в действие свой аппарат в направлении котлована. И он посеял густую смерть и глине котлована, и живым организмам.

Странно, что следователь не обнаружил в Крейцкопфе преступника: его томящееся сердце было видно на его лице и в его бледных глазах.

Работы возобновились, но шли тихо, и Крейцкопф не торопил производителей работ. Но скоро снова вышла заминка, где Крейцкопф был ни при чем: в финансовой части работ обнаружилось крупнейшее хищение, кассир и начальник части скрылись. Крейцкопфа обвинили в административной халатности и даже в соучастии, по какому-то грязному доносу. Крейцкопф не защищался. Работы законсервировали, правительство назначило Особую техническую комиссию для пересмотра всего проекта, а Крейцкопф был судим и приговорен к одиночному заключению на год.

Очутившись в серой камере, Крейцкопф опомнился. Долгие недели он лежал на койке и думал. Лето догорало, падал лист, Эрна была в Брюсселе, Гога Фемм в могиле, те сорок тоже гнили в земле. Впереди одна мертвая мечта — лунный полет.

Крейцкопф заболел, случайно и несоответственно, какой-то внутренней кишечной болезнью. Его перевели в тюремную больницу. Неслышно, в туфлях, по опавшим листьям, ступала осень в природе.

Выздоровливая, Крейцкопф гулял по коридору на третьем этаже больницы. Коридор кончался открытым окном в тихий парк; там пели поздние птицы; атмосфера лежала дорогой на Луну.

Крейцкопф подошел к раскрытому окну и долго рассматривал тающий сумеречный воздух и агонию раститель-

ного мира, потом сразу, без разбега, кинулся в окно. Его тюремная камилавка слетела с головы, а халат накрыл и его и часового, на которого упал Крейцкопф. Вонзившись в неожиданное мягкое тело, Крейцкопф захлебнулся своей кровью, хлынувшей из треснувших легких, но понял, что остался жив. Часовой лежал под ним мертвым, с ногами, упертыми в собственный лоб, сломанный пополам в седалище.

Крейцкопфа осудили вновь за побег, за убийство солдата и приговорили к восьми годам, по совокупности с прежним преступлением. Крейцкопф не мог доказать, что он искал не вольной жизни, а тесной могилы.

Время стало мутным и неистощимым: шли дни, как годы, шли недели, медленно, как поколения. Крейцкопф был обречен. Он выработал искусство — не думать, не чувствовать, не считать времени, не надеяться, почти не жить: было легче на одну нитку.

Ассоциация инженеров его страны запросила правительство о возможности досрочного освобождения Крейцкопфа для продолжения постройки «кирпича». Правительство предложило подождать заключения Особой технической комиссии по пересмотру проекта в целом.

Лег снег. Крейцкопф разлагал в себе мозг, мертвел и дичал. Особая комиссия закончила свои работы: проект верен, и, если «кирпич» не встретит на пути к Луне блуждающих метеоритов, снаряд способен достичь лунной периферии и возвратиться; предвидеть же все случайности межпланетного пути абсолютно невозможно. Особая комиссия позволила себе вынести мнение о Крейцкопфе как человеке исключительного технического творческого дара.

Правительство согласилось освободить Крейцкопфа под поручительство Ассоциации инженеров. Страна удовлетворилась решением правительства: все считали, что в Крейцкопфе редкий гений соединен со страшным антисоциальным существом: вором, убийцей и темным бродягой. Но все же дать ему кончить лунный снаряд следует, — так думали все порядочные граждане всех городов и поселений страны. Общественным мнением руководило не сострадание, а любопытство.

Крейцкопфа выпустили. Он долго приспособливался и трудно вспоминал когда-то привычное.

Работы возобновились. Крейцкопф вел теперь узкотехническую, конструкторскую работу. Главным инженером было другое лицо — инженер-электрик Нимт, второй муж Эрны. Нимт вошел в доверие правительства и Ассоциации инженеров и теперь делал карьеру на модном деле Крейцкопфа.

Крейцкопф не имел способности правильно и с тактом относиться к окружающим вещам. Он отнесся ко всем переменам равнодушно: его теперь мало интересовало дело лунных изысканий, он вел свою работу ровно, усердно и автоматически. В нем развилась сонливость, и он все неслужебные часы спал дома один. Одиночество после тюрьмы стало его страстью, и он тяготился людьми на службе и не бывал в городе. Нимт вел себя с ним корректно, но оставался чужим и неясным.

Эрны на постройке не было ни разу — Нимт и она жили в городе.

Снаряд был готов. Долго не удавалась совершенно точная установка метательного диска: диск должен быть установлен под некоторым углом к геометрической поверхности земного шара, и этот угол должен быть соблюден с предельной тщательностью: угол наклона диска определял путь полета «кирпича».

Весной работы были приостановлены на пять месяцев: надо было дожидаться нового бюджетного года и второй половины кредитов, ибо средства этого года были исчерпаны.

Нимт уехал с Эрной за границу, в Киссинген. Крейцкопф получил отпуск на все время до возобновления работ с сохранением содержания.

Он поехал на знаменитые электрометаллургические заводы в Стуасепте. Его интересовали опыты этих заводов по извлечению глубоких железных руд в предгорьях Алдагана. Правление заводов дало Крейцкопфу рекомендательное письмо к главному инженеру на Алдаган, и он отправился.

Ехать нужно было четыре тысячи километров. Крейцкопф поехал по железной дороге. Поезд вел не паровоз, а газовоз, сменивший собою недолго поживший тепловоз. Газовоз представлял собою газовый двигатель на колесах. Все нижнее ходовое устройство было, как у паровоза, но в цилиндрах работал не пар, а сжатый воздух: передача энергии газогенераторного двигателя к ведущим колесам была пневматическая. Газовоз был самый дешевый транспортный двигатель: он работал на газе каменного угля, дров, торфа, соломы, сланца, бурых малогорючих углей и на всех тлеющих отбросах, из которых только можно выгнать силовой газ. Газовоз возил с собою на прицепке два вагона-аккумулятора, где в сильно сжатом состоянии помещался газ, которым питался двигатель газовоза. Через каждые 300—400 километров стояли маленькие газовые заводы, которые производили газ из местного подножного дешевого топлива. С этих заводов забирали газ газовозы, как раньше паровозы забирали воду из водонапорных баков водокачек.

Против паровоза газовоз вез дешевле в четыре раза.

Крейцкопфа заинтересовали эти быстро вошедшие в транспорт машины, и он с радостью наблюдал из окна, как бодро и мощно берут газовозы крутые подъемы без всякой потери скорости.

Уже год минул с тех пор, как Крейцкопф приехал в первый раз в столицу. Стояло новое лето. Зной гудел в полевых пространствах — жуткий труд сельского хозяина упорно боролся с ним за влажность трав, за сытость плотных городов, а также за лунный полет.

Крейцкопф заметно поседел, состарился и потерял детское любопытство к ненужным вещам. Он чувствовал, что идет на убыль, — еще осталось немного лет, и скроется от него жизнь, как редчайшее событие.

Крейцкопф хотел бы друга, задушевного негромкого разговора и простой жмущей теплоты, невнятно говорящей о родственности и сочувствии людей друг к другу. Но он жил в сумрачном сне, его уважали и его чуждались. Его считали необыкновенным — и в гении и в преступлении, а Крейцкопф был обычным и простым человеком: ему были

Гигантские массивы руды с завыванием и грохотом прорывали оболочку земли, вылетали из недр с горячим ветром, накаленные трением, и, поднявшись на сотню метров, падали на землю, слегка зарываясь... Было что-то чудовищное и неестественное в том, что из-под земли вылетал металл на зов электромагнита.

чужды и ненавистны отвлеченности и холодные вершины. Он любил горячее действие, а не вышнее созерцание, хотя знал ценность отъединенной мысли, в беспощадности кусающей свой хвост.

На вторые сутки поезд вошел в страну страшных подъемов и уклонов — это предгорья великой Алдаганской системы, поднявшейся из глубин тропического моря и исчезающей в ледяных пучинах Арктического океана.

Станция Стуасепт — и в километре от нее столица металлургии: директория железорудной промышленности, горная академия, правление электрометаллургических заводов и гидроэлектрическая силовая установка в миллион киловатт. Прочно стояла эта новая человеческая беспримерная природа.

Крейцкопф сразу поехал на место работ по извлечению глубоких руд. Администрация работ встретила его просто и душевно: горные инженеры имели перед собой первоклассного техника другой области практики, и только.

Известно, что добывание железной руды с трехсотметровой глубины не может экономически оправдываться, здесь же опытным путем хотели доказать иное. Электромагниты, питаемые током в сотни тысяч лошадиных сил от гидравлической установки, были направлены полюсами в подземные районы залегания железных руд. Гигантские массивы руды с завыванием и грохотом, похожим на землетрясение, прорывали оболочку земли и вылетали на дневную поверхность, стремясь к полюсу электромагнита. В момент разрыва рудой последнего почвенного покрова особым автоматом в электромагните прерывался ток и сам электромагнит отводился в сторону. И глыбы руды вырывались из недр с горячим ветром, накаленные до бордового цвета трением о встречные породы, и, взлетев на сотню саженей, падали на материнскую землю, слегка зарываясь. Лебедка-самород поднимала куски руды щипцовым ковшом, окунала в пруд для охлаждения и подвозила к конвейеру. Конвейер подавал руду к домам.

Несмотря на огромную силу, нужную, чтобы вырвать руду из недр электромагнитом, сила эта тратилась лишь несколько мгновений, и потом — электромагниты питались током, добытым из энергии падающей подпертой воды, поэтому глубокая руда обходилась не дороже мелкозалегающей руды, добываемой обычным способом. И было что-то чудовищное и неестественное в том, что из-под земли вылетал металл, скрежеща и тоскуя на пути.

Вечером Крейцкопф пообедал у одного производителя работ по магнитной добыче руды, инженера Скорба. Пожилой спокойный человек, один из конструкторов мощных добывающих электромагнитов, Скорб имел тихий нрав и лютую работоспособность. Скорб был одинокий: его семья — жена и две дочери — утонули в весеннем паводке горной реки двадцать лет назад. Скорб потом отомстил этой реке — он построил на ней регуляционные сооружения, сделавшие невозможными никакие паводки. Старший же брат Скорба, страстно им любимый, погиб на знаменитой железнодорожной Кукуевской катастрофе. И с тех пор Скорб существует один, если не считать тысячу электриков, слесарей, монтеров и горнорабочих, сплошных друзей Скорба.

Ночью, когда заснули и Скорб, и Крейцкопф, к ним постучали. Телеграмма Крейцкопфу: «Эрна получила смертельные ушибы случайной уличной катастрофе. Если вам она дорога, рад буду видеть вас. Нимт».

Крейцкопф не знал, что ему ответить, — и никак не ответил. Эрна была ему дорога, как в первый день встречи, но он не верил, что счастье человека возможно в той суете, тесноте и толкотне, какие есть на земном шаре.

Нельзя сохранить такое нежное устройство как любовь под кирпичами случаев и под червем забот: история несется и так трясет пассажиров, что у них головы отрываются.

Расцвело утро. Скорб сопел во сне, Крейцкопф глядел в окно — в горный ясный сумрак. Руда трясла землю и колола воздух резкими артиллерийскими ударами.

Крейцкопф не очень страдал: еще в тюрьме он отучился от этого. Но вернее, его отучила страдать жизнь, долго

бившая его по одному месту, так что это место покрылось шершавой кожей, как пятка, и поэтому никакой гвоздь не берет теперь сердце Крейцкопфа.

Утром Скорб и Крейцкопф поели рыбы и собирались уходить. Крейцкопфу принесли вторую телеграмму: «Смертельная опасность миновала, Эрн останется только искалеченной. Прошу прощения за беспокойство. Нимт». Крейцкопф долго думал, что же ответить Нимту, молчать было явно неудобно, — это подтвердил и Скорб. И Крейцкопф ответил коротко, но внимательно: «Прощаю беспокойство. Жене вашей Эрне желаю здоровья. Крейцкопф».

Через час Крейцкопф уехал в столицу.

Снова зачихал газовоз и забормотали колеса. Пышное лето плыло в вечном сиянии солнца, а за спиной Крейцкопфа целовались супруги, и Крейцкопф нарочно долго не оборачивался, давая им волю.

Приехав домой, на мертвую постройку, Крейцкопф не знал, чем ему заняться: до начала работ оставалось не менее четырех месяцев.

И он нечаянно занялся чтением: купил раз книжку в шатре у древней стены, пришел домой, зажег свет, открыл книгу, а там значилось:

*Я родня траве и зверю
И сгорающей звезде,
Твоему дыханью верю
И вечерней высоте...*

Дальше шли скучные слова, а потом опять:

*Я не мудрый, а влюбленный,
Не надеюсь, а молю.
Я теперь за все прощенный,
Я не знаю, а люблю.*

Кончалась книжка словами мудрой печали:

*И неустанно ищет смерть того,
Кто слишком резко движется во мраке...*

Очарование смутной мысли — мысли, смешанной с горячим и скорбным чувством, охватило всего Крейцкопфа. И он читал и читал, пока комната стала желтой от зари и электричества. Он подкупил днем еще десятка полтора дешевых книг, заинтересовываясь лишь словами названия книг, это были: «Путешествие в смрадном газе» Бурбара, «Человек, сыпящий песок и гравий» Овражина, «Голубые дороги» Вогулова, «Зенитное время» Шотта, «Антропоморфная революция» Зага-Заггера, «Лунный огонь» Феррента, «Отродье кузнеца» — три тома Мархуда, «Бабье в Бабеле» — исследование Кеггерта, «Антисексус» Беркмана, «Социальное зодчество» Далдонова, «Тряска Смерти» Иоганна Бурса, «Толстый человек» Кермана-Каримана, «Всегда ли была и будет История и что она такое, наконец, и в самом деле?» — философия Горгонда, и множество других книг.

Крейцкопфа поразили книжный мир: он никогда не имел времени для чтения. И он мыл и промывал свой мозг, затесненный узким страданием, однообразным трудом и глухою тоскою. Он увидел совсем новых людей — мрачных, горячих, подводных, ревущих страстью и восторгом, гибнущих в просторе мысли, торжествующих на квадратном метре в каменной нише в стене, отдающих любимую за странствие, ищущих праведную землю и находящих пустыню, бредущих по песку и набредающих на воду, гору и животворное дерево, уходящих в страны изуверов, меняющих тепло дома на ветер ночного пути...

Люди шли перед Крейцкопфом не как толпа, а как странники, нищие, как бродяги, бредущие зря с туманными глазами. Крейцкопф отметил: литература, это учение о людях, не знает счастья, а самое счастье, где оно есть, лишь предсказывает близкую беду и землетрясение души.

— История, конечно, есть дорога, а в дороге всегда неудобство и ожидание конца путешествия, — разгадывал книги Крейцкопф. — Люди, наверное, доедут до своей станции... А зачем же они поехали тогда? Они не поехали, их выбил из наилучшего состояния катаклизм природы, они потеряли равновесие в отношении к природе, и теперь вновь домогаются его — вот история людей...

В стране Крейцкопфа уже собирали урожай. Горела солома в топках локомотивов в полях и молотила хлеб. Падая с деревьев, и его жевали козы. Глотали ягоды змеи, и на деревьях от них трепетали птицы. Множество детей народилось от урожая, и появились хорошие писатели. Строились фабрики тонких сукон, и заготавливались на зиму впрок фрукты и овощи. Люди явно поспешали.

Настал новый бюджетный год. Управлению строительства лунного полета отпустили вторую половину сметной стоимости работ.

Крейцкопф, Нимт и пятьсот мастеровых занялись делом.

Недели за неделями шли в истощающем труде — труде, где требовалась сверхчеловеческая точность, и где от каждой нитки гаечной резьбы зависело завоевание Луны.

Эрну однажды Нимт привозил на работы. Она была без ног, и мутные глаза ее смотрели бессмысленно: расколотый череп ей скрепили, но ее тонкий и острый разум рассеялся через щели разбитого черепа. Лицо Эрны было в синих шрамах, редкие волосы поседел, и она равнодушно глядела в лицо Крейцкопфа. Она налетела в своем автомобиле на автобус.

— Петер, — сказала Эрна, — а помнишь, в Карбоморте мы любили в заросшей канаве ловить ящериц? Помнишь еще, как мы спали на узкой кровати, и нам было так жарко летом, что ты уходил спать под кровать и оттуда рассказывал мне про то, что человек неустойчивое существо и скоро должен появиться на свете более одаренный организм, но ему мешает народиться собственность и классовое общество...

Эрна еще не все утратила. Какая-то часть ее мозга была жива и увеличивала ее страдания.

— Ты знаешь, Петер, меня муж любит больше тебя. Он ласковей и всегда со мной, а ты бы меня давно оставил...

Крейцкопф пошел:

— До свиданья, Эрна. Приезжай еще, когда тебе будет скучно дома.

— Прощай, Петер. Ты тоже не скучай.

IV.

Кидающий диск был закончен. Снаряд был давно готов. Электродвигатель, передачу и все измерители и автоматы установили.

Осталось оборудовать самый снаряд всеми приборами наблюдения и фиксации.

Это пошло быстро. Построечное управление было ликвидировано и заменено Научным бюро лунных изысканий. Во главе его стал известный астрофизик академик Лесюрен, а Нимт остался его заместителем по технической части. Крейцкопф значился по-прежнему конструктором.

Временем отлета Бюро установило 19-20 марта, точная астрономическая полночь. В это время Луна находилась в наивыгоднейшем для прицела положении. В полночь 19-20 марта автомат отцепит снаряд от вращающегося диска — и «кирпич» улетит в окрестности Луны, а через 81 час возвратится вновь на Землю и сядет близ города Коро-Коротанга.

Газеты, эти провокаторы жизни, писали о полете такие подробности, что и Лесюрен, и Нимт сначала усердно помещали поправки информационных сообщений печати, а потом бросили: газеты вовсе не созданы для новостей и точной информации, они — привычка людей, некое курево утомленного мозга.

На место отправления «кирпича» съезжался мир. Правительство не хотело лишних затрат и ограничилось постройкой огромного цирка вокруг летающего диска: эти расходы оправдаются в одну ночь отлета. Да и ничего не было необычайного в полете на Луну, говоря по существу. Металлический камень полетит, брошенный, как всякий камень, но лишь в обратном падению направлении.

Крейцкопф задумался. Истекло 10 марта: день полета близок. Если прибавить в «кирпич» аппараты для производства кислорода и поглощения углекислоты, то можно лететь и человеку; ведь и полет будет длиться всего 81 час.

Крейцкопф написал заявление в Научное бюро лунных изысканий о своем желании лететь к Луне в «кирпиче» и подробно изложил пользу делу от такого дополнительного

оборудования «кирпича» живым человеком, указав на это как на насущную необходимость для обеспечения успеха всего предприятия.

Бюро переслало заявление Крейцкопфа правительству, то отказало. Крейцкопф написал второе заявление: «Правительством не был куплен у меня патент на изобретение «кирпича», детали конструкции до сих пор известны только мне, Крейцкопфу, я не даю согласия на пуск моего изобретения в действие, да без меня и практически его не сумеют как следует пустить в ход: я, Крейцкопф, отказываюсь также от всякого денежного вознаграждения на любую сумму, — я заменяю свое вознаграждение возможностью лететь в «кирпиче»». По существующим патентным законам этой страны Крейцкопф был совершенно прав — он создал безвыходное положение для правительства, и оно разрешило ему сесть в «кирпич». Кроме того, Крейцкопф был социально бесполезным, даже вредным, элементом, исключая дело «кирпича», и то неизвестно — будет ли толк какой из этого предприятия.

Известие о полете Крейцкопфа в «кирпиче» поразило общество. Но потом решили: эффектный жест самоубийцы.

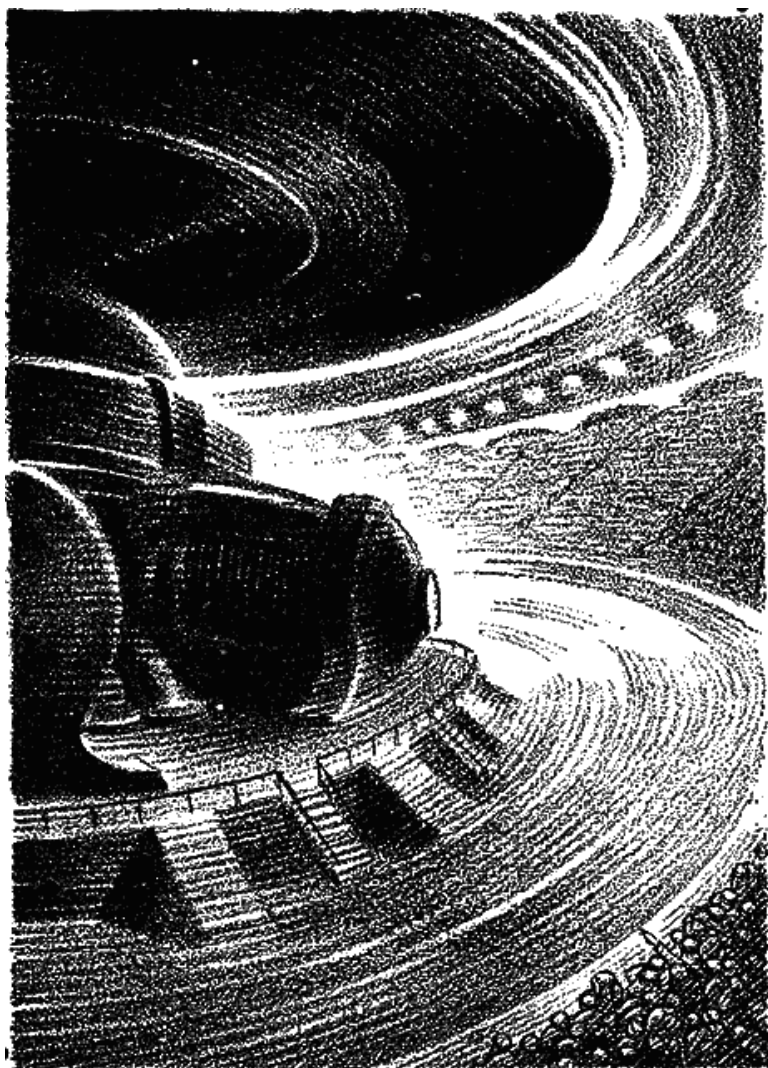
19 марта в 8 часов вечера Крейцкопф сел в «кирпич», посадка его и укупорка всего снаряда была исполнена в мастерских, после чего снаряд сразу был подан на диск. Этим действием Крейцкопф отвел от себя внимание публики.

В 10 часов весь цирк, вплоть до последних амфитеатров, был полон. Наблюдалось обычное скопище читателей, зрителей, служащих, корреспондентов, нелепых женщин, знаменитостей — всей пассивной массы истории, живущей в ее животе, всех экскрементов, оплодотворяющих века и эры.

Было пышное освещение, музыка, продавали воды, квас и мороженое, дежурили таксомоторы, — обычное окружение редкого события: этой дикой обстановки никто уничтожить не может.

За три минуты до точной полуночи диску дали обороты.

Электродвигатель ревел, пять гигантских вентиляторов прогоняли сквозь гудящий, греющийся ротор целые облака холодного воздуха — и воздух вылетал оттуда сухим, жест-

За три минуты до полуночи диск дали обороты. Электродвигатель ревел; гигантские вентиляторы прогоняли через мотор целые облака холодного воздуха; масло в аппаратах охлаждалось ледяными струями, — и все же едкий дым стоял вокруг всего сооружения.

ким и раскаленным, как смерч пустыни. Масло в аппаратах охлаждалось ледяными струями из центробежных насосов, и все же едкий дым стоял вокруг диска и всего сооружения: подшипники грелись сверх меры, масло горело во льду.

Диск, несмотря на точную установку и совершенный монтаж, грохотал, как канонада и извержение вулкана: так велико было число его оборотов. Периферия диска дымилась — она горела от трения о воздух. Нимт холодел от ужаса — малейший отказ ничтожного автомата в этот миг повлечет неслыханную катастрофу: диск работает в окружении сотен тысяч живых людей. Измеритель показывал уже нужное для полета число оборотов: 946 тысяч в секунду. До отрыва снаряда от диска оставалось полсекунды. Астрономические часы автоматически на 24 часах замкнул ток, управляющий автоматом на диске. Этот автомат освободит от диска «кирпич» — и он полетит за счет живой силы, накопленной им в бытность на диске.

Нимт закрепил регулятор числа оборотов: необходимая вычисленная скорость дана.

Сразу засияли на плацдарме солнечные прожекторы: сигнал, что «кирпич» улетел. Мига отлета никто не заметил: начальная скорость полета снаряда была непостижимо велика, и этот разлом природы техническим гением человека не поддается чувству.

Диск продолжал вращаться по инерции, уже разомкнутый Нимтом от ведущей муфты. Только через четыре часа удалось его остановить, применив всю силу мертвой хватки магнитных тормозов.

Из зрителей оглохло около пятнадцати тысяч человек, еще у десяти тысяч произошли какие-то нервные контузии: никто не ожидал увидеть в форме технического сооружения дикую, страстную стихию, ревущую, как светопредставление.

Эрны не было: она лежала в больнице, умирая от рецидива мозгового сотрясения. Слыша шум работающего диска (его слышал весь город), она прощалась и с собой, и с Петером, со всеми грядущими новостями мира и в последний раз поражалась чудом жизни.

Утром она увидела бледного мужа, истомленного страшным напряжением. Нимт остался в больнице и уснул на полу.

На «кирпиче» было установлено радио особой конструкции. По этому радио должны получаться от Крейцкопфа ежедневные, примерно (Крейцкопф не мог иметь часов), сообщения, и по волне же этого радиоаппарата можно с земли определять межпланетное положение «кирпича».

Всю информацию от Крейцкопфа получало Бюро лунных изысканий в лице Лесюрена, и им же лично производились все расчеты по положению «кирпича», и осуществлялась вся слежка за ним.

Журналисты зарабатывали на экстренных выпусках и превращали деньги в пиво. Однако в первый же день после отлета одна газета дала статью о Крейцкопфе — «В поисках могилы», где обрекались на гибель и «кирпич», и Крейцкопф.

Вот сообщения Крейцкопфа по порядку.

1. «Нечего сообщить. Приборы показывают угольное небо. Звезды неимоверной силы света. Было слабое трение снаряда обо что-то: приборы не обнаружили причину. Чувствую свободу. Читаю случайную книгу из кармана — «Барский двор» Андрея Новикова, интересное сочинение».

2. «Мимо снаряда прошло много синего пламени. Причин не имею. Температура не повысилась».

3. «Полет продолжается. Никакого движения, конечно, не чувствую. Приборы, аппараты, автоматы исправны. Передайте привет Скорбу на Алдаган».

4. «Испортился киновосприемник. Починил. Кончил чтение. На снаряд падает Луна. Мелкий болид пронесся параллельно снаряду в одном направлении. Снаряд его обогнал. Разглядел густую и гармоническую жизнь на нем».

5. «Снаряд идет резкими толчками. Странные силы скручивают его путь, бросают по ухабам и заставляют сильно нагреваться, хотя кругом должен быть эфир».

6. «Толчки усиливаются. Я чувствую движение. Приборы звенят от тряски. Ландшафт вселенной похож на карти-

ны давно умершего художника Чюрлёниса — в космическом океане кричат звезды».

7. «Качка продолжается. Звезды физически гремят, несясь по своим путям. Конечно, их движение вызывает раздражение электромагнитной среды, а мой универсальный радиоприемник превращает волны в песни. Передайте, что я у источников земной поэзии: кое-кто догадывался на земле о звездных симфониях и, волнуясь, писал стихи. Скажите, что звездная песня существует физически. Еще передайте: здесь симфония, а не какофония. Я слышу эту музыку, вещая о ней вас. Поднимите возможно больше людей на “кирпичах” на небо — здесь дивно, страшно, тревожно и все понятно. Изобретите приемники для этого звездного звона. Передайте, пожалуйста: люди во всем ошибаются, поэтому их история бесконечна. А тут видны очам конец, зенит и торжество».

8. «Надоело телеграфировать. Ты опротивел мне, Лесюрен. Ты ничего не понимаешь и не поймешь. Ты с толпой дураков ждешь от меня известий, я их даю, потому что я благодарен за постройку снаряда. Хотя ты его, дурень, никак не строил, но пусть читают мои известия мастеровые, Скорб и Эрна. Хотя Эрна, я здесь убедился, умерла».

9. «Вы меня беспокоите этими письмами. Аппараты портятся. Полет спокоен — тряски нет. Половина пространства занята фиолетовыми лучами, льющимися, как влага. Что это, не знаю».

10. «Я обнаружил: кругом электромагнитный океан. Материя — частный, временный случай его».

11. «Нет никакой надежды на возвращение на Землю, лечу в синей заре. Приборы фиксируют напряжение среды в 800 тысяч вольт».

12. «Луна надвигается. Напряжение 2 миллиона вольт. Мрак».

13. «Пучина электричества. Приборы расстроились. Фантастические события. Солнце ревет, и малые кометы на бегу визжат: вы ничего не видите и не слышите через слюду атмосферы».

14. «Тучи метеоров. По блеску — это металл, по электромагнитным влияниям — тоже. На больших метеорах го-

рят свечи или фонари, горят мерцающим светом. Здесь я ничего не видел дрожащего».

15. «Среда электромагнитных волн, где я нахожусь, имеет свойство возбуждать во мне мощные, неудержимые, бесконтрольные мысли. Я не могу справиться с этим нашептыванием. Я не владею больше своей головой, хотя сопротивляюсь до густого пота. Но не могу думать, что хочу и о чем хочу, — я думаю постоянно о незнакомом мне, я вспоминаю события, жен, разрывы туч, лопающиеся солнца, — все я вспоминаю, как бывшее и верное, но ничего этого не было со мной. Я думаю о двух явственных субъектах, ожидающих меня на суровом бугре, где два гнилых столба, а на них замерзшее молоко. И мне ужасно и постоянно хочется шить, заниматься снабжением армии и экономить свои консервы. Я ем по рыбки, а съесть хочу акулу. Постараюсь победить эти мысли, рождающиеся из электричества и вонзающиеся в мой мозг, как вши в спящее тело».

16. «Только что вернулся с отвесных гор, где видел мир мумий, лежащий в небрежной траве... (*Сигналы не поняты. — Прим. Лесюрена.*) Все ясно: Луна в ста километрах. Влияние ее на мозг ужасающее — я думаю не сам, а индуктируемый Луной. Предыдущего не считайте здоровым. Я лежу бледным телом: Луна непрерывно меня питает всевидящим накаленным добела интеллектом. Мне кажется — мыслит и снаряд и радио бормочет вятно само собой».

17. «Я вспомнил создание космоса с отчетливостью и живостью постройки дома моих родителей».

18. «Луна проходит мимо в сорока километрах: пустыня, мертвый минерал и платиновый сумрак. Движусь мимо медленно, не более 50 километров в час по глазомеру».

19. «Луна имеет сотни скважин. Из скважин выходит редкий зеленый или голубой газ... Я уже овладел собой и привык. Кончаю сообщение: сейчас очередной приступ интеллекта. Это очень жутко — уходить в ад живых воспоминаний и чувствовать блеск и глубину космических перспектив: эту волю туманности и злое раздражение Млечного пути от звездной тесноты...»

20. «Из некоторых лунных скважин газ выходит вихрем:

стихия это или разум живого существа?.. Разум, наверное: Луна сплошной и чудовищный интеллект или сила, его производящая».

21. «Не могу добиться причин газовых извержений: я отдам люк снаряда и выпрыгну, мне будет лучше. Я слепну во тьме снаряда, мне надоело видеть разверстую вселенную только в глазки приборов».

22. «Иду в газовых тучах лунных извержений. Тысячелетия прошли с момента моего отрыва от земного шара. Живы ли те, кому я сигнализирую эти слова, слышите ли вы меня?..» (*С момента отлета Крейцкопфа прошло 19 часов.* — *Прим. академика Лесюрена.*)

23. «Луна не кончается. Вокруг одной скважины заметил движение какой-то круглой вещи — не могу определить: совершенно черная вещь, абсолютно круглая... Я думаю так, как думает атом, существующий эоны времен. Луна продолжается, она таинственной Сатурна».

24. «Я, кажется, приближаюсь к Луне: наверное, снаряд теряет живую силу быстрее нашего расчета или тут вмешались электромагнитные силы Луны. Все явственней ее платиновые оазисы».

25. «У одной скважины диаметром десять метров я вижу снова черный шар метра три в поперечнике. Это конгломерат нервов, несомненно: я вижу волокнистое строение: черный шар — обитатель лунных недр».

26. «Совершенно ясно: Солнце никаких тепловых лучей не испускает — для них не может служить передатчиком межпланетная электромагнитная среда, эта пучина токов. Солнце испускает электромагнитные колебания и еще что-то, еще более нежное и неуловимое. Только Земля совместным сопротивлением своей сложной атмосферы и почвы превращает электромагнитную энергию Солнца в тепло. Луна же — без атмосферы, без почвы, с очевидно большим содержанием металла в недрах — непосредственно вбирает в себя токи Солнца, сложно трансформирует их внутри себя и затем испускает во внешнюю среду. Лунные токи, трансформированные из солнечного электричества, имеют способность возбуждать мозг человека и перестраивать его по-своему».

27. «Черный шар движется под снарядом, он не касается Луны. Это не стихия, это обитатель Луны, это мозг, это затвердевшая лунная электромагнитная волна».

28. «Шар подо мной. Снаряд снижается. Скважины излучают газ. Я не слышу больше звездного хода».

29. «Последний раз скажите, что люди очень ошибаются: мир не совпадает с их знанием. Видите или нет вы катастрофу на Млечном пути: там шумит поперечный синий поток. Это не туманность и не звездное скопление, это нарушитель гармонии вселенной вливается ядом в ее звучащее смуглое тело».

30. «Снаряд снижается. Я открываю люк, чтобы найти исход себе и вам. Прощайте».

ДМИТРИЙ ТИГЕР
(ДМИТРИЙ Т.)

**М-Б-10-22:
СИЛУЭТЫ
ГРЯДУЩЕГО**

Фантастическая повесть

ДМИТРИЙ Т.

М-Б
-10-22

СИЛУЭТЫ ГРЯДУЩЕГО

ИЗДАТЕЛЬСТВО
СЕВ. ЗАП. ПРОМЫСЛОВО В.С.Н.Х.
ЛЕНИНГРАД

1924

Дмитрий Т.

М—Б—10—22

СИЛУЭТЫ
ГРЯДУЩЕГО

ИЗДАТЕЛЬСТВО СЕВ.-ЗАП. ПРОМБЮРО В.С.Н.Х.

ЛЕНИНГРАД :: 1924

Ленинградский Гублит № 6996.

Ленинград.

Тир. 3000 экз.

Типография Изд. С.-З. Промбюро ВСНХ. Ленинград, Тучкова наб., 2.

І. Два бемоля.

1.

Вечером пришел в Москву аэроплан из Лондона и привез почту. Утром Наркомвнешторг долго, с интересом читал одно письмо от лондонского преда, долго и внимательно смотрел на фотографию и визитную бристоальскую карточку, вынутые из конверта с письмом, вложил их обратно, а на конверте написал вкось:

«Секрет. Вздичт. Дирзав в Ильич. 14/V—193....»

И подписался: двойной слабо вразумительный крючок — два бемоля, хвост вверх, штопор вниз.

2.

Через два часа аэроплан воздушной почты увез письмо со скоростью 800 километров в час на юг, к самому морю, самый южный конец Металлоугольного района.

II. Как Май Лентр держал экзамен, сам того не подозревая.

- Рельсы?
- Да, товарищ,
- Для Китая?
- Английские.
- Выпуск?
- Через двадцать минут.
- CO_2 ?

Май Лентр для точности опустил глаза на дым-анализатор:

- 10,5-11,2.
- Я бы на вашем месте подумывал об избытке воздуха.
- Да, товарищ. Я так и думаю.
- Ваши ближайшие намерения?
- Увеличить процент CO_2 .

Дежурный инженер прошел дальше.

Май Лентр, первая рука Март'а 12, основательно установился на ящик контроля:

- CO_2 — одиннадцать, ванна 1520, печь 1590...

Май Лентр постучал пальцем по стеклу гальванометра.

Стрелка заколебалась и возвратилась на прежнее место — 1520.

Переключил на печь — 1610 — растет.

— Чорт возьми: парень основательно прав...

Май Лентр протянул руку к ящику управления и сдвинул пальцы «воздух», «тяга». Затем взглянул на часы и на прямой угол, переставил «перевод».

Стрелки ящика контроля пришли в некоторое замешательство, но быстро успокоились. Только медленно ползло вверх регистрирующее перо дым-анализатора: 11,5, 12, 12,5... На 14 перо подожгло и решительно зачертило горизонтальную линию.

Май Лентр нажал две кнопки у ящика управления, и сразу остановилась автоматическая подача в печь руды и известняка из бункеров.

— Проба-а!..

Будто из-под пола вынырнул у среднего окна печи экран и, пока уходила вверх крышка, прикрыл до половины окно.

Сдвинул со лба на лицо маску с кобальто-синими очками, поправил асбестовый нагрудник, и с длинной железной ложкой-черпалкой стал за экран.

— Раз!

Ложка скрылась в раскаленной, солнечно сияющей пасти.

— Два!

Крышка закрыта, экран исчез.

Нежно-золотистая струя льется с ложки в форму.

Через три минуты Май Лентр держал в руках две половинки пробы, откованной из слитка, изучая излом и ряд лунок на отполированной полоске.

— Бринель и карбонометр?

— 9.9, 4.0 и 0.45.

— Первый гонг!

Загудел гонг.

Со стороны первых номеров неторопливой и легкой походкой, весь в белом, подходил Виэль, мастер третьей группы, к которой принадлежит Март 12.

— Продолжайте, т. Лентр!

— Ого! Это что за новость?

По старому обычаю, плавки всегда выпускает мастер сам. Но сейчас Виэль спокойно — так, чуть заинтересованный необычайным видом зритель — остановился у ящика контроля и что-то насвистывал себе. Май Лентр сразу почувствовал, как под ногами у него выросла стальная плита.

Сто тонн расплавленного металла в утробе Марта 12 совсем не шутка. А этот английский инженер-приемщик — придира первый сорт.

Прямым глазом назад видел Май Лентр: белый Виэль страшно внимательно вслушивался в собственный свист и небрежно постукивал одной половинкой пробы о другую.

— Все как надо: можно не волноваться!

— Эстээм!

Рукастое чудище, завалочная машина протянула свою руку к вагонетке, взяла мульту со сплавом эстээм и подошла вплотную к печи.

Раз!

Открылась солнечно-огненная пасть.

— Два!

Машина просунула руку в пасть и вынула ее обратно уже без сплава.

— Пробу!

Даже у старика Куца, старшего Март'а 12 (сегодня Куц заменяет мастера на группе 2), не всегда были такие блестящие пробы: в лупу не заметить рванинки или трещинки.

— Третий гонг!..

Той же спокойно-легкой походкой — интереса к делу никакого, «чертовски в самом деле просто забавные вещи выделявает этот чудак Лентр!» — Визль прошел на переднюю площадку.

— Первый ковш!

Нажим на «движение», и Март 12 — играющий слон — вокруг продольной оси стал плавно наклонять свое могучее, сталью и чугуном одетое тело.

Солнечно-огненная струя с дымом, гулом и пламенем хлынула из короткого хобота Март'а 12 в желоб, а оттуда — в ковш.

Брызжа, сверкая и переливаясь, выбрасывая огненные протуберанцы, наполняется ковш. Некуда больше. Все пятьдесят тонн:

— Стоп! Второй ковш!

Март 12 — слон слоном! — на минуту приподымает свой хобот: отдохнуть, пока ребята там внизу уведут первый и подведут второй ковш.

Отдохнул слон, и снова солнечно-огненная струя будущих английских рельс жжет, сверлит и далеко кругом заставляет дрожать воздух. А первый ковш уже далеко в стороне: щедрая мать ненасытных птенцов — кормит жидким огнем трехтонные изложницы.

Мастер Виэль, не уронив ни слова — чуть побежали лучики от глаз, крепко пожимает руку Маю Лентру и уходит обратно: у Март'а 9 первый гонг.

Через полчаса стотонный ковш — где только взяли такое допотопное чудище — с крана напивается ненасытную раскаленную утробу Март'а 12 жидким чугуном.

На 6, по крайней мере, часов слон сыт.

— У кого этот Апрель наловчился сталь варить?..

Май Лентр быстро оборачивается и налетает на крепкого — кило 85 — старика с последними пробами в руках.

— Дядя Куц! Милый, здорово!

Темные украинские глаза лукаво — знаю что-то, да еще не скажу — смотрели на Мая Лентра.

— Где говорю — учился?

— Да тут у одного старого упрянца: был такой товарищ Павло Куц на Марте 12, может, слышал когда?

— Ага... знаю старого бездельника. Вот что, сынок: имеем с тебя дюжину доброго донского. Стоп. До свидания.

И уже издали:

— Не будь ленив и нелюбознателен: пять минут тому назад витрина распоряжений приобрела для тебя некоторый интерес. Оттож!

Куц еще раз кивнул буйноволосой головой и зашагал к своей группе

«..... Приказ №.....

г. Ильич. Мая 15 193.. , ГосМетзав 1. Мартенод. Старшой Март'а 12 т. Куц назначается мастером группы 2. Первый подручный Март'а 12 т. Лентр назначается старшим Март'а 12. НачМ...».

— Старый хохлацкий крокодил!..

Больше Май Лентр не сказал ничего.

— Поздравляю, товарищ Лентр!.. — возвращался дежурный инженер. — Экзаменатор от вас в восторге, а едва ли у кого хватит смелости уверять, что на Виэля угодить легко.

III. О Саранче.

1.

Ровно без четверти три появился старшой смены В.

В три, к смене, Май Лентр, принявший в цеховом клубе душ и переодевшийся в белоснежный костюм, уже на широком внутризаводском бульваре; к проходным воротам.

8000 туда. 8000 сюда. А просторно...

И все в белом, Загорелые уже и без шапок.

Там, в цеховых клубах, переоденутся на 8 часов в синюю, оранжевую или суровую прозодежду.

Май Лентр прошел площадь Ильича. Прошел памятник Ильичу. Не жалел, что в гараже оставил электроциклетку: такой молодой, лазурный и зеленый день.

Хочется идти без конца. Туда, через мосты, через старый город в большой порт и дальше, дальше, где в золотой пыли, под ласковым маревом, нивы буйной зеленью покрыли степь.

От самого горизонта, от колыхающейся весенней мглы мчится степь. Устала: жарко.

— К морю бы!

Добежала.

И в самую воду прыгнула тремя мощными прыжками: тремя пестроцветными террасами.

Но... шесть часов без еды.

Но... *«едва ли у кого хватит смелости уверять, что на Виэля угодить легко».*

Но... так недалеко и так уютно под бурбенковскими орешниками (из Америки, от самого старика Бурбенка!) смотрит О. С. 25 — Общественная Столовая № 25.

Электромобиль обогнал и остановился у самого входа.

Сошло несколько человек. Между белыми — темно-зеленая туника и пепельно-синяя повязка.....

— Все-таки следовало предупредить об экзамене. Такие внезапные напряжения не проходят даром. И после такого напряжения — сразу за стол... нет, не ладно...

— Каким теплым должен быть сейчас на пляже песок...

Электромобиль рядом.

— Вы обратно, товарищ?

— Да, в отель «Москва».

— Мимо пляжа?..

— Пожалуйста, товарищ.

2.

Ой! Какая слепящая, светло-серая, серо-синяя, серо-фиолетовая бесконечность. Гладкая. Ни одного паруса. Только гички и электролодки.

Несколько верст — весь берег к востоку от малого порта — теплый, белый, чуть влажный песок. И на нем сотни, тысячи мускулистых, загорелых тел мужских, женских, детских, юношеских. На всех хватит юного солнца, теплого моря и горячего песку.

Да, да... ближе... к самой воде.

3.

— Дяденька, скоро будет Полтава?

— Через тысячу верст.

— Дяденька, а это много — тысячу верст?..

Май 22 года. На подножке вагона поезда, идущего с Кавказа к Ростову, приютился двенадцати-тринадцатилетний белоголовый оборванец. У открытой двери кондуктор.

Снять надо мальчика. Но у того что-то такое горячее в глазах, что кондуктор вот уже три станции совершает служебное преступление. Рука не подымается.

— На кой ляд тебе Полтава?..

— А то у чужих хорошо?.. Ух уже не хватает.

— К батьку с матерью, значит?

— Не-е. Тута в двадцатом годе повмерли. Мы из голодных.

— Что же ты два года делал?
— А усе. Робил, стреляв когда.
— И стрелял?..
— А шо? Как три дня в пузе музыка пограет, и ты стрельнешь.
— А теперь как музыка?
— Сегодня грае, вчора тож грала.
— На станции купи что, да садись под вагон в ящик, а то снимут.

Кондуктор сует мальчику скомканные тысячи и треплет рукой вылинявшую вихрастую головенку (свой такой где-то носится).

— Звать как?
— Непомнящий я, дяденька. А прозывают меня...

И мальчик выпалил такое прозвище, что даже виды видавший кондуктор диву дался.

— Ты, братец мой, уж лучше о таком прозвище помалкивай, Раз непомнящий, так Иван, Ваня, что ли...

Горячо. Май Лентр переворачивается на другой бок и снова закрывает глаза.

— Ваня... Чудак милый!..

.....

Третий. Сейчас тронется. Скорей, головой прямо в ящик. Ну, вот ладно. И полхлеба тут, и огурцы тут, и печенка.

— Мати божа...

«Ваня» испуганно ощупывает что-то живое рядом с ним в ящике.

— Девчонка!..

Пришилась к, самой стенке, влипла. Испугалась еще больше «Вани».

Отошел. Тоже: пассажирка!

Товарищ. Осмотрелся. Глаза привыкли.

— Иисть хочешь?

— А то нет!

— Поворачивайся! Будя мне перечницу показывать.

Девочка поворачивается. В полусвете на «Ваню» смотрят огромные, чуть выпуклые зеленые глаза. Не верят еще.

— На! шамай!..

Несколько минут только хрустят огурцы, а прочего не слышно: очень близко колеса.

— Еще?

— Не, будя... воды бы...

— Ну ладно. Стемнеет, приволоку. С кружкой сострелю.

Смешная, Худющая. Губы червячком. Подбородок шилом. А нос...

— Твой, братец, нос семерым рос, тебе одной достався.

«Братец» соглашается, что, пожалуй, нос будет с запахом.

Сквозь разорванную рубашонку «Ваня» видит чуть припухшую грудь. За последние годы хорошо уже знал, чем отличаются девчонки от мальчиков и как этими отличиями пользоваться.

— Тебе одиннадцать, чи двенадцать?.. — вопрос серьезно и деловито.

— А я знаю? Брошенная я...

— Эге! товарищ всамделишный!..

— А звать как?

— Саранча.

— Шо-о?!.

«Ваня» так и крутнулся.

Вгляделся:

— А всамделе: саранча!

.....

4.

— Са-ран-ча!..— вслух говорит Май Лентр.

Тревожно оглянулся. Ничего. Всяк занят собой. Все блаженненькие, и не один он что-то бормочет вслух.

Ниже солнышко, и ласковой дохнуло с берега.

В светло-сером и фиолетовом стало больше синего.

На морском стадионе подняли паруса. Не кренясь еще, стайками к выходу двинулись яхты.

Но обед пока что изобретение не из последних. Ого-го! семь часов без еды не шутка!

—Эй, Альге! Ты домой? Шины выдержат? Мне до О.С.25.

На окнах спущены желтые шторы. Вот оно, почему такой поднимающий, радостный свет. Длинные белые столы, Три ряда. Белые столики. Кактусы, кактусы, мелкие, крупные, огромные, гигантские, колоссальные: верхушки в потолок. Тоже от Бурбенка. Бананы, рододендроны, лавры, таро. И все белые и белые фигуры. Все-таки душновато.

Терраса. Клочок моря. Олеандры. Лес олеандров. Розовые, белые, ярко-красные. Тоже все белые, белые, белые фигуры. Мак и васильки повязок.

Под двумя олеандрами белый столик...

И здесь душно...

Темно-зеленая туника. Пепельно-синяя повязка. Из-под нее на лоб каштаново-рыжая прядь, а из-под пряди, не отрываясь, смотрит на Мая Лентра пара огромных, слегка выпуклых изумрудно-зеленых глаз.

5.

— Саранча! Саранча! Проснись!..

Было утро, поезд стоял на запасном пути. И кругом с молотками на длинных рукоятках шевелились люди.

— Саранча-а!.. Вот заснула.

«Ваня», уже давно выбравшийся из ящика, сгреб свою спутницу вместе с остатками еды в охапку и потащил вон.

— Эге-ге-ге! Это что за котятка? Стоп, стоп, стоп, стоп. Недалеко ускачешь. Да еще с такой марухой. В чем душа держится.

Когда «Ваня» в детском приемнике назвал свое прозвище, то в комнате долго стоял гулкий кашель, а записывающий товарищ только поднял от журнала голову и сказал удивленно: «Ну-ну!» Потом прибавил:

— Это, братец ты мой, ни в какой журнал, ни в какой телефон не пролезет.

Так и оставил незаписанным.

На другой день посоветовались и записали:

— Май Лентр.

— Мая...

Еще подумали...

— Тролен.

Дело было в мае. На стенке — портреты Ленина и Троцкого.

6.

— Вот ваше место, Май. Я вас уже давно жду.

— Знаю...

Не надо в цехе пить такого холодного пива: охрип голос.

— И я знаю, Май. Радость моя...

Через стол, совсем-близко рыже-каштановая прядь и глаза, такие зеленые, такие... такие...

— Вы уже пообедали, М... товарищ Тролен?

— Я только утром приехала, Май. Узнала вашу столовую, ваш адрес.

— И... надолго...?

— Надолго, Май.

В радиэфон:

— Будьте добры: два обеда А, нарзан... херес «Алушта». Стол 102.

Рядом чуть круглится на ветру шелковистая ткань: от солнца. И тоже желтая.

Удачно это придумано: такой... удивительный свет. Надо сделать дома. Как не заметил до сих пор...

7.

— За нашу встречу, Май...

Молчит. Чуть дрожала рука, бокал.

— Ведь это же Алушта, Май.....

Такой огромный, такой зеленый Бабуган. Вчера был дождь. Как собачонка с'ежилась и положила голову под лапы Кастель. А сегодня — как началось утро, так и осталось. Так утренне и сквозит полдненное солнышко через кое-где покрасневшие листья дикого винограда.

.....

И с утра серо-синяя повязка: автомобилем из Симферополя.

Спокойно и твердо:

— Не надо, Майя.

К руке через стол протянула узкую и крепкую ручку.

— Надо, Май. Слышишь?..

— Нет.

И из умных, ласковых сине-серых глаз смотрит другой. Непомнящий «Ваня», раздетый, босой, без признака денег, с музыкой в животе — к далекой, неизвестной Полтаве.

Товарищ Лентр, в защитной форме, в буденовке, когда грозой и взрывами задымилась западная граница.

Май Лентр, сознанием и инстинктом, без ненависти и сожаления постигший: «это надо», «так надо» и «иначе нельзя».

Но чувствовалось: всем существом будет искать: «да минует меня чаша сия», но — увидит: «так надо» — пойдет бестрепетно на смерть и муку. «Иначе нельзя» — через сына, через любимую, через брата и близкого перешагнет и их пошлет на крест и смерть.

Без гнева и жалости, спокойно-настойчиво, без упрямства и дерзости, без холода и стали в глазах.

— Мы увидимся сегодня, Май?

Май Лентр вынимает записную книжку.

7 часов. Плавание, матч на 1 километр. 8 — Клуб М — «Последние способы дефосфоризации стали».

Аудитория А «Новое о междупланетных сообщениях».

Аудитория Д — «Состояние работ по урегулированию Гольфштрема». 10 — 10... надо припомнить... что-то есть... да-да... не может не быть...

— Ничего не выйдет, Майя. Обедаю я всегда здесь.

8.

Из детского дома убежал. На следующий день в животе были знакомые мотивы. Терпел. Переночевал на той стороне Дона. На другой день побродил в городе, обошел пят-

надцать маршей огромного дома и, взглядевшись в одно лицо — тоже нос семерым рос и подбородок шилом, Саранча, глаза только синие — попросил:

— Пообедать.

Не как-нибудь.

Два, три раза прокрадывался, смотрел, как в новой комбинешке гуляет Саранча. Видал, что скучная, и радостью колотилось маленькое сердчишко.

К зиме вернулся. Учились вместе. Хорошо учились.

— Уж если Май и Майя не знают, значит что-то очень трудное.

9.

— ... Итак: непрерывное удаление исключительно основного шлака, фтористый кальций, хлористый кальций и под конец металлический кальций при введении достаточно энергичных раскислителей...

Приезжий профессор сошел с кафедры.

— А мы ж таки, мабудь, не дурни, — рядом с Лентром седая голова дяди Куца, — шо давно так робили, тилько металлического кальция нема.

— Ну, сынок, а донское?

— Отложим, Кущик. Устал.

— Домой пойдешь?

Молчит.

Ласково и проникательно смотрят на Мая темные, многовидавшие глаза.

Тоже в О. С. 25 обедал сегодня старик. Чует, куда — хочешь, не хочешь — сами ноги донесут Мая.

— Бисови ноги!

10.

— Так только... мимо пройти... надо еще раз продумать слышанное.

— Товарищ Тролен?.. № 130... Сейчас справлюсь... Вы слушаете? № 130?.. Не отвечают... Видимо, нет дома, товарищ.

— Нет дома... нет дома... Чорт возьми, могла бы быть несколько покороче лестница... материалу не жалко.

Май Лентр не только недурно плавал — приз сегодня взял, но и ходил с серьезной скоростью: не хуже рыси доброй лошади.

— В театре?.. Казино?.. пляж?.. Поздно...

— Этого еще не доставало... Стоп...

Май Лентр круто повернул и твердо направился домой.

Огромный, уже полуосвещенный вестибюль. Во весь пол цвета электрик толстый мат. Такой же по лестнице и в коридорах.

Тоже кактусы и араукарии. Второй этаж. Прямо против лестницы его две комнаты.

Открыл. Дверь никогда уходя не запирает. Свет.

— Майя?.. Саранча...

11.

— Слушай, товарищ Лентр! Попросту — большой и глупый Май: сегодня после обеда ты мне покажешь Ильич. А то я пока в тумане, в блаженном, но тумане.

Седьмой час утра.

С улицы звуки оркестра. Несколько сот уличных радиопонов помогают проснуться обитателям Ильича.

На столе электрический кофейник. Пневмо доставило первый завтрак.

Обыкновенно просыпал и завтракал в цеховом клубе.

Но сегодня...

Что же, Саранча налетает не каждый день: год тому назад в Москве улетела, и вот...

IVember.....

1.

.....of Iron.....ute.....

Остальная часть визитной карточки закрыта записной книжкой директора.

Главный металлург и начальник Физико-Химического Института с директором разговаривали уже полчаса, и кусочек тоненького бристольского картона несколько раз без участия воли задерживал на себе взгляд.

— Значит, точка... Проверяем в производственном масштабе и вводим в валовом размере?

— Если Мартен подтвердит лабораторию...

— Подтвердит, Никанорыч, подтвердит, дорогой скептик.

— Конечно! Если ты целый год возился...

— То-то, то-то... Рассчитывай на полную дегазификацию, на максимальную плотность и выход из болванок, по крайней мере, на 15% больше теперешнего. Когда еще месяц тому назад англичанин — а он старый сталелитейщик — пришел посмотреть шлифы своих рельс и увидел нашу распиленную опытную болванку...

— Увидел? Зря, Зря, т. Старк... Похвастался?.. а?..

— Да что же, из результатов мы секрета не делаем...

— А все-таки... Вот оно что... Ларчик открывается проще. Ну ладно, увидел, так увидел... И что же?..

— Язык о небо отщелкал.

Директор повернул ручку диктофона:

— Секретный 205... 15/V... Для испытания сплава «Ильич» назначаются т.т. Яковлев, Старк, Визль и Лентр.

— Так, Никанорыч?..

Главный металлург кивнул головой.

В диктофон:

— Испытание начать 16/V под общим наблюдением Нач. М. Меня держать непрерывно в курсе.

— Все.

Директор положил руку на свою книжку, и из-под нее выглянуло:

— ...of Iron Steel Institute/

Прощаясь, Старк нагнулся и увидел еще:

—ember.....

По уходе помощников директор снял со стола небольшой пакет, с бланком «Н. К. В. Т., Москва», вложил в него обратно фотографию сурового мужчины с острыми глазами, сунул туда же бристольскую карточку и все запер в свой личный стол.

На столе лежал бланк Физико-Химического Института, лаборатории металлургии от 15 мая:

Опытная № 1120.

Директор заметил листок, взял в руки, еще раз прочитал. Подумал. Спрятал в тот же ящик, что карточки, и радостно потер руки.

Затем переставил длину волны у радиофона и дал сигнал.

— Керчь?.. Ты, Торл?.. Ну что?.. Ага... Ну-ну... В два?.. Всего...

Директор подошел к окну, выходящему на море, и взял с подоконника бинокль.

В поле бинокля, на самом горизонте, почти невидимая от слепящих солнечных бликов, появилась темно-серая точка. Исчезла. И опять появилась.

Часы били половину пятого.

2.

Оторвался директор от работы, когда карминовым и золотисто-оранжевым стало небо. Солнце уже ушло за горизонт, и сама собой потянулась рука зажечь электричество. Этого однако не случилось. Директор поднялся, перешел в

угол своего кабинета — хоть в лапту играй — и там утонул в мягком кресле — кубе. Устал. Здесь и обедал.

Два огромных окна почти сходились в углу.

Директор приподнялся и распахнул оба.

На светло-оранжевом небе четко чернели шесть домен и тридцать кауперов — играли титаны в городки, да так и бросили рюхи. На попа поставив... Шутники!

Левее краснели окошечки бесчисленных коксовых печей. А между ними и домнами, в самые облака, ушла вавилонская башня — stodвадцатиметровая дымовая труба, Около нее, как около бессонного сторожа, задремал Силовой отдел — С — с угрюмыми, насуворившимися газгольдерами. Наседки под дождем. Только много, видно, цыплят у наседок. И каждый — с верблюда.

Несмотря на сто двадцать метров росту, труба казалась приземистой: так велик был ее диаметр.

Шесть тысяч тонн сырого угля превращал в сутки завод в почти пять тысяч тонн звонкого, серебро-серого, с чернью, кокса — комья гигантской цветной капусты. И все пять тысяч жарким дыханием кауперов и четырехтысяч сильных электровоздуховок сжигал в чугуном и шлаком кипящих горнах доменных печей.

Все на одну трубу.

Денно и ночью, в будни и праздники, мощные эксгаустеры ровным гулом со всего завода, от домен и миксеров, от мартена и прокатки, от рудообжигательных и от силовой сосали подземными дорогами продукты горения и непрерывно гнали в трубу, высоким, чуть заметным столбом изрыгавшей их в самое небо.

Светлым был столб, так как не было черного дыма в заводе: до конца у каждой частицы угля отнимали люди лучи, миллионы лет тому назад похищенные у солнца прадедами угля — хвощами и папоротниками каменноугольного периода.

Прямо от левого окна к самому морю и — в другую сторону к малому порту скатывались зеленые, сейчас потемневшие сады и парки, улицы и площади, дromы и стадионы Ильича. Вдали темнел старый город, а в трех километрах за

ним громоздились на непогасшем небе под'емные краны, эстакады и элеваторы морского порта.

Миллионами тонн угля и хлеба, огнеупорного кирпича и глины, чугуна и железа заливал порт сотни и тысячи пароходов и теплоходов, весной и осенью, зимой и летом загружавших его многокилометровые молы и пристани.

С моря на стадион медленно возвращались розовокрылые яхты. Кое-где в малом порту, ошестинившемся в небо рощей мачт, мерцали сигнальные огни. Загорелся маяк.

Издалека из парка долетел старый, полузабытый восточный мотив,

— А в марте 19-го года была другая музыка: на этом самом месте гвоздили нас сорокакалнейными французские канонерки...

— Вот тебе... вот тебе... из головы вон: надо думать, что они уже здесь. Распорядимся о приеме... Ребят теперь много на всех языках болтают...

Вызвал секретаря.

— Я просил сведения о говорящих по-английски товарищах...

— Собраны.

Секретарь вернулся со списком.

Внимательно смотрел список.

— Думал, что больше.

— Ага... Май Лендр... тот самый... Что ж, надо очень толкового парня...

— Вот этого...

Отдал список секретарю.

Часы опять били: девять.

3.

— Мой дорогой Филипп, но ведь это известно мне и вам?

— Да, милорд.

— А тайна, только известная *троим*, не тайна?

— Да, милорд.

— Нас двое, если не ошибаюсь.

— Нет, милорд, не ошибаетесь.

— Если не изменяет мне старая память, в герметически закрытом помещении цианистый водород вдыхать не рекомендуется?

— Даже в открытом, милорд. Но...

— Но?..

— Он имеет запах, милорд.

— Зато окись углерода...

— Да, милорд.

Прозвучал гонг. К обеду.

Лорд Питт со своим секретарем, оба уже в обеденных туалетах, тяжело дыша от жары, поднялись с корабельных полотняных шезов.

В двух-трех милях впереди всунул голову в воду динозавр, один рог торчит наружу.

В полумиле налево юно-зеленые виноградники и темные парки Гурзуфа. Видно, как бежит фуникулер на вершину Бабугана.

Пятисоттонная яхта идет малым ходом — десять узлов. Раньше утра не стоит входить в пролив.

За столом разговор вялый.

Юная леди Питт молчит или отвечает односложно. Мистер Филипп Джереми, по обыкновению и по положению секретаря, скромен. Ждет вопросов.

Лорд Перси тянет шамбертен и искоса поглядывает на свою прекрасную юную родственницу.

— Мисс Юз... Но кто же обращает внимание на мисс Юз?

Леди Александра оторвалась от этикетки old Madeira.

— Когда я бродила в Ялте и Одессе среди этих азиатов, как вы их называете, я чувствовала: душа моя распрямляет крылья...

— Александра...

— ...А сейчас они сложены опять, И... крепко.

Яхта огибала нос динозавра — южную оконечность Аю-Дага.

В иллюминаторы смотрели желтые, седую древностью подернутые скалы и вверх к небу побежал черно-зеленый лес — к самой верхушке.

.....
Пять веков тому назад в ликующий голубой день там, на вершине, где теперь антенны радио, стояли тревожным ро-ем загорелые гиганты, зубами и глазами врезаясь вдаль.

Краснели, чернели, желтели на горизонте паруса.

— Кто?.. смерть или свои?..

.....
Леди Александра взглянула в иллюминатор налево:

Нет парусов.

Было 14/V 193... г.

Часы показывали 7 ч. 35 м.

Вечера, конечно.

4.

— Ну, черномазый, как тебе здесь нравится?

— О! О! О! Черномазому очень, очень, много очень нравится, мистер Джим. На стоянке запереть придется черномазого, мистер Джим! Черномазый может убежать к Ленину, мистер Джим.

И кофейно-бурый негр весело, чуть не наизнанку вывернул свои и подушки-губы.

— Не одного тебя, кажется, придется запирать! — сквозь зубы, не вынимая трубки, процедил боцман — классический английский боцман с рыжей бородой из шеи — переложил трубку в правый угол рта, а левым углом сквозь зубы «цыкнул» через борт, прямо в стайку дельфинов, весело бегущих в перегонку под самым водорезом яхты.

Негр изо всей силы таращил глаза на уютный Партенит, и по лицу его бродила блаженная, белозубая улыбка.

5.

В Керчи «азиаты» оказались исключительными джентельменами.

Едва взглянули на бумаги.

— Бензину?.. Сколько угодно.

— Висказину?.. Сделайте милость.

Любезно провожали по городу, показывали с Митридата Симферополь и Геническ, и ровно в два часа пополудни капитан яхты, почтенный мистер Уайт, со звоном поставил ручку телеграфа на средний ход:

— 25 узлов.

6.

16/V Виэль и Май Лентр в два часа дня сидели в столовой цехового клуба и пили холодное пиво: только что крайне удачно выпустили опытную плавку. Сплав «Ильич» — раскислитель и дегазатор делали чудеса: таких проб не было, и даже не подозревали о таких.

— И способ введения... это просто, как Колумбовойц.

— Сколько раз в своей жизни вы, т. Виэль, бросали соль в пиво?

— Сосчитайте-ка звезды в хорошую ночь...

— И я тоже. А вот в голову не пришло...

— Зато, видимо, вам пришло вот там распоряжение. Слышите?..

Кто-то звал:

— Лентр... где т. Лентр?

— А-у... сюда.

Лентр развернул конверт.

«Заводоуправление просит т. Лентра, как говорящего по-английски, сопроводить 17/V с 8 ч. утра группу англичан, прибывших для осмотра завода. За инструкциями просят в 7 ч. 30м. 17/V явиться к Главному Металлургу».

Лентр протянул листок Виэлю.

— Знаю. Меня уже предупредили. Не забудьте, — что вы — секретарь испытательной группы, и что все я — записи должны быть в порядке.

V. Ильич.

1.

— Так вот представьте, что ферзь, слон и ладья приобрели новое свойство...

— Именно?..

— Бить и ходить через все фигуры.

— Абсурд: раз в игре есть нападение, будет и защита.

— Согласен, доктор. Пусть нельзя ходить и бить ну... через ладью и ферзя.

— М-м... пожалуй. Нападение всегда шире защиты.

— Не хотите ли такую партийку?

Доктор Марксен посмотрел и улыбнулся.

— Сдаюсь, т. Виэль. Согласен: молниеносный мат или вообще и равное избивание младенцев.

— Вот по тому же самому, доктор, войны затихли. Нас, говорите, никто уже не задевает?.. Ясно: никого не трогая, никого не задевая, не имея и тени агрессивности в своей политике, не желая никаких войн и всячески их избегая, мы пустили глубочайшие корни в самую толщу пролетариата во всем мире и стали такой непобедимой силой, задевать которую — смешно и нелепо. А кроме того, наши военные средства уж во всяком случае равны таковым же наших возможных противников.

Англия, говорите, смирна? Присмиреешь, если всего один — подумайте: только один — прорвавшийся аэроплан и в несколько минут в развалинах Лондон, Суэц, Порт-Саид, Перим, Мальта, Гибралтар, наконец... Да что, чорт возьми, превращенные в развалины города: чумой и молниеносной проказой можно засеять всю Англию.

— Зачем чумой и проказой, — вставил Май Лендр, — когда можно выпустить *basilla aurea*, поражающую только состоятельные классы.

— Добре, сынку, добре. А то ж трохи набридли: с четырнадцатого года все воюю.

Куш протянул руку к поставленному наконец Лентром донскому.

— Продолжай, Виэль. Редко ты расходишься, а люблю. Ну, ну, вира помалу.. А мы тут со старыми потихоньку: за мир всего мира...

— Но и *basilla aurea* может не испугать, т. Лентр, ведь ходила же раньше на смерть буржуазия.

— Нет, т. Марксен, буржуазия давно перестала ходить на смерть, предпочитая посылать в командный состав остатки феодализма.

— А, кроме того, разрушенный землетрясением Сингапур, совето-дружественный Китай, практически Советская Турция и Персия, — продолжал Виэль.

— Да только дохни — и через два часа запылают вышки Моссула и склады Адена. Оттого то мы так спокойно принимаем этих волнующих доктора лордов.

И Виэль незаметно кивнул на стол рядом.

Лицом к нему сидела леди Александра, а затылком — секретарь Филипп Джереми. Англичане чувствовали себя крайне не по себе. Леди Александра твердо и настоятельно потребовала, чтобы мужчины вышли к обеду, как и все «азиаты», в белом.

— А, кроме того, они заказчики... — заметил Лентр.

— И недурные! — рассматривая донское, вставил Куш.

— Еще бы, если мы берем на целый фунт на тонне франко Лондон дешевле всех других. А лорд Питт, лорд лордом, а совсем недурной пред железнодорожной компанией.

— Да-а! — процедил доктор. — Если не бояться войны, не бояться голода, болезней, безработицы...

— То жизнь становится не такой уж пустой и глупой шуткой! — в тон доктору и его голосом закончила Майя.

Все рассмеялись. Марксен тоже: так забавно похож был голос и говор.

— А старый Эпикур — вы, чертенятки, конечно, его позабыли — казав: счастье — це отсутствие страха.

— Так и казав?..

— А то ж...

— Правильно, хохлацкий...

— Украинский...

— Та я ж таки любя: от лышечко с тобой... — украинский поклонник Эпикура. То-то вот у меня два часа уже счастья нет...

— Несмотря на присутствие основательных поводов к обратному.

Куш через стол лукаво чокнулся с Майей.

— Закрой газ, украинский почитатель... Ноя.

— Вакха, сынок... и его спутниц.

— Ладно. Пусть Вакха. Два часа, как забрал протокол испытания, да анализ сплава, так со страху потерять — от себя не отпускаю.

И Май Лентр из-под своего локтя вытащил маленькую серую папку.

— Какого сплава?..

— Ильича.

— Э-э-э... сынку, держи руками и зубами.

Англичане кончили обедать и поднялись из-за стола. Секретарь лорда Питта с любопытством рассматривал вблизи «азиатов», особенно высокого, широкоплечего Лентра, который, смеясь, размахивал серой папкой.

— Молодой Нельсон... — вслух, видимо, ни к кому не обращаясь, проговорила леди Александра.

На что лорд Перси иронически хмыкнул, а лорд Питт высоко вскинул седые брови.

Обширная обеденная терраса отеля «Москва», с рядом дорических колонн, завитых доверху бегониями и розами, кончалась у обрыва над самым морем.

Англичане невольно задержались, глядя на бесконечный сверкающий пляж, бесчисленные паруса и такой уютный, такой домашний малый порт, в котором виднелась и их светло-серая пятисоттонная «Астис».

Пока юная леди Александра, грустно, с явной завистью, смотрела на кипящий жизнью пляж, секретарь что-то почтительно докладывал лорду Питту.

И оба искоса рассматривали Мая Лентра.

2.

У под'езда стоял электромобиль.

— Поедешь, старой?

— Не... нехай стара едет. А мы с доктором побредем.

Сели. Тронулись.

— Третьей скоростью, т. Мартов, на площадь Ильича, на радиус революции, потом по дуге Лассалья, по дуге Оуена, а там видно будет.

На площади Ильича остановились у памятника.

— Здесь, в чугунно-литейной отлито. А работа чисто Каслинская!

Май Лентр с гордостью постучал рукой по литому пьедесталу памятника.

Памятник был центром гигантского полукруга, на котором просторно расположился город Ильич.

Радиус Революции — собственно не радиус, а диаметр, на который опирались все улицы-дуги — разделял пополам огромный круг: на восток — город, на запад — завод, выдвинувший на самую площадь: главный вход прямо против памятника — здание управления заводом.

Строгий, немного даже суровый замок: ни одного лишнего карниза, ни одной лишней кривой.

Почти гладкие стены из буровато-красного кирпича с чуть выступающими пилонами из кирпича же, но серого, шлакового. От цоколя до крыши метров двадцать, а всего два этажа.

На углах по диагонали две башни — метеорологическая станция. И над башнями — антенны радио.

Восемнадцать радиусов сходились к памятнику: Ильич разом — в два полуоборота — мог видеть весь город.

А смотрел он на *город*.

Завод... да, конечно... но все-таки он только средство.

Прямо против памятника, окаймляя площадь, шли жилые дома — общественных зданий здесь не было: узкие кварталы — негде размахнуться. Все крупное: Физико-Хи-

мический Институт, Дворец Труда, факультет общественных наук, Стадион, Филармония, большие театры, цирк, Главная библиотека, Кинодворец, Циклодром — расположились между четвертой и пятой дугой, а аэродром — у самых нив.

— Как удалось здесь развести кипарисы, Май?

— Это — секрет наших агрономов и садоводов, но только без них, без голубых сосен, без синих елок, туй и кедров, все наши дома с октября имели бы неважный вид — пока зазеленеют сады.

Замелькали дома-виллы прямого радиуса Революции. С улицы видны только крыши из розово-красной черепицы, да в просветы пирамидальных тополей и кипарисов, выющихся по решеткам роз, белой и фиолетовой сирени, укусных деревьев и акаций-мимоз, туй и синих елок выглядывали тоже розово-красные, светло-оранжевые, серые стены, да кое-где желтая и голубая майолика. Частые балконы на втором этаже и террасы в первом. Везде выющиеся розы, бегонии, гиацинты и кое-где виноград. Полное отсутствие железных решеток и изгородей — бетон и камень. На улице пусто, попадались женщины да почти голая, странно молчаливая детвора. Без сигналов шли встречные и попутные электро-мобили и циклетки, так же безмолвно пробежал трамвай.

Рядом был завод, но его было почти не слышно.

— Что за немое место, товарищи?

— Здесь живет почти исключительно смена Г: сейчас спит, смена В — на работе, а мы Б — пользуемся свободой и приятным обществом.

— Почтительнейше благодарим, т. Виэль! — обе женщины важно подняли правые руки на уровень виска.

— А смена А?

— А это работающие только днем. 3-А-1 сам директор.

— Что-о?..

— 3-А-1, говорю, директор. Непонятно? Экая... Вы будете как артистка П-А, не знаю, какая цифра. Лентр — М-Б, кажется 10-22, Я — М-Б-22. Понятно?.. Наша номерация. 3 — Заводоуправление, М — Мартеновский отдел, Н — отдел Наркомпроса. Учи тут вас, приезжих, азбучным истинам.

— Слушай, т. Май Лентр, отчего я не чувствую завода? Ведь это — дача, курорт, дом отдыха, но не металлургический завод!..

— А ты по старому «Аксаю» очень соскучилась? По дыму, шуму, гаму, суете? Было, да все вышло, товарищ, ничего не осталось. Пару мало — шуму мало. Молотов нет — шуму нет. Дым — сожгли весь. Один азот да углекислота остались. Сернистые газы рудой поглотили. Да и углекислота на город почти никогда не попадает...

— И ее кто-нибудь поглотил?

— Нет, девочка. Город и завод строило социалистическое государство. Место выбирали, плановали, строили и помнили: работаем, чтобы жить, а не живем, чтобы работать. Проект составляли не только инженеры, но и врачи, и биологи. Оттого и город у моря, и река в затылке, и от болот следа не осталось, и завод на запад от города.

— Тоже неспроста?..

— Сказала!.. Конечно! Обследовали метеорологические данные почти за 100 лет и увидели: западный ветер здесь дует два-три раза в году. Остальное время наша углекислота ложится на поля. Ничего — там она пригодится. Наши агрономы кое-где ею свои участки поливают:

Машина прошла радиус Революции, свернула на дугу Лассалья. Впереди через зелень засквозили белые колонны, белые пилоны, белые стены. Ближе почувствовался желтоватый тон старого мрамора.

Шофер замедлил ход и с сияющим лицом полуобернулся к Майе.

— Площадь Плеханова.

Машина вышла на огромную площадь.

— Дворец Труда, Большой Театр; Кинодворец и Библиотека.

Белые колоннады, могучие, но не тяжелые массы, колоссальные окна и опять — ни карнизов, ни кривых, ни орнаментов. И на близко лежащих домах — те же ясные, простые мотивы площади. Посередине — памятник Плеханову.

— Тоже наша работа.

— Т. Мартов, пожалуйста, на радиус Маркса и прямо в поле. Току хватит?

— Не хватит, в дороге прибавим.

Машина круто свернула налево. Мелькнули белые массы прохожих, цветные комбинешки детворы. Огромные цельные окна: один из универсальных госмагазинов. Теннисные, футбольные и гимнастические площадки: направо серел городской Стадион и Дворец физкультуры. Стаей в воздухе вились маленькие аэропланы-аэромалютки: рядом бежала решетка аэродрома.

Асфальт кончился. Машина вышла на шоссе.

Мартов прибавил ход, и в ушах застонал и загудел воздух.

Направо и налево серебристо зеленым морем, мертвой зыбью пошел тучный, высокий, уже выгнавший усатые колосья хлеб. Иззелена желтели только что выбросившие цветок подсолнечники. Далеко впереди в гору побежали пустые, черные плешины. Казалось только, что пустые: к августу будут тысячи и десятки тысяч сочно-зеленых, мясочных арбузов или янтарно-желтых дынь.

Там и там протянули руки в небо вышки.

Ветряные двигатели.

Подпочвенные воды неглубоко — отчего же не воспользоваться даровой силой.

Нагнали выводки ребят. Крепкие, мускулистые ножки и ручки, загорелые тельца, в коротких штанишках и блузках без рукавов с открытыми шейками. Мальчики, девочки, не разберешь — все одинаковы.

Бросились наперегонки с машиной, быстро мелькая боками ноженками и подымая желто-серую пыль.

— Товарищи... А-у-у-у...

Май Лентр приставил руки рупором ко рту и протяжно завыл по-волчьи.

И сейчас с разных концов послышался забавно-басовитый ребячий ответ:

— У-у! У-у! у-у-у-у...

— Волчата старого волка почуяли...

— Какие волчата?

— А те самые, что в 22 году по кубанским степям шныряли да в собачьих будках под вагонами с марухами зайцами советскую казну обставляли.

- А-а! Вани?
- И саранчи, Теперь — юпы и юннаты.
- Т.е?
- Юные пионеры. Урок ботаники без книжек и атласов.

На горизонте показалась группа деревьев, и в левом углу ее одиноко вонзилась в небо тонкая высокая башенка с площадкой наверху.

3.

Черномазый Джо — мистер Джим все-таки не запер черномазого — сидел на чугунной тумбе, и с крайне живым интересом следил, как две гички изо всех сил старались перегнать одна другую. Шапка была полна желтых и темно-красных черешень, а косточки без особенных усилий можно было сплевывать прямо в воду. Не трудно: когда играли в «чок», приходилось плевать много дальше.

В общем, плохо не было: свобода, на солнце градусов тридцать, черешни — вне всякого конкурса, тут же в порту видал прекрасный *café house*, с великолепной увитой зеленой террасой и белоснежными скатертями. А Джо настроен не так уж *holily*¹⁾, чтобы, опустив глаза, идти мимо доброго обеда и мимо такой... толстенькой, или наоборот, длинной, сухопарой бутылочки. Красное, белое — оба неплохо. А кроме того, во всякое время можно убежать к Ленину.

— Здорово, дорогой товарищ...

— Ангелы и черти!..

Джо вскочил, как будто под него подсунули раскаленный кусок дюймового железа, и отступил три шага назад: настоящий американско-негритянский жаргон. Из уроненной шапки красные и золотисто-желтые самоцветы раскатились по граниту и посыпались в воду.

4.

Любопытных около яхты было достаточно.

Набережную вообще любили: ярче чувствуешь связь со всем миром. Стараясь не мешать работе вагонеток, кранов, элеваторов, бродили в одиночку и группами свободные от

1) *holily* – благочестиво (прим. изд.)

занятий обитатели Ильича, рассматривая и изучая пароходы, теплоходы, моторные парусники; спортсменские яхточки из других городов и просто рыбацьи катера.

Крупные теплоходные яхты заходили не часто. Почти только из Англии или Америки. Там еще буржуазия чувствовала себя сносно...

Мистер Джим только что очень вежливо, но настойчиво и решительно отклонил ряд просьб о разрешении пройти на яхту, когда электромобиль «Москвы» высадил у схода лорда Питта Старшего и мистера Филиппа Джереми. Леди Александра — сладу не стало с леди Александрой! — заявила о своем непременном желании остаться ночевать в городе, проведя вечер на улицах. Лорд Перси вынужден был остаться чичисбеем:

— Азиаты.

Через пять минут электромобиль увез в город мисс Юз...

В гостиной мистера Джереми ожидал высокий, сухой, бритый, благообразный старик.

— А-а, мистер Мортон! Как приемка? Каковы рельсы?

— Бесподобны, мистер...

— Мистер Джереми. Вы опять забыли, мистер Мортон.

— Да, мистер Джереми. У этих азиатов такой разрыв, такой удар, удар, мистер Джереми, и такие возмутительно коротенькие прибыльные концы, что я удивлен, поражен, убит, мистер Джереми. Я, отливший на своем веку не один миллион тонн железа и стали, как вам известно.

— Чем об'ясняете?

— Я вам подробно писал, мистер... Джереми. Секрет раскисления. Сейчас идут новые, видимо, опыты, и не дальше, как месяц тому назад, я видел распиленную болванку, у которой — клянусь вам, мистер Джереми — я затрудняюсь сказать, где низ, где прибыль. Об этом я вам тоже писал, мистер Джереми.

— Анализ раскислителя?

— Неизвестен.

— Достать?

— Невозможно, коллега.

Мистер Джереми слегка дернулся и осмотрелся кругом.

- Купить?
- Еще менее...
- Украсть?

— Я для этого стар,

Голос мистера Мортон стал суше и зазвенел металлом.

— Ну, ладно. Посмотрим.

— Журнал привезли?

— Здесь, мистер Джереми.

Мистер Мортон подал пачку перевязанных крест-на-крест журналов.

— Ого!

— Не все одинаково интересно. Самое нужное заложено.

— Всего хорошего, мистер Мортон.

— Всего хорошего, мистер Джереми.

Мистер Джереми унес журналы в свою каюту, положил их на свой рабочий стол и позвонил.

Явился стюарт.

— Суп, бифштекс, пуддинг, пинту элю и бутылку Ньюи.

Когда стюарт принес все заказанное и накрыл скатертью стол, мистер Джереми запер на ключ дверь и потянул вниз лампу над столом на траверсной стенке каюты. Стенка ушла вверх. Мистер Джереми продвинул в образовавшуюся пустоту стол и опустил стенку.

Меньше чем через час, мистер Джереми вновь потянул лампу вниз и извлек из-за стенки стол обратно с пустой посудой. Внимательный глаз заметил бы, что этикетка на бутылке Ньюи была наклеена много выше, а на кувшине эля — ниже, чем на поданных. Но замечать было некому и незачем, а мистера Джереми сейчас это не особенно интересовало.

Когда стюарт убрал посуду, мистер Джереми отпер стол, достал маленький крокодиловой кожи бумажник и из тонких бристоольских визитных карточек вынул фотографический портрет без рамки и белую крупинку. Прошло четверть часа, прошло полчаса. Мистер Джереми сидел в кресле неподвижно, вперив блаженный, восторженный глаз в портрет.

В дверь постучали.

— Вас изволит просить лорд Питт.

Мистер Джереми вышел и запер дверь.

Косо висевшее зеркало отразило письменный стол, журналы и небольшой, великолепно исполненный гелио-портрет леди Александры.

Вернулся мистер Джереми совсем свежим.

Спрятал портрет. Зажег свет. Придвинул к себе «Журнал Русского Металлургического Общества». Быстро без труда нашел заложенную мистером Муртоном статью и погрузился в чтение:

«Б. Старк и В. Яковлев. Карбиды магния-алюминия-титана и плотные отливки».

5.

В камбузе повар забрал у стюарта бутылки и посуду. Когда тот вышел, кок отклеил от бутылки ярлыки и спрятал.

Коллекционером, впрочем, кок не был.

6.

Когда под'езжали к сельхозу, с площадки башенки сорвалась птица и плавно понеслась над зеленью. Крупная птица — не один метр в поперечнике: оторвался от под'емного пилонa слабо-моторный планер и понесся на дежурный осмотр.

Начальник сельхоза № 1 с видимым удовольствием повел гостей по своим палестинам.

Сначала общее впечатление, потом детали.

Поднялись на пилон. На сотни гектаров раскинулись просторные сады, в них жилые дома и, дальше, краснокрышые, серые, высокие здания: элеватор для хлеба, склады корма для скота, стойла рогатого и мелкого скота, молочная фабрика, помещение для машин, высокие провололочные клетки птичников.

С поля ползли узкие, странные машины: сплюснуты так, что в ширину только-только одному человеку усестся.

— Электроокучники. Работали на картофельных полях.

Мелькнули серые добродушные морды сименталок — слабо тесанные глыбы на 4 ногах — с темными, спокойными глазами. Дымчатые быки, по тонне весом.

— Знаете, т. Майя, как древние греки называли одну из своих серьезнейших богинь?

— Гера боотис, т. Виэль, — волоокая Гера.

— Браво! Неожиданно: теперь не так много любителей «Иллиады» и «Одисеи».

Бродили по огромной двусветной зале с лапидитовым полом стада ярко-белых, коротконогих свиней, и любопытные поросята, как собачата, тыкались носами в ноги прохожих.

Блеяли в такой же зале круторогие, длинношерстные овцы и поминутно бегали лизать огромные шары соли, расставленные по зале.

В гигантских клетках клохтало, квохтало, гоготало, кукурекало пернатое население, молодое, старое, мелкое, как снежок, и крупное, как хороший баран.

Разинули зев машинные сараи, и оттуда глянуло красное, желтое, синее, желтое с синим и красное с зеленым. Земляные фрезы, электроплуги, сажалки, гигантские грабли, молотилки-веялки, блеснули темно-матовые зубья косилок и жнеек, и тракторы — тракторы большие и малые. И при них новые универсалки.

— А лошади?..

Майя вспомнила кубанские степи 22 и 23 года.

— Этого товара теперь на 50 километров кругом не имеется. Все питает током С — крепкий мужичишка, везет, не стонет, только провода посвистывают.

— А у крестьян?

— У крестьян? Вот они все местные крестьяне! — и управляющий ткнул пальцем на дома и сады сельхоза. — Давно на свои хатенки, лошаденки, коровенки плюнули и пришли сюда. Настоящему крестьянину и работать-то тут любо: где ж у них видано — пять, а то шесть тонн с гектара.

— Это что же?.. Больше ста пудов с десятины? — в арифметике Майя всегда была слабовата.

Виэль фыркнул:

— В первый класс на экзамене провалитесь, а еще доктор общественных наук. Со старушки десятины это будет пудиков триста пятьдесят.

— Бре-е! — и испуганная кубанская девчонка показала Виэлю язык.

— Вот вам и «бре-е-е». Зерно, товарищ управляющий, стимулировано?

— А как же.

— Фосфористый шлак-у нас забираете?

— Всенепременно.

— Азотнокислый аммоний?

— Все, что дает фабрика.

— Компост с биологической очистки?

— Все, что не уходит на переработку в жиры.

— Посевы после бобовых?

— Само собой разумеется.

— Чего ж вы еще, т. Майя, хотите? Полагаю, что урожаи даже скромны.

— Без сомнения. Попробуем новые стимуляторы — доведем до пятисот пудов, считая по-старинному.

Закусывали в общей столовой,

Три было таких — на полтора-два человека каждая.

Радиофон рассказывал сжато и образно текущие новости. В промежутках угощал веселыми вальсами, юмористическими частушками, даже старыми украинскими думками и великорусскими песнями.

Машина шла обратно. Немного устали. Хотелось молчать.

Солнце подошло близко к закату. На поля сходили тихие предвечерние часы.

Майя положила свою руку на широкую руку Лентра.

— Май, ведь это стоило гигантского труда?

— Не без того. Когда начали строиться — то еще стоило и гигантских денег. Средства помещены совсем не плохо: последний год выдано акционерам двенадцать на сто.

— Акционерам?

— Ну да... Сорок процентов всей стоимости завода и города принадлежит акционерам — трудящимся всех стран

мира. Работает и работал Коопбанк. Ну и республика пожалась, пожалась, да и раскошелилась, старушка. Подумала, подумала: как старье чинить... да построено оно при царе Горохе, до 14 года... Валяй, братва. Ну, братва и шевельнулась. Как будто бы не осырались. Сэры смотреть приезжают. Раньше в Египет, а теперь-вон в И л ь и и т ч.

Машина стала.

— Ток весь, товарищи, выточили.

Мартов остановился как раз у столба с розеткой и трансформатором. Включил аккумуляторы:

Через четверть часа машина подходила к квартире Куща.

— Кро-ко-дильчик, встречай гостей, получай супругу.

Куш — старый воробей! — давно уже поджидал компанию, и паровозом пыхтел электрический чайник.

VI. Поздно вечером.

1.

Луна так лукаво ухмылялась, что черномазый Джо должен был остановиться и серьезно пригрозить негоднице пальцем.

Себ Дuff из Нового Орлеана превосходный парень. Черен как дым, пьет как помпа. За сколько времени отвел душу. Одет как джентельмен, чорт возьми. Мастером работает на прачечной фабрике. Джо очень охотно не только еще раз встретится, но и увидит Себа у себя на яхте. Себа очень интересовала и яхта, и лорд Питт, и особенно мистер Джереми. Такие подробности. Ну, это его дело! Очень милый парень. Прекрасно знает толк в красном и белом.

— А белое... очарова...

— Благодарю вас, товарищ дежурный, я совсем не собирався нырять в воду. По сходям пройду сам... еще раз... вашу руку, товарищ.

Пустяки. Все оттого, что луна забыла свои прямые обязанности, и издевается, старая жестянка, над честными прохожими.

2.

Около десяти часов вечера мистера Джереми оторвали от «Журнала Русского Metallургического Общества». Стук в траверсную перегородку.

— Алло!

— Желаю поговорить.

— После ваших последних угроз я не желаю.

— Но, мистер...

— Что?..

— Около моей каюты может подняться некоторый шум.

— Прежде, чем он достигнет чьих-либо ушей, в вашей каюте одного джентельмена постигнут преждевременные неприятности.

— Положим!.. Я здесь не...

Голос осекся.

— Не хотите ли попробовать?..

— Пока благодарю вас...

— Ну то-то. Вот что, Бигль, говорите толком, какого вам дьявола надо?

— Я хочу наверх, в город.

— Вы же знаете, это невозможно,

— Это меня не касается. Я всегда имел хорошую привычку удираť из тюрьмы, и пока от нее не отстал.

— Очень похвальная привычка.

— Две недели взаперти — это слишком для любого свободолюбивого парня.

— На днях все кончится.

— Слабое утешение.

— Какого же чорта вам еще?

— Маленькую прибавочку.

— Ого!

— Мы толковали всего о десяти днях.

— Ладно, только отстаньте, и на 24 часа прикиньтесь глухонемым.

3.

Леди Александра, лорд Перси и мисс Юз сидели в плетеных креслах в парке, в нескольких шагах от пляжа, и смотрели, как вихрем носились пары по полированному торцу танцевальной площадки. Гремел невидимый оркестр. Гулом вторила ему толпа в аллеях парка.

Прожекторы заливали светом площадку, аллеи, серые ступени на пляж, бросали голубые тени на песок и фиолетовые на море, золотили всплески воды у берега и терялись там, далеко, в черноте неба и моря.

Какие-то беспокойные пиротехники резали небо ракетами и бенгальскими свечами.

Лорд Перси совсем не жалел, что вынужден был остаться в городе, Прохладно. Весело-шумно. Непринужденно. А «азиатки»... Oh! La-la!.. их носы не украсили бы ни одну Венеру, их губы не всегда достаточно тонки. Но цвет лица, чорт возьми... Но волосы, но фигуры... Собственно, лорд Перси совсем бы не прочь оказаться здесь запросто и попробовать произвести умопомрачительные коленца, что выделывает сейчас на середине площадке вот тот коренастый старичина и его хорошенькая дама.

Май Лентр и Визль подхватили под руки расходившегося Павла Максимовича, насильно отвели его за пределы танцевальной площадки и усадили.

— Геть, бисови хлопцы! Бо яка ж українська душа... ху... Х... х... старый став... — не обозвется на горлыщю...

Прибежали Майя и стара и заплодировали.

— Геть, бисови баби!

Но за «бисовими бабами» неслась бросившая площадку молодежь и вопила:

— Дядя Куц! Браво, дядя Куц! Би-ис, дядя Куц...

Леди Александра с горящими глазами поднялась со своего места и неистово аплодировала вместе со всеми.

Ошарашенный лорд Перси прилип к креслу и не знал, что ему предпринять.

Потом вспомнил:

— Азия!

И успокоился, Сразу.

Леди Александра подбежала к дяде Куцу и оживленно заговорила. Павло Максимович беспомощно оглянулся, ища глазами Лентра:

— Апрель! Серденько! Шо им казать?

— Присядь, шаркни ножкой и скажи «сенк йю, миледи». Впрочем, можешь выполнить только первую часть, а я за тебя сделаю остальное.

Май Лентр живо поднялся со своего места и заговорил на совсем не скверном английском языке. Леди Александре, по крайней мере, его южнорусский акцент показался очаровательным. А неподобный цвет лица, оживленные темные глаза, пепельные волосы, тонкая и крепкая фигура не пока-

зались бы незаметными даже самому последнему, бездарному нытику-брюзге, а не то что...

Вот то-то и оно-то!

Короче говоря: Мая говорила по-французски, Визль тоже, стара — немного по-английски, а дядя Куш, видно недаром, в свое время, коптил небеса Макеевки и Русского Провиданса: через пятое-на-десятое, а все-таки понимал. Лорду Перси ничего не оставалось, как представиться «азиатам», тем более, что обе «азиатки» были такими, что не грех было с ними вместе показаться и в ковенгарденском театре.

— Айда, ребятки, на «Красную Горку»!

Май Лентр вел леди Александру, и у самого бицепса чувствовал ее горячую обнаженную руку — выше локтя, а от близких волос веяло знойным, душноватым запахом шипра.

Сам не заметил, как почувствовал рядом налево радостный, чуть слышный запах пармской фиалки... Майя!

Нашел в темноте ручку. Никакие слова, никакая музыка, никакое об'ятие не скажет того, что маленькая, родная, тихо пожавшая ручка.

Прошли ярко озаренную прожектором площадь, прошли молчаливую улицу в густых, затихших садах, круто поднимающуюся вверх.

— Сейчас придем.

Внезапным поворотом улица свернула к морю и уперлась в широкие ступени, положим гигантским винтом уходящие в сторону и вверх на темный, кудрявым кустарником заросший холм. Ступени освещались редкими, низко, у самой земли поставленными фонарями, закрытыми сверху.

Оттого с каждым поворотом шире разворачивались причудливо заплетенные гирлянды дуг и радиусов Ильича. Жемчугом побежали шары фонарей, и мечами разрезал ночь зеленовато-лунный свет прожекторов.

Срезанную вершину холма на высоте ста метров над уровнем моря, оплетенный глициниями и виноградом, охватил ажурными стенами летний клуб «Красная Горка».

Стен, собственно, и не было. Вместо них кругом шли дорические колонны, и еще два ряда их прорезали здание

вдоль по длине. Раковина сцены и море голов за столами и столиками. Васильками и маком среди белых столов и костюмов цвели головные повязки женщин.

Покрывая шелест моря, далекие шумы завода и города, заполнял все здание могучий, радостно гневный бас и такой же могучий, рокочущий оркестр.

Вопросительно подняла леди Александра на Лентра темные звезды.

Лентр взглянул на сцену. На занавеси горела надпись:

— Москва, Большой театр. Полифония «Борьба миров».

Беспрерывно раскланиваясь, перебрасываясь шутками, пожимая руки направо и налево, пробрались к столу, в углу над самым морем.

Смолк бас. Через несколько минут в грозных аккордах затих оркестр и донесся гул аплодисментов. За 1.200 километров в далекой Москве окончился второй акт «Борьбы миров».

На столике появился кофейник, крымский мускат, нарзан и восточные сладости.

Лорд Перси наклонился к Лентру. Тот, улыбаясь, отрицательно покачал головой.

— Ни коньяку, ни виски. Не курим, не нюхаем и к вину относимся по древне-гречески.

— То есть?

— Только варвары пьют неразбавленное вино.

Лорд незаметно вынул белую крупинку и положил в рот.

Порозовели у женщин щеки, стали влажными и глубокими глаза.

Лентр перекинулся несколькими словами с распорядителем, и на занавесе зажглось:

— Париж. Большая опера. Кармен.

Шел первый акт — Кармен вела наступление на дон-Хозе.

Ярче загорелись темные звезды на лице леди Александры, и вместе с Кармен вполголоса она до конца допела знойную арию.

Загорелся новый плакат — Лондон. Ковенгарденский театр. Зашипели все змеи мира, засвистали все боцманские

дудки, и кто-то в такт им сбрасывал на гранитный пол вагонны досок и балок.

Лорд сразу расцвел.

— Тондоротто — танец влюбленных ежей.

Оказалось — новый «последний крик» негритянской Терпсихоры, которым увлекалась культурная Европа.

Молодой баритон за крайним столом затянул старую песенку:

*— Как на нудном небе
Взбунтовался бог.*

Зала быстро поймала темп и ритм, и каждое веселое приключение бунтовщика встречала сочувственным припевом:

*Эх ты, бог,
Эх ты, бог,
Что ж ты раньше не смог...
Слава богу,
Что попал наконец на дорогу.*

Лентр наклонился к леди Александре:

— Хотите взглянуть с самого высокого места на город, завод и море?

Поднялись на крышу клуба. Плоскую, окруженную балюстрадой, через которую заглядывали внутрь плети винограда и ползучих роз.

— Вот наша главная антенна.

Лентр протянул руку в пустоту, где смутно, на черном небе, мрела еще более черная стодвадцатиметровая дымовая труба.

Глухо внизу шумело море, и по нему с невообразимой скоростью во все стороны мчались красные, зеленые огни и белые снопики носовых прожекторов — шла ночная гонка электролодок и глиссеров.

Колоссальным планом, начерченным пунктиром фонарей, раскинулся Ильич, уже затихающий. Гигантским рубином горела пятиконечная звезда над башней здания Совета,

красно-оранжевым светом сверкали полуготические окна темного поддоменника в заводе, а далеко на горизонте розово-белое зарево: на опытных полях, озаренных по ночам кварцевым светом сверху и пронизанных токами снизу, с чудовищной быстротой вызревал второй посев овощей и алжирской пшеницы.

Далеко в море гудели сирены: звали лоцманов подхлывавшие с моря к каналу большого порта пароходы. Глухо с улицы донеслась подмывающая музыка: радиофоны будили смену Г. Половина одиннадцатого.

— Пора вниз,

Когда шли к спуску с крыши, Май Лентр протянул вперед руки, наклонил голову и почувствовал, как ответно затрепетал у него под губами горячий, шипром пахнувший затылок.

Потом затылок выскользнул, и смелым движением сверху донизу, грудь к груди прильнуло к Маю трепетное тело.

Электрическим током заскользили по лицу волосы, и в темноте поплыл фиолетовый, золотистый свет.

VII. В стане огня и железа.

1.

В семь часов директор отпустил коменданта.

— Попросите Дуффа сегодня же попасть на яхту к своему земляку.

На рабочем столе директора играли утренние зайчики, и снова валялась фотография сурового мужчины с острыми глазами, а также бристольская визитная карточка.

Около восьми часов что-то пробормотал радиотелефон.

Директор подошел к окну, выходящему к заводу.

Из главного здания управления в завод выходили леди Александра, лорд Питт, мистер Джереми и Май Лентр. Лорда Перси не было — остался в „Москве“: белые крупинки никогда даром не проходили,

— Недурной экземпляр женщины!..

Мистер Джереми тоже задержал на себе взгляд директора.

2.

В семь часов три четверти Главный Металлург — Никанорыч для всего завода — отпустил Мая Лентра.

— Подробнее С, М и рельсы. Завтракайте в клубе в М, обедайте в «Москве», распорядитесь в оранжереи, чтобы туда отправили виноград и дыни.

Никанорыч улыбнулся и добавил:

— Лорд привез новый заказ — виноград и дыни уже вошли в калькуляцию,

3.

Леди Александра рассеяно постукивали каблучком дорожного ботинка о пышно развернувшийся кусок серебристо-черной капусты.

Внизу под ногами кусок Египта: бурые пирамиды Хеопса, и от них к теплоходам в порт по ажурным кружевным

мостам бегают проворные бойкие зверьки — легкие люльки для перевозки руды с теплоходов на склады.

Неподалеку от складов шевелились, вращаясь и блестя жирными боками, гигантские удавы — рудообжигательные печи.

С восьми часов леди Александра рассталась с беспокойным, но все же милым двадцатым веком и попала на много миллионов веков назад.

Кругом стонали диплодоки, пыхтели мегатерии, фыркали динозавры, нежились на солнце игуанодоны, скрежетали чудовищными зубами левиофаны, зияли огненными пастьми драконы, вздыхали слоны и мамонты, свистели древние змеи, визжали пронзительно птеродактили, а над головой, прикованные к туго натянутым канатам — а то, видно, убегут, шныряли с легким повизгиванием шустрые зверьки неизвестной породы.

— Вниз спускаться не стоит: малоинтересно и утомительно для... леди.

Леди слушала южнорусский, такой милый акцент, и диплодоки с динотериями начинали добродушно щурить крокодильи глаза и ухмыляться, а зверьки неизвестной породы скалили веселые зубы, попискивали деловито:

— Right — right! Right — right! Right — right...

И спешили дальше, по своим делам.

— Внизу с теплоходов на склады мы ежедневно передаем до 15.000 тонны руды, — говорил голос с южно-русским акцентом, и леди Александра знала: для нее это звучит так мягко, так приветливо этот голос. Знала — не смотрят, но видят ее серо-синие глаза, хоть и боком, все боком поворачивается к ней этот из глубин веков, из безбрежности степей вынырнувший белокурый скиф.

А голос скифа продолжал:

— Сверху — из Юзовки, из Макеевки, из Горловки и Караванной — по реке к нам идет ежедневно до 7000 тонн угля. Руду мы сначала обжигаем и спекаем вон в тех вращающихся печах, а затем канатной дорогой гоним к доменным печам.

И Май Лентр ткнул рукою в сторону стометровых вращающихся внизу друг над другом цилиндров, в которые со

свистом и шумом вгонял сжатый воздух в тончайшую муку измельченные остатки угля и кокса, а в узкий просвет между печью и топкой было видно, как клочкотало светло-желтое пламя.

— А уголь мы сжигаем вот в этот кокс... и газ... виноват...

Май Лентр нагнулся, и из-под каблучка леди Александры взял серебристо-черную цветную капусту.

— Кокс и руду мы сжигаем в доменных печах, получаем чугуны и газ. И коксовый газ, и доменный газ мы собираем в газгольдеры, предварительно очистив от пыли, и этим газом питаем двигатели внутреннего сгорания на С — нашей силовой станции, а также все наши печи и микстера.

Май Лентр двинулся к высокому светло-серому двухсветному зданию, мимо лягушками распластавшихся коксовых печей с затейливыми переплетами труб на спине, мимо угрюмых газгольдеров — наседок в дождь. Только много цыплят у наседок, и со слона каждый.

Сто пятьдесят на пятьдесят метров зала. Боковой свет, верхний свет, сверкающие чистотой кафельные стены, лапидитовый пол, и в зале пять хитро оплетенных проводами и трубами чудовищ шевелят динозавровыми лапами — три покажут, три спрячут, три покажут, три спрячут. Глубоко вздыхают — везти надо: запряжены в провода и трубы, а много воздуху требуют могучие легкие.

Пять агрегатов — газозлектрических установок на 20.000 килоуатт каждая — непрерывно день и ночь сжигают доменный и коксовый, газ в своих колоссальных чугунных цилиндрах-легких, сверкая гигантскими коленчатыми валами и многотонными маховыми колесами.

Сразу заблестели глаза у мистера Джереми и оживился мертвый водянисто серый взгляд лорда Питта.

— Как вы используете отходящие газы, мистер Лентр?

Покосился Лентр.

— Мы охлаждающую воду отходящими газами в трубчатых котлах превращаем в пар, и паром гоним турбины низкого давления, а так как и после котлов отходящие газы имеют еще значительную скорость и температуру, то мы

ими гоним газовые коловратные машины. В дымовые каналы уходит уже почти холодный газ.

— Недурно! — в первый раз за все время улыбнулся мистер Джереми, и как-то стали мягче суровые глаза.

— Значит, во всех цехах только ток, никакого пару?

— Только ток и почти никакого пару.

— Почти?

— Да. Так как через пар мы используем отходящие от печей газы для подсобных электроустановок.

— А почему не поставили парогазовые двигатели?

На секунду дольше, чем надо, задержал Лентр взгляд на лице мистера Джереми:

— Поставленные агрегаты нам строила близкая по духу Германия, а парогазовые двигатели большой мощности делаются... впрочем, мистер Джереми, вы, видимо, неплохо осведомлены, где они делаются.

Маленькая, неловкая пауза, и новый комплимент:

— Здесь, видимо, сумели взять от угля решительно все, что он имеет.

Это разрешился, наконец, лорд Питт.

— Вы чувствуете, Александра, как здесь тихо?

Работали все пять агрегатов, а в воздухе стояли только глубокие вздохи да легкий гул: близко летит жарким полднем темной тучкой пчелиный рой, и гудят провода над желто-серым шоссе под полуденным, еще по-утреннему ласковым ветром.

Мимо в щегольских синих и шоколадно-серых полотняных костюмах прошло несколько человек и приветливо поздоровались с Лентром.

— Это ваши товарищи, мистер Лентр?

Скиф круто повернулся и, глядя куда-то сквозь леди Александру, сказал одно только отрывистое, коротенькое:

— Да.

Потом увидел близко темные звезды и прибавил мягче:

— Это рабочие и монтеры вот этого Силового отдела.

И опять вспомнил:

— Не надо пить слишком холодного пива.

— А вы разве тоже рабочий?

— Да, только из категории старших.

Мистер Джереми скользнул своим потеплевшим взглядом по Маю Лентру и заметил:

— У нас, в Англии, далеко не все рабочие знакомы с парогазовыми двигателями...

Улыбнулся Лентр:

— У нас каждый рабочий должен прослушать подробнейший курс об устройстве завода, а кроме того, большинство из нас проходит курс физики и химии в Физико-Химическом Институте.

Подходили к Д — Доменному отделу.

Какой-то любознательный бробдиньяг взял да и сунул среди допотопных левиафанов пяток средневековых замков — целый город черных стройных башен кауперов и крутобедрых домен, оплетенных удавами и змеями.

Над головою бункера — закрома и эстакады: многоголовые мамонты опустили вниз многометровые хоботы, и из каждого хобота сыплется в хитро закрученные вагонетки рыже-красная руда, серебро-черный кокс или серо-желтый камень. Наполненные вагонетки срываются с места, мчатся по наклонному мосту вверх на чернобоковую башню-домну, и в засыпной аппарат на самой вершине выбрасывают свою добычу. А юркие зверьки неизвестной породы —

— Right — right! Right — right! Right — right... —

День и ночь, будни и праздники мчатся они по своим канатам, и в самые разверстые чрева мамонтов сыпят, сыпят рыже-красную, буро-желтую, черную, желтую, серую снедь.

Пчелы с медом — до краев грузу сюда, пустые обратно.

Внизу, у самых ног домны, под гигантским удавом, опоясавшим тесным об'ятием домну кругом, из круглого, широко раскрытого рта брызжет неумным, оранжево-желтым потоком расплавленный шлак прямо в фыркающий, кипящий пруд, а оттуда косолапый гигант железными лапами достает и достает светло-желтую массу и бросает в вагонковш.

С противоположной стороны домны по железнодорожному пути электровоз подкатил вершиною вниз опрокинутый холм.

— Сейчас будет выпуск чугуна...

Поднялись на фундамент и остановились перед сетью воздухопроводов и водопроводов, оплетших гигантский горн печи.

Чуть пахло тухлыми яйцами и смолой.

Двое в синих костюмах поднялись с разбросанных в разных местах шезов, сняли откуда-то у самой печи длинный гибкий металлический вал с трехдюймовым сверлом на конце, вставили сверло в вилку и сунули его в закрытый рот печи. Загудел мотор, зажужжал вал, и вдруг из-под сверла медленно пошел солнечно-огненный ручей — в желоб, а оттуда в опрокинутый холм — стотонный ковш.

— Ваши печи должны давать... должны давать в сутки...

Мистер Джереми внимательным глазом окинул горн и высоту чернобокой башни.

Май Лентр следил за ним глазами и, не подсказывая, выжидающе молчал.

— От 600 до 700 тонн каждая?

— Именно, мистер Джереми.

Лорд Питт поднял брови:

— Вы изумительно много знаете, мистер Джереми. Куда пойдет дальше чугун, мистер Лентр?

Лентр оторвал глаза от секретаря лорда Питта и обернулся к самому у лорду:

— Мы имеем в мартеновском отделе два полуторатыс-четонных коллектора-микстера для жидкого чугуна, а оттуда уже выравненный по анализу чугун идет в мартеновские печи.

— И вам двух микстеров хватает? — опять не утерпел мистер Джереми.

— В крайнем случае, иногда в праздники мы не стесняемся залить чугуном мартены при пониженной температуре.

Лорд с Джереми прошли к самому ковшу, и лорд с видимым неудовольствием что-то толковал своему секретарю.

Птица крылом задела руку Мая Лентра.

Обернулся. Бездонным взглядом смотрели темные звезды, и ручка еще раз незаметно скользнула по руке Мая.

Из пасти домны засвистело ярко-синее пламя многометровым факелом, затем потухло. К пасти подошли те же

спокойные синие люди, вложили в пасть пробку, и машина быстрыми ударами зашлепала по пробке.

Загудела сирена электровоза, стотонный ковш с видимой неохотой тяжелодумно потянулся за ним, чтобы слить в мартеновском отделе свое богатство в футерованное горло полутоннажечетонного диплодока,

Диплодок только что подряд налил пару чарок по сто тонн для своих ребят — двоих из шестнадцати Мартов: пьяницы беспросыпные, дуют круглые сутки, — не без удовольствия принял приношение.

В длинный ряд, перпендикулярно к Д, выстроились шестнадцать диплодочьих ребят в многосветной, из железа и стекла откованной детской. Слон слоном, каждое дитяtko в рубашонке из стали. Заботливо вдоль детской степенной поступью ходят дяди — ажурные мосты-краны, со стотонными молочниками и чарками в зубах, суют ребятам конфетки в рот добрые тети — завалочные машины, и тысяча синештаннных рачительных нянек не спеша бродит: не понадобится ли чего диплодочьему дитяtky?

В группе два у дяди Куща выпуск... Как раз кстати.

Опять загорелись глаза у секретаря лорда Питта.

— У вас так называемый рудный процесс, мистер Лентр. Этот процесс дает не первосортный материал...

— Да, мистер Джереми, но это зависит от раскислителей.

На бесстрастном лице Джереми чуть играли морщинки у глаз: профессор, слушающий наивного студента.

— Вы хотите сказать, что у вас недурные раскислители?

— Да, мистер, очень недурные.

— Не эти ли?

И Джереми указал на Куща, который швырнул в ковш лопату сероватых кубиков.

— Да, это самое.

— При посещении заводов Круппа я видел, как бросали в печь сплав АЭМЭС — внешне что-то похоже, но действие... не оглушает.

Лентр снова на секунду дольше, чем надо, задержал взгляд на секретаре лорда Питта.

— Возможно, Зато наш сплав «Ильич» будет иметь действительно оглушающее действие.

— Ильич?.. Так...

Мистер Джереми вдруг потерял всякий интерес к раскислителям и пошел к дяде Кушу на переднюю площадку.

Слон окончил свое дело и устало подымал вверх курносый хобот. Второй ковш заполнял изложницы — высокие квадратные формы из чугуна, а выводок изложниц от первого ковша целиком пополз поперек литейной залы и скрылся за железо-стеклянной стеной: там, за стеной, в прокатном отделе — П — зубами-клещами кран вытащит раскаленные слитки из их чугунных одежд-изложниц и — нечего зря даром пропадать теплу! — опустит их под пол в оранжево-огненные погребца: печи — колодцы Джерса.

— Одиннадцатый час! — подошел Лентр к леди Александре. — Я думаю, наша уважаемая спутница не откажется отдохнуть.

— Особенно, если любезный мистер Лентр покажет уважаемой спутнице поближе своих товарищей.

— За этим дело не станет. Ребята как раз сейчас, видно, собираются малость перехватить.

В двусветной столовой цехового клуба тянулись в два ряда длинные столы с мраморным верхом. Такой же столик поменьше стоял у окна столовой: Лентр распорядился заранее. В окна смотрел свежий садик, и протягивала свои кисти белая сирень. В столовую непрерывно входили синештантные няньки диллодочьих ребят, сидели за столами, сидели просто по зале в полотняных шезах, пили кофе, чай, иные пиво, закусывали огромными бутербродами, которые горами в разных местах лежали на блюдах по столам, читали газеты и листки утренних новостей, изучали сводное расписание курсов и лекций на стене, что-то выписывая в свои книжки, обменивались приветствиями и новостями друг с другом, заглядывали в висящий в разных местах «Режим работы», прислушивались к сигналам у печей и уходили, заслышав нужный.

Внимательно всматривались англичане в лица «азиатов». Ничего: открытые, спокойные, приветливые лица. Крупный рост, бритые подбородки, у многих бритые головы. Не работают, а играют.

— Откуда взяли такой народ, мистер Лентр?

— Э-э, это далось не сразу, мистер Джереми, тут и отбор, и школа, и советское воспитание, санитарное бюро, и может быть, больше всего лаборатория психотехники. Выбирать было откуда — целая республика со 150 миллионами человек. Санитария и психотехника отобрали человеческий материал на местах, а затем его проверили и перебрали здесь, в наших бюро, лучшие и наиболее компетентные практики. Первый год было нелегко, ну, а теперь сама земля здесь научилась работать.

Если вы заметили — машин много, мы не очень устаем, превосходно питаемся, во время отдыхаем, вовремя переходим на умственный труд, развлекаемся, как только можем и сколько можем; нам неизвестен страх нужды, безработицы, необеспеченности, страх обращения, принижающего человеческое достоинство, мы не знаем совсем жизненных мелочей с питанием, уборками, стирками, домашним воспитанием.

Наши раскрепощенные женщины ушли в школы, библиотеки, детские дома, в кооперацию, в общественные учреждения, в легкую индустрию, в науку, во все роды искусства.

— Мы — люди, которым некого и нечего бояться, оттого в среднем мы и не знаем дурных настроений.

— Ага! Значит, все-таки дурные настроения бывают? — как будто обрадовалась чему-то леди Александра.

— Не без того... — улыбнулся Лентр и вспомнил свое вчерашнее беспокойство с анализом «Ильича».

Сейчас серенькая папка спокойно лежала в общежитии 85 в комнате 30 за дверью с карточкой «Май Лентр М-Б—10—22».

Вошли Виэль и Куш, и издали приветствовали леди Александру.

Куш долго о чем-то расспрашивал Виэля, а потом через залу крикнул Лентру:

— Сынок, а ты спроси у того, шо молодше, чи вин не служив, в 19... годе в Юзовке?

Лентр перевел вопрос мистеру Джереми. Тот отрицательно покачал головой.

— Ну не служив, так не служив, мабудь брат его був, а бо еще хто, а звали... як его... такой ще завод був... Викерса, эге, эге... Викиер.

Мистер Джереми поймал кисть белой сирени и настойчиво разыскивал пятилистники. Нашел и протянул леди Александре.

А лорд Питт весь ушел в срезывание кончика сигары — срезал, наконец, и закурил.

В рельсопрокатной шла прокатка английских рельс.

Маленький электровоз подбегал к колодцу Джерса, всовывал туда свою удочку, выуживал трехтонный слиток и проворно бежал с ним к обжимному стану, по обе стороны которого вращался ряд валков, только наполовину из-под полу выставив свою поверхность. Электровоз бережно клал раскаленный слиток на валки и бежал обратно со своей удочкой, а болванка будто сама собой двигалась вперед, попадала в нужный ручей валов, с треском вылетала с противоположной стороны, возвращалась обратно, шла опять в валы, выскакивала из них уже значительно длиннее и тоньше, начинала ползать поперек своего пути, как бы выбирая ручей по вкусу, и, выбрав, вновь бросалась в валы, чтобы, проделав все это несколько раз, превратиться в длинный прямоугольный брус и, очертя голову, броситься под гигантскую гильотину, которая, равнодушно чавкая, отхватывала ей голову и ступни.

— И всем этим орудуют два человека! — показал Лентр на двух машинистов, стоявших на мостике у стана и одним движением руки пускавших десяти тысячесильный мотор, а с ним вместе и весь разминающий трехтонную стальную болванку, как восковую свечку стан то прямым, то обратным ходом.

Обезглавленная раскатка побежала дальше — ко второму стану, где калеными зубами схватила ее новая прокатная десяти тысячесильная машина, и в одну минуту превратила в длинный, играющий желтыми и синими огоньками рельс.

4.

— Разрешите благодарить вас, мистер Лентр.

Впереди под руку с лордом леди Александра.

— Я в восторге от листов в 14 фут. шириной и от проволочно-прокатной: ни одного живого существа при станах и восемь проволок сразу!

Проходили коридор Главного Управления из завода в город. На черных досках по стенам висели бесчисленные объявления о зрелищах, состязаниях, лекциях, митингах, о заседаниях клубных кружков: «Товарищи, не забудьте, что...» Мистеру Джереми запомнились крупно напечатанные слова:

— Мы и Англия.

— Наш металл на Востоке.

— Баку и Моссул.

В вестибюле у радиодона группа служащих слушала последние новости.

— Я хочу видеть вашего директора, мистер Лентр.

Подождал один из служащих и увел лорда Питта по широкой мраморной серой лестнице.

— У меня есть еще одна к вам просьба, мистер Лентр, — ласково из-под надвинутой маленькой шляпы смотрят темные звезды. Высокие ботинки, короткая тяжеловатая юбка, в руках высокая трость.

— Покажите, как живут у себя дома обитатели вашего Ильича, например... например, ваше жилище...

Мистер Джереми озадаченно покосился на леди Александру, но ничего не сказал.

По площади Ильича вокруг памятника весело носилась босоногая, слабо одетая детвора. Вдоль по радиусам, сколько было видно, сновала во всю ширину улиц оживленная толпа. Из приморского парка доносились забавные звуки.

— Что это, мистер Лентр?.

— Оркестр шумов.

— Шумов? это интересно. Вот еще что интересно, мистер Лентр: ваши улицы, пустоватые вчера, так оживлены сегодня. У вас сегодня праздник?..

— Вчера вы видали улицы после трех часов, а сегодня еще нет часу. Две трети завода спит от 10¹/₂ ночи и до 6¹/₂ утра, одна треть от 2¹/₂ дня до 10¹/₂ вечера, а от 6¹/₂ утра до 2¹/₂ дня никто не спит, и две трети всего населения учатся,

играют, тренируются, ведут дебаты, занимаются спортом, слушают музыку в парке, валяются на пляже, кому надо на работу — обедают и, наконец, просто ничего не делают: это тоже недурное занятие, не так ли, мистер Джереми?

Но этого мистер Джереми не понимал — знал, но не понимал.

— Видите ли, мистер Джереми... чуть ли не двадцать лет, не покладая рук, не доедая, не допивая, не досыпая, работая часто по двадцать часов в сутки, отказывая себе в отпусках, иногда в коротком даже отдыхе, в удовольствиях, буквально держа в одной руке винтовку, а в другой молот или серп, — создавали мы, камень за камнем, наш социалистический мир... А теперь...

Улыбнулся Лентр.

— А теперь, мистер Джереми, мы не прочь вспомнить, что еще в конце девятнадцатого века социалист Поль Лафарг написал книжку «Право на лень».

— Прогресс и цивилизация не любят лени, как природа не любит пустоты.

— Не цивилизация, мистер Джереми, а капитализм. Ну, а мы теперь не прочь. И работать не прочь, но и кое-что из работишки не прочь предоставить будущим поколениям, а то все сделаем, а им скучно будет.

Прошли радиус Артема, площадь Троцкого, Физико-Химический Институт, Дворец Физкультуры, Стадион и Факультет Общественных наук, свернули на дугу Спартака.

— Мы пришли.

Май Лентр толкнул увитую виноградом калитку и по короткой аллейке из круглых лип провел своих гостей к общежитию № 85. Вошли в вестибюль, дохнуло прохладой и чуть слышным запахом араукарий.

Поднялись по покрытой серо-голубым матом лестнице.

30. «Май Лентр. М—Б—10—22».

— Прошу!

Май толкнул дверь и ввел гостей в свои комнаты. Маленькая передняя и за ней, затененная портьерами и шторами комната. В ней очень темно-синие обои на две трети стены, над ними неширокий плоский, лакированного дерева бордюр, и выше без карниза, мягким изгибом стены, пере-

ходят в потолок. Что не оклеено обоями, покрыто белым лаком. В глубине ниши, образованной в комнате стенкой передней, широкий, от стенки к стенке, турецкий низкий диван, ковер в тон обоям, на низком столике футляр со скрипкой, дальше в простенке письменный стол, на нем низенькая ваза с чайными розами — больше всего любит Саранча — и серая папка с надписью: «Производственные исследования сплава «Ильич».

Даже английская тренировка изменила мистеру Джереми: чуть не вскрикнул и испуганно обернулся на Лентра. Нет. Ничего.

— Но что это?.. что это?..

Жесткая вертикальная линия прорезала лоб над переносицей мистера Джереми и две другие побежали от носа к углам рта. Рука леди Александры скользнула по руке «азиата», и еще неизвестным мистеру Джереми светом горело такое... желанное лицо.

— Можно?..

Ручка леди Александры вопросительно лежала на портьере во вторую комнату.

— Сделайте милость. Прошу вас, мистер Джереми.

— Ой, мистер Лентр, какая девичья комната...

5.

Директор по-английски говорил неважно, но понимать его было возможно, а сам он понимал все.

Никанорыч тоже.

С лордом Питтом столковались быстро: договор старый, количество рельс увеличено вдвое, сроки — на 50 процентов.

— Вытянем, Никанорыч?

— А для ча нет? Еще дешевле станет. Все готово, подписано.

На столе директора небольшой конверт со штампом: НКВТ. Рассеянно бродит около него рука директора.

— В 19... году со мной в Юзовке служил английский инженер Виккер, молодой был, а уже на дороге в начальни-

ки цеха. Не встречали ли такого в Англии, уважаемый заказчик?..

Лицо директора благодушно улыбається:

— Что прошло, то стало мило. Приятно иногда погрузиться в прошлое.

Легкая судорога прошла по лицу лорда Питта («опять проклятый тик»).

— Нет, к сожалению: Англия, все-таки, — скромная улыбка — достаточно велика, и инженеров в ней порядочно.

— Так. Благодарю вас, уважаемый заказчик. Если, может быть, встретите, — мой сердечный привет мистеру Виккеру. Филипп Виккер, member of Iron Steel Institute, уважаемый *лорд* Питт.

— Всего хорошего, уважаемый директор. Рад буду исполнить ваше пожелание.

— Всего хорошего, уважаемый заказчик. Яхта уходит?

— Завтра, вероятно, после полудня.

Лорд Питт, с достоинством неся свои пятьдесят восемь лет, удалился.

— Какому это Виккеру ты привет передавал, да еще «Member of Iron Steel Institute»?

— Да так, знал одного... — неохотно уклонился директор.

А рука все продолжала бродить вокруг пакета со штемпелем НКВТ.

— Вот!

Директор вынул из конверта бристолюскую карточку и протянул главному металлургу. Тот прочитал: «**Philip Wicker, Member of Iron Steel Institute**».

И отдал обратно.

7.

Обедали в «Москве» впятером: леди Александра, лорд Питт, лорд Перси, мисс Юз и Лентр. Мистер Джереми после переговоров с лордом Питтом внезапно уехал на яхту: по заключенному договору нужно было немедленно составить кое-какие справки для Англии.

Уходя, Джереми остановил долгий, жуткий, многовидящий взгляд на леди Александре и Мае Лентре: стояли,

наклонившись, у балюстрады, и вот-вот ветер смешает пепельные волосы леди со светло-золотистыми волосами азиатки.

Когда после зелени лорд Питт сообщил, что яхта уходит завтра после полудня, матовой палевых роз, что стояли в широких вазах по столу, стало лицо леди Александры и испуганно вскинулись темные звезды на лорда Питта.

— Почему так скоро? Почему изменен план? Думали пробыть не меньше недели...

В таком случае она ночует опять в городе и не вернется сегодня на яхту.

— Но, Александра, вечером на яхте мы принимаем мистера Лентра. Прошу не отказать, мистер Лентр. К восьми часам.

Лентр поклонился.

Личико леди Александры стало бледнее белой сирени, а затем внезапным огнем загорелись глаза и пунцовые розы прошли по щекам.

VIII. Что вы принесли...

1.

Только что Джо с Себом Дуффом сошли со схода на берег, как подкатил автомобиль, и из него, ни на кого не глядя, с невидящими глазами прошел на яхту мистер Джереми.

— Секретарь.

— Какой секретарь?

— Лорда Питта, мистер Джереми.

— Бразильская ты обезьяна, а не честный негр.

Себ Дуфф бросился обратно к яхте. Мистер Джереми, прямо глядя перед собой, походкой лунатика шел по палубе к кормовой рубке.

— Чорт побери! Чем же это так парня огрели?

Себ Дуфф вынул часы, посмотрел, положил обратно, потом вынул записную книжку и на ходу записал:

— До вечера, Джо. Жду вас всех к восьми часам.

Себ Дуфф быстро ушел в город, а Джо — сегодня было тоже неплохо — купил черешень полную шапку и уселся зади яхты на тумбу; как раз доплюнуть косточку до воды.

А было сегодня не плохо потому, что еще отроду не едал такого завтрака, как сегодня, черномазый Джо и не пробовал такого оглушительного рому и французского коньяку: здорово авансом угостили Себа мистер Джим, повар, баталер Билл Динг и он, Джо из Балтимора. Жаль, захворал стюарт, а то бы... Ну да ладно, обошлись и без него.

2.

На яхте мистер Джереми заперся в своей каюте, туда и обед подавал ему черномазый Джо. Стюарт не вставал с утра, а камердинер и горничная так заважничали, что мистер Джим хлопнул Джо по плечу и сказал:

— Произвожу тебя в стюарты на один вечер.

Джо захохотал и ответил:

— Ладно. Служил и стюартом на «Индиане».

Удачно умел иногда ответить этот Джо. Все-таки отвык и все боялся опрокинуться вместе с подносом.

3.

В пятом часу вернулись на яхту лорд Питт и лорд Перси: с леди Александрой решительно никакого сладу — осталась в городе.

— Ты опять злоупотребил кокаином, Перси?

Молчание. Перси ушел в свою каюту и щелкнул ключом.

Вызвал мистера Джереми.

— Сегодня решительный вечер, Филипп.

— Да, милорд.

— У вас все готово? Говорите, комната не запирается?

— Это не важно. Бигль отперет какой угодно замок в несколько секунд. Важно, что папка с документами лежит в его комнате.

— Как Бигль, Филипп?

— Затих. Попросил прибавку.

— Это к тысяче фунтов? Впрочем... если все будет удачно... нам это даст не одну тысячу фунтов.

— Даже и не одну сотню тысяч, и не один миллион, милорд.

— Да, Филипп, вы правы, на булавах экономить не следует.

— Особенно, если благодаря этому можно с'экономить на окиси углерода.

— И в этом вы правы, Филипп. Вообще, вы — умница, кроме, простите, тех случаев, когда в вас надо всем берет верх инженер.

— Вы это по поводу производительности домен, милорд?

— Да, Филипп, хорошо, что этот Лентр так далек от истины... А красивый он парень, Филипп, а?

Лицо мистера Джереми исказилось таким страданием, что лорд Питт испуганно протянул руку к звонку.

Джереми опомнился:

— Благодарю вас, милорд, все прошло.

— Значит, сегодня, как только стемнеет...

— Да, милорд. Как раз в то время, когда он будет здесь на яхте. Ваше дело любезного хозяина его задержать подольше.

— Слушайте, Филипп, может быть, можно не так сложно, без аппаратов?

— О нет, милорд. Команда, незнакомый человек, дежурный на сходнях, а потом, милорд...

— Договаривайте, Филипп.

— После всего, что вы мне там, в городе, сообщили о разговоре с директором, я боюсь, больше — я убежден, что за яхтой имеется наблюдение, и за нашими людьми тоже.

4.

Леди Александра исступленно-нежно — последний, самый последний раз! — обняла Мая и через секунду властно сказала:

— Вы повернетесь сейчас лицом к стене и останетесь так, пока я уйду.

Быстро оделась. Кое-как поправила волосы и сунула их в шляпу.

Хлопнула дверь.

«30. М.—Б—10—22».

Промелькнула серо-синяя лестница, араукарии.

Аллея круглых лип.

Как пахнут чайные розы.

Солнце близко к западу.

Позвала проходящий электромобиль, умела сказать только одно слово:

— Москва.

Шоффер понял и погнал машину.

Мягко шумел мотор.

В голове, многократно повторяясь, как дежурный мотив, звенела строка из любимого поэта:

Каркнул ворон — никогда.

— Пожалуйста, мадам.
Машина стояла у под'езда гостиницы.

5.

Май Лентр кончил писать и перечитал написанное.

— Так... Саранча должна знать все...

Вынул из серой папки «Производственные испытания сплава Ильич» конверт и надписал.

Зазвенел радифон.

— Да, я... слушаю... сейчас?... важно?... Через пять минут буду, товарищ директор.

Сложил все в папку.

В кабинете директор крепко пожал руку Мая Лентра и усадил его у окна.

— Смотрите, любуюсь каждый день.

На светло-палевом небе, как и вчера, рельефный черный контур: играла бробдиньяжья детвора в городки, да так и бросила чурки, на попа поставив. Шутники!

Директор положил руку на колено Лентра.

— Вот что, дорогой товарищ, рассказывайте ваши сегодняшние впечатления. Что вас, может быть, поразило, удивило, обратило внимание?

— Больше всего поразил секретарь этого лорда, мистер Джереми.

— Чем именно?

— Во-первых, такой тон...

— Мало подходящий для скромного секретаря?

— Именно.

— А во-вторых?

— Во-вторых, чувствуется опытный инженер.

— Да? Подробнее, пожалуйста.

— Какой же это секретарь, когда он смотрит на горн домны и в достаточной степени точно определяет суточную производительность. Задает вопрос: не мало ли нам двух микстеров?

— А их в самом деле маловато.

— Вот именно. Интересовался раскислителями. Видал у Круппа АМС.

— Ага. А лорд?
— Лорд? Помалкивает. Пригласил вечером на яхту.
— Вот ка-ак... Пойдите, непременно пойдите.
— Слушаю, товарищ директор.
— Одно только, дорогой Лентр: все время помните, что иметь анализ «Ильича» есть много, очень много охотников... Еще один вопрос: леди?
— Леди какой-то чужой человек среди них. Ее, видимо, жизнь и обычаи города занимают больше всего прочего.
— А завод?
— Только как невиданная еще картинка.
— Видная женщина, товарищ Лентр.
Лентр молчал. Было почти совсем темно, и директор краски на его щеках не заметил.

6.

Без четверти восемь. Аккуратность — вежливость не только королей. Май Лентр бросился домой, вывел из гаража электроциклетку, вбежал наверх, схватил из серой папки письмо и конверт, на бегу запечатал, без восьми восемь в вестибюле «Москвы» сдал письмо.

— Пожалуйста, товарищ, в № 130. Нет дома?.. Когда придет.

Опять раздражала длинная лестница: материалу не жалко.

Без двух восемь электроциклетка остановилась у схода «Астис», и мистер Джим бережно ввел ее на яхту.

Поздний английский обед затянулся. Понравился шамбертен.

Много пили все трое англичан: угнаться за ними не мог, да и не хотелось. Все ждал, не покажется ли леди Александра, и поглядывал на пустой стул во главе стола. Туда же смотрел мистер Джереми. С утра он изменился. Молчал. Суровые глаза, складка от переноса вверх, складки от носа вниз. Как будто стиснутые зубы. Вышел только к самому обеду, и таким душным холодом повеяло от него на Лентра.

Интересно и живо рассказывал лорд Перси свои впечатления от последнего восстания сипаев в Индии. Сипаи овладели воздушными портами, и плохо бы пришлось доб-

рой старой Англий, если бы воздушными волнами не удалось взорвать бензин.

Около десяти часов мистер Джереми извинился и вышел, а через десять минут у двери в салон снаружи завязалась какая-то борьба: кто-то кого-то удерживал, кто-то рвался в салон, кто-то за кем-то гнался — потом заглушенные вскрики и выстрел.

Встревоженный лорд Питт извинился и вышел наружу, за ним последовал лорд Перси.

Все стихло. Вернулся мелово-белый Перси:

— Лорд Питт просит извинить его, мистер Лентр: на яхте случилось несчастье — ранен мистер Джереми. Лорд остался у него.

В рубке перед салоном виднелись следы крови, а в углу валялись белые скомканные и разорванные бумажные лоскутки. Пришла Джени, горничная, смыла кровь и щеткой смела лоскутки на палубу. С палубы лоскутки подхватил вечерний бриз и унес в море.

Лентр нашел свою электроциклетку и через десять минут был в вестибюле «Москвы».

— Товарищ Тролен?

— Еще не возвратилась.

К Кушу.

— Ни, сынку, не було. Да ты шо такий? Як трохи с глузду з'ихав?... Эге-ге... А ну, стара, мы тут побалакаем... Англичанка?... бачив... гарна баба... тилько Саранча лучше... Ну мовчи, мовчи... и не треба... и так бачу.

Другой, совсем светлоликий, дядя Павло, спокойный, ласковый и такие грустные многовидавшие глаза.

— Перемелется, сынку, мука будет. Иди, спи. В бога б верив — перекрестив бы. Иди.

Когда Май вошел в свою комнату, серой папки «Производственное испытание сплава Ильич» на столе не было.

Не было ее и под столом, не было и на полу.

7.

Как только стемнело совсем, рядом с окном каюты мистера Джереми открылся небольшой порт, из него в воду

упала узловатая веревка и провод с бронированной лампой. По веревке в воду спустилось существо с огромной головой и небольшими цилиндрами у каждого бедра. В воде существо стало на дно, зажгло лампу: маяк. Вытащило светящийся компас, такой же шагометр и, дыша сгущенным кислородом из цилиндров, взял курс NOO. Через тысячу шагов по песчаному дну голова вышла из воды, можно было открыть клапан и дышать атмосферным воздухом.

8.

Бигль шел минут десять по грудь в воде. Порт лежал в расширенном устье реки, и Бигль находился на мелководье, как раз против пристаней заводских теплоходов. Пройдя еще полкилометра, Бигль закрыл клапан, перешел под водой на противоположную сторону и вышел как раз против спусковых труб биологической станции. Осторожно высунил свой шлем и осмотрелся. Пусто. Выбрался наружу. Оттянул от горла шлема тугую резину скафандры, снял скафандру со шлемом совсем, спрятал под трубами и оказался в белом, как любой обитатель Ильича. Вынул карту Ильича и с карманным фонариком посмотрел. На яхте карту изучал усердно и долго.

Правильно, как раз здесь. Вот что значит талант ориентироваться! Теперь сюда, сюда и сюда по красной черте до самого крестика. Пощупал в кармане универсальный ключ: ко всем замкам.

— Ну, теперь пустяки.

Через десять минут был на площади Ильича. Теперь радиус Артема. Так. Есть. Дуга Спартака. Так. Фонарь — Общежитие 85. Второй этаж, комната 30. Она самая. Попробовал. Заперта. Эге. Ну это пустяки. Раз — готово. Серая папка на письменном столе. Посветил фонариком. Она самая. Пожалуйста сюда. Две тысячи фунтов здесь. Всего доброго, сэр. Дверь все-таки запереть. Готово.

Через час Бигль поднялся в свою каюту и втащил за собою узловатую веревку и маяк.

9.

Меньше, чем через четверть часа два сотрудника Госполитуправления были в комнате Мая Лентра. Вынули из футляра аппаратик — маску с длинным проводом от носа и круглым — мембрана от граммофона — приемником на конце провода. Приложили к ручке двери.

— Так.

Улыбка.

К столу.

Так. Опять резина.

К полу в разных местах.

— Великолепно! Эти запахоуловители ведут себя лучше всякой ищейки. Идемте, товарищи.

Запах резины привел к трубам биологической станции.

— Ого! Здесь резиной несет невыносимо... и еще... еще... Ага! Запах меди и свинца. Так! Следы ушли в воду. Странно. Уехали в лодке? Идем, товарищи. Теперь нам нужен телефон. Вы, товарищ Лентр, можете идти спать. Определенное мнение мы уже имеем. До 7 у директора.

От своего тяжелого сна — первый раз за всю сознательную жизнь — Май Лентр проснулся рано. И сразу — голодные псы в открытую комнату с пищей: долго толклись перед дверью и скребли нетерпеливыми лапами — сразу ворвались в сознание тяжелые мысли. Вот оно, что такое страх и тревога.

В семь часов был у кабинета директора.

— Слыхали, товарищи, новость: оба порта взволновало — в старом городе на берег выбросило море донную мину изготовления 1912 года. Где-то столько лет сидела и вот вынырнула. На тебе.

Группа служащих прошла дальше. Из кабинета директора вышел начальник Госполитуправления и с ним оба сотрудника, бывшие у Лентра.

— А, товарищ Лентр, идемте,

Вернулись в кабинет.

Директор спокойно слушал Мая Лентра и постукивал по столу.

— Я, пожалуй, сделал ошибку, что заранее не показал вот этого. — Директор протянул Лентру фотографию сурового мужчины из пакета НКВД.

— Джереми! — вскрикнул Лентр.

— Филипп Виккер, главный инженер металлургического завода при предприятиях лорда Питта. Теперь не в этом дело. Ясно, что документы на яхте. Доставать их и шумно, и бесполезно, и поздно. Достаточно, если его прочитал этот Джереми.

— Джереми вчера ранен, товарищ. директор.

— Что-о?! Где, кем, почему?

— Кем, не знаю, почему — тоже, ранен на яхте огнестрельным оружием.

— Так... может быть, это упростит дело.

Директор задумался. Потом в глазах забегали огоньки:

— Вы слышали, товарищ, о выброшенной морем мине?

— это к начальнику Госполитуправления.

— Не только слышал, но даже предупреждения по всему морю разослал.

— Это удачно, а я только хотел вас просить это сделать.

— Уже час, как сделано.

— Ладно. Так вот что: мы, хочешь не хочешь, вынуждены будем сделать... Простите, товарищи, оставьте нас вдвоем... Товарищ Лентр, вы свободны.

Май Лентр направился в завод, оба агента вышли из кабинета. Оттуда скоро послышался громкий голос директора: говорил по радиофону.

— Торл?... Не найдется ли у тебя... — перерыв, не слышно... — да-да... на мелком месте... под корму... что ж делать... опять перерыв... — правильно... ты понятливый парень, Торл!

Никогда еще так длинно не тянулась смена. Электрические часы тянули свои стрелки, как древние кубанские волы тяжелый плуг. Выпустил плавку. Сталь лилась не как живая, добрая сталь, а как какая-нибудь полужастывшая коксовая смола, как сапожный вар.

Пришел дядя Куш,

Рассказал все по порядку.

— Ермак знает?

Так завод звал директора за поражающее сходство с известной статуей Антокольского,

— Конечно.

— Тогда все ладно. Этот хлопец ни перед чем не останавливается. Я теперь за головы этого Питта и Веккера — ой жалко парня — ломаной копейки не дам.

Наконец-то! Кубанские волны дотащили свой плуг до трех часов.

У самого памятника стояла Майя. Родная, близкая, любимая зеленоглазая Саранча.

Пошел прямо.

По родному, чуть укоряюще улыбаются зеленые очи:

— Негодный кубанский бродяжка, Ванька! Отшлепать бы тебя, да некому: и глаз не кажет, и глупости какие-то присылает. Это что еще такое?

Майя протянула вчетверо сложенный лист.

— Ма... Майя... ласточка...

Как безумный схватил Май тут же на улице в объятия Саранчу, подпрыгнул как теленок, и с письмом бросился к главному зданию.

Прямо к директору.

10.

— Ну, вот и ладно, вот и обошлось. Поздравляю тебя, голубчик Май! Иногда, вишь, и темнота на пользу. Возьми, да прячь покрепче.

Директор протянул обратно Маю вчетверо сложенный лист: протокол производственного обследования сплава «Ильич» со всеми анализами и формулами.

— Говоришь, все на одном листе было? Ну ладно. Иди, отдыхай. Привет товарищу Тролен. Хорошая артистка. Последний раз в Москве видал.

Май ушел. Директор позвонил Торлу.

— Отменить... Что?... Ну... ну-ну... я тебе дам попугать.

11.

От нетерпения Бигль не знал, что делать. Стучал несколько раз в каюту этого мистера Джереми, а тот как в воду провалился.

— Все обедают, чорт бы их взял.

Выпил остаток коньяку и портвейну. Одиннадцатый час. Шаги в соседней каюте. Щелкнул замок. Постучал.

— Алло?..

— Вы здесь, мистер? Я уже вернулся.

— Успешно?

— Вполне.

Стенка ушла вверх.

— Идите сюда, Бигль.

Бигль нагнулся и с серенькой папкой в руках вошел в каюту мистера Джереми.

— Эта?

— Эта самая. Молодец Бигль.

Затем Бигль хорошенько не может припомнить, как все произошло: так все было неожиданно и быстро.

Мистер Джереми жадно схватил серую папку и раскрыл. Лежал исписанный кругом, на все четыре страницы, лист, конверты и чистая бумага. Мистер Джереми начал читать лист и вдруг с изумлением сказал:

— Что вы принесли, Бигль?

И чем дальше читал, тем землистее и зеленее становилось лицо. Бигль ушам не поверил: железный Джереми рыдал, как обиженная женщина, и все повторял:

— Что вы принесли... что вы принесли, Бигль...

Потом поднял голову, вперил глаза в стенку, сидел, как лунатик, тянул левой рукой из правой лист, рвал и комкал, рвал и комкал.

Затем вскочил, вытащил из ящика револьвер, бросился из каюты, бежал и кричал:

— Я его убью... убью...

Бигль выглянул из каюты и видал, как за Джереми бежал испуганный гигант, камердинер лорда, оба скрылись на лестнице. Затем выстрел, и в каюту внесли мертвого мистера Джереми.

12.

Стюарт был все еще болен.

Когда утром Джо убирал бутылки и пустые тарелки из каюты мистера Джереми, то с ужасом смотрел на восковое мертвое лицо с черным, опаленным виском.

Схватил бутылки и бегом бросился из каюты.

На лестнице споткнулся.

Дзинь...

— Невелика беда. Только подобрать осколки... А это что?

От бутылок отскочили ярлыки, и на одном из них было написано: «Вилли, кажется, все пойдет прахом. Я принес что-то не то, что требовалось. А тут еще этот дурак вздумал застрелиться. Не робей все-таки. Из горла вытащим».

Джо прочитал, посмотрел и спрятал.

— Ничего не понимаю. Надо будет спросить у Себа.

Когда он проходил мимо каюты радиографа, там сидел лорд Питт, а телеграфист выстукивал:

«... Ваш уважаемый супруг, наш дорогой помощник, сэр Филипп Виккер вчера внезапно скончался».

13.

После обеда, сидя на темно-синем турецком диване в нише комнаты 30, общежития 85, Май Лентр рассказал Саранче все. Ничего не утаил.

— Зачем ты это делаешь, родной мой? — прислонилась головкой.

— Что, ласточка?

— М... м... мне это р... р... рассказываешь? Чего человек не знает и не... не... узнает никогда, то... то для него не существует, то... того не было. Слышишь, Май... того и не было.

Тихонько плакала девочка из ящика под вагоном.

— А вот теперь...

Поднялась:

— Теперь дай мне успокоиться, Май.

IX. Почти конец.

1.

Прошел май, промчался июнь и июль. В августе пошли длиннее ночи, холоднее стали утренние зори, зацвели георгины, золотые шары и астры, розы стали реже и мельче. Над желтою оголенною степью носились куропатки, перепела, дрохвы, и стрелами резали поясневший воздух ястребы.

В двенадцать часов ровно, после третьей сирены, сняли сходни на берег, отдали кормовые, и лебедка глухо застрекотала на носу: вирали якорь.

Два колокола. Три колокола.

— Стоп вирать!

Отдали носовой. Затренькал машинный телеграф, и теплоход Азовско-Крымской линии малым ходом стал выбираться из порта в открытое море. В Крым.

По левому борту пошел заградительный мол, длинный — три километра.

Уже нельзя различить на пристани, где Виэль, Куш, где стара.

Опять затренькал телеграф.

Теплоход пошел полным ходом, и далеко в обе стороны от носа побежали высокие борозды.

Быстро убежал вдаль Ильич, старый город, громады морского порта, длинной линией темнела деревьями дорога из города в порт. Стал порт голубеть, синеть, надел Ильич сиреневую вуаль и только долго видна была в облака ушедшая игла — стодвадцатиметровая труба. Единственная на весь завод. Дыму из нее не было видно.

На мостике над кормовой рубкой, лицом к корме, рядом в двух корабельных креслах полулежали Май и Майя. Очередной отпуск, Совсем ничего не делать, и Крым.

Майя закрыла книжку и долго, неподвижно смотрела вдаль: слушала свою душу.

— Слушай ты, буйный Май... — помолчала, глядя в одну точку. — А как мы назовем нашего сына, Май?

2.

В это время, на другом конце старой Европы, на берегу серо-зеленого моря, на песчаном пляже Остенде, в крытой кабинке полулежит женщина. Бродяжка-ветер заглядывает под навесик кабинки и шевелит пышные, пепельные волосы.

По похудевшему личику пробегают зарницами розы и тихой радостью-грустью светятся темные звезды-глаза.

— Синеглазый мой... скиф мой любимый...

Глухо шуршат по песку зеленые волны.

И многократно повторяясь, звенит как дежурный мотив строка из любимого поэта:

Каркнул ворон — никогда.

П. ОРЛОВЕЦ

КУЗЬКА ДОБРОХИМ

Фантастическая повесть

БИБЛИОТЕКА ШКОЛЬНИКА.
П.Орловец.

КУЗЬКА ДОБРОХИМ.

ИЗДАНИЕ Г.Ф.МИРИМАНОВА.МОСКВА.
1924.

БИБЛИОТЕКА ШКОЛЬНИКА.
П.ОРЛОВЕЦ.

КУЗЬКА ДОБРОХИМ.

РИСУНКИ А.Ф.АНДРОНОВА.

ИЗДАНИЕ Г.Ф.МИРИМАНОВА.

1 9 МОСКВА. 2 4

Кузька Доброхим.

Вот поди же ты!

Кажись, никакой мудрости особой тут не было, а вышла такая штукавина, что Кузька чуть жизни не лишился!

Гляди, какое дело известка!

Сколько раз в ней копался — и все ничего. А тут полил ее из какой-то склянки, и вышла беда.

Да еще какая беда! Хорошо, что Степан Сергеевич вовремя подоспел, а то бы стащили Кузьку на кладбище.

Был Кузька — и не стало бы Кузьки!

Прощай тогда Кузькина жизнь!

А, впрочем, надо рассказать все по порядку.

Кузька уже 2 года жил в городе.

Отец его был крестьянин, имел, как и все крестьяне, надел, избу, небольшое хозяйство, а в свободное время столярничал, прирабатывая копейку.

Мать хозяйничала, стряпала, ходила за скотиной.

В этой среде и вырос Кузька.

Когда пришла пора, Кузьку отдали в школу первой ступени, а так как мальчишка он был способный, то и кончил благополучно школу без всяких задержек.

Но уже с последнего года учения парень обнаружил стремление в город.

Уж больно много занятного рассказывали про Москву ребята, побывавшие там.

И дома-то там чуть не до облаков, и машины разные по улицам без лошадей бегают, и свет без керосина в домах горит, надо только винтик повернуть, и клубы там и собрания разные, кинематографы на каждой улице — словом, всего довольно.

Егорка Петров — тот в комсомол в Москве записался и про работу комсомольцев много рассказывал.

Кузька заявил отцу: — Свез бы меня в Москву.

Вот поди ж! Ребята, а живут совсем не так, как деревенские ребяташки!

Все знают, об общей пользе заботятся, на собраниях вопросы разные решают, свои газеты и журналы имеют.

Опять же и работать, и учиться многие продолжают.

Там тебе и школы второй ступени, и вузы, и вечерние курсы разные.

Иди, куда сердце тянет.

Долго Кузька раздумывал, да, наконец, и заявил отцу:

— Свез бы меня в Москву. Надо дальше учиться. А выучусь — тебе же помощь будет.

И учитель Кузьку поддержал:

— Парень способный. Хорошо бы ему в городе поучиться.

Подумал, подумал Семен, посоветовался с женой и свез сына в Москву к своему дяде.

Дядя его работал на химическом заводе и жил хорошо.

У него и пристроили Кузьку.

В это время ему стукнуло четырнадцать лет.

Кузька быстро освоился с городом.

Перво-наперво перезнакомился со всеми ребятами во дворе.

От них узнал и о комсомоле.

Послушал-послушал, и сам в комсомол записался.

Стал в клуб ходить, в читальню, стал комсомольскую газету „Молодой Ленинец“ читать, доклады слушать, словом, от других не отставал.

А там и на место поступил.

В лабораторию завода понадобился мальчик для разных мелких услуг и посылок.

Дядя узнал об этом и предложил Кузьку.

Кузьку водили к инспектору труда, так как по закону запрещалось брать в работу детей моложе четырнадцати лет, а когда такая надобность случалась, надо было непременно получить разрешение трудового инспектора.

Дело обошлось.

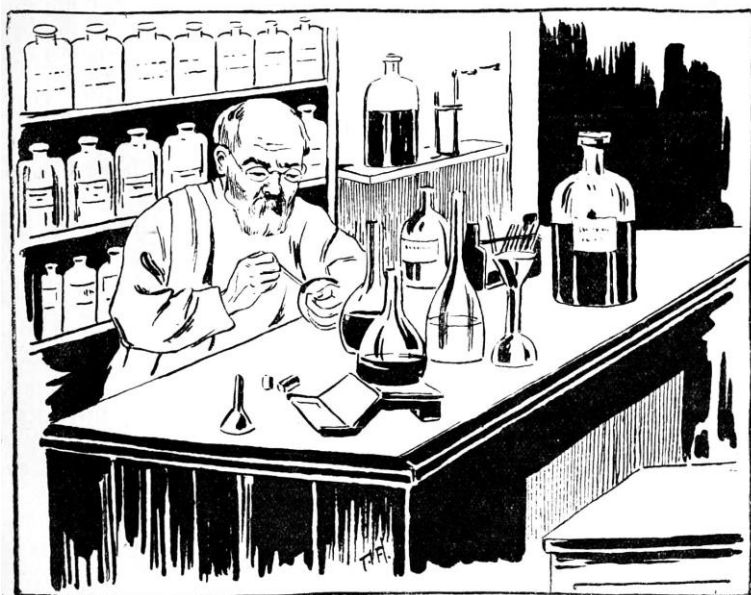
Кузька получил разрешение и поступил на место.

Кузьке лаборатория понравилась.

Она состояла из нескольких комнат с длинными, мраморными столами и стеклянными шкапами, заставленными разной посудой.

Чего-чего тут только не было!

Банки, склянки, реторты, колбы, стеклянные и металлические трубки, разные приборы, кипяильники, неизвестные машины, целая аптека с пузырьками и бутылками, в которых хранились разные жидкости, порошки, кристаллы, словом, всего не перечить!

В этой комнате работал пожилой человек по имени Степан Сергеевич.

И на каждой банке, на каждом пузырьке и бутылки — ярлыки, и на тех ярлыках что-то непонятное написано.

С утра в лабораторию приходили люди. Они одевали белые халаты и работали.

Их называли лаборантами.

Народ серьезный, солидный, за все с осторожностью берутся, словно банки и склянки кусаются.

Из третьей комнаты дверь вела в четвертую, маленькую.
В этой комнате работал пожилой человек, по имени Степан Сергеевич.

II.

Кузька узнал, что это знаменитый химик, очень ученый и всеми уважаемый.

Он-то и приставил к себе Кузьку.

Работа была не то чтобы трудная, а кропотливая.

То посудины разные мыть, то подавать разные снадобья, то мешать их, то ставить по местам, то огонь разводить, спиртовые лампы зажигать, воду кипятить.

И все по указке Степана Сергеевича.

Сам Степан Сергеевич добреющим оказался. Кто-то Кузьке рассказал, что он сын рабочего и сам дорогу себе в жизни пробил.

При царе в „политических“ состоял и в ссылке даже был, а после Октябрьской революции в партию коммунистов вошел и не покладая рук работал.

Кузьку он сразу полюбил.

Парень разбитной, грамотный, способный — как не полюбить!

С ним и стал работать Кузька.

Сначала просто исполнял приказания, потом присматриваться начал.

Вот только надписи все дело портили.

Написано на ярлыке что-то, а что — неизвестно.

Кузька даже обиделся и Степану Сергеевичу об этом сказал.

А тот смеется:

— Это, говорит, по латыни... на латинском языке. Хочешь, я тебя читать научу?

Чего ж не хотеть!

И что же! В полгода так выучился, что читать стал по латыни и даже разные названия запомнил.

Степан Сергеевич, бывало, только улыбается.

Нарочно скажет:

— Подай-ка, Кузя... и завернет словечко по латыни.

И Кузька подает без ошибки.

Кузька и на службу ходил, и самообразования не забывал. На общеобразовательные курсы по вечерам ходил, библиотеку посещал, иногда и в театры заглядывал, в лаборатории к работам присматривался.

А поглядеть было на что.

Раз как-то взял Степан Сергеевич большую закупоренную бутыль, открыл ее и будто переливает из нее что-то в банку.

И благо что-нибудь в бутылки бы было, а то и диво, что бутылка пустая.

Кузька даже рот разинул.

— Спят ли что ли Степан Сергеевич, что из пустого в порожнее переливает?

Не вытерпел, спросил.

А Степан Сергеевич и говорит:

— Какая же она порожняя? В ней — газ.

III.

И он подробно объяснил Кузьке, что это за газ.

Кузька еще со школьной скамьи знал, что воздух состоит из газов — кислорода и азота, но забыл про углекислый газ.

Об нем-то и напомнил ему Степан Сергеевич.

— Воздух состоит из трех газов: кислорода, азота и углекислого газа. Кислорода одна пятая часть, азота — четыре пятых, а углекислого газа всего 3-4 части на 10.000 частей воздуха.

И он дал понюхать Кузьке бутылку с газом.

Запах был какой-то кислый, тяжелый.

— Это — ядовитый газ. Если в него посадить какое-нибудь живое существо, оно задохнется, — объяснил Степан Сергеевич. — Газ этот тяжелее воздуха, и, хотя он невидим, но его можно переливать, как воду, из сосуда в сосуд. И чем меньше в воздухе углекислого газа, тем лучше воздух.

Кузька заинтересовался:

— Где же его меньше?

— Углекислый газ образуется при горении, гниении и дыхании. Кто дышит, тот выдыхает из себя углекислый газ. Вот почему и в комнатах, где собирается много народа, дышать тяжело, — ответил Степан Сергеевич. — Наоборот, растения поглощают этот газ, и поэтому в лесу такой хороший воздух.

С этого опыта все началось.

И тут же он, к великому удовольствию Кузьки, показал, как добывается этот газ.

Он взял бутылку с широким горлом, положил в нее мелких кусочков мела и закрыл пробкой с двумя дырочками.

В одну из дырочек он вставил стеклянную трубку с воронкой, так что конец трубки доходил до дна, а в другую — небольшую изогнутую трубку с резиновой трубкой на наружном конце, и свободный конец этой трубки опустил в другую банку.

Затем, взяв уксусной кислоты (можно взять и серной, и соляной), он налил ее через воронку в сосуд с мелом и закрыл воронку пробкой.

Кузька увидел, как из мела тотчас стали подыматься пузырьки.

— Это выделяется углекислый газ, — пояснил Степан Сергеевич. — Он сначала вытеснит из бутылки хороший воздух, а потом сам потечет через трубку в банку.

И верно. Хотя Кузька и не видел, как течет газ, но когда понюхал кастрюлю, то сразу почувствовал кислый запах, а когда Степан Сергеевич опустил в банку горящую спичку, то она сразу погасла.

С этого опыта все и началось.

Кузька заинтересовался химией и даже приобрел себе начальный учебник по химии.

IV.

Оно, конечно, химия — хорошая вещь, но все же Кузька чуть было не отправился на кладбище из-за этой самой химии.

И вышло это совершенно случайно.

Как-то раз Степан Сергеевич по обыкновению работал в своей лаборатории, а Кузька помогал ему.

На столах стояли банки и бутылки, а на одном из столов было насыпано фунтов десять извести.

Степан Сергеевич за чем-то вышел, приказав Кузьке убрать в шкаф большую бутылку с соляной кислотой.

Перед тем в чане кипятили воду, и в лаборатории было парно.

Дверь комнаты была по обыкновению плотно прикрыта.

Кузька взял бутылку, сделал два шага и вдруг, споткнувшись обо что-то, с размаха грохнулся на пол, уронив открытую бутылку прямо на хлорную известь.

Сначала он не придавал этому большого значения.

Он только опешил от того, что пролил кислоту.

— Достанется мне! — мелькнуло у него в голове.

Первой мыслью у него было собрать и выбросить мокрую известь.

Но тут же он передумал.

— Высохнет, — решил он. — А если убрать — заметно будет!

Он поднял наполовину вытекшую бутылку, закупорил ее, поставил в шкаф и занялся мытьем стеклянной посуды, не замечая, что с известью происходит что-то неладное.

Прошло несколько минут.

И вдруг — началось.

Кузька почувствовал какой-то странный, раздражающий, неприятный запах!

Первое время он не придавал этому большого значения.

Он только тогда обеспокоился, когда заметил, что комната как бы завлакивается паром, а противный запах усилился еще больше.

— Не открылась ли какая склянка? Мало ли тут всякой дряни! — мелькнуло у него в уме.

И он заметался по лаборатории, стараясь найти открытую склянку.

А запах становился все ужаснее, все тяжелее.

Кузька почувствовал вдруг, что задыхается.

Но ему как-то не пришла в голову мысль поскорее открыть дверь и окна и позвать на помощь.

Его охватил ужас.

Вне себя от страха, он продолжал метаться по лаборатории.

В голове у него шумело, дыхание захватывало.

Он пробежал по комнате еще раз-другой и вдруг опустился на пол.

Весь обессиленный, задыхающийся, лежал он в растяжку на полу.

В этот момент дверь открылась, и в лабораторию вошел Степан Сергеевич.

И было как раз вовремя.

Еще несколько минут, и от Кузьки остался бы один труп.

Опытный химик сразу почувствовал противный запах.

— Хлор! Откуда взялся здесь хлор?! — крикнул он.

Быстрым взором окинув лабораторию, он увидел на полу распростертого мальчика.

Не понимая еще того, что произошло, он задержал дыхание, пробежал несколько шагов и, схватив Кузьку на руки, вынес его в другую комнату.

Поднялся переполох.

Прибежали лаборанты, рабочие.

Один из лаборантов, узнав о хлоре, задержав дыхание, бросился в комнату и открыл окна.

Кузьку вытащили во двор и дали чего-то пить.

И только после того, как лабораторию проветрили сквозняком, Степан Сергеевич понял, в чем дело, взглянув на сырую известь, от которой подымался противный запах.

V.

Кузька пролежал несколько недель в больнице.

Он исхудал и побледнел, но все же оправился от отравления хлором.

И только встретившись со Степаном Сергеевичем, он понял причину своей болезни.

— Ты отравился газом хлором,— объяснил ему Степан Сергеевич, узнав про разлитую кислоту. — Этот ядовитый газ получился из хлорной извести, когда ты вылил на нее кислоту.

И, указав на плотную закупоренную бутылку, он прибавил:

— Этот газ можно добывать и из простой поваренной соли, в которую он входит в количестве шестидесяти процентов.

— Этот газ, желтовато-зеленоватого цвета, имеет в настоящее время огромное значение.

Да, теперь Кузька и сам понял, какое значение мог иметь проклятый газ для него самого!

— Еще немножко — и умер бы! — думал Кузька.

И вдруг ему пришла в голову потешная мысль:

— Вот бы тараканов этим газом переморить! Чай, все бы передохли!.. И клопы — тоже.

Ему вспомнилась родная изба в деревне, где так и кишели тараканы.

— И откуда только эта пакость берется!

Уж чего-чего только ни делала мать!

Каждую зиму морозила их, да где там! Выморозят, целую гору выметут, а они, глядь-поглядь — опять расплодятся.

Опять же, и клопы.

И кипятком стены ошпаривали, и у прохожего татарина бутылку с каким-то снадобьем покупали — ничего не берет.

Душу всю вымотали.

— Дать бы им этого газу, ни одного бы не осталось.

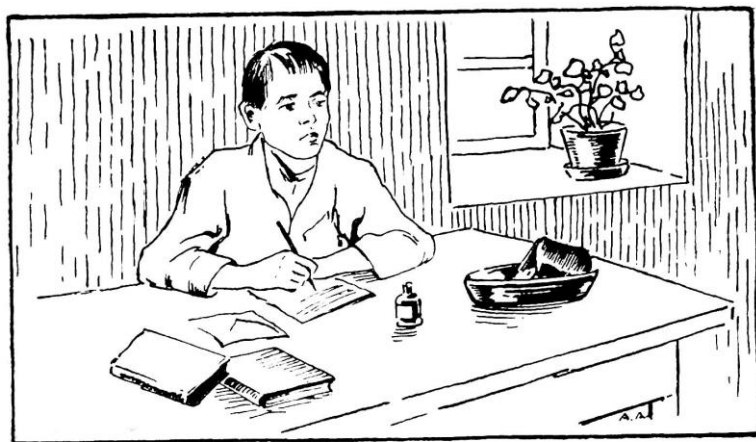
Кузьке положительно понравилась эта мысль.

— Обязательно напишу матери, — решил он.

И, улучив минуту, он сообщил об этом Степану Сергеевичу.

Кузька думал, что химик засмеет его, но Степан Сергеевич и не подумал смеяться.

— Да, хлор убьет все живое, — ответил он. — Его часто употребляют для дезинфекции, то есть, когда в помещении надо обезвредить воздух и все находящееся внутри. Если в доме был заразный больной, после него в воздухе, на стенах и на предметах остаются заразные бациллы, которые могут заразить здоровых. И, чтобы их убить, люди делают дезинфекцию.

Обязательно напишу, — сказал Кузька.

И он рассказал, как надо дезинфицировать помещение хлором.

— Сначала надо заклеить бумагой все щели. Потом, кладут в таз раскаленные камни и поливают их водой, чтобы в помещении образовался пар. Затем берут чашку, кладут в нее хлорной извести (для избы довольно два килограмма) и обливают ее соляной кислотой (тоже два килограмма), а сами уходят и, заперев плотно дверь, оставляют ее в таком виде часов на двенадцать, а то и сутки.

— Обязательно напишу, — еще раз решил Кузька.

И действительно написал.

Случай с хлором заставил его заинтересоваться еще более химией.

А тут подоспело и другое. В Республике образовалось общество под именем „Доброхим“.

Воззвание товарища Троцкого прокатилось по всей Федеративной Республике и нашло живой отклик в сердцах граждан.

В городах и селах стали быстро создаваться ячейки нового общества, отовсюду стали стекаться пожертвования.

О Доброхиме печатали статьи в газетах и журналах, говорили на собраниях и сходках.

Кузька с удовольствием слушал оратора-комсомольца, сказавшего отличную речь в клубе.

— Уроки прошлой войны не должны пропасть даром. Еще до этой войны никто не придавал особенного значения химической войне, — говорил оратор. — А, между тем, химия сыграла в войне большую роль. Благодаря ей, Германия чуть не одержала победу над своими противниками, и, без сомнения, одержала бы, если бы ее противники не взяли с нее пример. Они тоже научились делать губительные газы и на газовые атаки германцев стали отвечать такими же газовыми атаками. Время меняет все. Еще сравнительно недавно никто не верил в серьезную воздушную войну, а теперь боевые воздушные флоты уже носятся по воздуху, и скоро, пожалуй, сделают ненужными все военные корабли.

— Правильно! — подумал Кузька.

— До сих пор для войны требовались пушки, — продолжал оратор. — Но пушки в настоящее время оказались не

очень разрушительными для бетонных построек, тогда человечество пустило в ход ядовитые газы. Туда, куда не мог проникнуть снаряд, смог проникнуть газ. Он, этот газ, стекая по земле, проникает во все щели, во все окопы и траншеи, как бы глубоко они ни находились под землей. Старые способы войны отживают, нарождается новая война — химическая.

V.

И мы, граждане свободной России, должны быть готовы к ней.

Не для того, чтобы нападать и кого-то и что-то завоевывать! Нет, мы не имеем таких целей! Но у нас слишком много врагов. Мировой капитал — вот наш страшный враг. Капиталисты всего мира ненавидят нашу юную коммунистическую республику? и ждут лишь подходящего случая, чтобы задавить наш трудовой народ.

— Так, так! — думал Кузька, слушая оратора.

А тот все говорил и говорил.

— Мы не желаем нападать, потому что мы — враги войны, но мы обязаны защищаться, когда нас захотят бить. И не только ради себя, но и ради всего человечества! Мы — авангард мировой революции, и мы не позволим капиталистам уничтожить то, что добыто нашей кровью, мы не допустим, чтобы народная свобода погибла. А для этого мы должны быть готовы к борьбе. Но, если старые способы войны отживают свой век, мы должны быть готовыми к новой войне. И мы будем к ней готовы.

„Доброхим“ — это организация народная. Каждый сознательный гражданин должен принимать в ней добровольное участие по мере сил.

Оратор сделал небольшую передышку и продолжал:

— Но наш Доброхим преследует и мирные цели. Вы сами знаете, как губят на юге наши посевы разные вредители — полевые мыши, суслики, овражки, саранча! Доброхим будет защищаться не против одних врагов — людей, но и будет бороться с этими вредителями, губящими огромные площади посевов. Будет бороться и против эпидемий, унич-

„Доброхим“—это организация народная“, — говорил оратор.

тожая вредных бактерий; будет помогать земледельцу, — вырабатывая искусственные удобрения, чтобы улучшить урожай веками истощенной земли. Все за Доброхим! Да здравствует наше новое общество!

Гром аплодисментов покрыл слова оратора.

— Между химической обороной страны и ее мирной химической промышленностью существует теснейшая связь. И для того, чтобы быть готовым к обороне страны, необходимо развить мирную химическую промышленность.

Этимися словами оратор закончил доклад.

И молодежь долго еще волновалась, обсуждая его слова и советуясь, как лучше начать дело.

А Кузька снова вспомнил про тараканов и клопов,

Это тоже были внутренние враги, от которых никому в доме не было покоя.

VII.

— Апчхи!

Кузька так чихнул, что даже склянки зазвенели на столе.

— Апчхи! — чихнул в ответ Степан Сергеевич.

— Ух как... — начал, было, Кузька, но не закончил. — Апчхи!

— Апчхи! — отозвался Степан Сергеевич.

Кузька разинул рот, хотел снова что-то сказать, но в носу так и засверлило

— Апчхи! Чхи! Апчхи! — зачихал Кузька без удержу.

— Апчхи!... А-ап-чхи! — чихал Степан Сергеевич.

Кузька несколько раз разевал рот для вопроса, но вместо того, чтобы спрашивать, лишь чихал, как сумасшедший.

И по лаборатории так и гремело:

— Апчхи! Апчхи! Апчхи!

— О, чтоб его! Ведь нападет... Апчхи!.. нападет же такой... Апчхи!.. такой чих!..

— Апчхи!.. Раствори... Апчхи! Раствори окна!.. Апчхи! — чихая и смеясь, отвечал Степан Сергеевич.

Сроду на Кузьку не нападал такой чих.

Чихая и бурча себе под нос, Кузька распахнул все окна.

Фу ты, дьявольщина! Насилу проклятый чих успокоился!

Кузька в недоумении посмотрел на Степана Сергеевича.
А тот хохотал во все горло.

— Начихался?

— Чуть нос не вычихал. Придет же такая напасть! — пробормотал Кузька в недоумении. Уж не разлилось ли какое снадобье?..

Степан Сергеевич снова рассмеялся.

— Угадал, Кузя, угадал, — ответил он, указывая на большую стеклянную бутылку, которая, по-видимому, была совсем пустая.

Но Кузька уже привык к разным чудесам лаборатории и не доверял кажущейся пустоте.

— Так и есть, какой-нибудь проклятуший газ выпустили, — ответил он.

— Ты сейчас попробовал действие одного из чихательных газов, — проговорил Степан Сергеевич. — Это так называемые арсины, или чихательные газы, вызывающие раздражение слизистой оболочки носа. Если человек попадет в волну такого газа, он начинает так отчаянно чихать, что ничего не в состоянии делать. Этот газ применяли германцы в последнюю мировую войну. Когда арсиновое облако обволакивало противников, целые роты и батальоны начинали так неудержимо чихать, что не могли даже стрелять, и этим временем пользовались германцы, переходя в атаку.

Воображение Кузьки сразу создало картину.

Рота засела в окопе.

И вдруг вся рота начинает чихать.

Чихают солдаты, чихают командиры...

Германцы переходят в атаку.

А рота чихает и чихает, чихает до слез, до умопомрачения, встречая атакующих, вместо ружейного огня, отчаянным чихом.

Но Кузька уже заинтересовался.

— Много их небось... газов этих? — спросил он.

— Да, много. Очень много, — ответил Степан Сергеевич. — И если ты интересуешься, я могу тебе кое-что объяснить.

— Очень хочу, — отозвался Кузька.

— Цель боя — вывести как можно больше борцов из строя, — заговорил Степан Сергеевич. — И для этого вырабатываются различные боевые газы. Они хранятся обыкновенно в герметически закупоренных металлических баллонах.

Перед выпуском этих газов баллоны ставятся по линии.

Затем ждут, пока ветер подует в сторону противника.

Тогда баллоны открывают и выпускают газы.

Эти газы тяжелее воздуха и стелются по земле.

Ветер гонит их сплошным облаком на противника, и в рядах врагов происходит опустошение.

Степан Сергеевич закурил папиросу и продолжал:

— Боевые газы очень разнообразны... Есть газы, в которые входят сильные яды: синильная кислота и окись углерода. Эти газы сразу душат людей, попадающих в них. Другие газы, как например: хлор, фосген и дифосген — вызывают у людей отеки и разные другие поражения легких, и попавшие в эти газы часто умирают. Хлор ты уже испытал на себе.

— Пропади он! — буркнул Кузька.

— Есть еще и другие газы, — продолжал Степан Сергеевич. — Некоторые из них, как, например, йодистый и бромистый бензил и ксилит, хлорпикрин и другие, вызывают на глазах такие слезы, что человек бросает все и начинает тереть глаза, а арсины — заставляют людей чихать так, как мы только что чихали.

Степан Сергеевич взял из шкафа бутылку белого, с желтовато-зеленоватым оттенком, цвета.

— Чистый хлор, — заговорил он. — Когда его выпускают из целого ряда баллонов, он образует как бы светлое облако. Если к этому газу прибавить хлорного олова, то облако получается темное, то есть мутное, сквозь которое нельзя ничего видеть.

Кузька внимательно слушал рассказ.

— А много, чай, этого хлора нужно на войне? — спросил он.

— О! да, — ответил Степан Сергеевич. — Однажды французы произвели на немцев газовую атаку на протяжении

линии в восемь километров. Для этой атаки потребовалось 6.000 баллонов газа, иначе говоря, 240.000 килограмм газа.

Степан Сергеевич разговорился.

Он говорил о будущей войне, о том, как газами можно умерщвлять целые площади земли, о том, как газы стали применять для химических снарядов.

На сердце Кузьки становилось жутко.

— Воздушная и газовая война — вопрос недалекого будущего, — говорил знаменитый химик. — Но в этой войне не отстанет и физика. Уже теперь люди пользуются электрическими волнами очень сильного напряжения. И кто знает: может быть, мы в состоянии будем дать такие волны, которые на далеком расстоянии будут сбрасывать с рельс поезда, заставят падать аэропланы.

Он помолчал с минуту и снова заговорил:

— Я недавно видел одного простого железнодорожного рабочего-самоучку, который сделал начало величайшего изобретения. Он открыл возможность концентрировать тепловой луч. Правда, его изобретение еще не имеет большого применения, возможно, что оно и не пойдет далеко, но... начало сделано, и по его стопам пойдут другие.

— Это что же за луч? — спросил Кузька.

— Тепловой луч от его аппарата идет как бы в виде невидимой прямой палки, причем на всем его протяжении развивается сильное тепло, — пояснил Степан Сергеевич. — Одним словом, его тепловой луч передает известную температуру на известное расстояние. Что лежит в основе его изобретения, этого никто не знает. Сам он говорит, что он открыл какой-то новый минерал. И при мне он делал опыт. Приведя в действие свой аппарат, он расплавил кусок канифоли, находившийся на расстоянии трех аршин от аппарата.

Кузька разочаровался.

— Только-то!

— Но и это очень много! — воскликнул Степан Сергеевич. — Нужно лишь разработать дальше. Его аппарат требовал электрической энергии всего в сто пятьдесят вольт. А что может получиться, если применить силу в пять тысяч вольт? Разве нельзя предположить, что тогда получится теп-

ловой луч, который передаст на расстояние 7—10 миль температуру в две тысячи градусов.

Глаза Степана Сергеевича сверкнули.

Он порывисто вскочил с места, схватив одной рукой ручку пресса и подняв другую руку, как бы указывая на летящий в вышине аэроплан.

— Гляди! Вот у меня под руками такой аппарат. Я управляю им рукой. Одним нажимом на рычаг я открываю отверстие, и тепловой луч огромной силы устремляется в пространство. На всем его протяжении — температура две тысячи градусов, все, что ни попадает в этот луч — сгорает моментально или плавится.

Рука его поднялась еще выше.

— Вот летит неприятельский боевой самолет, несущий к нам в тыл бомбы с ядовитыми газами... Я нажимаю рычаг. На приборе есть прицел для луча. Мой луч устремляется в пространство. Я ловлю, посредством прицельного прибора, аэроплан лучом. Вот он попал под луч. Происходит страшный взрыв бензина и... неприятельский самолет, охваченный огнем, падает на землю.

Степан Сергеевич нервно ткнул рукой в другую сторону.

— А вон по морю идет к нашим берегам могучий сверхдредноут. Его стальная броня почти непроницаема для артиллерийских снарядов. Но — стой! Я навожу на него луч. В один момент луч расплавляет толстую стальную броню; как шилом, просверливает весь грозный корабль. В корабле брешь, в нее хлынула вода. Если под луч попала карательная машина, ее части расплавились, и она стала негодной. Если луч проник в крыйт-камеры, где на военных кораблях хранятся снаряды и взрывчатые вещества, — корабль летит на воздух. Мой аппарат охраняет целую береговую полосу, следит и за воздухом.

Он вдруг умолк и, как бы устав, опустился на стул.

— Ну да, ну да, я по обыкновению увлекся! Этого пока еще нет, но это без сомнения скоро будет. Начало уже сделано. А, пока что, мы должны изобрести такой газ, против которого должны быть недействительны все противогазы и противогазовые средства.

— Да это страшно! Мы будем убивать не только врагов, но и всех, кто попадет под него случайно, — пробормотал Кузька.

Степан Сергеевич пожал плечами.

— Разве ты забыл, что мы не собираемся нападать? А для самозащиты нужны такие средства, против которых враг не в состоянии защищаться.

И, махнув рукой, он принялся за работу.

Весь этот день Кузька был задумчив.

Но к концу дня ему запала на разум потешная мысль.

И, обратившись к Степану Сергеевичу, он попросил:

— Степан Сергеевич, дайте мне немного иприта и арсина.

— Для чего тебе? — удивился тот.

— Хочу ребятам показать, — сознался Кузька.

— Смотри, только не набедокурь. Слишком сильно нюхать не давай. Впрочем, эти газы не очень вредны — согласился Степан Сергеевич.

И он снабдил Кузьку двумя бутылками газов.

VIII.

Это было очень занятно.

Кузька не открыл заранее секрета.

Он только пригласил трех товарищей комсомольцев зайти к одному из них и сам явился туда со своими бутылками.

На Кузькины бутылки никто не обратил внимания.

На вид они были пустые.

Когда друзья собрались в комнате, Кузька заявил, что хочет сказать им что-то очень важное и, плотно закрыв дверь, незаметно открыл и положил на бок одну из бутылей.

— Ну? Что скажешь? — поинтересовался Николай Гуняев.

— Апчи! — чихнул вдруг Ванька Мишурин.

— Будь здо... Апчи! — чихнул и сам Гуняев, не докончив пожелания.

Сенька Воронин открыл было рот, чтобы что-то сказать, но вдруг расчихался, как сумасшедший.

— Апчи! Чхи! Апчи!

— Чхи! Апчхи! — раздалось общее чихание.

— Да что мы... Апчхи!.. одурели что ли?.. Апчхи!

— Дурачье! — решил Сенька Воронин, вообразивший, что товарищи нарочно передразнивают его.

И снова расчихался вовсю.

Всеобщий чих был так громок, что в комнату вбежал перепуганный сосед.

— Что это вы, с ума сошли, что ли?!

И вдруг сам чихнул.

Но, вбежав в комнату, он оставил дверь открытой.

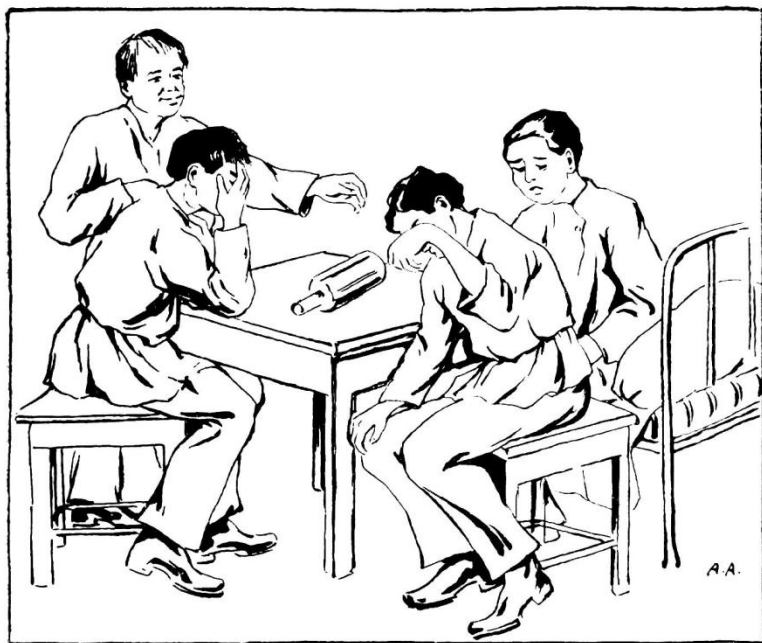
И компания молодежи, начихавшись вдоволь, наконец успокоилась.

Сосед ушел.

Но Кузька уже приготовил вторую шутку.

Он незаметно открыл вторую бутылку и положил ее на бок.

— Ну, и штука! Никогда так не чихал! — дивился Николай.

У Ваньки и Кузьки глаза были полны слез.

— А зачем ты плачешь? — спросил вдруг Кузька.

Николай остолбенел.

Он вдруг почувствовал какую-то странную резь в глазах. Из глаз его обильно текли слезы.

— Ничего не понимаю! Стой, стой, да и ты, Ванька, и ты, Кузька, тоже плачете!

И правда: у Ваньки и Кузьки глаза были полны слез.

— Что за колдовство! — изумлялся Ванька. — Никогда так глаза не ело! Словно от луку!

Но Кузька уже кончил опыт.

Он поднял бутыль, закупорил ее и открыл дверь.

А, спустя минуту, уже весело объяснял товарищам, как он угостил их двумя газами.

Сенька обиделся.

— Чорт! Доброхим! Еще ослепнешь через тебя! — ругался он.

И еще раз повторил:

— Доброхим анафемский!

Так эта кличка и осталась за Кузькой.

Многие даже имя его забыли.

Так и говорили про него:

— Вон Доброхим идет! Здравствуй, Доброхим.

И Кузька так привык к новому прозвищу, что скоро совершенно сжился с ним.

IX.

Как-то раз, придя в лабораторию, Степан Сергеевич обратился к Кузьке с предложением:

— Хочешь ехать в южно-волжский район?

— Зачем?

— Я отправляюсь туда с отрядом от Доброхима для уничтожения сусликов и других вредителей сельского хозяйства — объяснил химик. — И, если ты хочешь, возьму тебя с собой.

Кузька чуть не подпрыгнул от радости.

Степан Сергеевич только улыбнулся и махнул рукой.

Крестьяне с недоумением смотрели на странное облако.

А Кузька все дни перед отъездом только и думал о предстоящей поездке и о том, как он будет спасать от сусликов крестьянский хлеб.

— Вот мы как! Погляди, чего наделаем! — хвастался он перед товарищами.

И даже, когда экспедиция села в поезд, и поезд тронулся от Москвы, он все еще продолжал волноваться.

Ехали до Саратова три дня.

В деревне, куда приехал отряд, к приехавшим отнеслись с недоверием.

— Известно... житья от этого суслика нет! — жаловались крестьяне. — Да только где же их всех передушить! Пару не хватит. Уж то ли мы их бьем, а их все больше становится.

Но все же новинкой заинтересовались.

И когда отряд с несколькими телегами, нагруженными баллонами с хлором, выехал в поле, несколько соседних деревень высыпало посмотреть на диковинный опыт.

Мужики и бабы галдели.

— Воздухом, сказывают, душить будут, — догадывались одни.

— Вона! Паром! Нешто воздухом проймешь?! — возражали другие. — Бают, — керосин в норы лить будут!

Каждый строил догадки.

Но вот баллоны разместили по линии.

Для большего эффекта Степан Сергеевич приготовил темный газ.

Прозвучала команда.

Краны открылись, и хлор стал медленно вытекать из баллонов, мало-помалу образуя длинное облако.

Оно становилось все больше и гуще, и медленно ползло по земле, подгоняемое легким ветром.

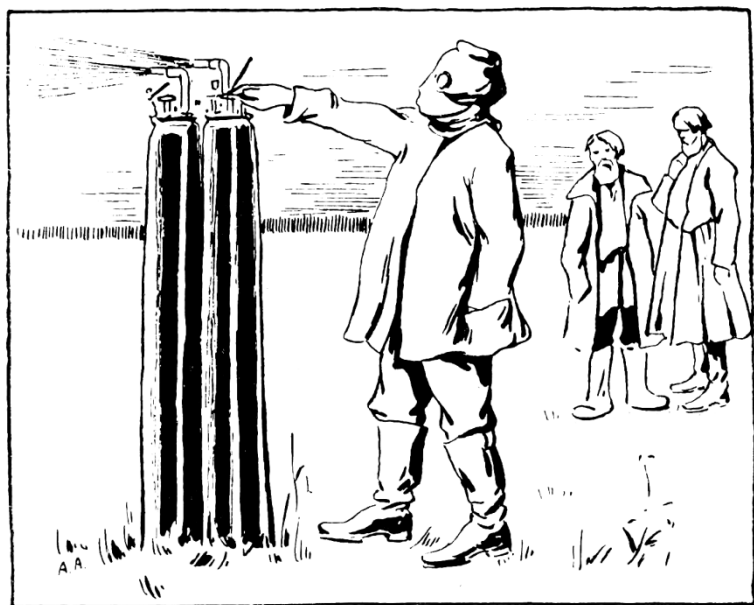
Крестьяне с недоумением смотрели на странное облако.

— Пар и есть! — утверждали одни.

— Облако пускают, — твердили другие.

Какая-то баба ни с того, ни с сего завывала.

А на поле, среди сусликов, в это время происходила настоящая трагедия.

Кузька, стоя у баллона, регулировал выпуск газа.

Страшный газ полз по земле, забирался во все трещины и норы.

Перепуганные суслики в страхе, задыхаясь, выскакивали из нор и тут же гибли окончательно.

Трава, по пути следования облака, как бы вяла, становилась желтоватой.

Стоя около одного из баллонов, Кузька тоже принимал участие в работе, регулируя выпуск газа.

Голова его на всякий случай была прикрыта противогазовой маской.

Но вот облако ушло далеко вперед, и Степан Сергеевич пригласил крестьян пройти по тому месту, где прошел газ.

Крики удивления и радости огласили воздух.

— Гляди, гляди! И тут! Вон еще! Ой-ой, гляди, ребята! — то и дело вскрикивали крестьяне. — Ну, и работа! Чудеса! Прямо чудеса!

Да и действительно было чему удивляться.

Мертвые суслики попадались на каждом шагу.
Их были тысячи.
Никто из крестьян не ждал таких результатов.
И теперь все наперебой расспрашивали о новом средстве и о том, откуда к ним пришла помощь.
И тут-то наш Кузька Доброхим дал волю своему красноречию.

Вот так мы! Ай да Доброхим! — говорил Кузька.

— Это такое общество! Доброхим называется, — объяснял он. — Вы должны поддержать его, и тогда оно спасет ваши посевы! Записывайтесь в члены общества, жертвуйте, сколько можете. То, что вы пожертвуете на Доброхим, вы пожертвуете на свою же пользу.

— Правильно! Видано ли дело? Это, брат, штука! — гудели мужики. — Гляди-кась, сколько этой пакости извели!

И они разошлись по деревням, сильно возбужденные.

А спустя три дня, когда отряд вернулся в Саратов из другого уезда, где он тоже работал по борьбе с сусликами, к Степану Сергеевичу явились первые крестьяне.

Они шестью обществами постановили благодарить Доброхим за помощь и засеять в пользу Доброхима пятьдесят десятин озимой рожью.

— Вот так мы! Ай да Доброхим!— радовался Кузька.

Но не меньше его радовались и Степан Сергеевич, и все члены отряда.

— Пока там наступит время борьбы с врагами революции, а врагов земли мы уже победили, — говорил Кузька.

Х.

Прошло полгода.

Кузька Доброхим давно уже вернулся в Москву и по-прежнему работал в лаборатории.

Доброхим рос с каждым днем.

Организация общества встретила широкий отклик в трудовых массах союза.

В республиках создалась целая сеть ячеек и организаций Доброхима.

И важно было то, что все эти ячейки и организации строились не по указаниям центра, а как-то так, сами собой. Трудовой народ понял необходимость и пользу Доброхима.

И Кузька иногда по целым часам рассказывал в комсомольском клубе о работах в лаборатории, удивляя товарищей своими познаниями по химии.

Да химия и на самом деле все больше и больше интересовывала его.

Он полюбил эту науку.

И, занимаясь на вечерних курсах, он больше всего налегал на химию и физику.

Целый мир чудес открывала перед ним эта наука.

Степан Сергеевич с удовольствием руководил занятиями своего юного помощника.

Иногда он помогал ему, производя на его глазах разные опыты, объяснял непонятное.

И в то же время он упорно работал с разными колбами и ретортами.

Ученый химик чего-то добивался.

И вдруг случайно произошла совершенно неожиданная вещь.

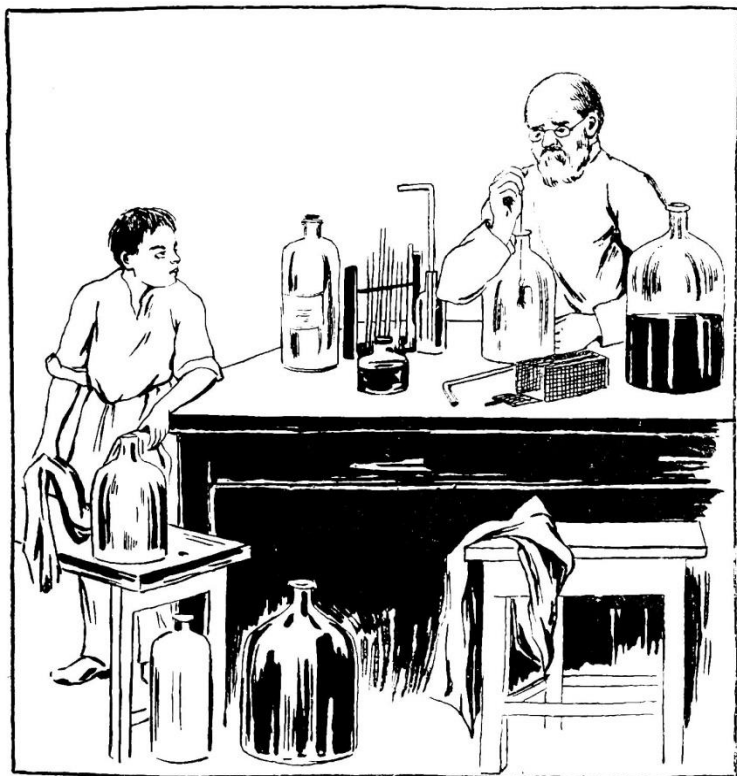
Степан Сергеевич однажды производил пробы с хлором, примешивая к нему разные другие газы и эфиры.

Он получал такие ядовитые газы, которыми можно было убить все живое на огромных площадях земли.

— Кузя, подай-ка мне баллон с фосгеном! — крикнул Степан Сергеевич.

Кузька хорошо знал этот страшно ядовитый и удушливый газ, с приятным фруктовым запахом.

— Вставь трубку сюда! Наклоняй баллон! — командовал Степан Сергеевич, почти не обращая внимания на мальчика.

Мышь, попав в газ, дрогнула и осталась без движения.

— Еще, еще! — торопил он.

Кузька заторопился.

Он соединил стеклянный сосуд, в котором находился хлор, с баллоном фосгена и стал переливать газ.

И вдруг возглас Степана Сергеевича заставил его вздрогнуть.

— Стой, стой! Что это такое!

Кузька остолбенел.

— Но, ведь, ты подал не фосген, а что-то другое! — воскликнул раздраженно химик.

Кузька покраснел, как вареный рак.

Действительно, он подал вовсе не фосген.

Теперь он видел это и сам.

Но исправлять ошибку было уже поздно.

Степан Сергеевич обозлился.

— В лаборатории надо смотреть в оба! Здесь шутки иногда могут кончиться очень плохо! — резко заметил он.

И, оставив испорченный газ в сторону, он приготовился повторить опыт сначала.

Сконфуженный Кузька отошел в сторону и принялся за мытье посуды, изредка украдкой поглядывая на своего учителя и начальника.

Но Степан Сергеевич, очевидно, что-то передумал.

Он вдруг выскочил из комнаты и скоро вернулся с клеткой, в которой сидела мышь.

Вынув мышь и привязав ее за ножку бечевкой, химик открыл сосуд с испорченным, по его мнению, газом и опустил в него мышь.

Кузька видел, как мышь, попав в газ, дрогнула и вдруг осталась без движения.

Очевидно, она издохла моментально.

Кузька заметил, как поднялись морщины над бровями химика.

Несколько секунд он как бы что-то обдумывал.

И вдруг стремительно бросился к ретортам.

— Лаборанта Махилова ко мне! — крикнул он.

Кузька бросился в общую лабораторию.

Пришел Махилов.

Степан Сергеевич о чем-то тихо и долго говорил с ним. Оба казались очень взволнованными.

— Такая быстрая смерть! — расслышал Кузька.

И химик с лаборантом стали что-то проделывать с сосудом, в котором был испорченный Кузькой газ.

Несколько раз с уст того и другого срывались восклицания удивления.

Слышались слова: «верная пропорция», «случайная смесь», «бессознательное открытие».

— Что они там бормочут? — думал Кузька.

— Ступай домой, — сказал ему химик.

Кузька нахлобучил картуз и ушел домой.

— Сердится, — думал он по дороге.

Но каково же было его изумление, когда на следующий день Степан Сергеевич встретил его радостным восклицанием:

— Ну, изобретатель, поздравляю! Ты знаешь ли, что ты наделал?!

— Что? — упавшим голосом спросил Кузька.

— Благодаря тебе, я открыл новый удушливый газ, то есть новое соединение, против которого не помогают никакие противогазовые средства! — воскликнул химик весело. — Ты случайно взял баллон с газовой смесью, предназначенной совсем для других опытов, а, главное, порция этой смеси к хлору оказалась такой, какая именно нужна!

Химик, несмотря на свою солидность, чуть не прыгал от радости.

— Теперь, благодаря тебе, Кузька, СССР станет обладателем страшного оружия, незнакомого еще миру! — почти кричал он. — Да ведь это же восторг!

И, потрясая кулаками, он крикнул:

— Ну, теперь держись, враги, подальше! Руки прочь от нас, иначе все вы задохнетесь в Кузькином изобретении.

И долго еще знаменитый химик бегал по своей лаборатории, расхваливая то газ, то Кузьку, то еще что-то.

День прошел в радостном волнении.

И когда Кузька вернулся домой, а потом, поужинавши, лег в постель, он даже вздохнул:

— Ф-фу! Голова кругом идет.

XI.

Что же это такое?

Кузька оглянулся по сторонам, но ничуть не удивился, хотя удивляться было чему.

Во-первых, оказалось, что он вовсе не в своей комнате.

Ну да, он находился на большом поле. На горизонте чернел лес.

Впереди виднелись какие-то тонкие, темные линии, а сам Кузька стоял в окопе, в котором копошились красноармейцы с красными звездами на шапках.

И хотя Кузьке никто ничего не говорил, но он прекрасно понимал, что сейчас он находится на войне, и что Российская Федеративная Республика одна борется против капиталистов всего мира, обрушившихся на нее с огромными армиями.

— Идем! Сейчас начнется трагедия! — сказал кто-то сзади Кузьки.

Он оглянулся.

Сзади него стоял бледный, взволнованный Степан Сергеевич.

— Идем, — повторил он, беря мальчика за руку.

И он быстро увлек Кузьку в какую-то бетонированную постройку.

— Вот тут, в этой постройке, сосредоточена вся сила нашего участка, — заговорил Степан Сергеевич, вводя Кузьку в большую комнату.

Кузька оглянулся.

В комнате стояли две каких-то машины со множеством рычагов и колес.

На огромном столе лежало большое зеркало, разделенное на квадратики с номерами. В этом зеркале, в страшно уменьшенном виде отражались какие-то деревни, линии, постройки.

— Смотри! — заговорил химик. — Это отраженная площадь земли, в пятьдесят квадратных километров, заня-

тая противником. Тут отражаются все деревни, все дороги, все постройки и даже передвигающиеся группы людей. Отсюда мы видим все, что происходит у противника по фронту в семь миль и в глубину фронта на таком же расстоянии.

Кузька приник к трубе Цейса.

— Неприятель готовится к атаке! — крикнул кто-то с другого конца комнаты.

— Неприятельская эскадрилья подлетает к квадрату № 6, — прозвучал другой голос.

— Тепловой луч! — скомандовал химик. — Приготовить баллоны с газом! Смотреть внимательно!

К одной из машин подскочил красноармеец.

— Эта машина передает тепловым лучам температуру в 1780 градусов на расстоянии двенадцати миль. Смотри в бинокль, — крикнул химик Кузьке.

Кузька принял к трубе Цейса.

Высоко в небе, словно стая птиц, неслась неприятельская эскадрилья.

Что-то щелкнуло в машине.

Припав к прицельному прибору, красноармеец пустил тепловой луч.

И вдруг передний самолет вспыхнул, как порох, и полетел на землю.

— Один готов! Теперь другой! — раздался голос.

И второй неприятельский аппарат, взорвавшись в воздухе, грохнулся на землю.

А луч-истребитель продолжал свою ужасную работу.

— Атака началась! — крикнул наблюдатель от зеркала.

Кузька подошел к зеркалу и увидел ряд точек, двигавшихся по одному направлению.

— Да здравствует Доброхим! — крикнул Степан Сергеевич. — Газы по линии! Пускай!

Несколько телефонистов в ту же минуту передали приказ по всей линии.

В зеркале было видно, как со стороны русских окопов в сторону неприятеля поползло что-то длинное, мутное...

Это была волна страшного, ядовитого газа.

Вот она приблизилась к атакующим, окутала их, прошла дальше.

Теперь черные точки, недавно так стремительно двигавшиеся вперед, застыли в неподвижности.

— Они мертвы, — проговорил тихо Степан Сергеевич.

На Кузьку напал вдруг страх.

Перед ним происходило что-то ужасное, какое-то чудовищное истребление людей.

Но новый окрик снова заставил его вздрогнуть.

— Поезд с резервами подходит к квадрату 12 по линии АС, — крикнул красноармеец, стоявший у зеркала.

— Волна по квадрату 12,— ответил кто-то со второй машины.

Раздался страшный гул машины, от которого дрогнули своды блиндажа.

Воздух как бы всколыхнулся.

— Волна идет!

Кузька жадно глядел в трубу, наведенную по указанию Степана Сергеевича.

Он сразу увидел поезд.

Он шел полным ходом по направлению к своим окопам.

И вдруг с ним случилось что-то невероятное.

Словно он столкнулся с чем-то твердым, но невидимым.

Момент — и паровоз с вагонами покатились кувырком.

Кузька громко вскрикнул и... проснулся.

.....

— Ну, и штука! Так это был только сон! — сообразил он, протирая глаза.

И вдруг вспомнил слова Степана Сергеевича:

— Будущая война будет страшная. Мы не собираемся нападать, но мы должны быть готовы к самозащите. И эту готовность выполнит нам Доброхим.

Сквозь темную занавеску пробивался солнечный луч.

— Ого, да наверно уже поздно! — подумал Кузька. — Однако, я сегодня заспался!

Не хотелось вылезать из-под одеяла.

Но... что поделаешь.

Назвался груздем — полезай в кузов.

Кузька решительно мотнул головой, сбросил одеяло и вскочил на ноги.

В дверь постучала хозяйка.

— Письмо вам,— раздался за дверью ее голос.

И сквозь приотворенную дверь просунулась рука с письмом.

Кузька сразу узнал корявый почерк отца.

Он открыл занавеску, распечатал конверт и стал жадно читать письмо из дома.

Сначала шли поклоны.

Кланялась Кузьке, „сыну нашему любезному“, чуть не вся деревня, и каждого отец называл по имени и отчеству.

Потом отец сообщал сыну, что продал телку, а старую лошадь сменял на молодую.

У дяди Прохора Васильевича воры украл с погреба две кринки сметаны и окорок ветчины.

А в конце письма было написано:

....„А тараканов и клопов всех до одного переморили, как ты писал, и теперича спим спокойно. И вся деревня по твоему способу тараканов морит, а ко мне за советом люди ходят и на тебя удивляются, как ты до всего этого дошел. Да только как запирали мы избу — двух цыплят и кошку в ней забыли, и те цыплята и кошка вместе с тараканами подошли, и мать очень их жалела, а тебя называла химиком“...

Дальше шли советы и пожелания.

Кузька прочел письмо и улыбнулся.

Он почувствовал чувство удовлетворенной гордости.

Правда, он еще не истребил армии капиталистов и контр-революционеров, но с тараканами и клопами покончил удачно.

Для начала и это было хорошо.

А что будет в будущем — будущее и покажет.

П. Орловец.

ГУТ

ПЕРВЫЙ ТОПОР ВСТРЕЧА С МЕДВЕДЕМ

Рассказы о первобытной жизни

Рисунки Е. Д. Белухи

(Из жизни первобытных людей).

Кто сделал первый топор? Этого, конечно, никто не знает, потому что и писать тогда люди не умели, — да и говорить не умели как следует. Во всяком случае, первый топор был не железный, а каменный: железа тогда еще не знали. Все орудия обтачивались из камня, поэтому то время и называется каменным веком. Первым орудием и оружием первобытного человека был просто обточенный камень. Но камень без ручки неудобно держать, и когда появилась нужда в топоре, — его и смастерили. Как это случилось? А может быть, вот как.

— Ау, ю-у!

Из густой зелени орешника одновременно вынырнули две лохматые детские головы. Быстрые глаза сразу нашли друг друга, и снова спрятались в темном кустарнике.

Терять времени нельзя было: задача предстояла нелегкая — взлезть на вершину крутой скалы и оттуда посмотреть на реку.

Как она выглядит сверху? Такая ли широкая и важная, как всегда?

Ловкая, как обезьянка, Ю через несколько минут уже вскарабкалась наверх, ухватила цепкими руками за большой плоский камень и очутилась на широкой площадке, на самой верхушке утеса. Сейчас же с другой стороны появился Ух. Он внимательно смотрел себе под ноги: Ю заметила это, и тоже перевела глаза на землю.

Действительно, кругом было столько интересных камней. Таких больших кремней дети еще никогда не видали.

Ю схватила камень, торчавший из скалы, и потянула. Поддался легко. Ух держал в руке уже несколько штук и рассматривал их.

Река была забыта

Вдруг мальчик весело расхохотался. Ю подняла на него глаза. Ух, смеясь, протянул ей насмешивший его камень. Он был с дырой посередине. И Ух протянул пальцы в дыру и, смешно поддразнивая девочку, шевелил ими перед самым ее носом.

Ю тоже покатила со смеху, потом схватила забавный камень и попробовала просунуть в дырочку свои пальцы.

Скоро эта игра надоела. Ю придумала новую — смотреть через дырочку друг на друга. Дети, насмеявшись вдоволь, устали и бросились на землю отдыхать.

Но вот поднялась косматая голова, лукавые глаза блеснули на девочку. Ух придумал новую игру. Он отбежал в сторону с дырявым камнем в руке, посмотрел на Ю и бросил к ней камень. Ю поняла, подпрыгнула и поймала камень налету. Тяжелый мячик летал от мальчика к девочке и ловко попадал в протянутые руки. Ух особенно увлекся игрой. Глаза его блестели, косматая грива прыгала над низким лбом при каждом прыжке коротких ног.

— Ох! — Ноги вдруг зацепились за что-то длинное. Ух споткнулся и шлепнулся на землю. Камень тоже тяжело упал недалеко от него.

Разозленный Ух вскочил и увидел у своих ног толстый сук. Наверное, его снесло бурей с соседнего дерева. Мальчик гневно затопал ногами по палке: пусть не лезет под ноги. А, впрочем, и она пригодится. Он бросил мячик Ю, потом схватил палку и стал подпрыгивать в ожидании камня с протянутой вперед палкой.

— А-а-а-а! — поймал на палку смешной мячик. Ю тоже запрыгала от радости. Ух хотел снять камень с палки, но не тут-то было. Палка так сильно застряла, что нельзя было его вытащить. Это уже было не смешно, а удивительно. И, пожалуй, даже страшно.

Ух положил странную штуку на землю. Детям казалось, будто кремень укусил палку, вцепившись в нее зубами.

— Лучше подальше!

Отбежали на несколько шагов, остановились. Палка с камнем лежат смирно, не дерутся и не кусаются. Страх прошел, но дети не сводили глаз с коварной игрушки.

Вдруг Ух сорвался с места, прыгнул к палке, схватил ее и помахал в воздухе: крепко. Ударил по земле раз, другой.

Как ловко держать в руке эту странную вещь!

Ух задумался. Глаза его заблестели. Пожалуй, это будет получше, чем палка его отца!

Ух важно тряхнул своей гривой и медленно прошелся по площадке, размахивая топором. Ю молча смотрела на него. Она поняла, что игра превратилась в серьезное дело.

Ух остановился, посмотрел на Ю и что-то забормотал. Он показывал пальцем вниз, по направлению к становищу племени, и потом — на свое изобретение. И важно кивал при этом головой.

Ю внимательно слушала и смотрела. Да, конечно, надо бежать в становище — показать взрослым новое оружие.

И дети стали осторожно спускаться вниз, цепляясь за зеленые кусты орешника.

ГУТ.

КРАСНЫЕ РЕБЯТА

Рисунки Е. Д. БЕЛУХ.

ВСТРЕЧА С МЕДВЕДЕМ

(Еще из жизни первобытных людей).

Костер ярко горел... Ю сидела на корточках, вся освещенная его пламенем. Ух бегал перед костром и что-то бормотал, показывая вниз. Там, где-то далеко на поляне, ночует их племя.

В это же время, довольно далеко от детей, пробирался по скалам страшный пещерный медведь. Он вышел на охоту

и вдруг увидел вдали светящийся костер, а перед огнем — двух странных маленьких зверьков.

Медведь никогда еще не видел ни человека, ни огня, и был очень удивлен. Не взошла ли заря нового месяца? И что за странный, незнакомый запах?

Владыка скал и пещер не знал страха: никто не охотился за ним. Но эти странные существа, огонь, дым, и прыгающий на скале большой черный предмет, привели его в недоумение. Он медленно направился к костру, по дороге оставив дым, смотрел и нюхал: дым от огня становился все сильнее.

Ух присел на корточки у костра и начал дремать, а Ю все еще сидела, слушая странные голоса незнакомых ей зверей. Постояв немного, медведь пошел назад, но через минуту снова возвратился. Внезапная мысль пришла в его огромную голову.

Наступила глубокая ночь. На небе взошла луна и осветила белую, острую вершину скалы над площадкой. Ух крепко спал, сидя на корточках. Вдруг Ю подняла глаза на вершину скалы: Ю показалось, будто там притаилось что-то. Но все было тихо. Незаметно Ю тоже задремала.

Страшное пламя костра становилось все темнее и покрывалось серым налетом. Вертикальный столб дыма сделался более заметным. Вдруг Ю вскочила, насторожилась и, выпрямившись, обвела тревожным взглядом утес сверху до

низу. Она издала еле слышный гортанный звук, и Ух в одно мгновение проснулся; сон его был чуткий, как у животного. Он схватил свой топор и неслышно встал рядом с ней. Ю молча показывала пальцем вверх, на скалу.

Было еще довольно темно. Дети притаились, как пара испуганных

олений, и замерли в ожидании. С минуту они ничего не слышали, но затем до них донесся сверху слабый шум осыпающейся земли и треск ветвей.

Ух с топором в руках подбежал к обрыву, взглянул вверх и замер от ужаса. С вершины скалы спускался к ним пещерный медведь. Плоские задние ноги чудовища были как раз над мальчиком. Медведь так вцепился когтями в камни и кустарники, что, казалось, совершенно прирос к скале. Но от этого он несколько не выглядел меньше. Он был в два раза выше самого большого человека их племени. Его огромная пасть с высунутым языком была разинута, он тяжело дышал: ему трудно было удержать на весу, свое грузное тело.

— Медведь! — крикнул, наконец, Ух, смотря на Ю, остановившимися от ужаса глазами.

Ю, с побелевшим от безумного страха лицом, показала ему пальцем вниз. Там, цепляясь за скалу, стояла другая огромная буровато-серая туша. Это была медведица — немного меньше своего супруга, но все же громадная. С воплем ужаса Ух схватил охапку папоротника и бросил ее в догорающий огонь.

— Огонь! Огонь! — звал он.

Ю тоже вышла из своего оцепенения и помогала ему.

— Огонь! Огонь! — кричали дети.

Костер тлел еще, но дети набросали столько листвы, что потушили слабый огонек. Костер зашипел, задымил — и превратился в серую кучку золы. Ух гневно затопал ногами и ударил кулаком по золе. Ю схватила дрожащими руками кремь и огниво, и принялась высекать огонь. Они не

сводили глаз с того места скалы, откуда спускалось чудовище. Огромные, косматые ноги медведя показались из-за меловых глыб. Он все еще осторожно сползал по крутой стене утеса. Дети ясно слышали его глухое, недовольное ворчание.

Ю, наконец, высекла искру и старательно ее раздувала. Ветка вспыхнула на минуту, и снова погасла. Ю бросила кремь, упала на землю и оцепенела от ужаса. Потом вскочила снова на ноги, заметалась по площадке и в одно мгновение вскарабкалась вверх по отвесной стене утеса, но через две-три секунды с окровавленными руками соскользнула вниз. Ух бешено метался по площадке. Он не знал, что делать.

Со страшным воплем он сжал руками топор и кинулся на врага. В одно мгновение повис на кустарнике, прямо над медведем, а в следующее — уже висел на его спине, зарывшись наполовину в густом мехе и ухватив одной рукой косматую шерсть под горлом зверя. Удивление медведя было так велико, что он, не сопротивляясь, продолжал висеть в прежнем положении. И вдруг каменный топор мальчика ударился об его череп.

Медведь завертел головой и яростно зарычал, навалившись на мальчика. Ю увидела, как тяжелые плоские лапы медведя скользнули и поползли вниз, а сам он внезапно сделал неуклюжий прыжок в сторону. Затем все исчезло.

Раздался треск ломающихся орешников, и снизу донеслись рычание, рев боли и крики человека. Ю с воплем подбежала к обрыву и заглянула вниз. На минуту ей показалось, что человек и два медведя слились в одну кучу...

Ух лежал наверху. Вот он отскочил с тал карабкаться вверх по скале, а медведи, сцепившись друг с другом, катались и дрались среди орешников.

Топор остался внизу. По бедру мальчика сбегали к ногам три кровавые полосы.

— Наверх! — крикнул он. И в одно мгновение Ю начала карабкаться впереди него на вершину скалы.

Через несколько минут они уже взобрались на вершину утеса. А далеко внизу раненый медведь, сидя на задних ла-

пах, старался протереть передними свои залитые и ослепленные кровью глаза. Разъяренная медведица стояла поодаль на четвереньках и злобно рычала...

Светало. Дети пустились в путь. Скорее домой, к своему племени!

Н. ТРУБЛАИНИ

56-я ПАРАЛЛЕЛЬ

Научно-фантастическая повесть

Перевод с украинского

Иллюстрации Е. Кияшко

и О. Александрова

*Первая публикация:
журнал «ЗНАННЯ ТА ПРАЦЯ», 1939, № 1-12.*

*Перевод с украинского:
1 и 2 части – В. Тимошенко-Пастраки (2018)*

3 часть – Н. В. (2020)

Упорядочена нумерация глав, сбита в первую публикацию.

Текст нашел Николай Ковальчук, 2014 г.

(Науково-фантастична повість)

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

1. РЕДАКТОР УЛЫБАЕТСЯ

В редакции научно-технического журнала «Заря» проходила встреча известного летчика Шелемехи с выдающимися учеными и исследователями. Шелемеха установил новый рекорд скорости, пролетев на самолете "НЗС" от Москвы до Владивостока за 15 часов. Славного летчика поздравляла вся страна: он получил десятки тысяч писем, телеграмм, сотни букетов, тысячи приглашений посетить разные предприятия, клубы, университеты, города; у него требовали: автограф, интервью, свиданий, кусочки его комбинезона, в котором он летел, карты, которыми он пользовался; его забросали вопросами, как он чувствовал себя в полете, что ел, спал ли, женат ли он и когда полетит на Южный полюс.

В редакцию «Зари» летчик приехал потому, что здесь собрались его близкие друзья — конструкторы самолетов, известные математики и физики, которых он знал, очень уважал и любил, а также другие ученые, которых он тоже уважал, но не знал лично.

Вечер-встреча проходила, как все такие вечера, очень интересно для присутствующих, радостно и кропотливо для организаторов и утомительно для героя, который был в центре всеобщего внимания.

Редактор журнала, провозглашая тост за необычайный успех Шелемехи, улыбаясь, сказал:

— Я хочу предупредить, что вашему рекорду грозит недолговечность. Вчера мы получили письмо от одного из наших читателей, ученика 6 класса, который сообщает, что у него есть проект, как провести грузовой поезд из Москвы во Владивосток за восемь часов.

Громкий смех покрыл слова редактора. Эта шутка всем понравилась.

— Что ж, — тоже смеясь, ответил Шелемеха, — тогда я провозглашаю тост за автора этого проекта и выражаю надежду на то, что, когда он вырастет и станет инженером, то сконструирует такой мощный и быстрый самолет, на котором действительно доставит из Москвы до Владивостока грузовой поезд за восемь часов.

В этот момент редактор заметил за одним из столиков невысокого человека, который, вытянув длинную шею, пристально смотрел на него глазами, спрятанными за стеклами сильных очков. Редактор узнал его, улыбнулся и приветливо кивнул головой. Но тот, казалось, не заметил кивка редактора, словно увлеченный какой-то необычной мыслью.

Через несколько минут невысокий человек встал и подошел к редактору.

— Здравствуйте, профессор! — поздоровался редактор. — Как вам нравится наша встреча?

— Хорошо, спасибо. Прекрасно... — И профессор на мгновение словно задумался, глядя сквозь очки куда-то в сторону, а потом сказал: — У меня просьба: покажите мне письмо мальчика.

— Какого? Того затейника, о котором я рассказывал? Пожалуйста... Но зачем оно вам? Вы же знаете, мы получаем множество разных проектов, из них бывают хоть чего-то стоящие лишь один на тысячу.

— А все же, я попросил бы вас.

Редактор позвал одного из сотрудников и поручил ему помочь профессору.

Встреча закончилась поздно. Когда гости расходились, редактор уже не увидел среди них профессора Довгалюка. Тот покинул собрание раньше.

2. БОТАНИК И ЕГО ДРУЗЬЯ

Профессор ботаники Аркадий Михайлович Довгалоук занимал маленькую квартирку на пятом этаже, под самой крышей, рядом с солярием. Солярием — небольшой площадкой на крыше — никто никогда не пользовался, и комендант дома позволил профессору занять его под коллекцию своих растений. За несколько лет солярий превратился в настоящий дендрарий. Между тем, обитатели дома совсем позабыли о солярии, и профессор пользовался крышей как своей собственной жилплощадью.

Но сменился комендант дома. Новый администратор, осматривая свое хозяйство, обнаружил на крыше два солярия: один совсем не обустроен, а второй занят цветником жильца А. М. Довгалоука. Комендант немедленно сообщил Аркадию Михайловичу, чтобы тот освободил солярий от своих вещей и прекратил пользоваться крышей. Профессор заволновался, собрался было подать куда-то заявление, но пока солярий не освобождал. Наоборот, на 24 августа он пригласил к себе своих друзей и устроил висячем садике собрание.

У Аркадия Михайловича было много друзей. Все они были значительно моложе него и были его бывшими учениками, слушавшими лекции по ботанике в школе или в университете, где преподавал профессор, и принимавшими участие в многочисленных экскурсиях и экспедициях, организованных им. Эти друзья имели самые разные специальности, преимущественно, очень далекие от ботаники, но любили своего профессора, который, кроме ботаники, интересовался многими другими науками, и охотно посещали его. С давних пор у них повелась традиция собираться по вечерам у профессора на чашку чая; назывались эти собрания «Вечерами фантазии».

На них они обсуждали самые разные проблемы науки и техники, обдумывали планы экскурсий или экспедиций профессора, вспоминали прошлые поездки, в которых принимали участие еще подростками или юношами.

В этот вечер первым появился молодой астроном Свеча, за ним врач Барабаш, потом географ Макуха, физик Гопп и, наконец, последними пришли инженеры Самборский и Макаренко.

— Именно вас-то я больше всех сегодня жду, — сказал им профессор, пожимая руки и указывая места за столом.

— Я думаю, — ответил Макаренко, показывая рукой на звездное небо, — что сегодняшний вечер фантазии должен начать астроном Свеча. Ему удобнее всего, пользуясь этими многочисленными маяками, повести наши мысли в космический океан.

— Нет, — ответил Аркадий Михайлович, — именно сегодня все зависит от вас. Мы высоко забираться не будем. Кажется, все собрались; итак, начнем. Прежде всего, прошу вас выслушать это письмо:

"Уважаемый товарищ редактор!

У меня есть проект, как сделать, чтобы поезда проходили путь от Москвы до Владивостока за восемь часов, а может и быстрее. Если вас заинтересует этот проект, то напишите, и я вам его вышлю. Сейчас не посылаю, потому что писал уже нескольким редакциям, но они либо не отвечают, либо пишут, будто мой проект фантастический и невыполнимый. Моя последняя надежда на вас. Иначе придется ждать, пока вырасту и закончу учебу.

*Ученик 6 класса Староднепровской средней школы
Тарас Чуть"*

Прочитав письмо, профессор положил его на стол, снял очки, протер их и, прищулив глаза, посмотрел на своих друзей. Все молчали, ожидая, что скажет Аркадий Михайлович. Тот, помолчав, начал:

— Вы сами когда-то принадлежали к юным фантастам, и знаете мои симпатии к тем, кто выдумывает, кажется, невозможное, потому что смелая мысль — это то, что я больше всего ценю в людях. Подростки, еще не вооруженные знаниями, в этом особенно смелы, хотя по большей части их замыслы чересчур фантастичны, ошибочны, практически

неосуществимы. Но не может быть ни великого инженера, ни выдающегося химика, ни знаменитого врача, если они не одарены способностью фантазировать...

— И превращать свою фантазию в действительность, — подсказал Барабаш.

— Совершенно верно. Мы об этом не раз разговаривали. Я перейду сразу к делу, не останавливаясь на общих рассуждениях. Я хотел познакомиться с этим парнем, конечно, не веря в его проект. Знакомство состоялось, и когда я выслушал Тараса Чутя, мне показалось, что он имеет право отстаивать возможность сверхбыстрого пассажирского и грузового движения в крупных размерах. Не будучи специалистом в области физики, механики и других наук, касающихся этого проекта, я решил собрать вас и услышать ваши мнения об этом. Лично мне кажется, что в принципе этот проект верен. Итак, позвольте...

В это время в солярии появилась новая фигура и перебила речь профессора.

— Гражданин Довгалюк, — послышался голос коменданта дома. — Я предлагаю вам и вашим гостям немедленно освободить крышу и забрать отсюда ваши цветы. Это мое последнее предупреждение.

Профессор оторопело посмотрел на коменданта, не зная, что ему ответить.

— А в чем дело? — спросил Самборский. — Что случилось?

— Я неоднократно предупреждал гражданина Довгальюка, чтобы тот освободил солярий, который ему не принадлежит.

— У вас же есть другой солярий, на другом конце дома... Вы же его не используете, — сказал, наконец, профессор.

— Мы и этот пока не собираемся использовать. Но это непорядок, что вы его заняли.

— Вы формалист, — рассердился профессор.

— Не ругайтесь. Даю вам пять минут, иначе приму меры.

— Слушайте, товарищ, — вмешался Макаренко, обращаясь к коменданту. — Теперь уже вечер, мы посидим здесь, а завтра вы окончательно выясните это дело. Не будьте бюрократом.

— Кто бюрократ? Я бюрократ? Вы меня обижаете! Я с вами не буду разговаривать. Пять минут! — комендант повернулся и вышел.

— Это возмутительно! — сердился профессор, но быстро успокоился и вновь вернулся к предыдущей теме.

— Итак, позвольте познакомить вас с мальчиком, Тарасом Чутем. Он здесь, у меня дома. Подождите минутку.

Профессор спустился вниз и вскоре вернулся на крышу вместе с мальчиком. За ними показалась голова коменданта, который громко сказал:

— Пять минут прошло! — и сразу исчез.

На коменданта никто не обратил внимания.

3. «БАТОВИА»

Тараса Чутя прозвали в школе «сухариком». Этим прозвищем товарищи наградили его за маленький рост и необычайную сухощавость. Иногда его называли «зайцем» за длинные уши без мочек, но, кроме этих ушей, ничего заячьего во внешности он не имел.

Гости профессора с интересом разглядывали Тараса. Аркадий Михайлович предложил ему сесть и рассказать о своем проекте. Мальчик сел, но как только начал говорить, то снова вскочил. Он заметно волновался.

— Я предлагаю, — сказал Тарас, — построить тоннель от Москвы до Тихого океана. Тоннель должен по прямой спускаться к морю. Из него надо выкачать воздух. Если по такому тоннелю пустить поезд, то он по рельсам, идущим наклонно, будет катиться все быстрее и быстрее. Воздух не будет тормозить его движения и поезд не потребует затраты никакой энергии. Надо только сразу хорошо его толкнуть. Я считаю, что такой поезд может развить скорость более тысячи километров в час. Москва стоит выше двухсот метров над уровнем моря, а Владивосток — на берегу моря. И вот, из Москвы поезд выходит под землей, а во Владивостоке прибывает на поверхность. Можно такой же тоннель проделать так, что он будет идти наклонно под землей от Владивостока до Москвы, но тогда в Москве подземную станцию надо делать очень глубоко. Я нарисовал эти пути. Вот мои рисунки.

Тарас вытащил из кармана сверток, развернул его и положил на стол, показывая нарисованную им схему подземного пути. Слушатели склонились над столом, рассматривая схему.

— Это и есть весь ваш проект? — спросил Макаренко, который не решался даже пятилетним детям говорить «ты».

— Да.

— Значит, ты хочешь, — сказал Самборский, — проложить через четверть радиуса земного шара наклонную трубу, выкачать оттуда воздух и пустить по ней поезда?

— Да.

— Чуть ли не перпетуум мобиле, — пробубнил астроном.

— А скажите, вы подсчитали, какой наклон у вас будет от Москвы до Владивостока? На сколько снижается путь на протяжении одного километра? — спросил Макаренко.

— Нет.

— А можете это сделать?

— Могу. Надо поделить высоту на путь.

— То есть двести метров на... на... ну, пусть на восемь тысяч, хотя там почти девять... Так будет удобнее. Что получилось?

— Два с половиной сантиметра на километр, — ответил школьник.

— Маловато для такой скорости, о которой ты мечтаешь, — заметил Самборский.

— Так можно же подталкивать, — вмешался до сих пор молчавший Гопп. — Пустите поезд-трамвай, и он пойдет по такому пути с колоссальной скоростью и минимальной затратой энергии. Право, мне этот проект нравится.

— Вы представляете себе такой тоннель? — обратился к физику Самборский. — Тоннель более восьми тысяч километров длиной! Симплонский тоннель в Альпах, самый длинный на сегодняшний день в мире, имеет протяженность около двадцати километров. Строили его очень долго, и стоил он огромных денег. А вы хотите построить тоннель в четыреста или в пятьсот раз длиннее. Это слишком грандиозная задача! Это будет возможно через пятьсот лет! Может быть...

— Я с тобой не согласен, — перебил его Макаренко. — Для нашей техники в принципе это вполне возможно.

— Да представляешь ли ты, сколько почвы пришлось бы выбрать, пробивая такой тоннель? — воскликнул Самборский.

— Можно подсчитать.

— Двести миллионов кубометров, — ответил за Макаренко Тарас, — я уже подсчитывал.

— Молодец! — похвалил парня инженер.

— На строительстве Панамского канала было выбрано двести двенадцать миллионов кубометров грунта, — вставил Макуха.

— Не может быть! — возразил Самборский.

— Факт, — возмутился географ. — Везде в литературе об этом упоминается.

— Я не о Панамском, — досадуя, покачал головой Самборский, — я о нашем тоннеле.

— Ну, это тоже факт, — засмеялся Макаренко. — Парень не сильно ошибся. Но пусть даже вдвое, втрое больше, все же это ненамного.

— А рельеф местности? Надо же прокладывать под высокими горами и под таким глубоким озером, как Байкал, а его глубина, как вам известно, более полутора километров, к тому же это озеро выше уровня моря на полкилометра...

— Ровно на четыреста пятьдесят три метра, — перебил Макуха.

— Пусть и так, но это значит, что тоннель надо прокладывать сквозь озеро на три четверти километра ниже его поверхности и на три четверти километра выше дна. А вечная мерзлота? А землетрясения?

— Не спеши. Лучше взглянем на карту и выясним точно.

— Аркадий Михайлович, можно достать у вас физическую карту Советского Союза?

— Пожалуйста, у меня в кабинете. — Профессор поднялся с места.

— Не беспокойтесь, Аркадий Михайлович, — и Макаренко ушел сам.

Только профессор сел снова, как инженер вернулся и спросил:

— А скажите, ключ у вас есть?

— Какой ключ? — удивился профессор.

— Да тут дверь заперта, выйти нельзя.

Аркадий Михайлович не поверил. И, подойдя к двери, несколько раз дернул за ручку. Но дверь не открывалась. Комендант дома, выполняя свои угрозы, запер ее.

Все были возмущены, только Макуха почти равнодушно отнесся к этому.

— Я немного знаю местность, о которой идет речь, — сказал географ, — и могу рассказать о том, что вы собираетесь увидеть на карте.

— Ну, пусть так. В конце концов, он когда-нибудь все-таки откроет дверь и выпустит нас, — решил профессор. — Возвращаемся на свои места и послушаем географа.

Макуха потер пальцем кончик носа и начал:

— Я уже думал о направлении этого туннеля. Я назвал бы этот путь... объединив греческий и латинский языки — «батовиа», что в переводе означает подземный, глубинный путь. По моему мнению, для этого лучше всего выбрать пятьдесят шестую параллель. Тоннель начнется от Москвы, чуть севернее Щелковского аэродрома. Здесь пятьдесят шестая параллель проходит. На своем пути она пересекает реки: Оку, Волгу, Вятку и Каму. Высота Уральских гор на пятьдесят шестой параллели не превышает пятисот метров над уровнем моря. Разве только кое-где. Далее идет Западно-Сибирская низменность с реками: Тоболом, Ишимом, Иртышем и Обью. За Обью встретятся отроги Саянского хребта. Теперь суша начинает значительно возноситься вверх. Перейдя Енисей, Ангара и Лену, пройдем почти ми-

мо северного берега Байкала. Отсюда начинается гористая, малоисследованная местность с хребтами Станового водораздела. Они тянутся до самого Охотского моря. Высота этих гор не больше двух тысяч метров над уровнем моря. Наш путь заканчивается на берегу Охотского моря, чуть севернее Шантарских островов. От Владивостока выход отстоит не больше чем на тысячу километров, а от Николаевска-на-Амуре — километров на триста-четыре. Таким образом, мы минуем глубоководный Байкал и пройдем по местности, где вечная мерзлота останется высоко над нашим тоннелем, а землетрясения наблюдаются чрезвычайно редко и, обычно, небольшой силы.

— Чудесно! — заявил Макаренко. — Этот тоннель не только свяжет кратчайшим и самым быстрым путем европейскую часть Советского Союза с Дальним Востоком, но и оживит безлюдное побережье Охотского моря.

Самборский молчал. Он что-то обдумывал.

— Надо все точно подсчитать, — сказал он наконец. — Дайте мне на это два дня.

Поговорив еще немного, гости профессора решили, что в течение двух дней каждый из них будет обдумывать проект Тараса Чутя, а инженеры и физик сделают, кроме того, необходимые подсчеты. Затем все соберутся и окончательно решат, можно ли осуществить этот проект.

Настало время покидать гостеприимный дендрарий профессора Довгальюка. Но двери все еще были заперты, и ни на стук, ни на зов комендант дома не появлялся.

НОЧЬ НА УЛИЦЕ КРАСНЫХ БОТАНИКОВ

— Что же нам делать? — спросил профессор.

Шел второй час ночи. С крыши виднелся спящий город, бледные фонари освещали пустую улицу Красных Ботаников, на которой стоял дом. Глубоким провалом чернел двор перед домом.

— Чья же это затея? — поинтересовался астроном.

— Бесспорно, коменданта, — возмущенно сказал Макаренко.

Барабаш и Макуха смеялись, предлагая ночевать на крыше и поручить Свече охранять их сон, а заодно и изучать звездное небо.

— Смех смехом, — недовольно ворчал Самборский, — а мне завтра утром на работу надо.

Снова начали стучать в дверь и звать на подмогу, но ничего не помогало. Какой-то одинокий прохожий задрал голову, глянул с противоположного тротуара на крышу, однако на возгласы, обращенные к нему, не ответил, а только быстрее зашагал дальше своей дорогой.

Постояли, походили по солярию еще минут двадцать, соображая, как выйти из этого положения. Конечно, они могли бы поднять такой шум, что разбудили бы не то что весь дом, но и всю улицу, но присущая им скромность и нежелание стать мишенью для шуток сдерживали их.

Наконец Самборский предложил спуститься вниз по водосточной трубе. Сначала предложение отвергли, но потом все серьезнее начали его обсуждать, и все, кроме профессора, согласились, чтобы Самборский, неплохой спортсмен, попытался проделать это опасное путешествие. Аркадий Михайлович, напротив, возражал против "этой безумной выходки", как он назвал замысел инженера. В конце концов, профессор согласился, когда решили из разных обрывков, найденных на цветниках, связать веревку, чтобы привязать ее для безопасности к Самборскому.

— Смотри, чтобы тебя не приняли за вора, — сказал Барабаш, — а то вместо помощи нам попадешь в милицию, и мы зря будем ждать.

Инженер скинул пиджак, снял ботинки, обвязался на всякий случай веревкой, перелез через низенькие перильца и оказался на водосточной трубе. Затем, обхватив ее ногами и почувствовав, что держится крепко, отвязал веревку и быстро начал спускаться между окнами и балконами пяти этажей. Спуск занял минуты три, и вот он уже коснулся ногами земли. Выпустил из рук трубу, обернулся... и увидел перед собой милиционера.

«Барабаш напророчил, — мелькнула у инженера мысль, — прямо в объятия...»

— Вы, гражданин, из солярия? — спросил милиционер.

— Да... А откуда вы знаете? — удивился инженер. — Может, я из чужой квартиры?

— Нас предупредили о чьей-то хулиганской выходке, и я вот иду выручать вас.

— Кто предупредил?

— По телефону...

— Так пойдете скорее, а то, знаете... И мое, и их положение, — Самборский показал рукой вверх, — довольно неудобное.

Поднявшись на пятый этаж, они увидели там мужчину, который сидел на стуле перед запертой дверью и с видом полнейшего равнодушия курил папиросу. Увидев милиционера, мужчина поднялся и вопросительно посмотрел на непрошенных гостей.

— Вы кто такой, гражданин? — спросил милиционер.

— Комендант дома, Иван Семенович Черепашкин. Очень рад, что вы пришли. Мне надо задержать группу нарушителей общественного порядка и составить на них акт.

— Идиот, — прошептал инженер и обратился к милиционеру. — Прикажите ему открыть дверь. Это он запер нас в солярии.

— Товарищ милиционер, те граждане, что там заперты, не подчиняются распоряжениям домоуправления. Против них надо принять решительные меры.

— Открывайте, — приказал милиционер, — там разбе-
ремся.

Короткая летняя ночь уже кончалась, когда все поднялись со своих мест. Черепашкин-таки добился, чтобы был

составлен протокол, который в итоге все подписали, кроме самого коменданта, который не соглашался с формулировкой «преступления гражданина Довгалока и его знакомых».

— Кто же вам звонил о нашем приключении? — спросил на прощание профессор милиционера.

— Не знаю. То ли женский, то ли детский голос сказал, что здесь заперли людей. Именно я взял телефонную трубку. Спросил, кто звонит. Тот назвал свою фамилию, но я не разобрал. Тогда доложил дежурному по району, и он послал меня проверить.

— Интересно, кто бы это мог быть? — возвел глаза на милиционера профессор. — Не помните? На что его фамилия похожа?

— Какой-то Гуть... Буть ... Муть... Не могу сказать.

— Чуть?! — вскрикнул физик. — Тарас Чуть?

Только теперь все обратили внимание, что с ними нет мальчика. Начали искать повсюду, но Тарас Чуть исчез без следа.

Так и разошлись, не найдя мальчика.

5. ДОКЛАД ДВУХ ИНЖЕНЕРОВ

Редактор журнала «Заря» Антон Павлович Черняк держал локти на столе, подпирая руками подбородок, и слушал. Докладывал инженер-строитель Самборский. Члены научного комитета новейших сооружений, соблюдая абсолютную тишину, проявляли чрезвычайное внимание к сло-

словам выступающего.

Прошел всего месяц после знаменитого заседания в солярии дома № 3 по улице Красных Ботаников, а вопрос о подземных безвоздушных путях и ультрабыстром движении по таким путям уже готовился для доклада правительству. Научный комитет новейших сооружений был последней инстанцией, после которой этот вопрос должно было рассматривать правительство. Собственно, все члены комитета уже ознакомились с проектом, который составили инженеры Самборский и Макаренко. Проект был разработан в общих чертах, но давал четкое представление о построении подземного пути от Москвы до Дальнего Востока. Главное — были проработаны принципиальные вопросы. Все это объясняла докладная записка, которую члены комитета читали; теперь же происходила, так сказать, публичная защита проекта Тараса Чутя перед выдающимися учеными и техниками страны. Значительная заслуга в том, что проект быстро попал на рассмотрение соответствующих инстанций, была и редактора журнала «Заря». Поэтому понятно было его присутствие на этом заседании. Непосредственно связываясь со многими учеными, он сумел очень быстро ознакомить их с проектом, и добился быстрой передачи его на рассмотрение комитета.

Самборский заканчивал свой доклад:

— Я изложил наши взгляды на осуществление идеи Тараса Чутя. В частности, мне пришлось отстаивать возможность прокладки тоннеля и откачивания из него воздуха. Мы пришли к окончательному выводу, что объем грунтовых работ составит около одного миллиарда кубометров при диаметре тоннеля 13,8 метра. Конечно, круглая форма будет самой лучшей, но для поездов она не совсем удобна, а потому внутри тоннель будет иметь немного другую форму. Его высота будет достигать 6,8 метра, а ширина — 8 метров. Собственно, это будет труба со стенками толщиной от 2,9 до 3,5 метров. Оболочка туннеля, то есть стены этой трубы, будет состоять из четырех различных слоев: бетон, железобетон, сталь-чугун и сталь. Эти прослойки полностью защитят туннель от любых повреждений снаружи. Нам придется построить на протяжении тоннеля около двух тысяч шахт, чтобы иметь возможность проводить туннельные работы на всем пути одновременно. Опыт наших горных инженеров обеспечивает выполнение этих работ быстро, надежно и дешево. Конечно, строительство потребует колоссального количества материалов и людей. Для того, чтобы в течение двух лет закончить тоннель, потребуется полтора миллиона человек, которые будут непосредственно работать на стройке. Получится чуть более четырех метров на одного. Не менее двух миллионов человек будет занято на производстве материалов. В Сибири придется создать специальные металлургические и другие заводы, которые будут работать исключительно для нужд строительства тоннеля. Но эти колоссальные затраты вполне оправдаются; в этом убеждают нас консультации с экономистами и стратегами, которые изучали наш проект.

Вторым докладывал инженер-энергетик Макаренко. Он рассказал о своих подсчетах, сколько необходимо электроэнергии для обслуживания как поездов в тоннеле, так и компрессоров для непрерывной откачки воздуха. По мнению Макаренко, тоннель должен иметь пять мощных электростанций с линиями высоковольтных передач на расстояние до семисот километров. Новейшие изоляционные материалы позволяют осуществлять передачу энергии по кабелям, прокладываемым под землей.

— Вы видите из нашего проекта, — говорил Макаренко, — что намеченные станции имеют немного необычный вид. Эти гидро- и теплоэлектроцентрали расположены под землей. Это, так сказать, соответствует идее нашего основного строительства, то есть туннелю. По каким причинам мы предлагаем именно такие станции? Мы исходим из того положения, что пока существуют на земном шаре империалистические государства, до тех пор мы не лишены угрозы военного нападения на нашу страну. Авиация врага может сбросить колоссальное количество взрывчатых веществ на надземные здания и уничтожить их. Но сооружения, спрятанные глубоко под землей, остаются в полной безопасности. Наши электростанции мы спрячем очень глубоко. Даже бомба весом в сто тонн не причинит нам никакого вреда.

Из проекта вы видите, что построение такого туннеля требует колоссального количества электроэнергии, и тем самым ставит на реальную почву проблему Ангарстроя. Потому что, если раньше вопрос о создании этого огромного

комбината электростанций упирался в невозможность найти потребителей в районе реки Ангары на десять миллионов киловатт энергии, то теперь таким потребителем будет комплекс подземных электропутей и связанных с ним предприятий. В число подземных электростанций мы включили довольно оригинальную гидроцентральный, намереваясь использовать воды озера Байкал. Надо создать подземную реку, которая будет вытекать из Байкала на глубине приблизительно 50 метров. Эта подземная река будет иметь водопад высотой сто — сто пятьдесят метров. Собственно говоря, мы создадим подземную Ниагару, пользуясь тем, что уровень воды в Байкале на 453 метра выше уровня океана. Это сделать тем легче, что именно здесь на значительных глубинах нам будут способствовать геологические условия.

Я думаю, что смелая идея Тараса Чутя имеет все основания, чтобы воплотиться в жизнь, и приобретает такое колоссальное значение, о котором мальчик даже не представлял.

Члены комитета выслушали доклады обоих инженеров и обменялись мнениями.

Никто не отрицал, что замысел интересен и в принципе вполне возможен, но кое-кого пугала грандиозность строительства. Все же черновик проекта был одобрен «в основном», и было решено доложить правительству о том, что прокладка тоннеля возможна.

По окончании заседания Черняк подошел к докладчикам, поздравил их, пожал им руки и спросил:

— А что известно о Тарасе Чуте? Нашелся, наконец, мальчик?

— Сегодня Аркадий Михайлович должен вернуться из Староднепровска, — сказал Макаренко. — Надеюсь, он привезет хорошие вести.

— Вы увидите профессора?

— Бесспорно.

— Обязательно созвонитесь со мной.

— Конечно.

6. ПРОФЕССОРА ВЫЗЫВАЮТ

Профессор Довгалоук приехал домой расстроенный. Он побывал в Староднепровске, нашел родителей Тараса Чутя и застал их в горе, потому что они уже потеряли надежду когда-либо снова увидеть своего мальчика. Полтора месяца назад Тарас исчез, как указывали материалы специального расследования, на пути между столицей и Староднепровском. Об этом свидетельствовало письмо, полученное профессором на другой день после совещания в солярии. В письме Тарас писал, что он спустился по водосточной трубе с крыши на улицу, никому ничего об этом не сказав. Мальчик просил простить его за этот поступок, а также за то, что уезжает домой, не попрощавшись. Он объяснял это тем, что, слушая разговоры знакомых профессора, чувствовал себя очень неловко, потому что не смог отстаивать свой проект и убедился, что это вовсе не проект. Ведь он даже не представлял себе тех трудностей, о которых говорили инженеры. Он очень благодарен им за сочувственное отношение к нему, и за то, что они резко не критиковали его, а, наоборот, пытались утешать его тем, что обещали подумать над проектом. Но теперь ему стало понятно, что проект пока неосуществим. Он решил вернуться домой, продолжать учиться, чтобы, впоследствии, стать инженером, чтобы в будущем самому, самостоятельно, разработать такой проект.

"Замечательный мальчик", — подумал тогда профессор, улыбаясь.

Из того же письма Аркадий Михайлович узнал, что именно Тарас сообщил в милицию о происшествии в солярии. Штамп на конверте гласил, что письмо брошено в ящик почтового вагона Староднепровского поезда. Это подтверждало пребывание Тараса в этом поезде.

После получения этого письма профессор немедленно написал мальчику в Староднепровск, но ответ пришел от его отца, который писал, что Тарас домой не вернулся. Дня через два спустя приехал и сам отец Тараса. Мальчика искала милиция, о нем давали объявления, но никаких известий

о том, куда он исчез, никто не получил. Отец вернулся домой. В Староднепровске продолжались розыски.

Чтобы узнать о ходе следствия, Аркадий Михайлович специально съездил туда, но вернулся обратно безо всяких сведений о юном фантасте, замысел которого стоял на пороге своего осуществления. Об идее Тараса Чутя уже всюду говорили выдающиеся ученые, над ней работали опытные инженеры, и в недалеком времени проект осуществления замысла мальчика должен был быть доложен правительству, но где был сам автор этой идеи, никто не знал.

С такими мыслями сидел Аркадий Михайлович у себя дома, когда к нему приехали Самборский и Макаренко. Инженеры поспешили к своему старому другу сразу после заседания комитета.

Их первые вопросы были о поездке профессора. Узнав о неутешительных вестях, они были расстроены, но спешно должны были возвращаться в свои кабинеты, чтобы закончить сопроводительную записку к проекту, который в ближайшие дни должен был быть подан на рассмотрение правительства. Они коротко рассказали о результатах заседания и попрощались с профессором. Только инженеры вышли из квартиры, как зазвонил телефон.

Аркадий Михайлович снял трубку и произнес свое обычное в таких случаях:

— Да-а-а?

— Квартира профессора Довгалока? — спросил женский голос.

— Да.

— Профессора можно попросить?

— Я слушаю.

— С вами говорят из 26 районной хирургической больницы. У нас второй месяц лежит тяжелораненый ребенок. Только сегодня к нему вернулась память, и он назвал вашу фамилию. Никого из родных или знающих его мы до сих пор не нашли, и поэтому только сейчас можем вам сообщить.

— Как его зовут? — волнуясь, вскричал профессор.

— Андриан Маковский.

Несколько секунд профессор молчал. Наконец, тихо проговорил:

— Я такого не знаю...

— Но он назвал профессора ботаники Аркадия Михайловича Довгалока и, к сожалению, после этого снова потерял сознание. Он очень тяжело ранен, но мы совершенно уверены, что нам удастся спасти ему жизнь.

— Кто со мной говорит?

— Врач Корсакова.

— Хорошо! Через час я приеду к вам. — Профессор повесил телефонную трубку.

7. АНДРИАН МАКОВСКИЙ

Профессор Довгальук задумался. Никакого Андриана Маковского он не знал, но эту фамилию как будто бы где-то видел. Собираясь ехать в больницу, он одевался очень медленно, потому что глубоко задумался, отыскивая в памяти это незнакомое имя, и когда уже надел шапку, вдруг вспомнил. Да, действительно, эта фамилия ему уже встречалась. Не далее, как вчера, перелистывая газету, он остановился на объявлении, и там имя Андриана Маковского попало ему на глаза.

Аркадий Михайлович вернулся в кабинет и стал искать вчерашнюю газету, но не нашел ее и, с мучительной мыслью о том, кто такой Андриан Маковский и откуда он знает его, Аркадия Михайловича, вышел на улицу.

Демидовская 26 районная хирургическая больница находилась далеко за городом, километрах в десяти от ближайшей трамвайной остановки. Она располагалась вблизи железной дороги, и туда можно было попасть либо пригородным поездом, либо автобусом.

Аркадий Михайлович отдал предпочтение последнему и, недолго постояв в очереди, оказался в углу большого зеленого автобуса, полного дачников и колхозников из пригородных сел.

В автобусе качало и подбрасывало, но вскоре профессор добрался до больницы, которая возвышалась красным трехэтажным домом среди небольшого зеленого парка.

В больших железных воротах больницы Аркадий Михайлович нашел маленькую дверку и прошел в нее, никого не встретив. Привратника здесь либо не было, либо тот не очень усердно выполнял свои обязанности.

Лишь взойдя по широкой серой лестнице и отворив дверь в вестибюль, профессор обнаружил там швейцара и нескольких пациентов. Почти одновременно из покоев больницы в вестибюль вышла сестра. Аркадий Михайлович спросил ее, где он может видеть врача Корсакову.

— Вы профессор Довгальук? — спросила сестра.

— Да. Меня просили приехать.

— Мы вас с нетерпением ждем.

Услышав этот разговор, к ним приблизился один из посетителей, безусый юноша, сидевший в вестибюле.

— Я тоже вас жду, — сказал он Аркадию Михайловичу.

— Моя фамилия Маковский, — добавил он, когда заметил удивленный взгляд профессора. — Андриан Маковский. Меня вызвал главный врач по поводу моего паспорта.

— Какого паспорта? — еще больше удивляясь, спросил Аркадий Михайлович.

— Я потерял паспорт. А может быть, его у меня украли. Вчера об этом было объявление в газете, а сегодня мне позвонили по телефону, вызвали сюда и сказали здесь ждать вас.

Теперь профессор понял, где в газете он видел фамилию Андриана Маковского, но сестра его торопила.

— Снимайте пальто, надевайте халат и пойдемте в палату. Врач ждет вас возле больного.

Она провела профессора по лестнице на второй этаж и в конце длинного широкого коридора распахнула дверь с номером «32».

— Заходите в палату, — пригласила сестра.

В комнате стояло три кровати, две были застелены, а на третьей лежал больной. Возле него сидела русая женщина в халате. В открытое окно заглядывали листья высоких деревьев и доносились ароматы цветов из сада. Женщина обернулась, внимательно посмотрела на Аркадия Михайловича, протянула ему руку и сказала:

— Здравствуйте, профессор! Я не видела Вас лет десять, но сразу узнала: когда я училась в школе, вы преподавали нам ботанику. Прошу, подойдите к больному и взгляните на него. Он без сознания.

Довгалоук внимательно посмотрел на врача, но сразу не смог вспомнить свою бывшую ученицу, да и цель его приезда была другой. Он перевел глаза на кровать, где лежал весь забинтованный больной, едва прикрытый тонкой и короткой простыней.

Профессор отчасти видел, отчасти угадывал, где белая марля укрывала голову, руки и ноги. Пройдя еще два шага

вперед, он, остановившись, наклонился над больным. Закрытые глаза, курносый бледный нос, тонкие крепкие сжатые губы напоминали Тараса Чутя, но все выражение лица было какое-то слишком отличающееся от того, каким представлял его себе по памяти профессор. Возможно, болезнь изменила его лицо. Несколько секунд Аркадий Михайлович стоял в нерешительности. Потом взглянул на врача и попросил:

— Покажите мне его уши.

Когда тонкие длинные пальцы врача нежно загнули марлю, и из-под нее выглянули заячьи, без мочек уши, профессор убедился, что перед ним его бывший юный гость, который так неожиданно исчез по пути в Староднепровск.

— Это он!.. Он, он!.. — сказал взволнованный Аркадий Михайлович.

— Вы его знаете? — прорычала сестра, стоявшая рядом.

— Это Тарас Чуть, — ответил профессор, не спуская глаз с больного.

— Так он не Андриан Маковский? — спросил доктор.

— Нет, можете паспорт вернуть его владельцу. Хотя... подождите. Расскажите мне, в каком он состоянии и как попал к вам... Надо сообщить родителям...

— Присядьте, профессор! — врач поставила ему стул у кровати.

— Спасибо. Очень прошу, товарищ Корсакова, расскажите, что с ним.

— Состояние его тяжелое, но не безнадежное, хотя первые дни мы почти не верили, что он выживет. Его доставили к нам с разбитой головой и пробитой грудью. Кроме того, у него оказался вывих обеих ног, левой руки и около полусотни синяков и царапин. Его нашли вблизи железнодорожной насыпи возле маленького каменного мостика по пути в Киев. Возможно, он упал с этого мостика, а может, выпал из поезда. В сознание не приходил, хотя мы трижды делали ему операцию. Лишь в последнюю ночь впервые очнулся на несколько минут... Нет, не так... Он в первый раз произнес только несколько связных слов. Это скорее был

бред, но он звал вас. Я была при этом и сразу же позвонила вам. Мы совсем ничего о нем не знаем, но прилагаем все усилия, чтобы спасти ему жизнь, и есть уверенность, что это нам удастся. Мы считали, что это некий Андриан Маковский, потому что нашли при нем паспорт. Адресный стол дал справку, что Андриан Маковский действительно проживал в нашем городе, но выбыл в неизвестном направлении. Вчера же мы прочитали в газете объявление о утерянном паспорте на имя Андриана Маковского с его адресом, и пригласили владельца паспорта сюда.

— Я уже видел его в вестибюле, — сказал профессор.

— Значит, мы можем вернуть ему паспорт?

— Да. Но лучше передайте это дело в милицию или прокуратуру. Этот мальчик, — Аркадий Михайлович показал на Тараса, — не занимался хищением чужих паспортов, да и собственного не имел, потому что ему всего четырнадцать лет. Тут, наверное, имеет место какое-то преступление. Но я очень прошу вас — обязательно спасите ему жизнь, поставьте его на ноги.

В это время больной застонал, и врач повернулась к нему.

Тарас открыл глаза, увидел профессора, и на его лице вспыхнула искра радости, но сразу же веки его вновь сомкнулись, и он опять застонал.

— Он узнал вас, — сказала Корсакова.

8. ПРЕДПРАЗДНИЧНЫЙ ВЕЧЕР

День 6 ноября, как обычно, выдался суматошным и хлопотным. На улицах празднично одетая толпа, в магазинах не протолкнуться, трамваи и автобусы переполнены, возле стоянок такси длиннющие очереди пассажиров. Аркадий Михайлович не любил предпраздничные дни за эту шумность, и поэтому с самого утра сидел дома, дожидаясь вечера, когда город раскрасится иллюминацией. Только тогда он собирался выйти на прогулку. В течение целого дня он дожидался телефонных звонков от Самборского и Макаренко, но никто из них не напомнил о себе.

Лишь стало смеркаться, как профессор вышел на любимую прогулку по центральным улицам. Он шел, не торопясь, то проталкиваясь в толпе, то пытаясь двигаться по течению, а иногда, выбрав удобное место, останавливался и, опершись на трость, рассматривал гирлянды разноцветных электрических лампочек, сверкающие красные звезды, мерцающие фигуры, которые то появлялись, то исчезали на стенах высоких домов, красочные праздничные лозунги, портреты и, позже вечером, золотой дождь фейерверков над скверами.

Идя по радостному городу, он с сожалением думал о том, что Тарас не мог сопровождать его в этой прогулке. Тарас все еще лежал в больнице. Аркадий Михайлович часто его навещал. Мальчик, хоть и медленно, но выздоравливал, но врачи еще запрещали ему разговаривать. Профессор с нетерпением ждал того дня, когда можно будет начать с Тарасом долгий разговор, рассказать ему о проекте глубинного пути и услышать о том, что на самом деле произошло 25 августа.

С прогулки Аркадий Михайлович вернулся около одиннадцати вечера. В прихожей его встретила старенькая мать и пожаловалась:

— Уже с час телефон у нас не унимается. Все звонят и тебя спрашивают.

— А кто звонил?

— Да всех и не упомяну. Звонили эти парни несколько раз, как их... Макаренко и Самборский. Звонил какой-то редактор, звонил врач...

Она не договорила, потому что из кабинета донесся звонок телефона и профессор, не снимая пальто, бросился туда.

— Аркадий Михайлович? — послышался в трубке голос Макаренко.

— Да, да, Миша! Я. Что нового?

— Ура!

Это "ура" так громко прогремело, что профессор даже невольно отодвинул трубку от уха.

— Аркадий Михайлович, — говорил Макаренко, — есть постановление правительства! Сегодня принято. Принципиально замысел одобрен. Приказано работать над проектом и определен срок начала строительства.

— Когда?

— Первого мая. На подготовительные работы дано только полгода. Начальником строительства назначен академик Саклатвала. Я и Самборский — его помощники. Антон по туннельному снаряжению, а я по электрификации.

— Поздравляю, поздравляю!..

— Так же можете поздравить и себя.

— Бесспорно, потому что я рад вашему успеху.

— Нет, не только поэтому. Тем же постановлением при начальнике строительства создан совет, а в состав совета назначили также и вас.

— Но ведь я не техник.

— Это не страшно. Правительство рассмотрело вашу роль в этом деле и оценило ее. Начало положено было вами.

— Оставьте шутки! Начало положено было не мной, а Тарасом...

— Знаю, знаю. И в правительстве знают. Официально проект будет называться теперь проектом подземного пути Тараса Чутя.

— Рад за Тараса. Советую вам завтра, вместе с Антоном, заехать ко мне, и мы съездим в больницу к Тарасу.

— Хорошо, Аркадий Михайлович! А пока спокойной ночи!

— Спокойной ночи!

9. РАССКАЗ ТАРАСА

На следующий день, 7 ноября, по окончании парада и демонстрации, открытое синее авто, которое принадлежало Макаренко, медленно продвигалось по переполненным людьми улицам, пытаясь выбраться за город. За рулем машины сидел владелец автомобиля, за ним, облокотившись на мягкие подушки, расположились Аркадий Михайлович и Самборский.

Хотя стояла поздняя осень, но день выдался на удивление теплый, солнечный, прозрачно-легкий. Когда машина оказалась за городом, и Макаренко погнал ее со скоростью 90 километров в час, пассажиры только тогда почувствовали резкую бодрящую прохладу сильного потока воздуха. Расстояние от города до больницы проехали за несколько минут, и вскоре остановились перед воротами, которых никто не открывал, хотя инженер давал длинные гудки. Но вот из калитки выскочил маленький мужичок и возмущенно закричал на шофера, что он, мол, нарушает тишину и покой в зоне больницы. Инженер попросил прощения и поинтересовался, можно ли открыть ворота, на что получил ответ, что ворота открывают только для больных, посторонние машины на территорию больницы не пропускаются, чтобы не нарушать тишины и покоя.

Машину оставили под присмотром сторожа, и все трое двинулись пешком к главному входу.

Это был радостный день. Тарас Чуть встретил своих друзей, сидя на кровати. Со всех сторон ему подоткнули подушки, на голове еще была повязка, но бледное его лицо весело улыбалось. У него сегодня это было уже второе посещение. Утром его навестили отец с матерью, приехавшими из Староднепровска.

Мальчик уже давно начал выздоравливать, но врачи запрещали ему разговаривать. Так же не позволяли посетителям рассказывать Тарасу о таких событиях, которые могли бы его взволновать. Сегодня с этим запретом было покончено.

Возле больного находились, кроме профессора и инженеров, также врач Корсакова и следователь областной прокуратуры Томазян. Гости понимали состояние мальчика и старались не утомлять его, но сегодня они должны были узнать о том, что больше всего их интересовало: как Тарас оказался под насыпью железнодорожного пути, который вел на Киев.

Очень скоро разговор перешел именно на это.

Тарас, когда его спросили об исчезновении из солярия и о дальнейших приключениях, прикрыл глаза, помолчал почти минуту, словно восстанавливая в памяти какие-то давние события, затем обвел взглядом своих гостей и начал:

— Я очень хорошо помню, как спускался с пятого этажа на улицу и как позвонил в милицию о том, что вас заперли в солярии. Перед тем, как звонить, я долго просматривал телефонный справочник, пока нашел нужный отдел милиции. Очень извиняюсь за то мое исчезновение. Я никак не думал,

что мое предложение о тоннеле без воздуха было так несерьезно. Прошу простить, что отнял у вас дорогое время. Мне было стыдно. Кажется, в тот самый день я послал вам письмо, профессор?

— Да-да... — пробормотал Аркадий Михайлович.

В глазах инженеров промелькнула добрая улыбка, а врач чуть удивленно следила за рассказом мальчика. Лишь следователь сохранял полнейшее спокойствие и слушал очень внимательно.

— В тот же день, — продолжал Тарас, — я купил билет до Староднепровска. Поезд отходил вечером, и мне пришлось долго просидеть на вокзале. В киоске я купил несколько технических книжек, и, ожидая поезда, читал их. Позже ко мне подсел какой-то человек и попросил книжку, сказав, что ему скучно дожидаться поезда. Я дал ему книжку. Он пролистал ее и спросил, куда я еду. Когда узнал, что в Староднепровск, то очень обрадовался, потому что оказалось, что он тоже туда ехал. Потом он попросил, чтобы я посмотрел за его вещами, и ушел в город. Появился он только под вечер и сказал, что в киевском поезде есть вагон на Староднепровск, которым очень удобно ехать, и предложил сменить билеты на тот вагон. Я согласился. Он взял мой билет, пошел к кассе и скоро вернулся, сказав, что с билетами все в порядке и что надо спешить на платформу, потому что поезд сейчас отходит. Мы почти выбежали из вокзала. Действительно, поезд уже трогался, и пришлось вскочить в него на ходу. Мой спутник показал проводнику билеты. Оказалось, что наш вагон третий, и проводник посоветовал перейти туда на первой же остановке. Сначала мой новый знакомый согласился, а потом предложил идти через вагоны, на ходу поезда. Мы пошли. Шли не очень быстро, потому что мешал чемодан моего спутника. Когда переходили из одного тамбура в другой — яростно свистел ветер, мелькали в сумерках кусты, деревья, поля.

Мне трудно вспомнить, где это именно произошло... Знаю, что в одном тамбуре была открыта дверь... Здесь мы остановились. Тот мужчина, что шел со мной, поставил чемодан, потому что, мол, устал, выглянул в дверь, глянул

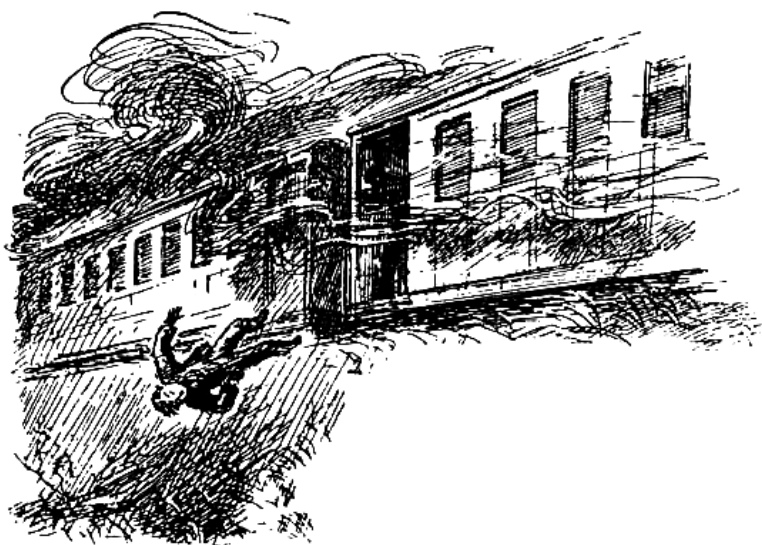
вперед поезда и сказал про чудесный пейзаж. Я подошел и выглянул... Еще помню, он спросил меня: "Тебя зовут Тарас Чуть?" Вероятно, я ответил ему, что да... Но больше ничего не помню. Видимо, тогда я и упал с поезда.

Тарас умолк. Все ждали, что он что-то еще скажет, но мальчик молчал. На его лице отражалась усталость.

— Ну, на сегодня достаточно, — сказала Корсакова. — Завтра можно будет продолжить разговор.

— А нам ничего нельзя ему рассказать? — спросил Аркадий Михайлович.

— Вам?... Да, можно, только коротко.

— Так вот, Тарас, ты зря считаешь, — обратился профессор к мальчику, — что твое предложение о туннеле без воздуха не заслуживает внимания. Основная мысль твоя была верна, и теперь инженеры начали работать над проектом железной дороги, о которой ты мечтал. И именно в этом твоя заслуга.

Мальчик приподнялся на локте, глаза его заблестели, было видно, что он сильно взволнован.

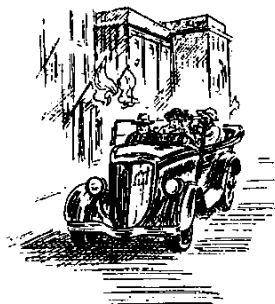
— Это правда? — спросил он.

— Да-да, правда, — вмешалась Корсакова, которая, кстати говоря, совсем не была знакома с этой историей. — Завтра-послезавтра вы сможете об этом поговорить, а сегодня надо кончать свидание, потому что товарищи спешат, — и врач многозначительно взглянула на профессора.

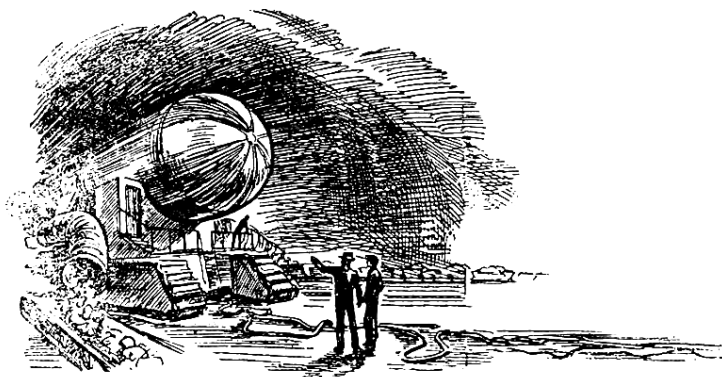
Аркадий Михайлович понял ее взгляд, быстро вскочил с места и сказал:

— Да, действительно, нам уже пора. Завтра я обязательно приеду, — и начал торопить инженеров ехать.

Минут через пятнадцать они покинули больницу. Вместе с ними уехал и Томазян. Он сел рядом с Макаренко и всю дорогу молчал. Следователь перебирал в мыслях ряд непонятных фактов: паспорт Андриана Маковского был похищен в начале августа. 25 августа Тарас Чуть познакомился с мужчиной, который ехал в Староднепровск. Они поехали вместе киевским поездом... Но в киевском поезде вагона до Староднепровска нет. Мальчик мог этого не знать. Ясно, что взрослый его обманул. На поезд они сели в последний момент. Проводник взглянул на их билеты, но ничего не заметил, кроме того, что их вагон третий. Значит, взрослый показывал билеты не до Староднепровска. Тарас не помнит, как он упал с поезда, но колотая рана в груди свидетельствовала о том, что перед тем, как падать, он получил удар чем-то острым. Не иначе, как он был сброшен на ходу. Странно, что при нем не нашли ни одного документа на его имя. Бесспорно, рослого четырнадцатилетнего мальчика можно было принять за шестнадцатилетнего. Но самое странное... — когда следователь подумал об этом, то только крутнул головой, — Андриан Маковский объявления об утере паспорта в газету не давал.

Все это были странные факты, секрета которых Томазян еще не разгадал, но они звучали как предостережение тому грандиозному строительству, замысел которого еще неясно проступал в его воображении и был тесно связан с именами его спутников.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

1.

ВЕСНА НАД БАЙКАЛОМ

В конце мая Байкал очистился ото льда, и пароходы двинулись через озеро с юга на север, от одной Ангары до другой. Этой весной пароходов на озере было столько, как никогда до тех пор. Множество рейсов сделали они, перевозя грузы и людей на север. Грандиозное строительство, которое шло вдоль 56 параллели, всколыхнуло дикий край, превращая все реки и озера на юге в подъездные пути.

Около миллиона человек, вооруженных самой передовой техникой, работали на стройке, протянувшейся от Москвы до Охотского моря. Огромная армия рабочих, техников, инженеров, которые непосредственно работали на прокладке туннеля, требовала другой армии, которая заботилась бы о питании, жилье, одежде, медицинской помощи, культурном обслуживании строителей. Эти две армии нуждались в колоссальном количестве самых разнообразных материалов, машин и инструмента. Строительство тоннеля приобрело национальный масштаб.

Оперативный штаб строительства, вместе с академиком Саклатвалой, находился в Иркутске. Чтобы иметь представление о работе этого штаба, достаточно сказать, что через труднодоступную Ангару пришлось перебросить еще один

мост. Этот мост имел два уровня: по первому проходили железнодорожные пути, а второй служил для проезда автотранспорта. Население Иркутска увеличилось на сорок тысяч человек, связанных со строительством тоннеля.

Работы проводились второй год, и предполагалось их закончить не раньше следующей весны.

В первых числах июня в Иркутске должна была состояться сессия Научного совета при руководстве строительства, чтобы подвести итоги первого года работы. Из разных мест Союза, из разных пунктов строительства на сессию спешили члены совета: выдающиеся ученые, техники, организаторы, теоретики и практики.

Первого июня на аэродром, расположившийся между Иркутском и Ангарском, почти одновременно подъехали два автомобиля и остановились перед аэровокзалом. Из одной машины выскочил высокий человек, из второй — пониже ростом, и оба поприветствовали друг друга радостными возгласами:

— Ты?!

— Ты тоже?!

Первый из них был инженер Самборский, второй — инженер Макаренко. Самборский руководил тоннельными сооружениями восточной зоны, а Макаренко был начальником строительства гидроэнергетического комбината центральной, так называемой байкальской, зоны подземного пути. Оба часто наезжали в Иркутск, но, загруженные работой, встречались редко, а чтобы поговорить, так и вовсе не имели времени.

— Я так думаю, — сказал Самборский, — что нас обоих сюда привела одна цель: встретить Аркадия Михайловича и Тараса.

— Правильно, — прогудел густым басом Макаренко. — Они вылетели из Свердловска в три часа утра по местному времени. Их самолет рейса 1456 делает триста километров в час. В пять часов дня их ждут здесь, а сейчас без трех минут пять.

Оба инженера поспешили к дежурному по аэровокзалу осведомиться о рейсе 1456. Действительно, минут через шесть на аэродроме приземлился долгожданный самолет.

Первым из него выскочил высокий парень, а за ним вылез седенький старичок. Инженеры узнали Тараса Чутя и Аркадия Михайловича Довгалока и бросились им навстречу.

— Устали, Аркадий Михайлович? — спрашивал Макаренко, обнимая профессора.

— Немножко есть, — согласился тот, — но не настолько, чтобы сразу идти отдыхать.

Тарас засмутился, когда инженеры стали жать ему руку. Они удивлялись, как он вырос и возмужал. Этой весной парень перешел в девятый класс и сразу же вылетел на строительство, носившее его имя, но которого он до сих пор ни разу не видел.

Разговаривая, они обратили внимание на суету возле большого грузового самолета, приземлившегося сразу после 1456 и вставшего неподалеку. На лицах пилотов самолета, коменданта аэродрома и еще нескольких человек, стоявших там, явно читались обеспокоенность и недоумение.

— Что случилось? — заинтересовался Самборский.

— Пассажиры у них пропали, — ответил комендант.

К Аркадию Михайловичу подошел пилот большого самолета и спросил:

— Вы профессор Довгалока?

— Да, а что такое?

— Один из пассажиров, видимо, летел к вам на встречу. В кабине остался пакет на ваше имя.

Профессор ничего не понимал. Тогда пилот стал объяснять подробнее.

— Как только вы вылетели из Свердловска, туда прибыл самолет из Москвы. Один из пассажиров начал расспрашивать о вас и очень переживал, узнав, что не застал вас. В это время я вылетал с почтой. Дежурный по аэровокзалу предложил этому пассажиру лететь вместе со мной. Тот согласился. К нему присоединился еще один пассажир, и я их забрал. Летели мы быстро, почти нагнали вас. Час назад я видел, что мои пассажиры спокойно дремлют в креслах. Но когда подлетел к Иркутску, взглянул в кабину, а их нет. Что ты скажешь? Я уж и не знаю, как посадил машину на аэродроме, потому что у меня и голова уже как будто не своя стала. Ничего не понимаю. Думал, что это мне приснилось.

Но в кабине остался саквояж и письмо на кресле, адресованное вам. Помню, тот, толстенький, спрашивая о вас, все письмо в руках вертел.

Аркадий Михайлович попросил письмо. Пилот подал белый тонкий конверт. Профессор разорвал его, вытащил маленький листок бумаги, просмотрел его и спросил пилота:

— У того пассажира, что спрашивал обо мне, рыжие усы, серый плащ и черная кепка?

— Да, да! Вы его знаете?

— Кто это? — спросил Макаренко.

Аркадий Михайлович подал инженеру бумажку.

— Судебная повестка, — прочитал тот. — Явиться по делу о незаконном пользовании общественной жилплощадью. В случае неявки дело будет рассматриваться без вас. Вручить повестку поручено И. С. Черепашкину.

Макаренко прочитал и поднял глаза на профессора: все ждали, что скажет Аркадий Михайлович.

— Вы тоже его знаете, — сказал профессор, — это тот самый комендант дома, когда-то заставивший нас ночевать в солярии. Он, с непонятным мне чрезвычайным упрямством, добивается, чтобы меня оштрафовали в размере какой-то... просто астрономической для меня суммы. Это он, Иван Семенович Черепашкин...

2. ПОДЗЕМНАЯ АНГАРА

По приезду в Иркутск, Тараса сразу же отправили отдыхать. Так распорядился Аркадий Михайлович. Хотя мальчик и уверял, что не чувствует никакой усталости, профессор установил на несколько суток строгий, почти санаторный режим, и потребовал, чтобы его подопечный соблюдал его.

Через день в гостиницу явился Макаренко, чтобы забрать гостей и показать строительство. Это ему не совсем удалось, так как в тот день академик Саклатвала пригласил профессора к себе. Тарас же был свободен и охотно поехал с инженером посмотреть, как близ города Качуг создают подземную реку.

Они отправились самолетом, и через час прибыли на место строительства. О больших подземных работах свидетельствовали копры шахт, протянувшиеся от Качуга до Байкала, терриконы породы рядом и узкоколейные подъездные пути между ними.

— Мы пробиваем здесь искусственное подземное русло для реки, которая будет вытекать из Байкала и впадать в Лену, — рассказывал Макаренко своему спутнику. — На этой подземной реке мы создадим водопад, который своей силой будет равен американской Ниагаре. Собственно, это будет подземная Ангара. Вытекая из Байкала, река не будет знать ни весеннего половодья, ни летнего обмеления. Озеро, уровень которого на 453 метра выше уровня моря, словно гигантское водохранилище, будет регулировать расход воды. Тоннель — русло абсолютно ровное, и будет идти на глубине 433 метров над уровнем моря. Следовательно, глубина нашей реки будет равна 20 метрам. Приблизительно за километр от озера мы делаем углубление на 50 метров и создаем водопад, забирая всю его воду в трубы и сбрасывая ее на турбины подземной гидроэлектростанции. Мощность этой станции составит десять миллионов киловатт.

— Это двадцать ДнепроГЭСов, — проговорил Тарас, с восхищением слушая инженера.

— Примерно... Но, кроме этой гидростанции, мы строим еще две. Одну на Шаманском, а вторую на Гиадунском по-

рогах Ангары, или как она еще здесь зовется, верхней Тунгуски. Первая станция примерно на два, вторая — на два с половиной миллиона киловатт.

Кроме того, здесь строится несколько небольших гидростанций. Одна из наиболее оригинальных — это Зыркузунская на реке Иркут. Недалеко от Байкала река Иркут протекает по узкой глубокой долине. Огибая горный Зыркузунский хребет, Иркут делает узкую петлю километров сорок длиной и лишь три-четыре километра шириной. Мы пробили тоннель под Зыркузунским хребтом, четыре километра длиной, и сбросили Иркут с высоты семидесяти метров. Там поставили станцию на пятьдесят тысяч киловатт. Когда-нибудь мы поедем туда, и я покажу тебе этот водопад. Там очень живописная местность. А теперь спустимся в мое подземное царство.

Они зашли в клеть подъемной машины и после сигнального звонка почувствовали, как резко начали проваливаться вниз. Через минуту клеть остановилась. Инженер открыл дверь и вывел своего спутника в величественную подземную галерею. Их встретили только два человека. Откуда-то издали доносилось какое-то глухое скрежетание.

— Вот и дно будущей реки, — сказал Макаренко. — Здесь будет течь байкальская вода, в своем пути к Лене. Кстати, Лена станет еще полноводнее, чем теперь. Она будет судоходна вплоть до Качуга, а оттуда подземные шлюзы свяжут ее с Байкалом. Тогда морские пароходы смогут пройти из Ледовитого океана в Байкал, а меньшие отсюда, вверх по реке Селенга, в Монгольскую Народную Республику, то есть в глубины континентальной Азии.

К тому месту, где они стояли, с грохотом подъехал поезд из больших вагонеток, наполненных породой. Автоматически сбросив груз на подъемный конвейер, поезд двинулся назад, постукивая колесами на стрелках. Тем временем конвейер быстро понес породу наверх.

Стоявший здесь дежурный по просьбе Макаренко вызвал электродрезину. Через пять минут машинист подогнал ее и забрал инженера с мальчиком, чтобы отвезти их к месту, где строилась подземная электростанция.

Тарас с восхищением наблюдал, как перед ним появлялись

и исчезали то хорошо освещенные, то полутемные многочисленные тоннели, ниши, галереи и переходы с разными машинами, непонятым оборудованием и очень небольшим количеством людей.

— Здесь чрезвычайно твердые почвы, — рассказывал инженер мальчику. — Для строительства это очень хорошо, хотя крушить такие камни стоит много энергии.

— А чем вы их крушите?

— Это все делает сконструированный Самборским литостат. Эта машина грызет камень, словно крот землю, растирает его в песок, одновременно выполняет подрывные работы, режет породу струей воды под давлением в тысячу атмосфер, расплавляет самые твердые камни с помощью гигантской вольтовой дуги. Сейчас ты увидишь это чудо землечерпальной техники. У нас говорят, что на литостате можно запросто совершить путешествие к центру земного шара.

Послышался громкий звонок, перед машинистом вспыхнули одна за другой три красные лампочки, и дрезина остановилась.

— Дальше ехать нельзя, — сказал шофер, — семафор предупреждает о длительной задержке на нашем пути.

— Отсюда за десять минут мы дойдем пешком, — предложил Макаренко и помог Тарасу слезть с дрезины.

Отсюда подземелье значительно расширялось. Потолок поднимался вверх на десятки метров, стало встречаться немало людей, приходилось часто переступать через рельсы, виднелись колоссальные подъемные краны, словно в каком-то большом морском порту.

Скрежет невидимых машин стал таким громким, что, разговаривая между собой, людям приходилось повышать голос.

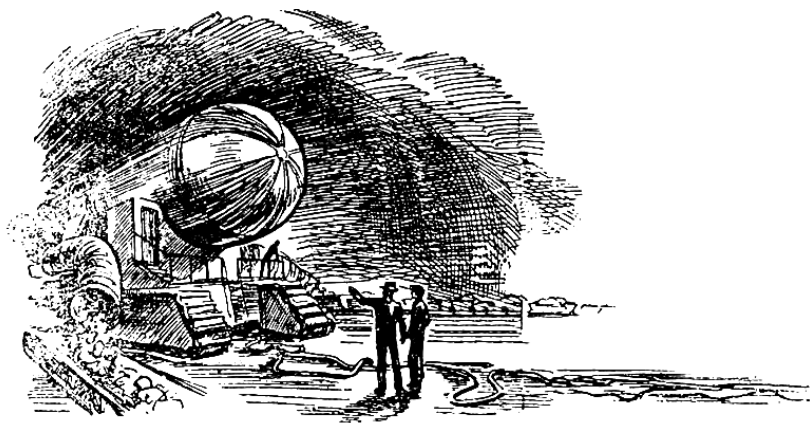
Вскоре Тарас заметил невдалеке большой металлический яйцевидный цилиндр на гусеницах. Его передней части не было видно, но именно оттуда разносился по подземелью громкий скрежет. Люди, находившиеся рядом, носили на головах какие-то шлемы со странной формы наушниками.

— Вот первый литостат, который ты видишь, парень, — проговорил Макаренко.

3. ЛИТОСТАТ

Хотя Тарас всегда интересовался техникой, а особенно ее новейшими достижениями, но непосредственно с различными машинами и станками был почти не знаком. На заводах ему никогда не приходилось бывать, и самыми сложными механизмами, с которыми ему приходилось встречаться за свою жизнь, были паровоз, автомобиль, самолет и катки, которыми утрамбовывают асфальт. Теперь же, попав на большую стройку, он сразу столкнулся с самой современной машиной.

— Эта машина называется литостат "С-16"! — прокричал Макаренко, подходя к цилиндру, который сотрясался и громыхал. — Мы можем подняться и пройти в кабину управления.

Прежде чем зайти в литостат, инженер и мальчик надели шлемы с наушниками, такие же, какие носили люди, работавшие здесь.

— Этот шлем и наушники заглушают одни звуки и пропускают другие, — пояснил инженер. — Иначе большинство рабочих давно бы уже здесь оглохли да посрывали бы

себе голоса. Это изобретение нашего общего знакомого — физика Гоппа. Помнишь высокого, худощавого блондина, который провел с нами вечер в солярии у Аркадия Михайловича?

Мальчик кивнул головой. Он хорошо его помнил, ведь Гопп тогда первый заявил, что ему нравится проект Тараса.

— Здесь есть регулятор, видишь? — показал инженер на черный диск со стрелкой. — Он позволяет регулировать количество колебаний, которые воспринимает наше ухо, а также силу звука. Это чрезвычайно полезная вещь, прежде всего потому, что позволяет нормально разговаривать здесь во время работы.

В кабине управления литостата они увидели инженера-механика, руководившего работой агрегата. Перед ним стояла распределительная доска и телефонный аппарат, который связывал его с разными отделами, где работали специалисты — электрики, пиротехники, механики.

Макаренко кивнул инженеру и несколько минут молча наблюдал его работу. Инженер то и дело переводил ручку на распределительной доске и говорил по телефону. То он приказывал усилить сверление, то прекратить его, и предлагал пиротехникам закладывать фугасы и командовал «взрыв!». После последнего слова Тарас услышал какой-то глухой шум — так доносился грохот взрыва сквозь звукофильтры его шлема.

Литостат медленно продвигался вперед. Тарас спросил, какова его скорость.

— Он мог бы пройти пять-шесть километров в сутки, — ответил Макаренко, — но сложность тыловых работ, нехватка электроэнергии и необходимость вести работу широким фронтом, и значит, двигаться то назад, то вперед, ограничивают его скорость примерно пятьюстами метрами в сутки. Это — один из самых больших литостатов. Несколько сот значительно меньших работают на строительстве самого тоннеля. Там легче работать, потому что размеры тоннеля не такие большие, как здесь. Но и там, за недостатком электроэнергии, невозможно в полном объеме использовать эти аппараты. Поэтому мы спешим со строительством электро-

станций. В целом, успехи строительства зависят от того, как быстро мы сможем дать колоссальное количество электроэнергии. Здесь наши литостаты уже заканчивают работу. Дней через десять начнем установку и монтаж пятидесяти турбин, по двести тысяч киловатт каждая. А через месяц взорвем переборку, которая отделяет Байкал от подземного русла. Тогда вода из озера хлынет сюда, под Байкальский хребет, и уже в августе мы обеспечим строительство нужным количеством энергии.

Тарас закрыл глаза. В его голове все, что он видел и слышал, проносилось словно сон.

4. ТОМАЗЯН СПЕШИТ

Помощник следователя по особо важным делам Томазян прибыл в Свердловск на рассвете. Его самолет приземлился еще при свете прожекторов.

Пробежав по полю, самолет остановился, и пилот заглушил мотор. Томазян повернул ручку в дверке кабины, открыл ее и соскочил на землю. К Томазяну, держа в руке красный флажок, подбежал дежурный по аэродрому, и предложил пройти в аэровокзал, обещав немедленно прислать туда его вещи. Следователь поблагодарил и поднял голову, заметив, что недалеко от них в воздух взлетел большой самолет, беря курс на восток.

— Когда прибыл последний пассажирский самолет из Москвы?

— Вот он, — улыбаясь, ответил дежурный, показывая на машину, в которой прилетел дотошный пассажир.

Томазян исправился, спросив, когда сюда прибыл предпоследний самолет.

— Полчаса назад.

— Спасибо, — сказал следователь и пошел к аэровокзалу, оставив дежурного разговаривать с пилотом.

Зайдя в аэровокзал, Томазян направился в комнату уполномоченного охраны авиационных линий. Конечно, уполномоченного в такое время он не застал. Но через несколько минут он уже разговаривал с ним по телефону, прося его немедленно приехать на аэродром. Прошло еще минут двадцать, и Томазян уже жал руку уполномоченному и просил выяснить, прибыл ли на предпоследнем самолете из Москвы мужчина высокого роста, в костюме цвета хаки и в желтых крагах, с паспортом и другими документами на фамилию Догадова, сотрудника научно-технического журнала «Заря». Билет у Догадова был до Иркутска, и он, видимо, собирается вылететь отсюда первым самолетом.

Уполномоченный сообщил, что человек, которого разыскивает Томазян, прибыл в Свердловск еще затемно, и немедленно, вместе с другим пассажиром в сером плаще, в

черной кепке и с маленькими рыжими усами был отправлен грузовым самолетом до Иркутска.

— Сегодня, к концу дня, они будут там, — сказал уполномоченный.

Томазян выслушал спокойно, даже не нахмурился, но в душе злился на себя за то, что своевременно не успел в Свердловск.

Немедленно в Иркутск полетела шифрованная телеграмма с указанием проследить за Догадовым, который должен был прибыть туда.

В десять часов утра Томазян вылетел пассажирским самолетом на восток. Вечером того дня он был в Красноярске, и там его застала телеграмма из Иркутска. Следовательно сообщили о странном случае: во время полета над тайгой из грузового самолета исчезли неизвестно как оба пассажира.

5. НАД ТАЙГОЙ

Первого июня большой грузовой самолет рассекал воздушный океан, держа курс из Свердловска в Иркутск. Пилот и бортмеханик сидели в кабине управления, а двое пассажиров дремали в маленьком закутке между грузовыми отсеками.

Изредка пассажиры обменивались короткими фразами. Рокот мотора мешал им разговаривать. Кроме того, они, очевидно, не были знакомы между собой, а воздушное путешествие, конечно, мало способствует знакомству пассажиров. Один из пассажиров, малого роста, был одет в серый плащ и черную кепку. Под носом у него торчали рыженькие усики. Второй, высокий, чисто выбритый блондин, с серыми холодными глазами, был одет в темно-зеленый костюм, на ногах носил краги, что придавало ему полувойennyй вид.

Первого звали Иван Семенович Черепашкин. С упрямством маньяка, комендант дома преследовал профессора Довгалюка, имея целью добиться своего: привлечь профессора к ответственности за незаконное, по его мнению, пользование солярием...

Спутник Черепашкина спокойно поглядывал на пейзажи, которые лениво, как казалось с высоты, несмотря на огромную скорость полета, ползли под ними. Особенно пристально он следил за ними, когда, приближаясь к Красноярску, пошли сплошные таежные массивы. Иногда он переводил взгляд на Черепашкина и внимательно смотрел на него, изредка перебрасываясь с ним парой слов. Шум моторов мешал им разговаривать. Иван же Семенович пейзажами не очень увлекался, и скоро путешествие на самолете ему надоело. Тогда он начал просматривать свой блокнот, в который записывал дела, а потом принялся вытряхивать карманы, рассматривая разные бумажки, в основном квитанции и повестки, которые завалялись там. Довольно часто он вытаскивал конверт, в котором лежала судебная повестка для профессора Довгалюка, и, любовно поглядывая на конверт, то и дело перечитывал адрес на нем.

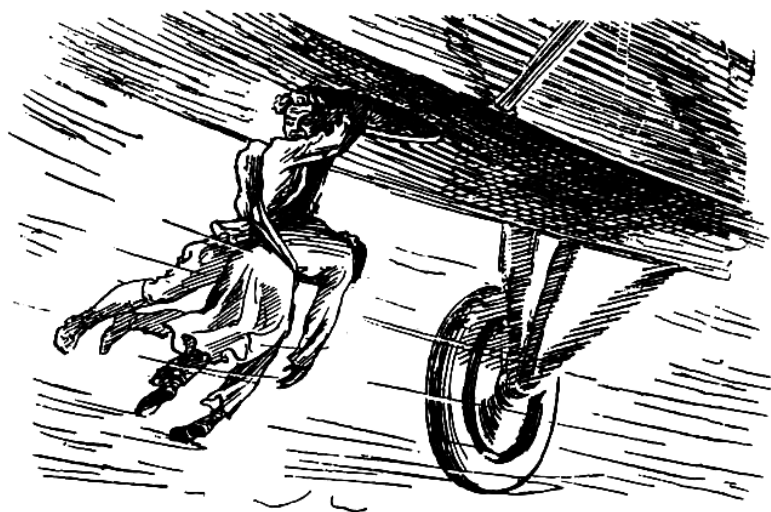
Пассажир в крагах внимательно наблюдал за Черепашкиным, и ему удалось прочесть адрес на конверте. Если бы в самолете был бы еще какой-нибудь приметливый наблюдатель, то он заметил бы, как радостно заблестели глаза высокого. Он еще более пристально стал приглядываться к человеку с рыженькими усами, и кажется, что-то обдумывал.

Миновав Красноярск, самолет вошел в легкую облачность, и ему пришлось снизиться на несколько сотен метров. Альтиметр показывал 400 метров над землей. Пассажир в крагах поглядывал на стрелку прибора с явным неудовольствием. Но через час летчик направил машину вверх, достигнув высоты 1100 — 1200 метров. Теперь спутник Черепашкина стал особенно сосредоточенно рассматривать пейзаж, что простирался под ними. Казалось, он что-то высматривал внизу.

Пассажир в крагах снял с сетки над головой чемодан, извлек из него географическую карту и тщательно стал просматривать ее. Карта заинтересовала Черепашкина. Заметив его любопытство, пассажир протянул коменданту карту, указывая пальцем на какое-то место. Черепашкин решил, что это именно то место, над которым сейчас летит самолет, и, наклонившись над картой, прищурился, пытаясь разглядеть, далеко ли еще до Иркутска. И в тот момент, когда комендант пытался решить эту задачу, хозяин карты незаметно вытащил из чемодана какой-то металлический предмет. Это был кастет. Черепашкин ничего не замечал. На лице высокого появилось хищное выражение. Внезапно его правая рука с зажатым кастетом с силой опустилась на голову несчастного коменданта. Потерявший сознание Черепашкин обмяк в кресле. Нападавший удовлетворенно оглядел свою жертву, потом достал из чемодана сверток и начал ремнями пристегивать его себе за спину. Это был парашют.

Проверив ремни парашюта, высокий посмотрел на неподвижного коменданта, задумчиво прикусил на минутку нижнюю губу, потом принялся привязывать его к себе. Закончил довольно быстро и, вооружившись ножом, начал вылезать сквозь парашютный люк, придерживая одной ру-

кой дверцу, чтобы прикрыть ее за собой. Он почувствовал, как поток воздуха начал тянуть их за собой по ходу движения самолета. Тогда он рванул рукой крышку люка и отпустил ее. Люк захлопнулся, а два человека, связанных между собой, стремительно полетели вниз.

6. ПОДЗЕМНЫЙ САД

Тарас по утрам всегда занимался физкультурой. К этому его приучили прошлым летом в санатории. Это вошло в привычку, и он каждое утро начинал с глубоких «вдохов» и «выдохов».

Тарас сегодня встал рано, осторожно распахнул окно и, став напротив, начал выполнять физкультурный минимум. Увлечшись упражнениями, парень подпрыгивал все выше и выше. Наконец, когда он закончил и повернулся, чтобы пройти шагом вокруг комнаты, то увидел в дверях профессора. Аркадий Михайлович стоял в пижаме, и с еле заметной улыбкой поглядывал на Тараса.

— Доброе утро, — поздоровался Тарас, — простите, кажется, я вас разбудил.

— Ничего, ничего. Мы с тобой с сегодняшнего дня уже на службе, и нам надо рано вставать.

— Как? Мы же с вами в отпуске?

— Кончено. С сегодняшнего дня я — главный консультант по озеленению подземных станций глубинного пути, а ты мой секретарь. Вчера Саклатвала подписал приказ о нашем назначении.

— Значит, я устроился на работу? Первый раз в жизни! Я очень рад. А в чем же она будет заключаться?

— Скорее умывайся и пойдем завтракать, а за завтраком я тебе расскажу.

Тарас побежал принимать душ, плескался там долго, и когда, закончив водную процедуру, вернулся в комнату, профессор уже ждал его.

В кафе на втором этаже их отеля они заказали яичницу и простоквашу. Дождаясь, пока принесут завтрак, профессор изложил Тарасу свою идею, которая была дополнением Тарасовой идеи глубинного пути.

— До сих пор я хранил это в секрете, — сказал Аркадий Михайлович. — Я обдумывал это несколько месяцев. Зная, что на глубинном пути строятся крупные станции и что для оформления этих станций пригласили лучших архитекто-

ров, я подумал, что было бы неплохо украсить их растениями. Обдумывая, как это можно сделать, я дошел в своих мечтах до того, что создал воображаемые подземные сады, цветники и оранжереи. Постоянная повышенная температура воздуха позволит выращивать любых нежнейших представителей тропической флоры. Воды там будет сколько угодно, подходящую почву создать нетрудно, нужные удобрения всегда можно добавить. Необходимое количество углекислоты тоже дадим. Остается только проблема света. Как впустить в подземелье солнечный свет? Я решил, что солнце можно заменить гигантскими кварцевыми лампами, которые будут периодически включаться на несколько минут в течение каждого часа. Это будет полезно не только для растений, но и для людей, которые там будут работать. И вот, в моем воображении предстали эти сады и цветники. Я уже представлял себе вокруг подземных вокзалов кусты роз, астры, цветущую сирень...

— А в сирени щебечут соловьи, — добавил Тарас, перебивая профессора.

— Ты, Тарас, скептик! — возмутился профессор.

— Нет, я говорю вполне серьезно. Почему нельзя заселить подземные сады птицами, чтобы было веселее? Можно даже ульи с пчелами поставить, когда там липы будут цвести.

Аркадий Михайлович рассмеялся. Он почувствовал в словах парня веру в свои грандиозные замыслы.

Завтрак быстро прошел за оживленной беседой о том, какие деревья, цветы и травы надо будет насадить в подземельях долгого пути между Москвой и Дальним Востоком.

Наконец, доев и закончив разговор, быстро встали из-за стола.

— Сегодня мы вылетаем с тобой в Забайкалье, — сказал профессор. — Там есть самый глубокий на этом пути прииск. Глубина его разработки — полтора километра. Там строится большая подземная станция, и мы начнем озеленять ее. Это участок Самборского. Он полетит вместе с нами, а оттуда вернется сюда, для участия в заседании научно-технического совета.

Выходя из кафе, друзья столкнулись в дверях с каким-то мужчиной, который очень пристально посмотрел на них. Аркадий Михайлович, увлеченный своими планами, не обратил на этого человека внимания, но Тарасу он показался знакомым и, поднимаясь по лестнице к себе на третий этаж, он все думал, где же видел этого мужчину. Казалось, вот-вот вспомнит, но профессор не дал ему сосредоточиться на смутных воспоминаниях, приказав немедленно собираться, потому что только что звонил Самборский, который уже выехал на аэродром и должен был захватить за ними. Действительно, через несколько минут автомобиль Самборского уже стоял перед гостиницей.

Только приехав на аэродром, Тарас вспомнил, что это за мужчина и где он с ним встречался.

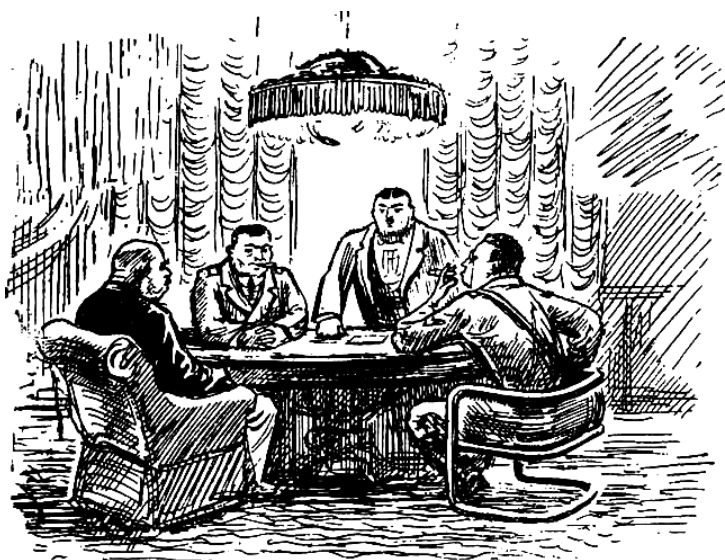
— Аркадий Михайлович, вы знаете, кого мы встретили в дверях кафе? Следователя Томазяна. Помните, он приезжал ко мне в больницу, когда я лежал, и уехал вместе с вами?

— Да ну! Как же я его не узнал? Мне же приходилось и после того несколько раз с ним встречаться... — недоумевал профессор, взбираясь по лестнице в кабину самолета.

7.

СОВЕЩАНИЕ В ЗАГОРОДНОЙ РЕЗИДЕНЦИИ

На самых секретных совещаниях у Премьера бывали только три человека: военный министр, начальник генерального штаба и начальник Секретно-разведывательной службы. Обычно такие совещания происходили в загородной резиденции премьера.

Накануне открытия в Иркутске сессии научного комитета подземного пути Премьер вызвал к себе за город трех упомянутых чиновников.

На совещании докладывал толстый низенький начальник Секретно-разведывательной службы.

— Мы следим за этим строительством с того момента, когда появилась идея о подземной железной дороге. Один из лучших наших агентов информирует нас о развитии строительства и принимает самые решительные меры к торможению его. Мы также обратили на это внимание заинтересованных государств. Одному из их агентов в свое вре-

мя почти удался террористический акт против инициатора этого строительства, и лишь по случайности тому удалось выжить после тяжелого ранения. Были намерения его ликвидировать, но впоследствии оказалось, что это не будет иметь никого значения, ибо роль инициатора ограничивалась лишь тем, что он подал идею строительства. Этот террористический акт был сочтен даже вредным, так как привлек внимание советской разведки, и стал причиной недоразумения между агентами и некоторого легкомыслия одного из представителей нашей службы.

Масштабы строительства поразительны. Размеры его поистине грандиозны. Есть основания полагать, что если не удастся помешать его осуществлению, то оно закончится в течение двух лет. На днях помощник моего главного агента отправился в Иркутск, где находятся руководители стройки, с поручением поступить на службу в штаб строительства, устроить там нескольких подручных, принадлежащих к разведкам союзных государств, раздобыть подробную карту и план железнодорожного тоннеля и организовать катастрофы на самых главных участках. Это было несколько дней назад; на сегодняшний день точно не известно, что за это время успели сделать. Известно, что агент до сих пор в Иркутск не прибыл, однако надеюсь, что все в порядке, и вскоре он даст о себе знать.

— Вывод наших специалистов о значении этого тоннеля для большевиков? — спросил Премьер начальника штаба.

— Такая железная дорога изменит всю экономику их страны, она чрезвычайно сближает восточную и западную части Советского Союза. Но главное — это ее стратегическое значение, потому что она даст возможность быстро подвозить войска и военное снаряжение на Дальний Восток. Поэтому союзные антибольшевистские государства должны ускорить темпы своих военных приготовлений. Война должна начаться и закончиться раньше, чем подземная железная дорога начнет функционировать.

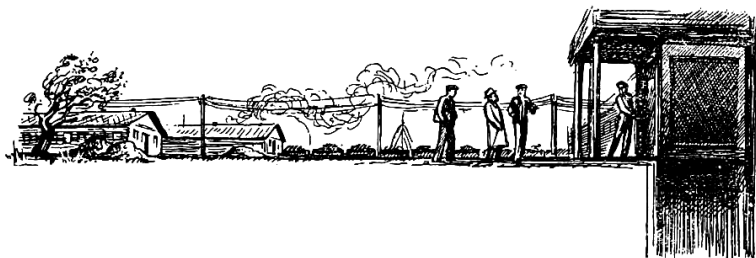
— Союзным государствам требуется примерно год, чтобы быть готовыми к войне, — проговорил премьер. — Кроме материальной подготовки, необходимо закончить фаши-

зацию малых стран и до конца разгромить демократические элементы во Франции.

— Да, — подтвердил начальник штаба. — Ровно через год можно начинать войну против большевиков с двух сторон — с запада и с востока. Самолетов, линкоров, снарядов и взрывчатых веществ к тому времени у союзных держав будет достаточно, чтобы разрушить все пути и уничтожить надземные сооружения на территории фронтовой полосы и прифронтовой зоны большевиков, а также прервать сообщения на основных магистралях глубокого тыла. Против двух огромных армий, которые нападут одновременно с двух сторон, они не удержатся.

— Все же, я думаю, нам надо ускорить темпы подготовки, — сказал премьер.

— Вы совершенно правы, — согласился начальник штаба. — Вместе с этим я предлагаю, — он обратился к начальнику Секретно-разведывательной службы, — приказать нашим агентам принять самые решительные меры, чтобы затормозить строительство железной дороги-туннеля, которая, к сожалению, по причине глубинного залегания будет неуязвима для авиационных бомб.

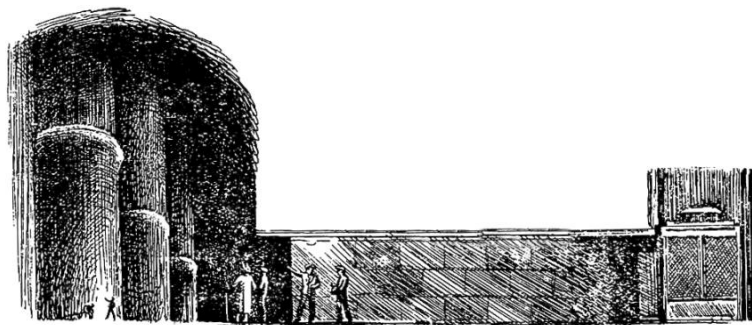
8.

РАЗГОВОР В ЛИФТЕ

В горах, между верховьями Зеи, притока Вилюя, расположился один из наиболее важных объектов крупного подземного строительства. Здесь была пробита шахта № 925. Она стала самой глубокой в системе строительства. Именно в этих горах тоннель проходил на глубине больше полутора километров. Температура в месте проходки достигала около 45° выше нуля.

В середине июня на шахту № 925 прибыли начальник тоннельных сооружений восточной зоны инженер Самборский, профессор ботаники Довгалюк и его секретарь Тарас Чуть. Самборский с гордостью рассказывал гостям о самой глубокой шахте. Эта гордость была вполне понятна — ведь подземных строений такой глубины немного на свете. Пробить такую шахту в течение одного года в горной местности, где почти не было подъездных путей — было чудом не только технического, но и организационного искусства.

Вокруг шахты расположился немаленький город с десятками тысяч населения. Выглядело он довольно непри-

глядно: чернели длинные, низкие деревянные здания, нигде не было ограждений, во многих местах лежали груды строительного материала. Здесь чувствовалась прохлада, соответствовавшая географической широте и высоте над уровнем моря данной местности.

Все направились спускаться под землю.

Ствол шахты был расположен так, что в нем ходило сразу несколько лифтовых кабинок для людей и отдельно грузовые клетки. Последние ежеминутно выносили на поверхность тысячи кубометров грунта и высыпали его на колоссальные платформы. Платформы катились непрерывным конвейером, относили почву на один-два километра от шахты и там высыпали ее, образуя новые высокие горы.

Самборский захлопнул дверцу кабинки, и лифт двинулся вниз. Тарасу показалось, что он находится в самолете, который идет на посадку. Их сопровождал один из помощников Самборского, горный инженер Кротов. Это был мужчина средних лет, в прошлом он работал в Донбассе.

Кротов рассказывал Самборскому о работе в шахте и жаловался, что в последние дни у него много времени отняли сотрудники картографического управления.

— Макуха нас донимает, — жаловался Самборский профессору, — он ведает картографическим управлением и, вероятно, у него много свободного времени, потому что занимается всем, чем угодно. У него, кроме картографов, работают геологи, геофизики, археологи, палеозоологи, фито-палеонтологи, обыкновенные зоологи и ботаники, метеорологи и множество других людей. Все они выискивают различные сведения, которые нужны для науки, но сейчас не имеют практического значения для нашего строительства.

— А геологи? — спросил Тарас. — Они ведь очень нужны на строительстве тоннеля?

— Те геологи, о которых ты думаешь, входят в состав непосредственных строителей тоннеля. А Макуха держит у себя, так сказать, высоких теоретиков, которые только наблюдают, составляют различные описания и карты, изучают происхождение пород, земных складок и тому подобное. Все это имеет большое значение для науки, но мы,

строители, непосредственно этого не ощущаем, а иногда и спорим с ними. Ну, а что касается искателей различных доисторических животных и растений, то здесь нередко случаются досадные инциденты. Скажем, нашли при раскопке шахты какую-то кость. Палеонтологи уже тут как тут, и требуют проводить раскопки медленно и осторожно, а нам надо спешить. Они жалуются на строителей, и потом нам приходится по этому поводу встречаться с Макухой у Саклатвалы.

— Тут у нас позавчера, — вставил Кротов, — раскопали на глубине тысяча пятьсот тридцать пять метров кладбище каких-то доисторических животных.

— Ого! — удивился профессор.

— Небывалое явление... Со дня на день ждем огромного наплыва разных исследователей, а ведь именно в этом месте мы должны пробивать русло подземной реки. Боюсь, что с палеонтологами произойдет настоящая война. Они вызовут сюда самого Макуху.

— Но в Иркутске он мне ничего не говорил об этом. Я видел его накануне отъезда, — сказал Самборский.

— Он еще не знал. Телеграмму ему послали только сегодня утром.

В это время Тарас почувствовал, как пол с силой начал давить ему на ноги. Началось торможение лифта. Приблизилось дно шахты.

— Аркадий Михайлович, — сказал Тарас, — представьте себе, на какой мы глубине! Сколько над нами земли и камня!

Профессор улыбнулся и зажмурился. Он пытался представить то, о чем говорил его секретарь. Вдруг плечи его вздрогнули, он открыл глаза и, хитро посмотрев на спутников, сказал:

— Страшно! Страшно! Лучше не представлять, потому что это слишком колоссально.

Лифт уже остановился. Открывая дверцу, Кротов обратился к профессору, словно отвечая на его слова:

— А представьте, какой мощи происходили здесь раньше процессы движения этих масс породы, если кости животных с поверхности попали на такую глубину.

9. ШАХТА № 925

Первым, что Тараса поразило, когда он вышел из лифта и оказался в шахте, был полумрак, что окутывал все вокруг. Эта шахта сильно отличалась от того подземелья, которое мальчик раньше посещал с Макаренко.

На вопрос, почему так, Самборский ответил, что они экономят электрическую энергию, и, пока не заработает электрогигант на подземной Ангаре, освещение не может быть усилено.

В полумраке, высоко вверху, исчезали огромные гранитные колонны с вкрапленными в них порфирами и базальтами. В сумерках нельзя было разглядеть потолка, который возвышался почти на сто двадцать метров. Именно в этом месте планировали подземный вокзал, а чуть дальше должны были разместить депо для электровозов и вагонов, и различные мастерские.

— Это самая трудная работа, — рассказывал Самборский своим спутникам. — Пробивать сам тоннель сравнительно легко. А вот здесь надо оборудовать целый подземный город. Были споры, следует ли строить его именно здесь, потому что большинство подземных вокзалов мы устраиваем на значительно меньших глубинах и почти всегда вблизи крупных наземных городов. Но ряд обстоятельств побудил нас остановиться на этом месте: во-первых, почва здесь — исключительно твердые породы, и все слоями невероятной толщины; во-вторых, это район чрезвычайных геологических богатств. Кроме того, географическое расположение этого района требует создания именно здесь большого центра. Наконец, значительная глубина должна, в какой-то степени, — так надеются геологи — страховать нас от сейсмических катастроф, в отношении которых данный район, очевидно, не совсем безопасен.

Все надели шлемы, которые Тарас уже видел на строительстве подземной Ангары.

— У вас много литостатов? — спросил парень Кротова.

— Сейчас восемнадцать, — ответил инженер, — но через месяц их будет сорок три.

Если бы не шлемы с звукофильтрами, то барабанные перепонки у людей, которые находились в этом подземелье, вряд ли долго выдержали бы скрежет и грохотание от непрерывной работы полутора десятка литостатов и шум конвейеров, которые отводили отсюда выработанную породу.

Самборский привез своих друзей в туннель, и когда они оказались там, предложил им снять шлемы. Хотя конвейеры грохотали и здесь, но можно было вполне свободно разговаривать, не пользуясь звукофильтрами.

Тоннель показался Тарасу очень узким и тесным, по сравнению с тем подземным залом, где они только что были. Здесь их электродрезина не могла двигаться самостоятельно, пришлось ехать в потоке больших пустых вагонеток, катившихся друг за другом вперед, туда, где работал литостат «С—26». Этот литостат был гордостью Самборского, потому что работал он быстрее всех литостатов, и без посторонней помощи прокладывал туннель. Навстречу им катился второй поток вагонеток, груженных породой.

— В этой породе, — рассказывал Самборский, показывая на вагонетки, — очень часто попадаются разные драгоценные камни. В этом районе мы в основном находим красные камни. Очень много красно-вишневых гранатов, бурокрасных сердоликов, розовых турмалинов и светло-красных рубинов. Но у нас нет времени специально заниматься этими драгоценностями и выбирать их. Возможно, в будущем кто-нибудь займется переборкой вывезенных на поверхность пород. Сегодня нас интересуют только алмазы. Очень интересуют, потому что они нам нужны для бурового инструмента. К сожалению, алмазы в этой местности не попадают. Правда, под Уралом находят, и там по приказу Саклатвалы организована их добыча.

Самборский больше двух часов показывал своим друзьям стройку, знакомя их с местами, где профессор Довгалюк собирался работать. Потом оставил их с Кротовым, а сам вернулся на поверхность. Он должен был немедленно лететь в Иркутск.

10. ОТВЕТ

В один из следующих дней Тарас спускался в шахту, где его ждал Аркадий Михайлович. Возле лифтового корпуса парень увидел человека, который невольно привлек его внимание. Это был высокий блондин. Он разговаривал о чем-то с Кротовым, и когда заметил Тараса, то скользнул по нему холодным взглядом серых глаз. Тарасу показалось, что он уже где-то видел этого мужчину и как будто бы даже разговаривал с ним, но где именно происходила та встреча, не мог сказать. Возможно, это один из многочисленных новых знакомых, которых за последнее время он приобрел так много, что не мог всех запомнить. Тарас, который всегда отличался вежливостью, поздоровался, адресуя свое приветствие одновременно и Кротову, и высокому блондину. Инженер ответил на приветствие и махнул рукой, чтобы Тарас его подождал. А блондин смотрел на парня так, как будто никогда его не видел. Тем временем, Кротов закончил разговор, пожал высокому руку и направился к Тарасу. Подойдя к нему, он обернулся и крикнул высокому: «Так я вас жду, Семен Иванович!» Тот в ответ кивнул головой и направился к домам, где жили техники и рабочие.

— Пойдем, Тарас! Я тоже в шахту спускаюсь, — сказал Кротов. — Аркадий Михайлович там?

— Там. А кто это с вами был?

— Этот от Макухи приехал. Новый рабочий. Палеонтолог. Он второй день вытаскивает из прииска кости.

— Что же это за животные?

— Разные. В основном тиранозавры и трицератпосы. Эти два названия я запомнил. Остальные забыл.

— Мне кажется, что я этого палеонтолога уже где-то видел, только никак не припомню, где именно.

— Возможно, где-то на улице. Со мной когда-то в Одессе случился такой курьезный случай: я в трамвае поссорился с каким-то мужчиной. Вышел из трамвая, и забыл о нем.

Через несколько дней, гуляю по бульвару и вижу, что навстречу мне идет как будто бы знакомый человек. Знакомый, но никак не припомню, откуда его знаю. Поравнявшись с ним, я снял шляпу и поздоровался. Он смеется, и тоже здоровается. Тогда только я вспомнил, что это тот самый человек, с которым за несколько дней до этой встречи я ругался в трамвае.

Когда они зашли в лифт, Тарас спросил Кротова:

— А как фамилия этого палеонтолога?

— Черепашкин.

— Черепашкин?

— Семен Иванович Черепашкин.

— Очень знакомая фамилия. То же имя и фамилия...

Тарас вдруг смолк. Он вспомнил, что так звали коменданта дома, который назойливо преследовал Аркадия Михайловича.

В ту же минуту в кабине зазвонил телефон. Кротов снял трубку. Вдруг выражение лица инженера так резко изменилось, что мальчик начал внимательно прислушиваться к его словам.

— Да. Я слушаю, слушаю. Что вы делаете? — крикнул Кротов и повернул маленький выключатель, под которым была надпись «максимальная скорость».

Лифт рванулся вниз еще быстрее.

Тарас, посмотрев на инженера, увидел в его глазах выражение напряженности и тревоги.

— Немедленно тревожный сигнал в самые дальние выработки, — отдал инженер кому-то приказ. — Вызывайте все спасательные команды. Сейчас буду.

Разговаривая, Кротов следил за альтиметром, висевшим в кабине. Когда стрелка показала 1.350, он повернул выключатель, тем самым уменьшая скорость падения кабинки.

Тарас почувствовал, что его словно что-то сжимает от такого резкого торможения.

— Что случилось? — спросил он инженера.

— Потоп, — ответил тот. — Река, которую мы подводили сюда, прорвала изоляционный канал. Вода быстро наполняет шахту.

Лифт остановился. Кротов и Тарас выскочили из кабины. Первое, на что мальчик обратил внимание, была вода, которая захлюпала у него под ногами. Она доходила до щиколоток и быстро поднималась. Рядом стояли несколько рабочих и техников. На лицах их было выражение растерянности и волнения. Один из них начал что-то докладывать инженеру. Тем временем Тарас повел взглядом по шахте и заметил, что почти везде светились синенькие лампочки, кое-где зеленые, а вдали — ярко-красные. Он знал, что синие возвещают о тревоге, зеленые указывают путь, по которому можно двигаться по шахте, а красные означают большую опасность и запрещают приближаться к отмеченному ими месту. В самой шахте было сравнительно тихо. Не слышалось взрывов и грохота. Часть литостатов прекратила работу. К подъемным механизмам подтягивались рабочие, которые выходили из дальних забоев, штолен и тоннеля.

— Вода прибывает на один сантиметр в минуту, — сказал один из техников.

— Мы успеем вывести всех, — ответил второй.

— Дело не в том, чтобы вывести всех вовремя, — обратился к ним Кротов. — Надо немедленно организовать борьбу с наводнением. Мы должны не допустить затопления шахты. Сейчас сюда придут спасательные команды.

В это время из будки окликнул диспетчер:

— Товарищ Кротов, звонят из Северной штольни. Там прорвало защитную плотину. Выйти оттуда невозможно. В штольне вода достигает ста пятнадцати сантиметров.

Тарас вспомнил, что они как раз собирались ехать в Северную штольню, потому что там их ждал Аркадий Михайлович.

11. НАХОДКА В ТАЙГЕ

В Иркутске Томазян поручил местным органам розыска детальнее всего обследовать таежную местность, над которой пролетал самолет. Во все населенные пункты вокруг этой трассы послали секретные телеграммы с указаниями искать двух людей, которые 1 июня вылетели из Свердловска в Иркутск и не долетели. Один из них должен был быть высокий, второй низенький. Фамилия первого Догадов, второго — Черепашкин. В телеграммах-инструкциях подробно описывались их внешние приметы и одежда.

Прошло несколько дней, но никаких сведений, заинтересовавших бы Томазяна, он не получал.

Опытные поисковики не прекращали розысков, и упорно обследовали каждый квадратный километр тайги, расспрашивали таежных жителей, рыскали по глухим путям, зорко оглядывая каждого прохожего и проезжего.

Наконец, через несколько дней пришло сообщение, что двое искателей золота видели 1 июня, как с самолета, что пролетал над тайгой, спрыгнул парашютист. Один рассказывал, что парашютист спускался с каким-то грузом, а второй уверял, что под одним парашютом видел двух человек. Оба золотоискателя думали, что с самолетом случилась авария, и ожидали, что машина упадет. Но самолет пролетел дальше и скрылся за лесным горизонтом. Несмотря на это, золотоискатели не предпринимали попытки разыскать парашютистов. Оба они думали, что прыжок тот был сделан со специальным заданием и что парашютисты не нуждаются в помощи.

Узнав об этой новости, Томазян распорядился немедленно обследовать местность, над которой видели парашютистов. Это сделали две сотни разведчиков. Они окружили зону розысков кругом радиусом километров десять, и начали медленно двигаться внутрь, осматривая каждое дерево, перетряхивая каждый кустик.

На второй день этих розысков, среди густого кустарника, поросшего над узкой речкой, нашли небрежно свернутый парашют. И тогда на место розысков вылетел Томазян.

Его самолет совершил посадку на маленькой площадке недалеко от того места, где нашли парашют. Осмотр местности сразу убедил следователя, что парашютисты специально выбирали эту площадку для спуска, и, приземлившись, спрятали парашют в кустах, а сами неизвестно куда исчезли. Фабричный номер парашюта был Г 002561. Телеграммой в Москву Томазян просил узнать, за кем числится этот номер парашюта. Ответ прибыл незамедлительно. Сообщали, что парашют Г 002561 находился в пользовании редакции научно-технического журнала «Заря». Из помещения редакции он был недавно похищен.

— Так я и знал, — пробормотал следователь, — все рассчитано наперед. Мистер — догадливый спортсмен. Но Черепашкин?

Для Томазяна было ясно, что парашютисты, или, по крайней мере, один из них, остались живы. Он должен был энергично продолжать розыски этих людей.

Ночью, когда следователь спал в кабине самолета, растянувшись на полу, его разбудил радист и подал зашифро-

ванную радиограмму. Ночной ветерок легко шелестел верхушками деревьев, в темном небе равнодушно мелькали звезды, когда, потирая глаза, Томазян взялся расшифровывать радиограмму.

«В Братске задержан подозрительный человек с документами на фамилию Догадов. Есть сходство одежды. Рост не соответствует указаниям».

Томазян черкнул в блокноте несколько слов, передал листок радисту и начал будить пилота.

— Скоро вылетаем, — сказал он, когда пилот наконец проснулся.

Тем временем, радист посылал в Братск радиограмму-распоряжение: «Немедленно самолетом доставьте Догадова в Иркутск. Будьте с ним осторожны. Томазян».

12. В СЕВЕРНОЙ ШТОЛЬНЕ

Северная штольня была метра на полтора ниже тоннеля. Она предназначалась для вагоноремонтного завода глубинного пути. Там же Аркадий Михайлович хотел устроить один из своих подземных садов. Ботаник требовал, чтобы здесь выкопали огромную пещеру с высоким потолком, а пол — чтобы был как можно ниже уровня тоннеля. Последнее позволило бы подготовить соответствующий слой почвы, нужной для растений. Кроме того, Аркадий Михайлович хотел, чтобы верхушки деревьев вздымались не очень высоко над перроном подземного вокзала.

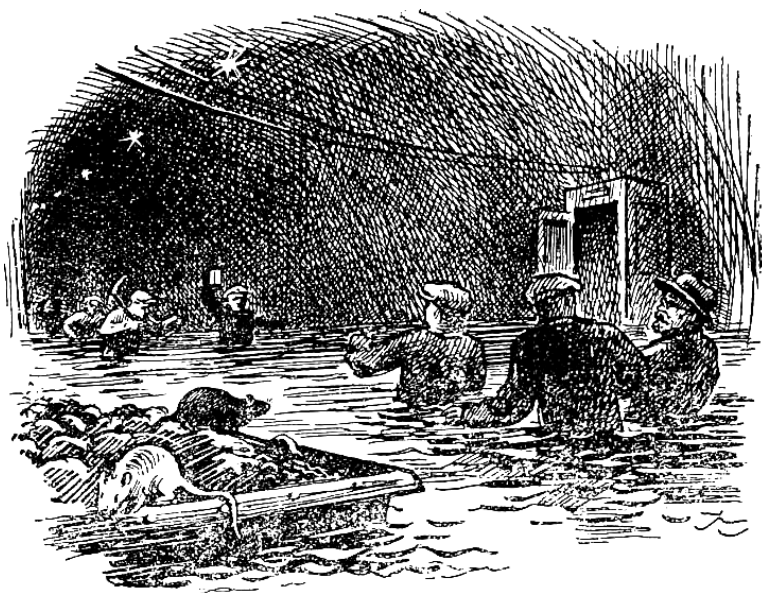
Грунтовые работы в Северной штольне проводились довольно медленными темпами, потому что до сих пор основное внимание уделялось тоннелю и вокзальному помещению. Но так как проходка тоннеля уже близилась к своему завершению, предполагалось в ближайшие дни форсировать работы в этой штольне.

В день, когда подземные воды неожиданно прорвались в тоннель, в штольне было немного людей. Два литостата, работавших там в последнее время, накануне были переведены на расширение шлюзовой камеры, через которую должны были проходить поезда перед выходом из безвоздушного тоннеля на вокзал. Танкоходы, которые привезли в штольню людей, оставили их там, а сами были задействованы в различных работах по всему подземелью. В случае необходимости их вызывали по телефону.

Вода появилась в штольне в тот момент, когда профессор Довгальок осматривал самый дальний участок и находился на значительном отдалении от телефонной будки. С ним были двое рабочих из бригады «лесничих», которую профессор уже успел организовать для проведения работ по озеленению тоннеля.

Под ногами зачавкало, в воздухе почувствовалась сырость, и это сразу привлекло внимание людей. Появилось подозрение, что где-то близко, из какой-то трещины сочится вода, но никто в тот момент не мог представить себе всех

последствий этого. Прежде чем протелефонировать дежурному диспетчеру о том, что в шахте появилась вода, профессор и его спутники попытались обнаружить, откуда именно она поступает. Светя фонарями, они осматривали стены и пол штольни. Тем временем вода начала прибывать так быстро, что пришлось прекратить розыски и бежать, уже по колено в воде, к телефонному аппарату, чтобы известить о затоплении штольни и немедленно выходить оттуда к подъемному лифту. Вода прибывала очень быстро, и когда они подошли к телефону, то невысокому Аркадию Михайловичу она достигала уже почти до пояса. Идти было трудно, вода задерживала. Было страшно и неприятно. Температура воды была низкая, и люди мерзли.

Пещера быстро превращалась в подземное озеро, едва освещаемое фонарями, что светились вверх на значительном расстоянии друг от друга. Дно этого озера было неров-

ное, и люди то и дело спотыкались о комья породы, лежавшей там невыбранной. Над водой вздымались вагонетки, стоявшие на рельсах. На одной вагонетке заметили крыс, спасавшихся от воды.

Вдруг все увидели, что с противоположной стороны, так же, как и они, преодолевая сопротивление воды, приближалось несколько человек с фонарями и кирками в руках. Это вызвало недоумение, но одновременно и надежду, что, может, эти люди знают, что случилось, и идут к ним на выручку. К телефону подошли почти одновременно. Это были рабочие, работавшие в штольне на очистке пола. Аркадий Михайлович ехал сюда вместе с ними.

— Что происходит? — спросил один из бывших попутчиков у профессора.

Люди, идущие навстречу, шли молча. Несмотря на полумрак, в поведении этих людей, в их движениях и даже на плохо различимых в темноте лицах ясно читалась тревога. Когда сошлись совсем близко, передний, — это был бригадир, — глухо прохрипел:

— Путь к главному входу отрезан. Там нельзя пройти, а переплыть не на чем.

Аркадий Михайлович вспомнил, что там, по его же указаниям, делали выемку метра на два глубже, чем вся штольня. Там успели уже выбрать грунт на участке метров в семьдесят. Теперь выемка, наполненная водой, закрывала выход. Но на всякий случай там была построена защитная плотина, потому что сюда, в штольню, предполагалось пустить небольшую искусственную подземную реку. Неужели эта река прорвалась раньше, чем ей проложили здесь русло?

Вода все прибывала, и люди испуганно искали спасения. Но надежда была только на телефон. С его помощью им, может, удастся вызвать спасателей. По телефону они сейчас узнают, что делается в главном тоннеле и у центрального лифта.

Бригадир, который первый оказался у телефона, торопливо рассказывал диспетчеру об их положении. У телефонной будки собралось человек двадцать. Самым высоким из них вода достигала до пояса, а профессору доходила почти

до подмышек. Аркадия Михайловича поставили на небольшую глыбу породы, которую кто-то нашел под ногами, и теперь он стоял выше всех.

Бригадир сжимал телефонную трубку и слушал. Потом сказал «Хорошо, сделаем» и, повернувшись к товарищам, крикнул, что сейчас с ним будет говорить Кротов. Он замер, вслушиваясь и прижимая к уху эбонитовый наушник. Все напряженно ждали, что скажет им инженер.

Они видели вдали многочисленные синие и красные огоньки, извещающие об опасности и о том, что в штольне все места опасные. Ни одного зеленого огонька, который бы указывал, куда можно пройти. Вокруг царила тишина, если не обращать внимания на легкий неясный шум, который принес с собой неожиданный паводок.

Через одну-две минуты бригадир повесил телефонную трубку.

— Товарищи, — строгим голосом произнес он. — Инженер Кротов требует, чтобы не было паники, и обещает немедленно выслать нам помощь. А теперь давайте искать под ногами крупные куски породы и становиться на них, или складывать камни в кучу.

Рабочий, стоявший вблизи профессора, измерил глубину воды.

— Метр двадцать три сантиметра, — сказал он и, отойдя дальше, начал шупать ногами дно, выискивая камни.

Бригадир с минуту молчал, опираясь рукой на телефонную будку. Он стоял, задумавшись. Кто знал, о чем он думал? Бригадир обманул людей, что слышал от Кротова о немедленной помощи. Телефонный разговор между ними оборвался после первых же слов. Очевидно, где-то произошел обрыв провода, или сломался телефонный аппарат.

13. СПАСАТЕЛЬНАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ

Работы по выемке грунта в шахте были приостановлены. Рабочие со всех участков, кроме Северной штольни, быстро добрались до лифта, и большинство из них было немедленно вывезено на поверхность. Часть же, самые энергичные и опытные, остались у Кротова, руководившего спасательными работами. С поверхности прибыла первая спасательная команда. Но спасатели, которые были хорошо подготовлены к борьбе с газами, подземными пожарами и завалами, не имели ни опыта, ни специального оборудования для борьбы со столь значительным наводнением. Правда, у них были помпы, чтобы откачивать воду, но здесь они не могли помочь, потому что воды было уже слишком много. Не имели они также лодок, чтобы отправиться на них в разведку по шахте, которая превратилась не то в реку, не то в озеро. Именно в этот момент Кротов ощутил чрезвычайную потребность в лодках. Телефонная связь с Северной штольней неожиданно прервалась. Пока дежурный монтер пытался выяснить, что произошло, инженер быстро подсчитывал, какой уровень воды должен был уже быть в штольне. Выводы были неутешительны.

Там вода наверняка достигала в лучшем случае 130-140 сантиметров. Люди в Северной штольне еще могли быть живы, но как их спасти, когда вода прибывает, а добраться до штольни нет возможности. Очевидно, что это можно сделать лишь на каком-нибудь плавучем средстве. Кротов напряженно думал, ища, чем бы воспользоваться вместо несуществующих лодок.

Взволнованный Тарас стоял возле инженера и поглядывал на него с тревогой, а потом и с надеждой. В это время он заметил, как из кабинки лифта, что спустилась под землю, вышел палеонтолог, с которым Кротов разговаривал перед спуском в шахту.

Энергично ступая, палеонтолог приблизился к инженеру и, взяв его за локоть, сказал:

— Товарищ Кротов, я узнал о несчастье и немедленно спустился в шахту. Я в вашем распоряжении.

Инженер взглянул на него так, словно взвешивал способности этого человека, и коротко ответил:

— Надо спасать людей в Северной штольне.

— Что там случилось?

— Их вот-вот зальет. Выход оттуда затрудняет глубокая выемка. Танкоходы не пройдут. Я посылаю литостаты, но они доползут туда только за три-четыре часа. Уровень воды непрерывно поднимается.

На секунду он замолчал, видимо, что-то обдумывая. Потом снова заговорил:

— Есть один танкоход. Мы его делали как экспериментальный. Он высокий. Сможет дойти до выемки, но дальше?

— Длина выемки? — спросил палеонтолог.

— Семьдесят метров. В выемке глубина воды — метра три с половиной. Дальше, в штольне, примерно... сто сорок сантиметров. Телефонная связь оборвана. Надо немедленно отправляться на помощь.

— Я беру это задание на себя, — сказал палеонтолог. — Мне надо четверых-пятерых отважных людей, умеющих плавать. Мы сделаем плот, возьмем его на буксир и сейчас же трогаемся. Минут через сорок будем там.

— Спасибо, товарищ Черепашкин!

Тарас, слушая этот разговор, сделал шаг к палеонтологу и взволнованно произнес:

— Я с вами.

— Очень хорошо, — коротко ответил ученый, и Тарасу снова показалось, будто он уже когда-то слышал этот голос.

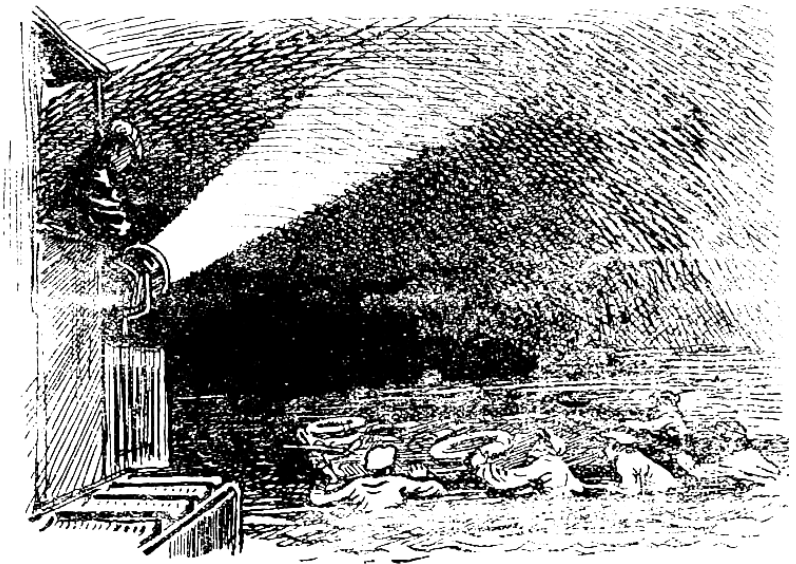
Но это воспоминание моментально исчезло, потому что они должны были немедленно отправляться в спасательную экспедицию.

14. НА ТАНКОХОДЕ

Танкоход стоял шагов через сто дальше. Вода, поднявшаяся в главном ходе сантиметров на восемьдесят, заливала нижнюю часть машины, но водитель уверял, что сможет пройти через глубину даже в полтора метра. Палеонтолог, забрав с собой Тараса и нескольких рабочих, приказал водителю вести машину к Северной штольне. Подготовка экспедиции отняла пятнадцать-двадцать минут. Черепашкин проявил себя энергичным и умелым организатором.

Танкоход передвигался медленно, но, по сравнению с литостатами, которые ползли медленнее черепашек и даже не дошли еще до центрального поста, он «летел» со скоростью пешего хода человека. Тарас уселся в кабине возле водителя и напряженно вглядывался в сумрак, который прорезался светом маленького прожектора, укрепленного на крыше машины.

Из их поля зрения исчезло все, кроме длинного темного коридора с красными, синими и зелеными огоньками, которые светились под самым потолком. Наконец, небольшой

поворот, они сворачивают на север, подземелье расширяется, и одновременно вода поднимается все выше и выше, и приходится остановиться. Здесь начинается выемка. Дальше ехать невозможно. Палеонтолог предписывает измерить глубину воды на главном проходе и подсчитывает, сколько воды должно быть в штольне. Он хмурится. Там она поднялась, наверное, метров до двух. Вряд ли кто смог спастись...

Водитель танкохода смотрит на палеонтолога, ожидая приказа поворачивать назад, но тот велит рабочим в последний раз проверить, как скреплен тросами плот, привязанный к машине, и плыть в штольню. Он сам, рабочие и Тарас берутся, каждый одной рукой, за плот и трогаются вплавь, загребая второй рукой. На одно мгновение мальчику показалось, что палеонтолог что-то хотел сказать ему, но, видимо, внезапно передумал, и сделал вид, словно ничего не собирался.

ЧЕЛОВЕК, НЕ УВЕРЕННЫЙ В СВОЕЙ ФАМИЛИИ

Областная прокуратура помещалась в двухэтажном доме, напротив областного суда. Из окон кабинетов следователей виден был большой сад, а за садом играла волнами Ангара. В кабинетах царила тишина. Сюда не долетал даже стрекот пишущих машинок из канцелярии. Один из этих кабинетов занял Томазян. В двенадцать часов он прибыл в Иркутск, а на четырнадцать вызвал к себе на допрос гражданина Догадова, который был по его распоряжению арестован вчера.

Это был маленький человечек с рыжими усиками, в костюме цвета хаки и крагах. Костюм явно шился не на него. Выглядел этот человечек грязным, помятым, небритым, с выражением испуга на лице.

— Прошу, гражданин, садитесь, — предложил Томазян.

Арестованный несмело подошел ближе и, казалось, с удовольствием сел в кресло.

Томазян придвинул к себе папку с делом, но, не заглядывая в нее, спросил:

— Как ваша фамилия? Думаете, я не знаю?

— А я вот, — медленно начал арестованный, — не уверен в своей фамилии. Я пытаюсь вспомнить, и у меня уже голова болит... какая моя фамилия.

— А какая же, все-таки, по вашему мнению?

— Я не знаю... Я предполагаю, и... мне почему-то кажется, что я Черепашкин, комендант дома на улице Красных Ботаников, 5.

— Откуда же у вас такое предположение? — прищурилась, спросил Томазян.

— Ничего не знаю. Не знаю наверняка, но предполагаю, и все.

— Вы действительно Черепашкин Иван Семенович, комендант дома на улице Красных Ботаников, 5.

— Слушайте, вы точно правду говорите? — у арестованного глаза заблестели от радости, но потом его снова

охватил какой-то страх, и он зашептал: — Но он уверял меня, что я догадаюсь, вот только я сошел с ума...

— Успокойтесь, выпейте воды, закурите и расскажите, что с вами случилось...

Через минуту маленький человечек жадно затянулся сигаретой и начал рассказывать о своих приключениях, которые ему самому казались глупой фантазией.

— Я летел на самолете. Это я хорошо помню. Потом вдруг очнулся среди леса. Возле меня стоял мужчина, который спрашивал у меня, кто я такой и что я помню. Когда я все рассказал, он очень удивился, несколько раз переспрашивал меня и наконец сказал, что я ошибаюсь, что я не Черепашкин, а Догадов, не комендант дома, а сотрудник научно-популярного журнала «Заря». Я полез в карман за документами, и в этот момент заметил, что на мне какой-то другой костюм, не мой. На ногах краги. Вытащил из кармана документы: они были на имя сотрудника журнала «Заря» Догадова. Мне показалось, что я схожу с ума. Затем... Не знаю, когда и как, но, видимо, я упал в обморок. Когда вновь очнулся, то был среди тайги один, с теми же самыми документами и в той же самой одежде. Я бродил по лесу, пока не встретил людей, я очень обрадовался. Люди, встретившиеся мне, посмотрели мои документы и сказали, что я арестован.

— Так, хватит, — перебил его Томазян. — Я все о вас знаю. Даже знаю, что вы летели в Иркутск вручать судебную повестку профессору Довгалюку, жильцу квартиры 19 по улице Красных Ботаников, 5.

Арестованный, широко распахнув глаза, смотрел на следователя. Его удивление и радость были безграничны.

— Так я Черепашкин? — закричал он, вскочил с кресла и схватил обеими руками руку следователя.

— Бесспорно. Вас арестовали по ошибке. Обвинения я вам не предъявляю, и вы освобождаетесь от ареста. Приношу вам свои извинения.

Черепашкин минуты три молчал. Медленно радость с его лица исчезла, и он вновь стал мрачен.

— Вы не имели права меня задерживать, — вдруг резким тоном заявил он следователю. — Это возмутительно! Я

привлеку вас к ответственности! Я перенервничал, я требую...

— Успокойтесь. Выпейте воды. Никто не виноват, что вы не только дали выбросить себя из самолета, подменить документы, переодеть вас, но даже дали уговорить себя, что вы сумасшедший. Я привлекаю вас по этому делу как свидетеля.

— Позвольте! — закричал Черепашкин. — Я...

В этот миг зазвенел телефон. Томазян снял трубку. Звонил областной прокурор. Он известил Томазяна, что строительства поступил сигнал о катастрофе – наводнение в районе рудника № 925, — и туда немедленно выезжает комиссия в составе инженеров и представителя власти, и что получено из Москвы предложение включить в состав комиссии Томазяна.

САМБОРСКИЙ ПОЛУЧАЕТ ИЗВЕСТИЕ О КАТАСТРОФЕ

Самборский готовился к выступлению. Он в последний раз просмотрел записи в блокноте и поправил заключительный абзац, который собирался прочитать в конце речи. Приближается его время.

Заседание научно-технического совета происходило в небольшом полукруглом зале с высокими окнами на две стороны. На возвышении, за столом сидит академик Саклатвала, а рядом его заместители. Инженеры разных специальностей, геологи, хозяйственники, архитекторы, физики, транспортники, строители говорят кратко, излагая цифры, факты и предложения. Худой, с искаленным после какого-то давнего взрыва лицом, начальник стройки сидит неподвижно и слушает, не пропуская ни слова. Вдруг к нему подходит секретарь и подает свернутую бумажку. Саклатвала разворачивает, читает, а потом что-то шепчет одному из заместителей, встает и медленно выходит из комнаты.

Минуту спустя секретарь подошел к Самборскому и шепнул, что начальник стройки немедленно просит его к себе. Самборскому не пришлось выступать. Бумажкой, которую разворачивал и читал Саклатвала, была телеграмма-молния о катастрофе на руднике № 925.

— Откуда там могла появиться вода? — спросил начальник стройки.

— Только из подземного озера, лежащего километров в шести к востоку от тоннеля, на высоте триста метров над уровнем моря. Мы намечали провести оттуда реку для нужд тоннеля.

— Но ведь там были приняты все меры к изоляции озера? Мы же предполагали установить соответствующие гребни и щиты?

— Все было сделано так, как предполагалось. Десятки раз я лично проверял. Не могу представить, как это могло произойти. При других условиях, я сказал бы, что здесь имело место преступление.

— Вы немедленно должны вылететь на место катастрофы, выяснить, что именно случилось, каковы возможные последствия и что надо делать...

Самборский вышел из кабинета начальника, забежал в одну из комнат управления, по телефону заказал экстренный самолет, просмотрел последние радиোগраммы, поступившие со стройки, и мигом выскочил на улицу к автомобилю. Но только он хотел захлопнуть дверцу авто, как в них просунулась голова Макухи.

— Голубчик, подожди, — просил географ, — у меня важное дело.

— Не могу ждать, — ответил Самборский и крикнул шоферу: — На аэродром!

— Да я же тебя не задержу, — сказал Макуха и вскочил в машину. — А по дороге поговорим.

Самборский подгонял шофера, рассеянно слушая, что ему говорит Макуха.

— Здесь ты должен уступить, — уговаривал географ инженера. — Я снова и снова получаю жалобы от своих палеонтологов. На 925-ой обнаружена исключительной ценности находка, и не дают ее исследовать. Это возмутительно. Я решил пока что к Саклатвале не обращаться, а самому выехать на место.

— Это будет самое лучшее. О находке я знаю, однако, сейчас ее уже не спасешь.

— А что случилось? Мне телеграфировал Черепашкин, что кости еще на месте, но один из твоих помощников грозит выбросить их на поверхность раньше, чем закончат раскопки. Я приказал Черепашкину ускорить раскопки, но, понимаешь...

— Черепашкин? Знакомая фамилия. Это кто такой?

— Новый палеонтолог. Несколько дней назад мы приняли его на работу. Он проявил себя как чрезвычайно смелый и энергичный человек.

— Странное стечение обстоятельств. Я помню одного Черепашкина, коменданта дома, где жил профессор Довгало. Ты должен помнить, он нас запер в солярии.

— Ты знаешь, — Макуха потер пальцами левую щеку, — он, кажется, писал в анкете, что по каким-то причинам

вынужден был работать комендантом дома... но я не обратил внимания...

— Комендантом? А ты знаешь, что тот недавно исчез?..

В это время автомобиль подъехал к аэровокзалу.

— Прости, — сказал инженер географу, — в следующий раз закончим разговор. Я должен лететь со скоростью пули.

Он выбежал на аэродром. За ним едва поспевал служащий, который должен был показать, где его самолет. Через пять минут Самборский был в воздухе, и пилот, даже не сделав традиционного круга над аэродромом, повел машину на полной скорости на северо-восток. Инженер сидел в кабине, закрыв глаза, весь погрузившись в мысли. Он думал о причине катастрофы, и она почему-то связывалась в его воображении с палеонтологической находкой. Ведь кости доисторических животных были найдены именно вблизи шлюза.

17. СПАСЕНИЕ

Профессор Довгалюк не отвечал на вопросы, когда к нему обращались, и ни с кем не разговаривал. Вокруг него люди боролись за жизнь; большинство из них были по горло в воде. Они нащупывали камни, чтобы стать на них и отдалить время гибели или дожидаться спасения, обещанное бригадиром, который вроде бы говорил по телефону с инженером. Аркадий Михайлович, стоя на своем возвышении, казалось, ничего не замечал. Но его мозг напряженно работал, ища выход из положения. И вдруг он вспомнил про крыс, которых видел, когда шел к телефонной будке. Они спасались на вагонетках. Неизвестно, удастся ли спастись тем крысам, но люди...

— Товарищи! — крикнул профессор. — Товарищи, мы спасены! Слушайте меня.

Его старческий голос зазвучал сильно и уверенно, и привлек к себе внимание.

— Товарищи, надо идти или плыть до вагонеток. Это метров сто отсюда.

Бригадир, стоявший возле профессора, сразу понял его. Он объяснил товарищам, что надо делать. Почти все они умели плавать и немедленно поплыли за бригадиром и профессором.

Вагонеток уже не было видно из-под воды. Но Аркадий Михайлович нащупал одну из них, зацепившись ногой. Только он почувствовал ее под собой, как сразу встал на ноги. Теперь вода доходила ему лишь до колен. Он закричал, и все пловцы двинулись к нему, и один за другим начали лезть на вагонетку. Несколько человек устроились на соседних вагонетках. Каждый вздохнул с облегчением, хоть и не считал себя полностью спасенным, то, тем не менее, надежда на спасение у людей возросла.

Аркадий Михайлович думал о том, каким бы способом связаться с теми, кто должен был быть в главном туннеле. "А может, там уже никого не осталось? Одни погибли, а другие спаслись», — мелькали тревожные мысли, когда он вглядывался в сумрак над водной поверхностью, ища выхода из штольни. Именно в такую минуту он заметил словно бы слабый отблеск прожектора. Что это? Аркадий Михайлович вглядывался туда, не отрываясь. Его спутники тоже напряженно следили за признаками приближения людей. Свет шел из центрального тоннеля, значит, там происходило какое-то движение. Такие лучи мог бросать движущийся за поворотом штольни литостат или танкоход. Не иначе, как одна из этих машин шла к ним на выручку.

— Эге-ге-гей! Сюда! Сюда! Спасите! — закричали все и потом напряженно вслушивались, нет ли ответа.

Там, вдали, свод штольни оставался освещенным, но ответа на крики не слышалось.

— Кричите, кричите, ребята! — призывал бригадир.

И вот до них донесся слабый отклик, потом яснее, и они поняли, что приближается помощь. Скоро все заметили, как по воде что-то плывет, а вскоре увидели людей.

— Аркадий Михайлович, — раздался мальчишеский голос, и профессор узнал по нему Тараса.

Спасатели приблизились. Один из них, очевидно старший, спросил, все ли здесь, и, получив ответ, начал командовать, кому в первую очередь плыть к танкоходу.

— Всех сразу взять не сможем, — сказал он, — разделимся на четыре партии.

В первую партию он включил Аркадия Михайловича и двух наиболее слабых рабочих, и приказал Тарасу и еще двум спасателям возвращаться. Профессор хотел остаться, но бригадир и другие рабочие поддержали приказ, и он, вместе со своим секретарем, уцепившись за какую-то деревянную скамью, поплыл к главному тоннелю.

18. ЛИКВИДАЦИЯ КАТАСТРОФЫ

Когда Самборский прибыл на прииск № 925, он уже знал, какие меры надо принять для ликвидации наводнения. Выйдя из кабины самолета, он сразу передал радисту лист бумаги из своего блокнота. Это была радиограмма на имя Саклатвалы следующего содержания: "Считаю необходимым ускорить проходку путем взрыва перемычки между Восточной и Приморской зонами. Это даст возможность спустить воду в Охотское море и приведет к ликвидации наводнения. Жду вашего решения. Самборский».

Инженер рассчитывал, что это будет лучший способ преодолеть последствия неожиданной катастрофы. Выкачивать воду помпами с глубины в полтора километра он считал невозможным, так как это, по крайней мере, на полгода задержало бы окончание строительства и потребовало бы большого количества энергии, которого строительство пока не имело. Перемычка между Восточной и Приморской зонами была продолжительностью около двух километров. А дальше, до самого моря, тоннель был проложен, и уже начиналось внутреннее оборудование подземного пути. Так как тоннель проходил на несколько метров выше уровня моря, вода должна была стечь естественным путем.

Почти успокоенный тем, что нашел способ полного устранения катастрофы, Самборский подошел к шахтной надстройке. Его встретили несколько инженеров и техников, работавших на поверхности.

— Где Кротов? — спросил Самборский.

— В тоннеле.

— Вызовите его к телефону.

Самборский выслушал краткие сообщения инженеров о положении на их участках и быстро вошел в курс дела. Потом по телефону поговорил с Кротовым, от которого узнал о спасении людей из Северной штольни. Кротов также сообщил о прибытии к центральному посту профессора Довгалюка и обещал в течение одного-двух часов вывести из штольни всех людей.

В это время из кабины поднявшегося на поверхность лифта вышли Аркадий Михайлович и Тарас. Самборский оставил телефон и побежал к своим друзьям. Он обнял профессора, прижал к груди Тараса и хотел их о чем-то спросить, но его позвали к радиотелефону.

— Вас просит академик Саклатвала, — сказал дежурный телефонист.

Начальник строительства согласился на предложение Самборского взорвать перемычку, лишь заявив, что взрыв будет производиться со стороны приморской зоны. Кроме того, он сообщил, что на место катастрофы вылетела специальная комиссия для расследования причин катастрофы и полного искоренения ее последствий.

— Вы назначаетесь заместителем председателя комиссии, — сказал Саклатвала.

Через каких-то полчаса над зданиями рудника № 925 появился выкрашенный бело-синими полосами самолет. Это была раскраска самых быстрых пассажирских самолетов, появившихся всего несколько недель назад на аэролинии Москва — Владивосток.

Впервые такой самолет делал посадку в этой местности. Это прибыла комиссия из Иркутска.

Самборский позвонил по телефону Кротову и, узнав, что спасательные работы в Северной штольне закончены, приказал ему подняться на поверхность.

Шесть членов комиссии зашли в кабинет Самборского. Он был седьмым. Председателем комиссии был начальник политического управления строительства Крюков. Других членов комиссии, кроме одного, Самборский также хорошо знал. Но этого одного, незнакомого, он, казалось ему, он когда-то где-то видел. В самом деле, так это и было. Когда тот поздоровался и представился «Томазян», инженер сразу его вспомнил.

— Пойдем, встретим Кротова и спасенных из Северной штольни, — предложил Самборский.

Комиссия подошла к вестибюлю надшахтного здания и минуты две ждала, пока кабина лифта поднималась с глубины. Оттуда вышло человек пятнадцать во главе с Кротовым. Кротов поздоровался и сказал:

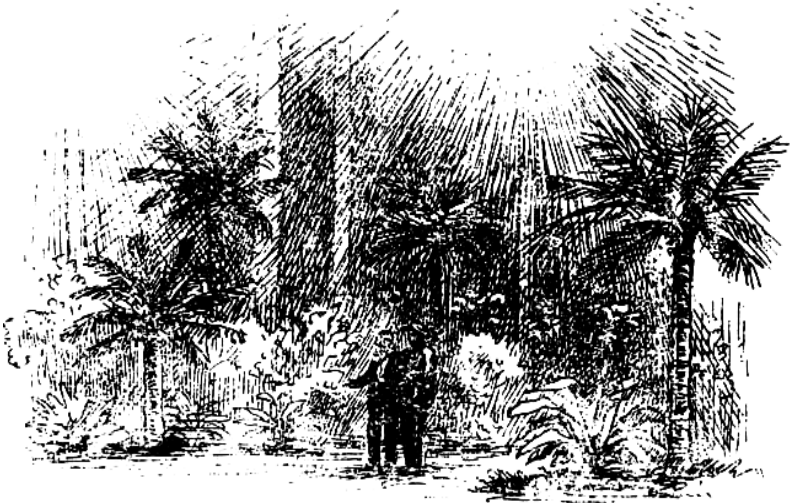
— Позвольте отрекомендовать вам спасателей и спасенных из Северной штольни... А среди них — главного организатора спасательных работ, товарища Черепашкина, — и он показал на высокого палеонтолога в мокрой, измазанной одежде.

— Вы ошибаетесь, — сказал, выступая вперед, Томазян, — это организатор катастрофы. — И, обращаясь к палеонтологу, сухо произнес: — Гражданин Догадов, вы арестованы.

19. ПОСЛЕДНИЕ ЧАСЫ

Несколько дней назад была закончена пробивка тоннеля: спешно завершалось шлюзование секторов между подземными станциями на нескольких отстающих участках, заканчивалось цементирование, рабочие-дорожники прикрепляли последние рельсы. Шло соревнование между Востоком и Западом за право пустить первый экспресс вдоль всего подземного пути. На большинстве участков уже ходили местные поезда, развивая скорость грузовых самолетов. На одном из них впервые проехал академик Саклатвала из Иркутска до станции «Глубинная», — так называли станцию, расположенную в руднике № 925. Там начальнику стройки рапортовали инженер Самборский и профессор Довгалюк.

Аркадий Михайлович в свое время подал проект подземного тропического леса, который он собирался насадить в огромной пещере, образовавшейся после того, как оттуда вытекло озеро. После долгих вычислений, сделанных различными экспертами, управление строительства согласилось на этот проект.

Теперь Аркадий Михайлович смог показать Саклатвали эту пещеру, размером сорок миллионов кубометров, всю освещенную электрическими «солнцами». Высота ее в отдельных местах достигала пятидесяти метров. Крепкий базальтовый потолок подпирали сотни металлических колонн; дно было засыпано соответствующе приготовленной почвой, как того требовали растения, посаженные здесь профессором.

Саклатвала с наслаждением дышал свежим, насыщенным озоном воздухом с примесью ароматов роз и ландышей. Это пахли растения, выращенные Аркадием Михайловичем еще у себя в солярии.

После обхода подземных садов начальник строительства посоветовал Аркадию Михайловичу и Тарасу ехать или в Москву или во Владивосток, чтобы принять участие в первом рейсе подземного экспресса.

— Угадывайте, кто завоюет право первенства — Восток или Запад? Но участие в первом рейсе с той или иной стороны вам обеспечено, — сказал он.

Ботаник и его секретарь долго не могли решить, куда им ехать. Аркадий Михайлович предлагал ехать в Москву.

— Там обязательно закончат раньше, — уверял он, — и оттуда отправится первый поезд.

По мнению Тараса, первый поезд должен был уйти из Владивостока. Наконец, они решили, что Аркадий Михайлович поедет в Москву, а Тарас — на восток, во Владивосток. Подземная линия Владивосток — Тихоокеанск уже работала.

Тарас прибыл в Тихоокеанск в тот день, когда предполагалось закончить строительство. Уже утром на вокзале подземной железной дороги, который выходил здесь почти на поверхность, стоял готовый электропоезд, состоявший из двадцати пяти длинных металлических вагонов.

На площадях, на перекрестках улиц, на высоких домах виднелись огромные экраны с показателями соревнования между Западным и Восточным участками подземного строительства. В двенадцать часов дня на экранах были такие цифры: Запад — 99,87 %, Восток — 99,86 %. Восток отста-

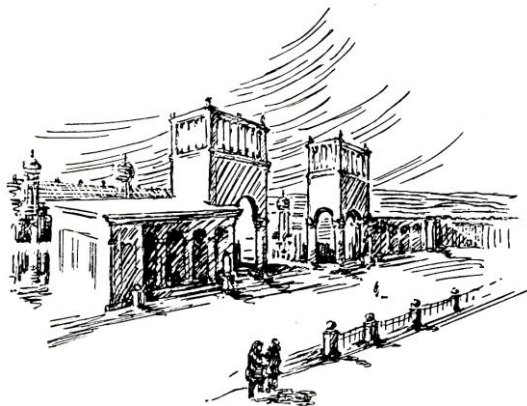
вал от Запада. О показателях соревнования сообщалось ежечасно. Толпы любопытных росли у экранов. Шли последние часы до окончания работ в тоннеле: кто победит?

В три часа дня цифры были такие: Запад — 99,96 %, Восток — 99,95%. Громкоговорители извещали, что в восточном секторе закончена приемка шлюзов. Восток усилил темпы, но все же отставал от Запада.

В четыре часа дня на экранах изменились показатели. Оба сектора имели одинаковые цифры — 99,9 %. Тарас аж дрожал от волнения. "Неужели закончат вместе?», — спрашивал он себя, — и переживал это не меньше, чем боялся, что западный сектор победит.

В это время по репродуктору сообщили, что двери в вагоны открыты, и пассажиры могут занимать свои места. Сжимая в руке приглашение и билет, Тарас стоял, не двигаясь с места. Он нетерпеливо ждал, пока на доске показателей появится цифра 100. Но она все не появлялась. Работы в тоннеле еще не закончены. Собственно говоря, Тарас хорошо понимал, что все работы уже закончены, и дело идет лишь о приемке туннеля инспекторской комиссией строительного управления. Происходило это где-то в Иркутске. Там, в штабе строительства, принимают с разных участков туннеля последние сообщения технических инспекторов. Вдруг в 4 часа 13 минут на доске показателей появилась надпись: «Восток — 100 %; Запад — 99,98 %».

Восток победил.

20. ТИХООКЕАНСК — МОСКВА

В семнадцать часов пять минут резкий звонок возвестил, что двери вагонов закрываются. Над головой у Тараса раздался негромкий хлопок, и электрические лампы засияли сильнее.

Тарас взглянул на циферблат скоростемера, который был в каждом купе. Стрелка показывала 390 километров в час. Поезд уже шел с такой скоростью. Но стрелка потихоньку двигалась дальше: 560, 610, 730, 840. Однако, машинист не унимался, он снова начал увеличивать скорость и, наконец, та достигла 1210 километров в час. Теперь поезд пролетал километр за три секунды — быстрее, чем скорость звука в воздухе. Он обгонял самые быстрые самолеты.

Пассажиры слышали только легкий шум, звон и какое-то потрескивание. Иногда немного качало. Это свидетельствовало о некоторых, даже незаметных на глаз неровностях в отдельных местах подземного пути.

Тарас огляделся вокруг себя. Он — в небольшом двухместном купе. Мягкие диваны и стены. Пол застелен толстым ковром, и даже потолок — мягкий. Это должно было обеспечить безопасность от удара на случай неожиданной резкой остановки во время торможения.

В вагоне сохранялась постоянная температура в 20°. Воздух был чист и свеж, словно после грозы. Это действовала установка искусственного климата. Ни жары, ни холода, ни головной боли от спертости воздуха. В каждом купе были рукоятки, которыми пассажиры могли регулировать температуру воздуха.

Вдруг послышался стук в дверь. К ним вошла девушка в белом халате.

— Желаете легких закусок или напитков? — спросила она.

Тарас вспомнил, что он еще не обедал.

— Да, желаем, да еще и очень, — ответил он.

— Тогда прошу пройти в ресторан.

— Ну, что ж, пройдемте! — сказал Тарас своему спутнику.

Через восемь вагонов они попали в вагон-клуб. Здесь было еще мало пассажиров: один угол заняли любители шахмат и домино, а во втором устроились несколько друзей, проводя время в приятном разговоре. За вагоном-клубом следом шел вагон-ресторан. Меню обеда состояло из двадцати восьми блюд. Но только подали первое блюдо, как Тараса вызвали к телефону.

Говорил Аркадий Михайлович.

— Да! Я! — отозвался Тарас. — Вы откуда говорите?

— С поезда номер два. Москва—Тихоокеанск. Поздравляю тебя с победой тихоокеанцев! Передай в Москве привет от меня. Сегодня вечером Черняк, редактор «Зари», устраивает собрание старых друзей. К сожалению, я не смогу быть на нем.

На этом разговор закончился.

После обеда, вернувшись в свое купе, Тарас сейчас же лег спать и моментально уснул. Поезд мчался безостановочно, не сбавляя скорости. Вдруг что-то сильно дернуло Тараса, и какая-то неведомая сила потащила его вперед. Та-

рас попытался схватиться за диван, но съехал на мягкий пол, и сразу проснулся.

— Подъезжаем, — сообщил мальчик своему спутнику.

Через десять минут поезд мягко остановился. Освещение уменьшилось, слышался шум над головой и вдоль вагона. Это происходило «раскупоривание» герметически закрытых вагонов. Откуда-то доносились звуки музыки.

— Нас встречают! — догадался Тарас.

Пассажиры забирали свои вещи и спешили из вагона. Когда вышли на перрон, Тарас отыскал глазами часы и показал на них своему спутнику.

— Четыре часа тридцать две минуты! — вскрикнул тот.

— Мы ведь выехали в пять часов. Значит, мы опередили солнце!

21. ВСТРЕЧА ДРУЗЕЙ

Антон Павлович Черняк сегодня принимал своих близких друзей. В восемь часов вечера гости начали собираться. Первым пришел Тарас Чуть, а за ним Макаренко, Самборский, Макуха и еще несколько человек. Все делились впечатлениями от Москвы, в которой давно не бывали, вспоминали работу в тоннеле, свои споры, которые уже были решены. Многие смеялись, вспоминая приключения, которых случилось немало за эти годы.

— Одного здесь среди нас не хватает, — сказал Макаренко, оглядывая присутствующих, — и я предлагаю поднять бокалы за него.

— За Аркадия Михайловича! — закричали все, сразу догадавшись, кого имел в виду Макаренко.

В это время в дверь кто-то постучал.

— Войдите! — пригласил хозяин.

Все вернулись. Дверь открылась, и на пороге показался следователь Томазян.

— Простите, что я задержался, — сказал он, — хоть я и обещал Антону Павловичу прийти вовремя. Задержало дело, которое, видимо, и вас всех здесь интересует.

— Садитесь к столу, — пригласил Черняк, — и рассказывайте о деле, если оно действительно нас интересует.

Следователь уселся в тесном кругу, попросил стакан воды и, спокойно поглядывая на заинтересованные лица друзей, сказал:

— Я закончил следствие по делу Догадова и передал за подписью прокурора в суд.

Редактор "Зари" аж поднялся с места. Дело бывшего сотрудника журнала не могло его не интересовать.

— Кто он? — спросил Самборский. Потом, улыбаясь, глянул на Макуху, и добавил: — Опытный палеонтолог?

— Да, — ответил Томазян, — только он не специалист по изучению кладбищ доисторических животных, а по созданию кладбищ современных людей. Агент чужой держа-

вы. Даже не одной, а двух. Наконец-таки признался, хоть и не полностью. Думаю, что кое-чего он все же нам не сказал. Признался лишь тогда, когда все свидетельствовало против него, когда бороться против улик стало совершенно невозможно. Так вот. Он специально прибыл сюда из-за границы для подрывной работы. Я понимаю, что кое-кому из вас, товарищи, очень неприятно вспоминать, как этот Догадов обманул вас и сумел втереться в доверие. Не волнуйтесь, Антон Павлович, да и вы, товарищ Макуха! Среди вас есть еще кое-кто, кого Догадов обманул и чуть не лишил жизни, хоть этот кто-то, очевидно, забыл о нем.

— Это я! — вскрикнул Тарас. — Когда я встретил его с Кротовым у шахты № 925, мне показалось, что я уже где-то видел его. Теперь я вспомнил. Он был моим спутником в поезде, когда я возвращался в Староднепровск, — волнуясь, стал рассказывать мальчик.

— Правильно! — сказал следователь. — И он же выбросил тебя, мой друг, из поезда, только по счастливой случайности ты остался жив.

— Это все благодаря врачам городской больницы, — вставил Макаренко.

— В этом он особо долго не признавался, — говорил следователь. — Но нам удалось собрать неопровержимые доказательства. Мы даже узнали, что за этот поступок он получил выговор от своего начальства, потому что там сочли его ненужным и опасным. Так же признал он себя виновным в нападении на Черепашкина. Он его оглушил и выпрыгнул вместе с ним на парашюте, надеясь впоследствии выпытать у него нужные сведения. Оказалось, что он заметил какие-то записи у Черепашкина, которые свидетельствовали о том, что Черепашкин близко знает профессора Довгалюка. Он выпросил все, что мог, но много это ему не дало... Дальше, правда, его показания немного расходятся с показаниями самого Черепашкина. Догадов не отрицает, что передел комеданта в свою одежду, заменил документы и хотел впоследствии его убить. Но прежде, чем враг надумал исполнить свой замысел, Черепашкин сбежал. Довольно легко диверсант устроился палеонтологом. Ему повезло попасть на один из самых ответственных участков

туннеля и, воспользовавшись палеонтологической находкой, устроить небольшой взрыв, и пустить с Верхнего озера воду в шахту. На этом его деятельность была нами остановлена.

— Зачем же это все было сделано? — поинтересовался Тарас.

— Этого требовали интересы соседних государств. Они лихорадочно готовятся к войне с нами и понимают, какое стратегическое значение имеет тоннель.

— И как это он сразу пронюхал про тоннель и про нашу встречу в солярии у Аркадия Михайловича? — спросил Макаренко.

— Устроившись в редакцию «Зари» техническим консультантом, он намеревался раздобыть сведения о наших самолетах, в том числе, и о самолете Шелемехи. Подслушал разговор нашего уважаемого хозяина с профессором Довгалоком, через день-два узнал о ваших «Вечерах фантазии»; к тому же, оказывается, физик Гопп, когда был в редакции, рассказывал об идее глубинного пути. Шпион схватывал все на лету, и прекрасно сориентировался. У себя на родине он прошел хорошую школу. Его настоящее имя и фамилия Томас Гэл.

— Негодяи сумели обмануть многих людей, — продолжал Томазян. — И поэтому мы всегда должны быть бдительными. Но — негодяев гораздо меньше, чем честных людей, и поэтому бдительность не должна превращаться в подозрительность, значит, нужно ценить доверие к человеку, надо верить в человека. "Человек — это звучит гордо!" — сказал великий писатель, и, веря в это, мы творим великие дела. Вот здесь, в вашем кругу, в кругу победителей подземных пространств, я чувствую себя прекрасно, ибо вы утверждаете право человека на гордость.

Томазян провозгласил тост за гордость, и его радушно поддержали все присутствующие.

В это время в соседней комнате зазвонил телефон, и Черняк вышел из-за стола. Гости остались одни, продолжая оживленный разговор. Тарас смотрел на взрослых и думал о том, что пройдет несколько лет, и он будет таким же, как они.

Мальчик встал из-за стола, подошел к открытому окну и взглянул на звездное небо. В Москве звезды были бледные, едва видны, потому что электричество, заливавшее город, освещало небо, и от яркого света бледнели далекие звезды. Тарас подумал о звездах и невидимых планетах вокруг них: «Есть ли там такие покорители подземных глубин, каким буду я?» Вдруг резко начало темнеть, гасли электрические фонари, и в небе над столицей вновь ярко засияли звезды.

В гостинице тоже погас свет. Послышались поспешные шаги. Из другой комнаты вошел Антон Павлович.

— Война!.. — взволнованно воскликнул он... — Сегодня некоторые государства предъявили ультиматум — выдать им Томаса Гела. Им было отказано. Без предупреждения, час назад, произошло одновременное нападение на наши восточные и западные границы. Владивосток, Тихоокеанск, Одесса, Минск, Каменец подверглись нападению вражеской авиации. Под Хабаровском, Винницей и Житомиром происходят воздушные бои, на границах уже грохочет артиллерийская канонада... Предполагается, что враг намерен напасть с воздуха на Москву...

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

1.

ШЕЛЕМЕХА ПРИНИМАЕТ БОЙ

В полдвенадцатого к телефону экстренно вызвали командира Н-ской бригады истребителей полковника Шелемеху. Новость, которую ему сообщили, словно наэлектризовала командира. Через полминуты на аэродроме звенели тревожные звонки, в разных направлениях неслись автомобили, телефонами вызвали из дома пилотов, из подземных ангаров выкатывали самолеты, при свете фонариков возле них бегали механики, и красноармейцы из аэродромной команды быстро наполняли баки бензином и подвозили в ящиках патроны.

Бригада состояла из 144 стратосферных самолетов, вооруженных 40-миллиметровыми автоматическими пушками. Они выстроились звеньями, отряд за отрядом, эскадрилья за эскадрильей. У командного пункта собрались командиры соединений и начальники штабов. Разговор с командиром бригады занял всего пять минут.

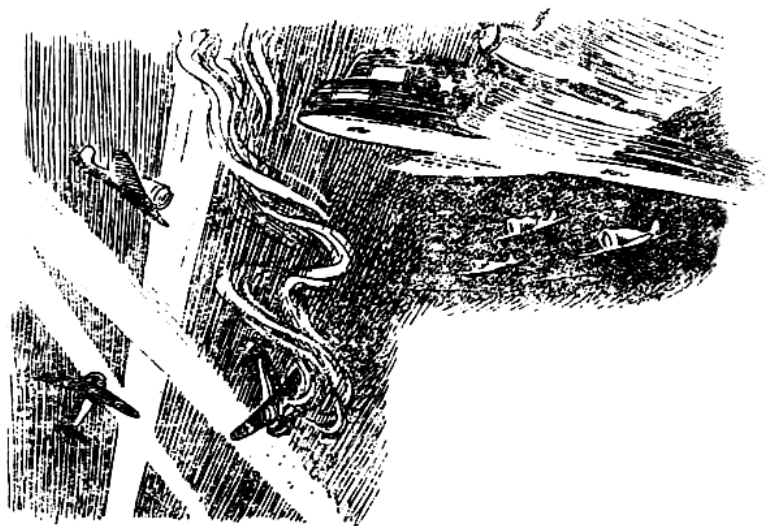
— Товарищи командиры, — обратился к ним Шелемеха, — враг напал на нашу страну! Вражеские эскадрильи прорвали две линии воздушных заграждений и летят к Москве. Наша задача — перехватить тех, кто прорвется через третью линию. Приказываю командирам эскадрилий поднимать в воздух свои соединения и вести на Запад. Высота — восемнадцать километров. Все дальнейшие приказы примете по радио. Пользуйтесь шифром 7а. Командирам эскадрилий и отрядов самим в бой не вступать. Спешите!

Через двадцать минут после того, как Шелемеха получил приказ, первая эскадрилья поднималась в воздух.

Последним в воздух поднялся большой командирский самолет. Это была летучая крепость, вооруженная шестью пушками, со сложной радиоустановкой, с восемью членами экипажа. Эта крепость отличалась исключительными летными качествами. Шелемеха поднял самолет, и только на высоте восемнадцати тысяч метров передал штурвал другому пилоту, а сам, поправив наушники, слушал главного штурмана и отдавал распоряжения радисту. Он держал связь с командирами эскадрилий, те — с командирами отрядов, а командиры отрядов — с командирами звеньев.

Одновременно Шелемеха держал связь с землей. Оттуда через каждые три минуты оповещали о движении вражеских самолетов. Полковник знал, что эти сообщения не всегда точны, потому что иногда они построены на предсказаниях. Но для ориентировки ему и этого было достаточно. Уже значительно прореженные, вражеские эскадрильи не имели начальной четкости движения и руководства. Потеряв много самолетов, они продолжали рваться к сердцу страны, к Москве.

Вражеские эскадрильи шли на разных высотах: одни — почти в стратосфере, вторые — значительно ниже, а третьи — мчались бреющим полетом, насколько это позволяла им ночная тьма. Шелемеха знал — вражеские самолеты шли без огней. Если бы не прожекторы и не звукопеленгаторы, то никто и не догадывался бы о враге в воздухе.

Полковник посмотрел на карту, освещенную маленькой лампочкой, прикинул, где его эскадрильи, где должен быть враг, и приказал радисту передать сигнал: «Готовиться к нападению». Затем распределил задачи между эскадрильями и отрядами. Еще несколько минут — и была подана команда: «Осветительные парашюты!» Сто сорок четыре снаряда полетели вниз. Пролетев километр-два, они повисают на парашютах и освещают огнем факелов небо и землю. Безоблачная ночь помогает летящим в небе нашим соколам. Пилоты-истребители вдруг замечают под собой «черных воронов», которые рвутся вперед с грузом зажигательных, отравляющих, фугасных бомб. «Воронов» значительно больше, чем «соколов». Надо спешить!

«Соколы» резко пикируют, бросаются вниз, нацеливаются острыми «клювами» на врага и посылают смертонос-

ные гостинцы из своих сорокамиллиметровых пушек. Стальные гостинцы бьют по «воронам», и за три-четыре минуты боя несколько десятков тяжелых хищных «птиц» падает на землю, обозначая место своего падения огненными всполохами. Прожекторы освещают в воздухе купола парашютов и людей, раскачивающихся под ними. Это те, которым повезло спастись из машин, охваченных пламенем, из машин, что падали наземь. Если бы эти машины не несли смертоносного груза, большинство из них смогло бы приземлиться. Но вынужденная посадка полного взрывчатых веществ самолета невозможна. Часть авиабомб взрывалась в воздухе, часть, падая на землю, взрывались там, внизу, поджигая окружающие леса и нивы.

Несколько десятков вражеских истребителей, уцелевших после прорыва первых линий воздушного заграждения, пытаются вступить в бой с бригадой Шелемехи. Гремят выстрелы, и вверх взлетают ракеты-парашюты, чтобы обозначить расположение «соколов». Вражеские истребители пытаются сдержать наших. Но число врагов быстро редет, сто сорок четыре советских истребителя продолжают сбивать черных «воронов». Редко кому из «воронов» удастся подбить советского «сокола» и задержать остальных, и лишь отдельные бомбовозы прорываются через третью линию воздушной обороны, лишь единицы смогли избежать преследования. Дальше, через сто километров, их ждет четвертая линия обороны.

Тем временем, Шелемеха сам мчится на вражеские истребители, которые осыпают его снарядами и пулями. Шелемеха принимает воздушный бой. Несколько советских истребителей спешат на выручку своему командиру. Пушки командирской машины бьют с перебоями. Часть их выведена из строя. Убит радист, тяжело ранен штурман, полковник получил легкое ранение. И воздушные стрелки бьют по врагам. Они сбивают седьмой вражеский самолет. Шелемеха передает штурвал, переползает к радиопередатчику и начинает вызывать командиров эскадрилий. Но не все командиры откликаются. Он слушает передачу с земли: под Серпуховом сбиты последние вражеские бомбовозы. Шелемеха

дает сигнал — возвращаться на аэродром. Затем командует зажечь все сигнальные огни на самолетах. По количеству этих огней он пытается подсчитать, сколько машин возвращается домой, и с горечью видит, что на аэродроме не досчитаются некоторых из тех, кто вылетал вместе с ним на воздушный бой. Но сердце его наполняет гордость: врага в столицу не пустили!

2. В МИНИСТЕРСТВЕ

События, произошедшие этой ночью в Европе и в Азии, заставили всех напряженно работать. Все знали о нападении на Советский Союз, об объявлении священной войны против коммунизма. Страна придерживалась нейтралитета. Об этом было объявлено на заседании совета министров, которое закончилось в три часа ночи. Но кто знает, что будет дальше. Народ против войны. А правительство?

В половине пятого утра к военному министерству подкатил черный закрытый автомобиль премьера. В кабинет министра вызвали начальника Генерального штаба и начальника Секретно-разведывательной службы.

Председательствовал министр, но тон задавал Премьер. Он напряженно ходил по кабинету, время от времени останавливаясь у карты военных действий, занимавшей полстены. Когда в кабинет явились вызванные генералы, Премьер сказал начальнику штаба:

— Докладывайте, как проходят события и как, по вашему мнению, они будут развиваться.

Генерал осанился, подошел к карте, взял длинную указку и начал докладывать коротко и сжато.

— Выступление началось вчера, в 9 часов 20 минут. Сразу произошли довольно удачные воздушные налеты на ряд советских приграничных городов. Воздушной армаде западных держав, пытавшейся прорваться к Москве, не повезло. Она почти целиком погибла, при этом нанеся немалые потери советской авиации. Бронетанковые и моторизованные корпуса на востоке и на западе перешли в наступление, и хотя ими и было встречено на пограничных линиях жесткое сопротивление, но им удалось сломать его своим количеством и отвагой. К сожалению, наступление разворачивается не такими темпами, как предполагалось. Количественно силы Красной Армии равны силам союзных держав. Бросив большую часть своих сил против наступавших на восточном фронте, выставив достаточный заслон на за-

падном, красные могут одержать решающую победу сначала на одном, затем на втором фронте. К счастью, между этими фронтами колоссальное расстояние.

— Но, увы, — перебил премьер, — подземный путь у красных закончен раньше, чем началась война. Они могут быстро перебрасывать войска с востока на запад, и наоборот.

— Безусловно, да! Тем не менее, вряд ли это будет иметь сейчас решающее значение. Они не так скоро освоят этот путь. Во всяком случае, если они отобьют первое нападение, то у них не будет сил быстро перейти в наступление. Между тем, и на Западе, и на Востоке в захваченных нами приграничных районах строятся укрепления. Крепости располагаются под землей; война, безусловно, будет затяжная, то есть будет соответствовать нашим предсказаниям. Война на истощение! В последнюю минуту могущественная держава, которая сможет прийти на помощь или своей техникой, или своим флотом и авиацией, решит судьбу войны и сможет диктовать свои условия и побежденному, и победителю.

— Хорошо, — сказал премьер, — на всякий случай, мы должны держать страну готовой к войне! Теперь — ваше слово, — обратился он к начальнику Секретно-разведывательной службы.

— У меня новости не совсем приятные. В тылу у союзных держав не все в порядке. Получены сведения о беспорядках на окраинах. Но и среди коренного населения союзных государств наблюдается большое недовольство, несмотря на то, что там объявлено, будто большевики напали на их границы. Больше всего меня беспокоят сведения о мощности тоннеля на пятьдесят шестой параллели, только что полученные от нашей агентуры. Хотя тоннель только что вступил в строй, но по нему можно перебрасывать в течение суток примерно сотысячную армию.

— Скажите, — обратился премьер к начальнику Секретно-разведывательной службы, — у нас есть возможность повлиять на развитие событий?

— Наш главный агент работает в тоннеле, — ответил генерал. — Он почти регулярно, хотя не часто — по мотивам

вам конспирации — информирует нас. Наши агенты сохранились лишь благодаря своей малочисленности, исключительной квалификации и, возможно еще, полной пассивности, ибо для активной работы мы стараемся использовать агентов других государств.

Вошел секретарь, подал министру папку и вышел.

— Последняя сводка о положении на фронтах, — сказал министр. — «Восточный фронт, — начал читать он. — Наступление происходит медленно, но с несомненными успехами. Резервная армия красных, количеством до одного миллиона человек, участия в боях не принимает. Есть основания думать, что ее перебрасывают на Запад. Со стороны красных особенно упорно обороняется 56-й корпус, в том числе, 3-я дивизия. После трехчасового боя части корпуса даже продвинулись вперед.

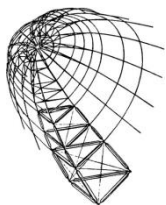
Западный фронт. — Решительно начатое наше наступление прекращается, из-за жестокого сопротивления пограничных частей красных. Особенно ожесточенные бои разворачиваются в направлении на Житомир. Под Минском затишье. Есть сведения, что там скапливаются большие силы красных. Расшифровано сообщение о том, что к утру там ждут 3-ю дивизию из состава 56 корпуса. Вблизи фронтовых линий происходят ожесточенные авиационные бои без решающей победы с любой стороны».

Премьер, взглянув на начальника Секретно-разведывательной службы, спросил:

— Вы поддерживаете связь со своим агентом в тоннеле?

— Да. У нас работает для этого специальная радиостанция. Восемь раз в день мы передаем инструкции, рассчитывая, что, по крайней мере, раз в два дня он может их принимать. Думаю, что теперь он принимает чаще.

— Ладно. Передайте приказ — немедленно и любой ценой прервать сообщение по туннелю.

3. НОВАЯ ДОЛЖНОСТЬ

Война началась внезапно, но она не была неожиданной. Командование Красной Армии бдительно готовилось к предполагаемому нападению и сумело достойно встретить первые удары. В ту ночь на ноги была поднята вся армия, и еще до утра прокатилась волна мобилизации. Общая мобилизация в Советском Союзе закончилась одновременно с окончанием мобилизации в нападающих странах.

В ту же ночь редактор журнала "Заря" был вызван в военкомат, а через два часа его назначили начальником информационного подотдела прессы штаба Западного фронта...

Тарас явился на призывной пункт, желая вступить добровольцем в Красную Армию, но ему отказали, как несовершеннолетнему. Тогда он разыскал Черняка, и тот взял его к себе секретарем.

В час дня дивизионный комиссар Черняк прибыл со своим секретарем в штаб западного фронта и тотчас же приступил к работе. Бои шли где-то в ста километрах от штаба.

Сведения, полученные штабом Западного фронта, свидетельствовали, что враг, с помощью несколько ударных отрядов, пытался в заранее выбранных местах прорваться через линию фронта. Части Красной армии смогли не только сдерживать наступление врага, но и сами начали готовиться к прорыву. С востока большим подземным путем перебрасывалась миллионная резервная армия. Первыми прибыли части 56-го корпуса, которые несколько часов назад участвовали в боях на востоке. Каждый час прибывало от двадцати до двадцати пяти тысяч человек. Возле Минска предполагалось сосредоточить полтора миллиона бойцов с большим количеством новейшего вооружения. Этот бронированный «кулак» должен был прорвать вражеский фронт на несколько сот километров, полностью дезорганизовать врага и дать возможность Красной Армии перейти в наступление по всей линии Западного фронта. Таков был план Красного командования. Ставилась задача провести сосредоточение войск как можно скорее.

К семи часам вечера с Дальнего Востока прибыло двести пятьдесят тысяч бойцов. Они выгружались на значительном отдалении от фронта, потому что подземная железная дорога проходила лишь на двести восемьдесят километров к западу от Москвы.

Части продолжали регулярно прибывать, одна за другой. Туннель работал четко, непрерывно увеличивая свою пропускную способность.

Под вечер в комнату Черняка забежал один из сотрудников и обратился к комиссару:

— Товарищ дивизионный комиссар, доставка войск тоннелем была неожиданно прекращена. Говорят, будто бы там произошла катастрофа!

4.

МАКАРЕНКО ЗАДЕРЖИВАЕТСЯ В МОСКВЕ

В первый же день войны в приемной штаба Главнокомандующего Вооруженными силами Союза Советских Социалистических Республик можно было увидеть инженера Макаренко. По каким-то причинам он не выехал на фронт, а остался в Москве. Попав к дежурному по приемной, он стал объяснять, что должен по важному делу увидеть Главнокомандующего. Но никакие объяснения не помогали.

Только после долгих уговоров Макаренко добился того, что его принял помощник начальника отдела механизации.

Через час помощник провел Макаренко к начальнику, а еще через час он уже сидел в кабинете начальника штаба Главнокомандующего.

В конце дня инженер Макаренко выходил от Главнокомандующего. Челюсти его были сжаты, глаза блестели.

5. СМОТРИТЕЛЬ ПОДЗЕМНОГО САДА

Начало войны застало Аркадия Михайловича в Тихоокеанске. Приказ о немедленном возвращении всех служащих тоннеля на свои посты профессор услышал по радио, и немедленно поспешил к вокзалу подземной железной дороги. Его встретили «лесничие». Они были немного обеспокоены: не все в порядке с воздухом. Вентиляция работала недостаточно хорошо, не хватало свежего воздуха.

— А где Черепашкин? — спросил Аркадий Михайлович.

— Куда-то пропал уже несколько часов назад. Вообще, он в последнее время здесь почти не бывает. Чаще всего — где-то наверху. Заглянет сюда на минутку, и снова его несет на поверхность.

Профессор взглянул на приборы, показывающие химический состав воздуха в подземелье. Кислорода было значительно меньше нормы. Совсем скверно с влажностью. Количество и качество воздуха зависели от воздушного хозяйства сектора тоннеля. Сектор подчинялся Самборскому, и профессор решил немедленно обратиться к инженеру, чтобы тот распорядился наладить вентиляцию на территории бывшего верхнего озера.

— Очень рад вас видеть, — сказал Самборский, пожимая руку профессору. — Вы знаете, была уже попытка бомбить нашу магистраль. Бросали специальные бомбы весом в две тонны. Они зарывались на метров 70—100 и там... спокойно оставались. Кстати, ни одного прямого попадания в зону над тоннелем!

— С вентиляцией же трудно, — пояснил инженер. — Все внимание сосредоточено сейчас на помповых работах. Мы должны работать над тем, чтобы в тоннеле абсолютно не было воздуха, это значительно ускоряет движение поездов, а от этого сейчас зависит судьба войны. Но я думаю, что вентиляцию можно будет восстановить. Сейчас распоряжусь. Кстати, я должен подняться на поверхность.

Они распрощались.

Аркадий Михайлович проходил по подземельям, где еще недавно наводнение угрожало его жизни. Тогда это бы-

ли грубые, полуосвещенные пещеры. Необлицованные стены и потолки тогда производили впечатление чего-то хаотичного и страшного. А теперь здесь полно света, много зелени. Он прошел мимо стены, за которой лежали рельсы прямого безвоздушного пути Москва — Тихий океан.

Сквозь стену долетало грохотание электропоездов. За стеной проходила гигантская воздушная шахта, через нее подавался воздух на подземный вокзал. Приближаясь к шахте, Аркадий Михайлович заметил человека, выскочившего из-за выступа стены, и сразу побежавшего вглубь тоннеля. Профессор сразу же узнал смотрителя подземного сада Ивана Семеновича Черепашкина.

— Черепашкин! — закричал профессор.

Но смотритель, не оглядываясь, побежал еще быстрее. Аркадий Михайлович еще раз позвал его, но тот не останавливался. Профессор и сам было побежал за Черепашкиным, встревоженный его странным поведением. Вдруг Черепашкин бросился в технический ров. Рядом шли два человека, очевидно, рабочие тоннеля. Но как только профессор побежал к месту, где лежал Черепашкин, как вдруг позади прогрехотал взрыв. Профессор увидел, как перед ним падают рабочие, и почувствовал, что его тоже швыряет на пол какая-то невидимая сила.

6. УРАГАН

Самборский хотел увидеть Кротова, работавшего теперь на поверхности, где помещалась контора воздушного хозяйства. Надо было договориться о бесперебойной работе воздушных насосов, которые выкачивали то небольшое количество воздуха, которое разными путями просачивалось в тоннель и тормозило движение сверхбыстрых поездов.

Самборский был уже на полпути между подъемной станцией и вентиляционными шахтами, когда вдруг что-то сильно толкнуло его и повалило на землю. Он хотел встать, но сильный поток воздуха продолжал прижимать его к земле.

Инженер успел взглянуть на лес и поселок, откуда долетал какой-то грохот, и увидел, что лес полег, словно высокая трава в поле во время бури. В воздухе над лесом летели листья и ветки, а над поселком взлетали крыши, которые срывал порыв неожиданного урагана. С грохотом обрушились трубы вентиляционной шахты. Обломки их поглотила пропасть.

Прошло несколько минут. Самборский вскочил на ноги и увидел, как навстречу ему бежал Кротов, вытирая окровавленную голову.

— Катастрофа! — прокричал Кротов. — Воздух прорвался в туннель.

Самборский с ужасом думал о том, что разрушительная сила огромной массы воздуха может привести к катастрофе с поездами, которые на огромной скорости неожиданно встретят могучий воздушный поток.

— Скорее радируйте в Иркутск, — крикнул Самборский, — и спешите в тоннель! Сейчас же вызываю санитарную и спасательную службы.

На самом вокзале, через который, собственно говоря, «прошел» весь воздух, который прорвался в тоннель, Самборский нашел несколько десятков легкораненых людей. Гораздо хуже должно было быть в туннеле. Воздух мощным потоком ворвался в подземелье, и первые поезда, которые встретились на его пути, так затормозили свое движение, что передние вагоны с треском ломались друг о друга, а их обшивка плавилась. Из уцелевших пунктов службы диспетчерского движения извещали о пожарах на двух поездах. Не менее десяти поездов потерпели серьезные аварии.

С соседних подземных вокзалов отправлялись санитары. Несколько часов заняла расчистка путей от поврежденных поездов, втягивание их на подземные вокзалы и на запасные пути. Рабочим здесь уже не нужны были специальные маски: воздуха было достаточно, и это облегчало работу.

Через несколько часов после катастрофы аварийные работы были в разгаре, и Самборский осматривал прорванную взрывом перегородку между вентиляционной шахтой и тоннелем, давая указания, как ее заделать.

"Как же тут произошел прорыв?" — спрашивал он себя.

Мелькнула мысль о диверсии. Иначе не могло быть!

— Тут из наших кто-то погиб, — сказал рабочий, что шел рядом, и показал на тело, лежащее в канавке.

Самборский наклонился и узнал профессора Довгалюка. Но профессор был жив. Он застонал, когда к нему прикоснулись, открыл глаза, узнал инженера и хриплым шепотом произнес:

— Задержите Черепашкина, он виновник взрыва...

7. НА ФРОНТ

Томазян получил новое назначение. Его сняли с работы в прокуратуре и поставили начальником охраны большого участка подземного пути.

Ночью он прибыл в район катастрофы, немедленно осмотрел место, где произошел воздушный прорыв, и встретился с местными инженерами и рабочими. Самборский известил его о словах профессора Довгалюка. Томазян съездил в больницу, где лежал Аркадий Михайлович, но не смог с ним поговорить, так как тот был без сознания.

Пришлось вернуться в тоннель и начать розыски Черепашкина. Один из лифтеров сообщил, что видел, как совсем недавно тот поднимался на поверхность. Томазян грыз от досады ногти, потому что чувствовал, что Черепашкина он в свое время «прошляпил». Он не уделил достаточно внимания одной мелочи, а именно — расхождению в показаниях Черепашкина с показаниями Догадова. Первый уверял, что Догадов оставил его одного, второй — что Черепашкин сам сбежал. Он поверил Черепашкину, представляя его себе мелким, ограниченным человечком, «маньяком», не могущим подняться выше мелочных собственных интересов.

Однако, раздумывать над этим не было времени. Черепашкин далеко убежать не мог.

По приказу Томазяна осмотрели все окрестности, и под одним камнем нашли странный шлем с каким-то устройством внутри и с наушниками для радио. Неподалеку, за бугорком, нашли и Черепашкина.

Черепашкин строил из себя, как и раньше, настоящего дурака и уверял, что не знает, откуда этот шлем. Кротов надел его на голову. Сначала он ничего не слышал, но, разглядев внимательно шлем, нашел там что-то вроде маленькой антенки, и лишь приподнял ее над шлемом на несколько сантиметров, как услышал в наушниках какое-то гудение, а дальше стрекотание. Он явственно разбирал точки и тире азбуки Морзе.

Для Томазяна это открытие имело колоссальное значение. Бесспорно, Черепашкин был проворнее и страшнее,

чем Догадов. Квалифицированный шпион сумел замаскироваться на долгие годы под личиной глуповатого человечка. Хотелось выяснить, знал ли что Догадов о Черепашкине. Томазян направил в Москву телеграмму к следователю, который заменил его, упрасывая дать знать Догадову об аресте Черепашкина и сообщить о том, какое впечатление это произведет на шпиона.

«Сообщение о разоблачении Черепашкина произвело на арестованного тяжелое впечатление. Он признается, что знал, кто такой Черепашкин, но утверждает, что узнал об этом совсем недавно, а именно — во время пребывания с ним в тайге», — говорилось в ответной телеграмме.

Томазян вызвал арестованного Черепашкина. Шпион поразил Томазяна переменами в своем облике. Глаза того светились по-другому. Они утратили прежнее глуповатое выражение.

Разговор со шпионом был короткий.

— Садитесь, — предложил Томазян и показал шпиону текст телеграммы. — У нас есть бесспорные доказательства того, что это вы совершили в подземелье взрыв; также, у нас есть ваш шлем с радиоустановкой. Наши специалисты сейчас расшифровывают то, что передается, очевидно, специально для вас. Советую вам не затруднять нам работу.

«Черепашкин» ответил:

— Я солдат. Разведчик. Ваш враг. Не имею права отрицать это. Вы меня уничтожите все равно, даже если я признаю свою вину и изложу тут все, что знаю. Но вы всегда будете для меня врагами. Мы воспитаны по-разному. Из меня вы не вытянете больше ни слова.

Поезда в наполненном воздухом тоннели уже шли регулярно, но скорость их не превышала 200 км в час. Так чрезвычайно упала пропускная способность тоннеля.

Утром из тоннеля позвонили, что выкачка воздуха закончена и электропоезда уже идут с полной скоростью.

Тарас выпросил у Черняка разрешение поехать вместе с корреспондентом радиотелеграфного агентства на фронт. Перед тем, как дать разрешение, Антон Павлович категорически приказал корреспонденту избегать опасных мест и оберегать парня больше, чем самого себя. Корреспондент смеялся, отвечая начальнику газетно-информационного отдела:

— Чего вы беспокоитесь? Парню недалеко до совершеннолетия. Закалять надо!

— Пожалуйста, закаляйте. Только... подальше от пуль и снарядов. Туда он еще успеет.

Батарея, куда прибыли Тарас с корреспондентом, была укрыта под высоким холмом. За десятки километров отсюда находились несколько наблюдателей, которые оповещали, куда надо направлять огонь, и докладывали о последствиях выстрелов. Сверху батарея была так замаскирована, что ничего не заметил бы и самый опытный летчик. Ночью даже огненные сполохи не взлетали над жерлами пушек.

— Есть только один, новейший способ разведки, которого мы можем бояться, — сказал сопровождавший журналистов артиллерист, — это сейсмографическая разведка. Но есть основания думать, что она у них еще не налажена.

— Эти основания заключаются в том, — сказал журналист, — что вы еще целы?

— Не только! Видите, если даже они обстреляют нас, то это еще не значит, что нас уничтожат. Мы слишком глубоко под землей и под слоем железобетона. Но снаряды из пушек такого же калибра, как наши, могли бы нам нанести урон. А о том, что место расположения нашей батареи им неизвестно, свидетельствует тот факт, что до сих пор в радиусе до трех километров от нас разорвались всего лишь два вражеских снаряда.

Близко к пушкам Тарас с корреспондентом не подходили, да и сами артиллеристы к ним не приближались. Пушки, оказалось, работали «сами». Точные автоматы обслуживали их. Людям оставалось лишь переводить соответствующие рычаги.

На экране специального электрокиноскопа командир батареи показывал гостям участок фронта, к которому относилась его часть. Где-то далеко работали специальные стереотрубы, от которых по проводам передавалось сюда изображение поля боя. Поле поразило Тараса своей пустотой. Кроме взрывов снарядов, он не заметил там ничего.

Неожиданно зазвонил телефон: вызывали Тараса Чутя.

— Говорят из штаба корпуса. Вас давно разыскивают. Есть приказ штаба Главнокомандующего немедленно отправить вас в Москву, в распоряжение инженера Макаренко.

8. НОВОЕ ОРУЖИЕ

В штабе корпуса Тарасу вручили телеграмму-вызов и немедленно отправили в Москву.

В Наркомате оборонной промышленности Тарас встретился с Самборским. Только успели они пожать друг другу руки, как дверь распахнулась, и в зал, где были, в основном, только литостатчики, вошли два военных инженера.

— Товарищи, — сказал старший из них. — По инициативе инженера Макаренко Главное командование решило применить для борьбы с врагом литостаты. И враг, и мы закопались глубоко в землю. Враг уже предпринимает попытки подкапываться под наши укрепления, закладывать мины и взрывать их. Мы хотим серьезнее взяться за это. Подземная борьба будет иметь решающее значение в войне. По приказу командующего подготавливаются два отряда подземных кораблей. Подготовка первого отряда поручена инженеру Макаренко, а второго — инженеру Самборскому. Итак, поздравляю вас с поступлением на военную службу. Товарищ сейчас отвезет вас на завод, где уже работает Макаренко.

На заводе Тарасу пришлось работать над переоборудованием одной из крупнейших машин — «С-18». Ее вооружали двумя сорокасантиметровыми пушками, десятью подземными минными аппаратами, полусотней пулеметов. Самыми страшными должны были быть автогранатометы. Броня литостатов немного уступала броне морских боевых кораблей, но была менее уязвима. Это — одно из достижений Макаренко.

Большие литостаты, превращенные в боевые машины, довольно медленно пробивали грунт. Для того, чтобы была возможность быстро ремонтировать поврежденные кабели, подвозить снаряды и выполнять различные вспомогательные работы, приспособили малые литостаты.

Здесь, в цехах, доделывали эти литостаты, приспособляли к бою, а потом выпускали один за другим в подземные литогаражи. Количество готовых машин непрерывно увели-

чивалось. Командование решило бросить сразу несколько сотен машин.

...Прошло две недели. На пятнадцатый день Макаренко сказал Тарасу, чтобы тот пару дней отдохнул, так как близятся важные события. Тарас понял, что речь снова идет о командировке на фронт.

9. ЗЕМЛЯ ЗАШАТАЛАСЬ

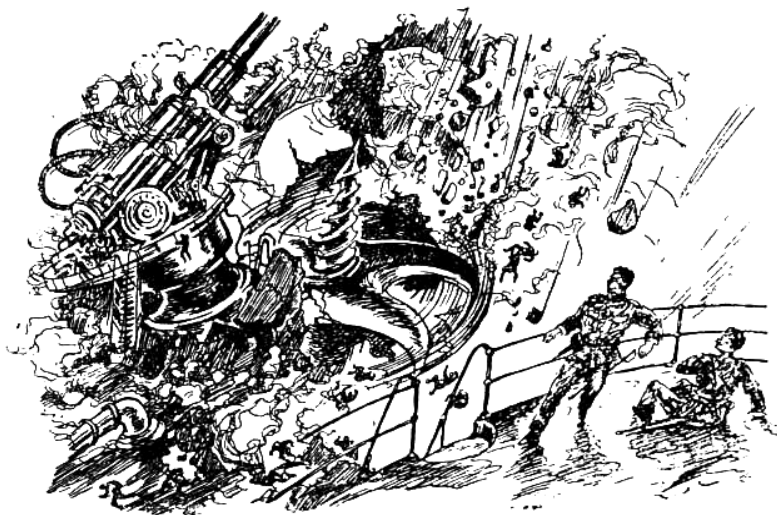
Линия Одина протянулась на несколько тысяч километров. На линии этих укреплений взрывались тяжелые снаряды советской артиллерии.

Последние несколько дней артиллерийская дуэль происходила с особой силой. Майор Том Смитс, который командовал тяжелыми пушками в секторе № 5, уже дважды прочищал дула своих пушек, которые забивались после сотого выстрела. Наблюдатели сообщали своему командиру о чрезвычайно удачных действиях батареи, и майор удовлетворенно улыбался, уверенный в том, что именно он подготовит место для прорыва фронта красных.

Вдруг с наблюдательного поста, где работали новейшие сейсмопеленгаторы, сообщили, что там фиксируют сейсмические сотрясения земной коры, не связанные со стрельбой.

— Чушь! — пробормотал майор.

В подземном каземате дрожали от канонады стены, пол и потолок, но люди чувствовали себя в полной безопасности. Желаящие могли слушать радио. Откуда-то с тыла пересылали военную информацию о значительных победах авиации Объединенных Государств, об успешном наступ-

лении на Дальневосточном фронте, где советские войска якобы сдавали город за городом.

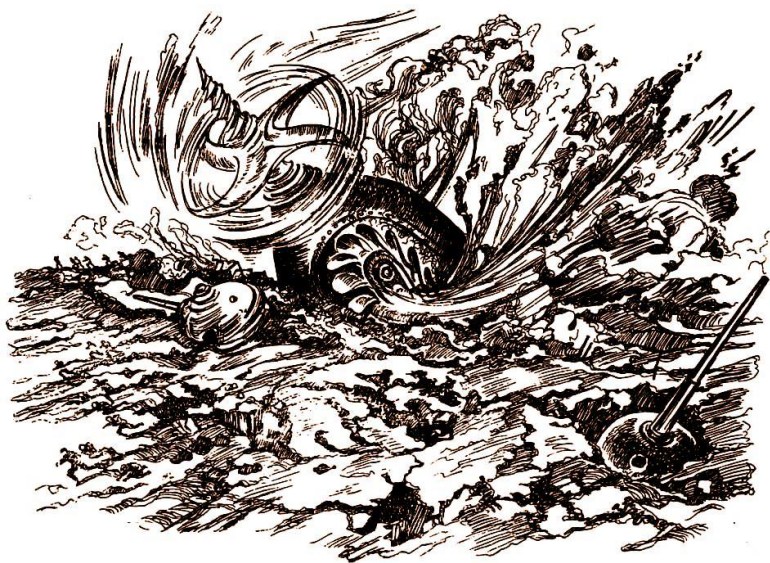
Хорошо чувствовал себя майор Том Смитс. Вдруг его тряхнуло: он почувствовал, как зашаталась земля. Каземат начал проседать на один бок. Вокруг с грохотом рушились помещения, перестали стрелять тяжелые пушки его батареи. «Неужели у большевиков нашлись такие колоссальные снаряды, которые пробились на эту глубину?» — подумал он. Но звуков взрыва, который должен был бы сопровождать падение такого снаряда, он не услышал. Вдруг обрушился выход из каземата — бежать стало некуда.

Солдаты не знали, что им делать. Тогда майор вспомнил о своем долге и дрожащим голосом закричал: «Спокойствие!» Но в это время словно «лопнул» пол каземата, и вдруг что-то огромное и ужасное стало вылезать оттуда, начало разрушать подземную крепость, и перепуганные солдаты погибли, даже не узнав, что это боевые советские литостаты двинулись на прорыв линии Одина.

10. ПОДЗЕМНАЯ АТАКА

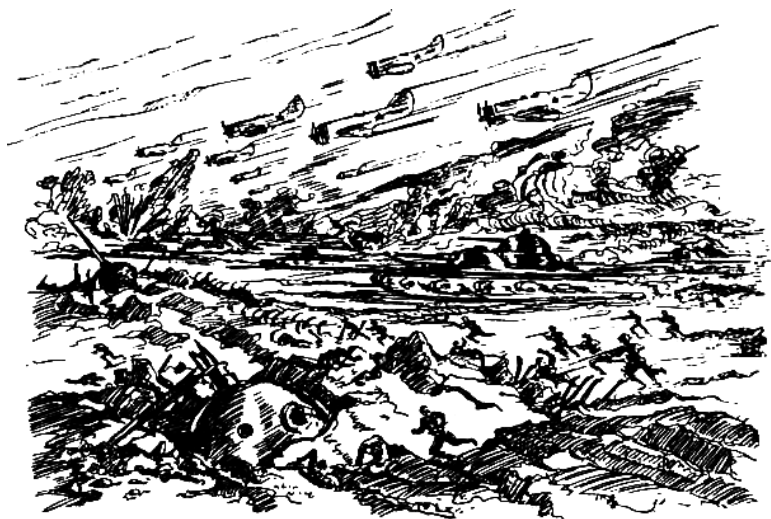
В эту ночь, к месту, отстоящему на восемь километров от фронта, были подвезены две бригады литостатов. Старшим инженером в первую бригаду командование назначило Макаренко, во вторую — Самборского. Макаренко сопровождал Тарас Чуть.

В темноте все машины, одна за другой, ушли под землю. Вся бригада двигалась быстро, и вскоре миновала передовую линию врага, ибо шла на значительной глубине. Литостаты выходили оттуда, откуда их никто не ждал, и это делало их страшным оружием.

Литостаты пошли вверх, сокрушая цемент и железобетон, ломая лафеты орудийных башен. Из-под земли с грохотом и ревом выползли страшные чудовища. Одни из них снова зарывались в землю, другие открывали смертоносный огонь с тыла по линии фронта и по тыловым частям. Так происходил прорыв фронта на линии протяженностью в де-

сять километров. А дальше, в пятидесяти километрах к северу, такой же прорыв совершала вторая бригада.

Спустя полчаса врага охватила паника. Тотчас же с советской стороны хлынули танки, за танками — механизированная пехота, а потом, обгоняя ее, помчались грузовые машины с механизированной конницей. Впереди всех неслись штурмовые самолеты, преследуя врага. Молчали вражеские зенитные пушки, потому что одни проваливались в пустоты, проделанные литостатами, другие были раздавлены или остались без расчетов, которые удирали, смертельно испуганные.

11. ПОСЛЕДНИЙ БОЙ

В течение месяца линия фронта откатилась на тысячу километров и превратилась в оборонительные «островки». Гремели последние залпы небольших крепостей, которые сдавались одна за другой.

Но вот, боевые машины Красной Армии оказались перед последней, только что построенной линией обороны врага, которую непрерывно возводили в течение нескольких лет.

Как всегда, наступление началось утром. Литостаты стояли, готовые к атаке, глубоко зарывшись в землю. Здесь враг построил подземную железобетонную стену толщиной в десятки метров, глубоко закопал фугасы, проложил специальные электрические заграждения.

Но ничто не может сдержать движения литостатов. Они, правда, вынуждены пробиваться медленнее. Часть из них оказывается повреждена, но большинство прорывается сквозь последнюю оборонительную линию и разрушает ее. Когда флагманская машина выползла на поверхность и командир начал в перископ искать объекты для обстрела, то увидел бегущих людей и несколько белых флагов, что развевались в воздухе.

Флагман не дал ни одного выстрела.

Внезапно над головами загудели самолеты. Это были вражеские бомбовозы. Они стали сбрасывать многотонные бомбы. Быстро закрываются кабины литостатов. Одни машины спешно погружаются под землю, другие открывают огонь из своих зениток. Но дежурный радист передает флагману: приближаются советские самолеты.

Смолкает зенитная артиллерия. Под облаками грохочут лишь маленькие пушки истребителей. Они быстро разгоняют вражеские самолеты.

После воздушного боя несколько истребителей приземляются неподалеку от литостатов. Из большого трехмоторного флагманского истребителя выходит командир и идет к флагманскому литостату. Ему навстречу выходит командир первой бригады литостатов.

— Полковник Шелемеха! Приветствую! — окликает командир бригады, узнав летчика.

— Поздравляю, товарищ комкор, с победой, — отвечает полковник. — Вызывайте вашу команду. Война окончена!

Радио из столиц побежденных государств сообщало о восстаниях и государственных переворотах. Фронт окончательно разваливался. Враг на востоке обратился с просьбой о мире.

— Товарищ комкор, — сказал Шелемеха, — я имею приказ командования отправить в штаб армии одного вашего бойца, Тараса Чутя.

Тарас перешел к Шелемехе во флагманский самолет. Пилот дал газ, и самолет поднялся в воздух. Парень примостился у окошка командирской кабины, смотря вниз на поле кровавой битвы и на черные великаны — литостаты. В памяти мальчика всплывали воспоминания о последних годах.

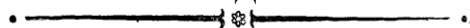
Перед его глазами представляли образы прекрасных старших друзей, героев, встречавшихся на его пути. Он погружился в мечты, которые всегда окрыляли его и его друзей — завоевателей подземных глубин.

Самолет мчался, все ближе и ближе подлетая к границам родной земли.

Конец

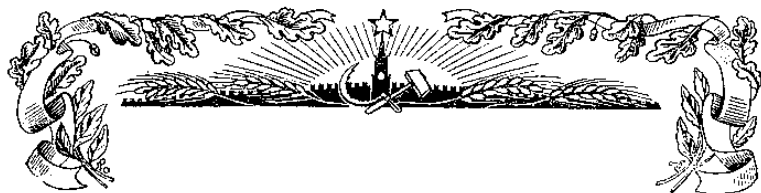
ЖЕНЯ АНДРИАНОВ

НАША СТРАНА ЧЕРЕЗ СТО ЛЕТ

Фантастический рассказ

*Журнал "Затейник" 1938, №12
Текст нашел Вячеслав Насецкий*

ЖЕНЯ АНДРИАНОВ

НАША СТРАНА ЧЕРЕЗ СТО ЛЕТ

Фантастический рассказ

ДОВНО в шесть часов утра электробудильник включил радиогазету. Я проснулся и услышал приятный мелодичный голос автомата, передающего последние известия со всей Коммунистической земли.

Потягиваясь, я встал, посмотрел в окно: с двадцать третьего этажа отчетливо была видна восьмидесятиметровая фигура Ленина, великого Ленина, воздвигнутая на вершине Дворца Советов. Твердое и вместе с тем ласковое лицо вождя озарялось восходящими лучами солнца. Светлые блики играли на мраморной черноте прищуренных глаз, на острой бородке, на высоком мраморном лбу.

— Привет тебе, Ленин, от молодежи двадцать первого века, — сказал я. — Твое дело победило во всем мире!

Завтракая, я смотрел на большой экран телевизора. Новый телевизор, изобретенный молодым инженером Лейко, позволяет наблюдать жизнь в городах, расположенных за

несколько десятков тысяч километров от наблюдающего. Переведя рычажок на «Шанхай», я увидел столицу Советского Китая. Высокие, светлые дома с аэродромами на крышах были разукрашены разноцветными электролозунгами, плакатами. Столица жила бодрой жизнью рабочего человека.

Я перевел рычажок на «Лондон». На Трафальгарской площади серебрились платиновыми конусами огромной высоты электроуловители. Эти электроуловители отнимают электричество у облаков и передают его на электростанцию, а так как небо в Англии большую часть года покрыто тучами, то электроэнергии получается достаточно.

Я видел, как английские рабочие прикрепляют к фасаду высочайшего Дома техники огромный электроплакат: «Подводный тоннель Дувр — Кале будет пущен в срок!!!»

Англичане соединяют свою родину с Францией тоннелем, прорытым под Ламаншем. Этот проект давно был намечен, но только сейчас он выполняется

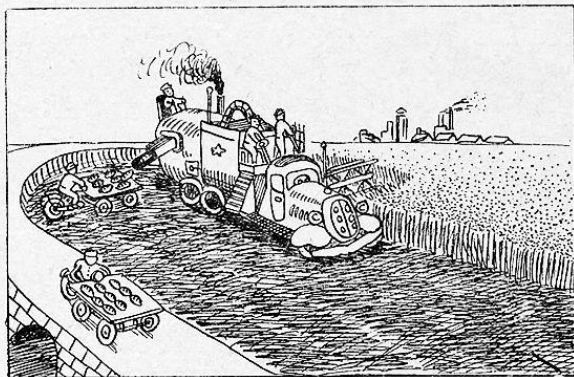
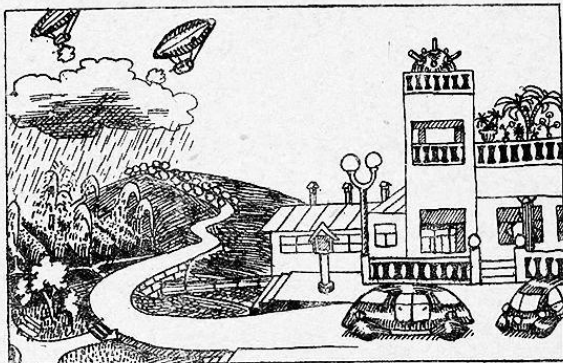
Я кончил завтракать и выключил телевизор.

ВОЙДЯ в прозрачную колонку, в которой под действием сжатого воздуха двигаются лифты, я нажал кнопку. Перед глазами замелькали этажи. Я быстро спускался, и через несколько секунд был уже внизу, в подъезде. Я вышел на улицу любимой нашей Москвы, столицы всего мира, всей земли.

Москва досталась большевикам грязной, кривой. Большевики решили ее переделать, и двадцать магистралей прорезали старый город; некоторые магистрали прошли через всю Москву и пересеклись в центре, другие замкнутыми кругами легли вокруг стен древнего Кремля. Подземными коридорами прошли большевики под улицами и переулками Москвы и пустили по ним быстроходнейшие поезда московского метрополитена, соединяющегося теперь с тульским метрополитеном. Большевики превратили Москву в самый красивый город мира.

ЧЕРЕЗ СТО ЛЕТ

Воля Воронцов (Харьков) нарисовал фантастические картинки. На этих картинках он пытается изобразить колхоз в будущем.

На первой картинке изображена «дождевальная» станция в засушливом районе. Электронные пушки, помещенные на аэростатах, «обстреливают облака» и заставляют их проливать дождь.

На второй картинке Воля нарисовал фантастический комбайн. Этот комбайн не только убирает и молотит пшеницу, но и выпускает готовые горячие булки.

Я вошел в подземный переход через улицу, и эскалатор вынес меня на другую сторону.

На эскалаторе спускаюсь вглубь метро. Бесшумно подходит голубой экспресс, бесшумно растворяются двери, опять закрываются, и поезд стремительно втягивается в черную пустоту тоннеля. Никакой качки, никакого шума. Не поверил бы, что вагон движется, если бы не мелькающие каждые полминуты огни станций. Стрелка на красном круге остановилась против надписи: «Краснопресненский аэропорт». Это моя остановка. Я посмотрел на хронометр: всего восемь минут. В восемь минут я пролетел огромное расстояние. Вышел на улицу. Движущийся тротуар доставил меня к гражданскому аэропорту (впрочем, военных вообще сейчас нет: для чего они?), и я прошел в кабинет начальника.

— ВАМ ПРИДЕТСЯ проделать маршрут на радиолете. Вы доставите товарища Орлова на северную оконечность Земли Франца-Иосифа и должны возвратиться через десять часов с минуты отлета. Вы поняли?

— Да, товарищ начальник.

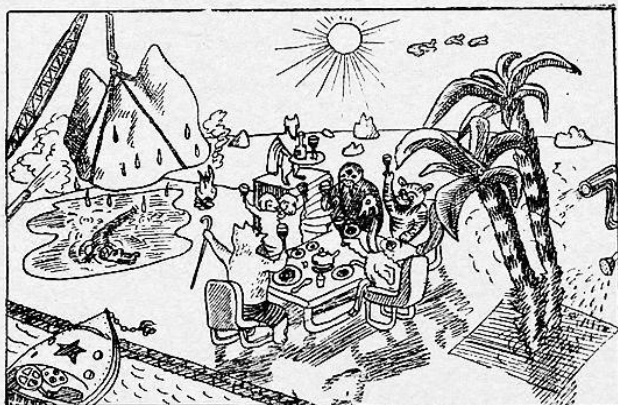
— Выполняйте!

Я вышел из кабинета, спустился по пандусу (гладкому пологому спуску, заменяющему бывшие лестницы) и вошел в ангар. Здесь стоял мой радиолет «Эрнст Тельман».

Было восемь часов утра. Столица просыпалась. Радиолет стрелою взвился вверх и быстро понесся на север. Радиолет оборудован автопилотом — автоматом, который всегда управляет аппаратом, если он почему-либо сойдет с курса. При автопилоте водитель не утомляется: он только следит по приборам, правильно ли работает автомат. Я внимательно следил за приборами и слушал радиогазету.

«Сегодня, — говорил голос, — в 4 часа 05 минут с вершины горы Эверест отправилась шестая экспедиция ракетолетов. В этот раз уже на Венеру. Луна наша, Марс наш. Впереди новая победа».

НА СЕВЕРНОМ ПОЛЮСЕ ЧЕРЕЗ СТО ЛЕТ

На этой веселой фантастической картинке Воля Воронцов изобразил Северный полюс таким, каким он будет, по мнению Воли, через сто лет.

Климат на Северном полюсе искусственно изменен. Специальные электрические подогреватели позволяют выращивать на полюсе пальмы.

Звери жарких стран, приехавшие в гости к моржам и белым медведям, прекрасно чувствуют себя у них на родине.

Голос умолк, и снова:

«Большой популярностью у зрителей всей Коммунистической земли пользуется новый кино-теле-радиофильм «Девятьсот семнадцатый». Фильм сделан по сценарию внука Алексея Толстого, Юрия Толстого.

В Доме хлеба выращивается новый сорт полярной пшеницы-великана. Один колос этой пшеницы весит 300 граммов и достигает в длину 21 сантиметра. В этом же Доме хлеба изобретена мельница-хлебозавод. На мельницу подают зерно, принимают же свежий горячий хлеб.

Гигантская энергия морских волн используется теперь целиком. Позволил добиться этого гидроэнергатор, изобретенный профессором Смолиным. Все сооружение расположено в открытом море, причем платформа закреплена на якоре так, что она приходится под поверхность воды. Поплавки, сделанные в форме шаров, подвижно закреплены на столбах. Под действием волн они поднимаются и опускают-

ся. Это постоянное движение легко преобразуется в электроэнергию».

Я выключил радиогазету.

СЕЙЧАС мы летели над Онежским озером. Я взглянул вниз. На ровной светлой поверхности озера вытянулся большой черный прямоугольник — это санаторий, построенный среди воды, для того чтобы обеспечить отдыхающим наиболее чистый, свободный от пыли воздух.

В 9 часов 20 минут я летел над Белым морем.

Через сорок минут показалась высочайшая мачта Кировского радиомаяка, показались в тумане Хибинские горы, и радиолет вошел в туман. До сих пор я обращал мало внимания на своего спутника. Он углубился в чтение какой-то старинной книги издания 1956 года (год я прочел на корешке книги) и, казалось, не проявлял никакого интереса к полету. Его твердое обветренное лицо с глубокими морщинами выдавало в нем старого полярника. Заметив, что я разглядываю его, он положил книгу и повернулся ко мне.

— Скоро прилетим?

Я посмотрел на хронометр.

— Через 1 час 15 минут мы будем на радиометеостанции имени Папанина.

Увидев на груди Орлова орден, я спросил, за что он получил его.

— За рейс Мурманск — Северный полюс на гидродинамическом ледорезе «Сталин», — скромно ответил он. — Вы помните?

О да! Я помнил эти незабываемые дни, когда все газеты сообщали о победном шествии ледореза «Сталин» к зимовщикам Северного полюса. Ледорез стремительно шел, расплавляя льды докрасна раскаленным носом. Это был первый рейс ледореза к Северному полюсу, и, конечно же, я не мог забыть о нем, как, например, житель XX века до конца дней своих помнил о дрейфе героической четверки папа-

нинцев. Арктику согрело дыхание коммунистического труда. Ледяные пустыни отступили.

Через некоторое время волноуловитель почувствовал радиоволны сигнального маяка станции Папанина. Радиолет медленно спустился на летную площадку. Аппарат окружили люди.

Я сидел в столовой, среди зимовщиков. Даже и здесь, на самом краю мира, целиком использовалось электричество: кухня, отопление, освещение, ванная — все электрическое. Здесь электроэнергию давал ветер.

Через час радиолет отправился в обратный путь. Я летел над многочисленными полярными станциями, новыми городами и поселениями.

Многого из того, что здесь написано, еще нет, но это будет! Мы любим свое будущее, потому что завтрашний, как и сегодняшний, день принадлежит нам. Только в Советской стране есть возможность реально мечтать, фантазировать, и мы стараемся заглянуть в это прекрасное будущее.

*Женя Андрианов
(Московская область).*

А. ШМАНКЕВИЧ

ВОДОЛАЗ ПЕТРОВИЧ

Рассказ

Рисунки В. Константинова

Водолаз Петрович

А. Шманкевич

Рисунки В. Константинова

Яличник, широкоплечий старик в брезентовом костюме, в морской фуражке со сломанным посередине козырьком, легкими ударами весел гнал ялик через бухту. Желтыми полосками тянулись к ялику отражения береговых огней.

— Ты водолаз? — спросил меня яличник

— Да... Эпроновец.

— Я сразу узнал. По штату. У тебя шлем вышит, а я когда служил, носил штурвал на рукаве. Был рулевым на «Трех святителей». Слыхал? Прежде тоже геройские водолазы были. Вот помню один случай.

Было это еще в гражданскую. С утра заварилась кутерьма, За городом бухали батареи. Красные части подступили к Севастополю. А что в бухте творилось — н не рассказать! Бросились белогвардейцы да буржуи на иностранные пароходы. Буржуев-то много, а пароходов мало, ну и дрались они за каждую ступеньку на трапе, за каждое свободное место на палубе. Я тогда ялик имел, самый красивый и самый быстроходный. Поработали мы в тот день! Не успевали перевозить на пристань беглецов. Тащили они с собой сундуки, узлы, чемоданы, даже самовары. А потом все это добро на пристанях бросали, лишь бы самим на пароход попасть да удрать от красных за границу.

Села напоследок в мой ялик барыня. Худая да высоченная. На голове у ней шляпа преогромная. Сидит она на банке, как обломок мачты, кругом вещами обложилась, в руках собачонку держит; таких штук пять можно в шапку положить — махонькая. В руках, значит, собачка и еще желтый чемодан. Тоже небольшой. Подогнал я ялик к пристани, вещи выгрузил. Конечно, все ее вещички так там и остались. Хорошо еще, заметил один генерал эту барыню и на французкий пароход переправил. Как это там у них вышло, я не видел, только слышу — орет моя барыня. Сама она, как вес-

ло, худая, а заорала басом, как ревун на маяке. Капитана французского за рукав уцепила, в воду показывает и прямо в ухо ему кричит: «Вот здесь... здесь... я уронила в воду мой чемодан. Верните мне чемодан! Там все мои ценности! Все мое состояние... Достаньте мне чемодан...»

Капитан слушает, от крика морщится да плечами пожимает. Наверно, по-русски ни бум-бум не понимает. «Говорите по-французски», — кричит ей генерал. Но дама так расстроилась — не то что по-французски, а по-русски только одно твердит: «Мой чемодан! Верните...»

Тут генерал, как тюк ваты, скатился по штурмтрапу на катер и крикнул мне: «Эй, ты, яличник! Подгребай к катеру!" Взял мой ялик на буксир, а меня к штурвалу толкнул. «Правь на водолазную базу!»

И катер понесся. Я держу штурвал, а сам думаю: «Какой дурак будет сидеть в такое время на базе?» Почти все водолазы ушли из Севастополя в Новороссийск вместе с флотом. А те, что остались, на базу и не заглядывали.

Подвел я катер к базе. Выскочил генерал и прямо в водолазный сарай побежал. Смотрю — тащит из сарая Петровича.

Петрович когда-то был известным водолазом. Первым на все Черное море. Даже за границей работал. А состарившись, жил на базе за сторожа. Чинил водолазам рубашки да калоши. Ну, по хозяйству, одним словом. Под воду давно уже не ходил.

Петрович от генерала отбивается: «Я, — кричит, — не могу! Старый!» А генерал тащит Петровича да ругается. Насильно усадил старика на катер. Петрович на меня косо смотрит и молчит. (Мы с ним друзьями были.) Молчит, а как будто спрашивает: «За сколько проданся?»

Привел я катер обратно к пароходу. Увидела нас барыня, обрадовалась.

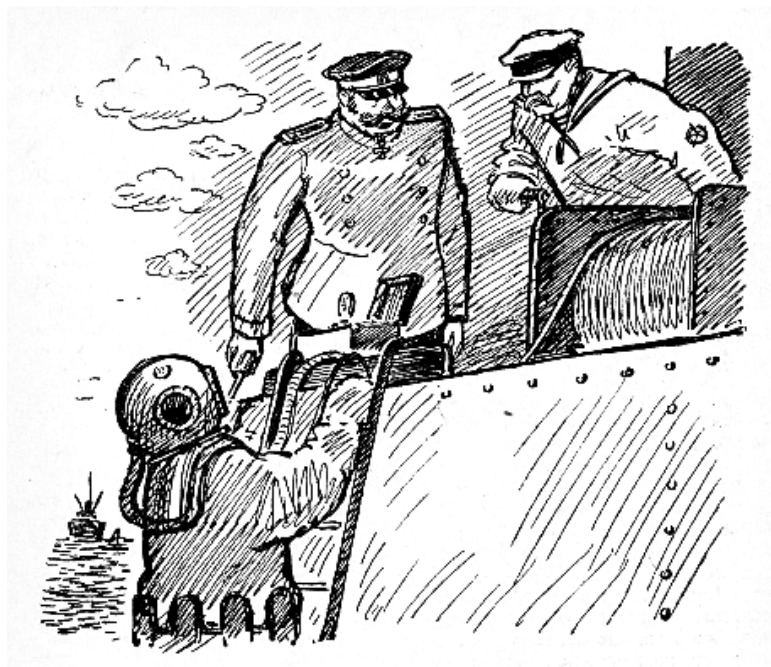
— Эта дама уронила в воду чемодан. Достань его, да поживее, — приказывает генерал.

Петрович стал кряхтя одеваться. Раньше был он огромного роста, с широченными плечами, да от старости высох совсем. Я помог ему одеться, подвязал калоши со свинцо-

выми подошвами, привинтил шлем и подвесил грузы. Петрович махнул рукой матросам и буркнул: «Качай!»

Мне — ни слова. Вроде не знает. «Ты чего дуешься? — спрашиваю. — Я-то тут при чем?» Молчит, не отвечает.

Завернул я иллюминатор, взял в руку сигнальную веревку и шлепнул рукой по шлему: «Спускайся!» Петрович оттолкнулся от трапа, забурила вода вокруг шлема, и водолаз ушел под воду.

Потом мне Петрович рассказывал.

Опустился он под воду, Подождал, пока осела муть, и осмотрелся, Слева маячили темные сваи пристани. Вдруг видит — у одной сваи что-то желтое. Подошел, а это и есть чемодан. Любопытство взяло старика. Почему это о нем барыня так убивается? Зацепил Петрович замком за скобку и дернул что было силы! Так замочек на скобе и остался.

Приподнял Петрович крышку, и показалось ему, что чемодан наполнен доверху живыми светлячками. Искрятся они, поблескивают разноцветными огоньками в зеленоватой воде.

Взял старик осторожно пальцами одного светлячка, а за ним потянулась целая нитка. Целое ожерелье из жемчуга! А дальше кольца, браслеты, камни драгоценные. Стоит Петрович, к свае прислонился, и богатство руками перебирает. Раньше не доводилось такие деликатные вещи в руках держать.

А мы наверху ждем, Дама волнуется, опять свою сирену заводит.

Генерал к нам на катер спустился и в воду смотрит, как будто сам вот-вот нырнет. Много времени прошло, а водолаза все нет. Ну, не выдержал генерал, кричит мне: «Тащи водолаза»

Я дернул три раза за сигнал: «Выходи наверх»

Петрович вышел на трап.

«Нэма там ны якого чемойдана! Нэма! Усэ дно обшарив. Ракушки та ил. Ил та бурьян морской, А чемойдана нэма... Як в воду канул».

Рассердился генерал:

«Врешь! Хочешь достать, когда мы уйдем? Не выйдет! Вот тебе, старый, условие: достанешь чемодан — получишь сто рублей золотом. Не достанешь — пулю в лоб! Понял? — «Поняв, ваше высокоблагородие», — буркнул Петрович и опять ушел под воду.

Сколько времени прошло, не знаю. Все иностранные пароходы из бухты ушли, один только французский остался, Вдруг как рывкнет снаряд около парохода! Воду так столбом и взметнуло. Заметались люди на палубе, заголосили. А снаряды один за другим рвутся Шварк... Ах!.. Шварк... Ах!..

Подлетает к генералу капитан, — дескать, больше нельзя ждать.

«Тащи его, подлец, наверх!» — шипит мне генерал, а сам из кобуры револьвер достает.

Что делать? Думаю, угробит он старика, а не послушай — тебя пристрелит. Потянул я легонько за веревку, а она не

поддается; я еще — не поддается. Ухватился сам генерал. Тянет, от натуги да злости, как кирпич, покраснел. А сигнал — ни с места

«Должно, — говорю, — меж свай он запутался, ваше благородие! Не вытащить»

Ткнул генерал меня кулаком в ухо, а сам с матросами на пароход кинулся. Подбежал я к помпе, начал воздух качать. Увидел это генерал — и давай в меня палить!

Упал я на дно бота, за помпу спрятался и лежу. Лежу и думаю: «Пропал Петрович! Задохнется без воздуха...»

Как назло, с якорем на пароходе не ладилось — никак не оторвут от грунта. И такое пошло. Снаряды бухают, капитан ругается, генерал стреляет, а дама до того сильно орет, что на пристани собачата, которых за границу не взяли, вой подняли, как скаженные.

Бросили французы якорь с доброй половиной якорной цепи, и — тикать!

Только пароход отошел, вскочил я и начал вертеть колеса помпы. Тут еще грузчики на помощь подоспели. Вдруг слышим из-под пристани голос Петровича:

«Не бузуйте задаром! Не утруждайтесь!»

Я — на ялик да под пристань. Смотрю, старик сидит на перекладине меж свай, в воде только ноги. Иллюминатор отвинчен, и наружу торчат усы да красная бульба носа. Сидит, посмеивает-

ся, чемодан рукой поглаживает.

Яличник затабанил правым веслом, круто развернул ялик и прижал его кормой к пристани. Я расплатился и выскочил на пристань.

— Ну, а как же ценности?

— Чемоданчик? А как красные Севастополь заняли, Петрович пошел к главному да прямо ему на стол в высыпал все драгоценности из чемодана, «Нате, — сказал, — Це вид мэнэ и усих водолазов вашей червоной армии на подмогу.» Да ты его самого расспроси. Он ведь и сейчас там, на базе. Не работает, а так, навещает. Ну, до свиданья. На Северную никто не желает? — крикнул он громко, хотя на пристани никого, кроме меня, не было.

К. С. МИКОНИ

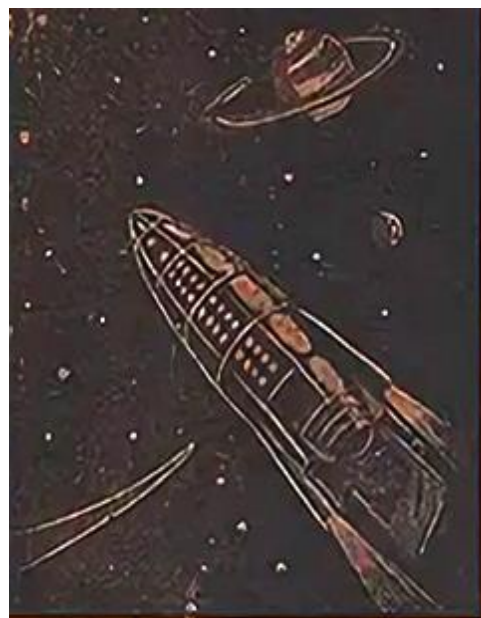

В МЕЖПЛАНЕТНОЕ ПРОСТРАНСТВО

Фантастический рассказ

*Глава из книги: Микони Клавдия Степановна: Сверх-
высотные полеты (Будущее реактивных двигателей)*
Москва: Мол. гвардия, 1933
(Фабрика книги "Красный пролетарий"), стр. 102-112

Редактор В. Сафонов. Техредактор М. Лойтерштейн. Сда-
но в производство 14/IV—33 г. Подписано к печати 2/VII—33. г.
М. Г. 3819. Инд. Д—2. Формат 72×100¹/₃₂ г 3¹/₂ печ. л. 40000 зн.
в печ. л. Уполн. Главлита Б—30076 Заказ 6696. Тираж 10 000.
Фабрика книги «Красный пролетарий» издательства ЦК
ВКП(б) Партиздата. Москва, Краснопролетарская, 16.

К. С. Мизкони

Сверхвысотные полеты

ОГЕВ—МОЛОДАЯ ГЕОРГИЯ

1933

В межпланетное пространство

«Машина времени»¹⁾ скромно стоит в углу. Воспользуемся ею для полета в будущее. Перенесемся на сто лет вперед. Куда? Скажем, Москва, Кремль, 15 февраля 2033 г. Отправились.

Мы на высоком берегу. Через реку переброшены легкие мосты. Стены обвиты вьющимися растениями. Они как будто напоминают кремлевские. Но ведь сейчас должен быть февраль, месяц ветров и метелей. А над нами колышутся, пальмы самых причудливых видов. Крутой берег покрыт клумбами цветов. Среди них разбросаны деревья. Деревья малознакомые. Вот это отдаленно напоминает акацию, но какой изумительной окраски и величины цветы! Мы где-нибудь у тропиков. Вот и колибри, резвящиеся между цветов, «маленькие летающие драгоценные камни».

Куда занесла нас «машина времени»?

На скамье розового мрамора сидят молодые люди в легких одеждах. Из шелка? Может быть, но мы не видали еще шелка такой красоты.

Поговорим с ними.

С некоторой дозой любопытства осматривают они наши неуклюжие костюмы.

— Скажите, пожалуйста, где мы находимся? Какой это город, в какой стране?

— Это Москва, столица ССНЗ.

— ССНЗ?.. Что это значит?

— Союз свободных народов земли.

— Москва! Но ведь теперь должна быть зима, холод?..

— Зима? Холод? — удивились наши собеседники. —

1) Английский писатель Уэллс написал увлекательный фантастический роман, герой которого изобретает «машину времени», переносящую его по желанию в какое угодно время — прошедшее и будущее. Мы пользуемся приемом Уэллса, чтобы показать будущее реактивных двигателей.

Это было когда-то. Прошло несколько десятилетий со времени установки в эфире экранов, посылающих на землю концентрированные солнечные лучи. У нас нет теперь зимы и холода. Простите за вопрос, с какой планеты вы прибыли к нам?

Просим разрешения не отвечать пока на этот вопрос и указать нам станцию межпланетных сообщений.

Один из собеседников охотно предлагает быть проводником.

— Сейчас, говорит он, — возьмем авиэтку и отправимся.

— Но мы хотели бы купить костюмы вроде ваших и отдать на хранение нашу машину.

— Купить? Отдать на хранение? Простите, мы не совсем понимаем вас. Костюмы вы выберете в складе, где мы возьмем авиэтку. Там же вы оставите свою машину.

Он прошел несколько шагов и спустился по прекрасной лестнице вниз, под землю. В великолепных подземных залах, освещенных невидимым источником света, был настоящий универсальный магазин, но без людей. Наш спутник провел нас в зал платья и предложил выбрать по вкусу.

— Если вы думаете взять обратно свои костюмы, положите вон в том зале, иначе их могут перенести в музей.

— Неужели у вас можно приходить кому угодно и брать все, что хотят?

— Конечно. У нас везде разбросаны склады, которые все время пополняются. Если вам нужно что-нибудь по особому рисунку или образцу, вы оставляете в зале заказов свой адрес и указание, что нужно, и к вам на другой день является специалист в этой области.

— Но, значит, могут взять и мою вещь, оставленную здесь, например нашу машину?

— Нет, если вы оставляете ее в зале хранения или где угодно, помимо склада. Вы возьмете, когда понадобится.

Замечательная вещь! Но нам некогда входить в подробности жизни наших потомков. У нас определенная цель. Наш спутник выводит из склада легкое трехместное сооружение, мы садимся, он нажимает рычаг, и мы прямо с места поднимаемся плавно в воздух.

Трудно определить, в каком направлении мы летим. Нет ничего похожего на нашу старую Москву. Пролетели, вероятно, 20—30 км и снизились у обширной открытой площадки, окруженной зданиями... Нет, правильнее, не зданиями, а легкими стеклянными навесами с раздвижными стенами-навесами из необычайно тонкой эластичной ткани.

На станции мы узнали, что через шесть часов отправляется лунный экспресс, совершающий ежедневные рейсы. На нем мы можем сделать небольшую увеселительную поездку. Экспресс по пути на луну заходит на одно из поселений в эфире в 5 тыс. км от земной поверхности. Там двухчасовая остановка. Затем экспресс отправляется на луну, облетает кругом нашего спутника и снижается на лунной станции. Через три часа он трогается в обратный путь и летит без остановок к Москве. Желаящие могут остаться на луне на сколько угодно времени или возвратиться этим же рейсом.

— Если вы хотите отправиться на другие планеты, то сойдете на станции «Эфир первый» и пересядете на тот экспресс, который вам нужен.

Мы решили для начала проделать только поездку на луну и обратно.

— Где нам купить билеты для полета на луну? — спрашиваем мы у нашего любезного проводника.

— Что такое билеты? — спросил он в свою очередь.

— Но нужно же нам заказать себе места в экспрессе, — постарались мы объяснить нашу мысль.

— Зачем? К моменту отлета экспресса вы прибудете к месту старта и сядете в вагон.

— А если все места будут заняты?

— Этого не может быть. Отправляется столько вагонов, сколько желающих лететь. Вам беспокоиться нечего.

Шесть часов, оставшиеся до отлета экспресса, мы провели в ресторане и в прогулках на авиэтке по Москве и ее окрестностям.

Сколько необычайного, интересного, совершенно неожиданного увидели и узнали мы за эти шесть часов, пролетевшие, как миг! Какой легкой, красивой, насыщенной радостью и творчеством стала жизнь на земле!

За десять минут до отлета мы прибыли на станцию межпланетных сообщений. Здесь нам измерили рост и ширину плеч и дали какие-то пакеты. Это были скафандры для выхода в безвоздушное пространство.

Наш спутник поговорил с одним из молодых людей на станции и подвел к нам его. Кстати, мы совершенно не видели на новой земле старых людей.

— Вот этот человек, имя его Гелий, будет сопровождать вас в полете. Он специалист астроплавания, и расскажет вам все, что вас интересует. Я же встречу вас по возвращении с луны.

Мы направились к экспрессу.

Это был в сущности один вагон-снаряд, длинный и узкий. Впереди была каюта пилота. Отправлялось одновременно столько вагонов, сколько было пассажиров. Сегодня летело два вагона.

Мы вошли в вагон. По стенам неширокая полоса окон из необычайно чистого, прозрачного стекла. У окон ряд легких кресел из тонких металлических полос очень красивого зеленовато-матового оттенка. Сплав золота со сталью, как сказал нам Гелий. Кресла оказались складными — они поднимались и прикреплялись к стене, оставляя зал совершенно пустым. Над полосой окон стояли прикрепленные к стене сосуды вроде греческих амфор, совершенно закрытые. Внизу у них были сделаны короткие трубочки с маленькими кранами. Около сосудов в сетках лежали эластичные трубки, очевидно резиновые, с наконечниками. Между сосудами по стенам в сетках же были положены всевозможные фрукты. Многих из них мы никогда не видали.

Гелий предложил нам сесть в кресла.

— А относительная тяжесть? — спросили мы изумленно. — Ведь инерция при старте будет чудовищна.

Гелий внимательно посмотрел на нас.

— Боюсь, что вы не знакомы с нашей техникой.

Мы вынуждены были сознаться, что нам совершенно неизвестно, что сделано на земле за последние сто лет.

— Сто лет тому назад, — сказал Гелий, — вообще не знали, что такое полет в эфире. Гениальные люди того вре-

мени нащупывали путь в эфир. Мы помним их имена. Первое поселение в межпланетном пространстве было названо именем Циолковского, первого теоретика астроплавания. Первая станция на луне носит имя Валье, первой жертвы ракеты. В самом начале межпланетные корабли действительно обладали очень несовершенными двигателями. Они сразу развивали громадную скорость, и люди могли вынести силу инерции, только лежа в наполненных жидкостью футлярах. Теперь не то. Теперь наши двигатели медленно набирают скорость, и мы сидим спокойно в креслах. Смотрите в окно, мы трогаемся.

Раздался слабый шум, как будто бы где-то поблизости вырывался из бутылей углекислый газ. Мы увидали удаляющуюся от нас площадку, верхушки деревьев. Перед нами развернулся необычайно красивый пейзаж — роскошный сад с лентами рек, с водопадами. Скоро пролетели облака, земля стала уменьшаться, принимая форму чаши.

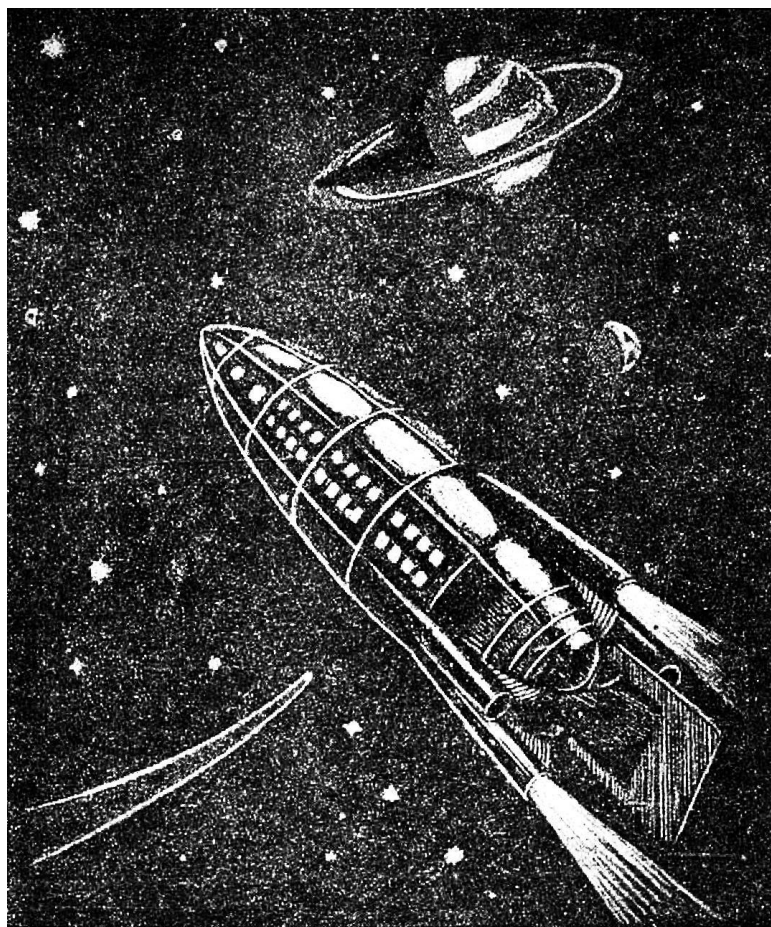
— Сейчас наш вагон все увеличивает скорость, и через несколько минут мы будем уже за пределами атмосферы.

Мы, не отрываясь, смотрели в окно. Краски земли понемногу тускнели, темнело небо, наконец оно стало совершенно черного цвета, и на нем яркими пятнами загорелись звезды. Вид был настолько непривычный для нашего земного зрения, что я невольно вскочил с места, чтобы прильнуть к стеклу. Вскочил... и стукнулся головой о потолок. Перевернулся, полетел к полу вниз головой; в этот момент один из пассажиров, держась одной рукой за свое кресло, другой схватил меня на лету и легко, как перышко, перевернул и направил к моему месту, передавая от соседа к соседу.

Я забыл, что мы должны находиться в среде без тяжести. Сила земного притяжения перестала обнаруживаться, и мы потеряли вес.

В первый момент я испытал страх, кувыркаясь в воздухе. Затем мне захотелось еще испробовать полет, но Гелий сказал, что мы сейчас подойдем к поселению «Эфир первый», где можем кувыркаться вволю.

Действительно, через несколько минут я увидел, что наш вагон входит в стеклянную галерею.

Ракетный корабль в пути.

— Снимите со стены крылья и наденьте на руки, — сказал Гелий. — Вам легче будет управлять движениями.

Небольшие крылья из прозрачной, тонкой, но очень крепкой ткани были прикреплены к шелковой ленте. Они пристегивались эластичными браслетами к рукам у плеча и кисти.

— Почему все сидят на местах и не выходят на станцию? — спросил я Гелия.

— В галерею накачивают воздух.

Когда вагон входит в галерею, наружная дверь герметически закрывается и накачивается воздух. Перед отправкой корабля воздух из галереи выкачивают, затем открывают дверь.

Через несколько минут дверь вагона открыли, и мы вышли в галерею, т.е. не вышли, а вылетели, кто боком, кто вниз головой, кто сидя, кто лежа. В галерее понемногу начали приучаться к полету и отправились осматривать эфирный поселок.

Он был построен по проекту Циолковского. Бесконечное количество стеклянных галерей, наполненных растениями, висящие в эфире изумительные оранжереи с бесчисленным количеством плодов и цветов.

Между ними на крыльях летали люди. Сразу видно было вновь прибывших, не привычных к среде без тяжести. Они никак не могли соразмерить своих движений и пугались, когда голова оказывалась внизу, а ноги у потолка.

Мы сорвали несколько плодов. Часть из них выронили из рук; они сейчас же ушли от нас и начали бродяжить по галерее. Один из жителей эфира поймал их сеткой, как на земле дети ловят мотыльков.

— Если вы хотите поужинать по-земному, — предложил Гелий, — мы можем отправиться во вращающийся ресторан.

Вследствие довольно быстрого вращения там приобретает некоторая, хотя и небольшая, тяжесть, и можно поужинать, сидя за столом на стуле. Можно заказать земные блюда, чай или кофе в стаканах. Все, что здесь невозможно.

Нет, нет! Мы отказались. Мы успеем вдоволь насладиться земной жизнью. Поживем немного небесной.

Два часа прошли быстро. Мы вошли в снаряд, и через несколько минут летели к луне.

Я почувствовал жажду и попросил налить стакан воды из одного из сосудов.

— Здесь есть все, что вы хотите. Прохладительные фруктовые напитки со льдом, горячий кофе или чай. Но в стакан их нельзя налить, потому что...

— Да, я вспомнил, прервал я Гелия. — Вода не выльется из сосуда вследствие отсутствия давления, а если ее извлечь оттуда, она разлетится шарами по всему вагону, и ее не поймаешь. Очевидно, эти резиновые трубки для питья.

Я надел трубку на трубочку одного из сосудов с прохладительными напитками, наконечник вложил в рот, открыл кран и потянул жидкость.

Утолив жажду, я снова приник к окну. Мы летели в пространстве, и на черном небе без мерцания продолжали гореть звезды, как яркие точки: красные, голубые, синие, зеленые — всех цветов и оттенков.

Было что-то гнетуще жуткое в этом черном бесконечном просторе. Мы держались за ручки кресел, чтобы не взлететь вверх при малейшем неосторожном движении. Кувырканье в воздухе казалось непростительной профанацией. Ведь мы первый раз в жизни летели на луну... и то с помощью машины времени. Пусть шутит и смеется Гелий, для него это так же обычно, как нам проехаться на электричке до Загорска.

— Сейчас должен пролететь лунный экспресс с луны в Нью-Йорк. Мы увидим его с этой стороны, — сказал Гелий.

И действительно, через несколько минут, рассекая черное небо огненным хвостом, как комета, пролетел снаряд, похожий на наш.

Вскоре мы увидели луну, такую громадную, чуждую, пугающую и в то же время такую знакомую по снимкам и зарисовкам. Вот ее моря, вулканы, кратеры. Мы летим вокруг луны.

Делаем несколько кругов, снижаемся, и, как в эфире, наш вагон входит в крытую стеклянную галлерею. На луне тоже нет воздуха. Поэтому мы должны ждать, пока его накачают. Впрочем, здесь все делается быстро. Несколько минут, и мы выходим в такие же оранжереи, как; и в эфире, только они не висят в пустом пространстве, а твердо стоят на земле...

Впрочем, нет. Не на земле, а на луне.

Здесь мы впервые надеваем скафандры. Они сделаны из необыкновенно прочной, воздухонепроницаемой ткани. Колпак совершенно прозрачный. Скафандр снабжен запасом кислорода и нагревательным прибором. Кроме того, при нем имеется еще крохотный реактивный прибор, который пристегивается при полетах в эфире, чтобы можно было с его помощью отлетать от межпланетного корабля или эфирного поселения и снова возвращаться к нему.

Здесь, на луне, он не нужен, потому что на луне довольно значительная сила притяжения, хотя и меньше земной в шесть раз. Мы не можем нечаянно оторваться от луны и заблудиться в беспредельных просторах эфира.

С удовольствием гуляем мы по лунным полям, знакомясь с этим сурово причудливым пейзажем. Прогулка легка и забавна. Сила притяжения невелика. Мы не ходим, а прыгаем, летаем. Одним прыжком перелетаем через ущелья, пропасти. Часто кувыркаемся, падаем, но ушибы так незначительны, что почти не причиняют никакой боли.

Мы встретили лунных животных...

Впрочем, мы слишком увлеклись. Гелий, выдавший эти пейзажи десятки раз, взглянул на часы.

— Если вы думаете сегодня возвратиться на землю, надо поспешить к вагону. Впрочем, мы можем остаться еще на сутки.

Нет, мы должны возвратиться. Что подумают наши близкие, если мы не явимся домой еще сутки? Сколько беспокойства причиним мы некоторым земным жителям.

Спешим к снаряду. Последний взгляд на луну. Тоскливо. Жаль улетать, не увидав почти ничего.

— Но вы можете снова прилететь, — говорит Гелий.

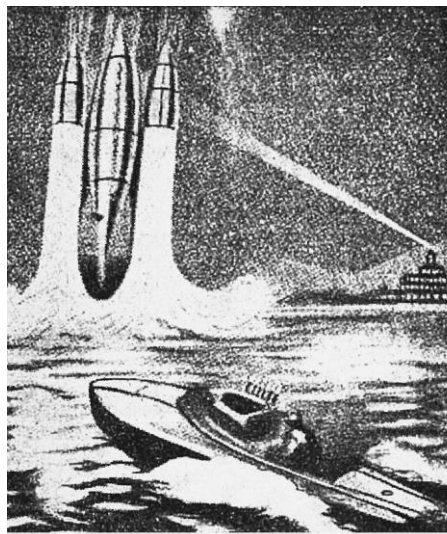
Мы в этом не уверены. Экспресс поднимается. Мы летим прямо в Москву.

Но мы хотим еще полетать в эфире. Мы просим выпустить нас из снаряда. Надеваем скафандры, берем подзорные трубы. Нас выпускают наружу, но на привязи. Нужно привыкнуть к полетам в эфире, нужна тренировка, только тогда можно отважиться на свободный полет.

Мы вылетели... Мы скоро, очень скоро возвратились в вагон. Было жутко. Бездна без конца, без края. Только звезды и две больших планеты — луна и земля. Обе такие чужие, такие далекие. И мы — такие ничтожные пылинки в этой беспредельности. Скорей в наш вагон. Здесь мы под его защитой.

Мы приближаемся к земле.

— Когда-то, — говорит Гелий, межпланетные корабли должны были спускаться обязательно в воду, где-нибудь в океане, чтобы не расшибиться о поверхность земли, так как не знали способа тормозить полет. Были еще слишком примитивные двигатели. Теперь, как видите, мы спускаемся так же легко, как на авиэтке, и причаливаем, где хотим.

Спуск корабля на землю.

— Как далеко забрались вы в ваших космических полетах?

— За пределы нашей солнечной системы. Жаль, что мы сегодня не осмотрели солнечных установок в эфире. Одна из них, по проекту жившего почти сто лет тому назад. Кондратюка, изменила совершенно климат земли, растопила полярные льды, превратила всю землю в один сплошной

тропический сад. Эта установка дает нам энергию для всей нашей промышленности. Другая — о ней говорили тоже еще сто лет тому назад Циолковский, Цандер и другие, — дает энергию для наших космических кораблей, летящих на большие пространства. Следующий раз мы с вами слетаем на Сатурн.

Следующий раз... Боимся, что этого раза не будет.

Мы причалили. Выходим из корабля и сразу чувствуем непривычную как будто тяжесть. После полного отсутствия веса или легкого лунного как тяжело поднимать руки, передвигать ноги...

Может быть, уничтожить машину времени и остаться навсегда здесь, среди наших потомков, или уйти жить в эфир?

Нет, слишком сильны узы, привязывающие нас к этой милой нам жизни. Мы просим нашего первого друга обновленной земли проводить нас туда, где оставлены наши вещи.

Вот стоит никем не тронутая машина времени. Мы садимся на нее и протягиваем руки лучезарному жителю ССНЗ.

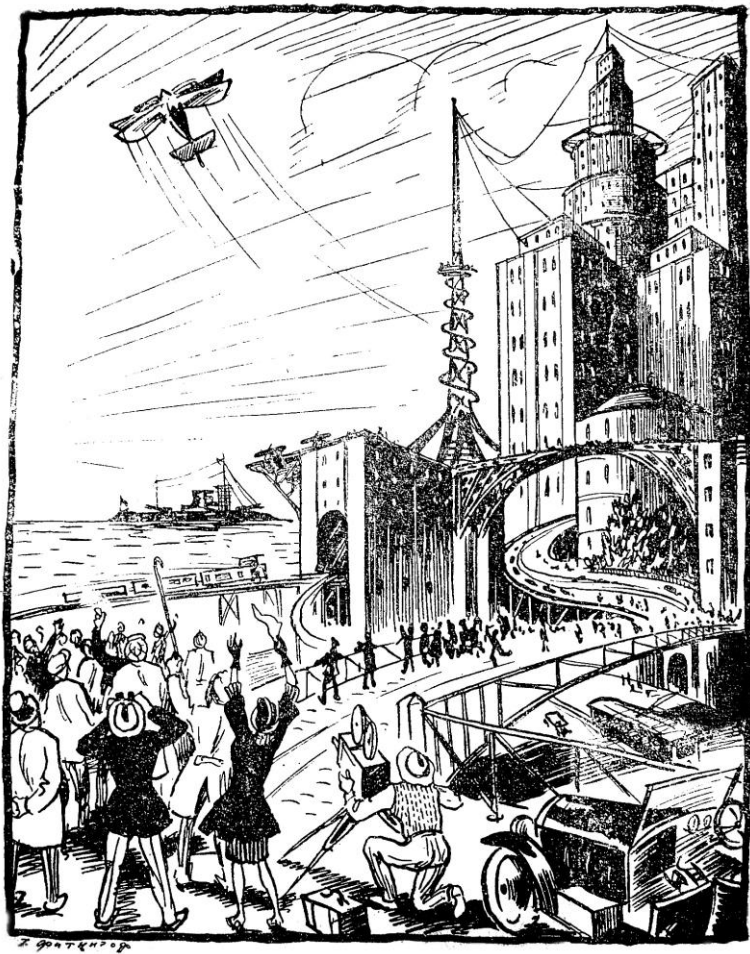
— Вы собираетесь уйти на этой незнакомой мне машине. Но куда? Может быть, теперь вы скажете, кто вы и откуда пришли? В таких странных костюмах, вроде тех, что носили наши предки.

— Мы действительно ваши предки. Мы пришли к вам из глубины двадцатого века. Нас разделяет целое столетие.

— Вы?.. Вы люди двадцатого века?.. Люди великих революций?..

— Да... И возвращаемся к ним.

Б. КУЗНЕЦОВ

ПУТЕШЕСТВИЕ В 1960 ГОДУ

Фантастический очерк

Б. Кузнецов

ПУТЕШЕСТВИЕ В 1960 ГОДУ

Шел 1960 год. Я давно собирался совершить большое путешествие по СССР и поэтому с радостью принял предложение редакции одной из столичных газет проехать по трассе единой высоковольтной сети Союза. Газета хотела в ряде корреспонденций познакомить своих читателей с проблемами энергетики и поручала это дело мне. Меня как нельзя больше устраивало, что мое путешествие получает такой утилитарный уклон, и что я буду принужден силой обстоятельств концентрировать внимание на каких-то определенных вопросах. И притом на таких вопросах, которыми я занимаюсь в продолжение всей своей сознательной жизни.

1. КВАТРИНАРНАЯ СТАНЦИЯ

Готовясь к поездке я решил подробно познакомиться с электроснабжением Москвы. Сейчас, в седьмом пятилетии, энергетические нужды столицы продолжают быстро расти. Электричества требуют краны портов, лифты, движущиеся тротуары, эскалаторы, электрический воздушный и колесный транспорт, освещение, воздухоприготовление, подогрев воздуха и воды. Как покрываемся вся эта громадная потребность в энергии? Несмотря на сильное снижение удельных норм расхода энергии, потребность в ней быстро растет за счет новых применений электричества. Возьмем хотя бы воздухоприготовление. У нас нет почти ни одного жилища

без электрического воздухоприготовителя, регулирующего температуру, влажность и состав поступающего воздуха. Многие из читателей помнят, какой редкостью являлся воздухоприготовитель в третьей пятилетке.

«Переведите рычаг воздухоприготовителя с «сосновой чащи» на «морской бриз» — в 30-х годах мы, журналисты, шумно восторгались этой элементарной возможностью. А сейчас в Москве не меньше двух миллионов воздухоприготовителей.

Теплофикация Москвы была завершена десять лет назад. С тех пор выработка тепла на ТЭЦ почти не растет. Увеличение теплового потребления идет за счет электрических нагревательных приборов. Само собой разумеется, что Москва требует значительного притока электричества со стороны. Основной источник — реки Западной Грузии и восточной части Союза. Это не останавливает технического развития и усовершенствования московских тепловых электростанций.

Прежде всего нужно отметить развитие стационарных паровых турбин. Начиная с третьей пятилетки (1938—1942 г.), широко развернулось строительство небольших станций и турбин. При этом появилось много качественно новых, оригинальных принципов турбостроения. С другой стороны, новые принципы энергетической техники готовились и в котлостроении, в особенности при конструировании небольших, но технически совершенных котлов. В 1941 году был сконструирован советский экспресс-котел с наддувом, с искусственной циркуляцией и использованием давления покидающих котел газов. Когда сконструировали котел с искусственной циркуляцией, решено было для насосов применить газовую турбину, работающую на газах, отходящих из топки. В топке горение происходит под давлением. Затем газы расширяются в газовой турбине, вращающей компрессор и вспомогательные механизмы, и уходят наружу через экономайзер.

Второй советский экспресс-котел с газовой турбиной был сделан из еще более жароупорных сплавов. Здесь температура газов могла быть гораздо выше. В результате

мощность газовой турбины значительно превысила собственные нужды котла, и, таким образом, была получена смешанная установка, где, собственно, самый котел стал охлаждающей рубашкой газовой турбины. Но в это время во всех газовых турбинах, давно работавших на судах и самолетах, теплота газа регенерировалась в паровых установках. Поэтому второй советский экспресс-котел принципиально не отличался от обычной турбины внутреннего сгорания. Таким образом, последняя органически выросла из паровой техники,

В 30—40-х годах конструкторы газовых турбин должны были ответить на ряд грудных вопросов. Например, очень серьезной была проблема предварительного сжатия смеси. Другим камнем преткновения для конструкторов была проблема материалов. Высокая температура газов требовала особо жароупорных сталей. Поэтому одно время говорили, что «проблема газовой турбины — металлургическая проблема». Однако в середине 40-х годов появились новые типы газовых турбин, не требовавшие этих условий. Что же касается газовых турбин, работавших на подземном газе, то здесь проблема предварительного сжатия горючего была снята после того, как сам подземный газ стал получаться при высоком давлении. Высокая температура также не страшна современным конструкторам, научившимся использовать ее для паротехнических циклов.

Паротехнические циклы не только не исчезли, но, наоборот, чрезвычайно сильно развились. Паротехника в 40—50-х годах пережила серьезный перелом и расцвет новых технических принципов. Уже в начале 40-х годов повсеместно применялось сверхкритическое давление. Дальше перед теплотехниками появилась новая серьезная проблема. Вода не являлась больше для паротехники идеальным рабочим телом. Наряду с ней сначала теоретически, а потом практически фигурировали новые рабочие тела: в первую очередь ртуть, а затем некоторые химические соединения. Появилась неводная паротехника. Это позволило соединить вместе два цикла таким образом, чтобы охлаждение одного рабочего тела (например, ртути) означало нагревание друго-

го. Такие циклы издавна назывались бинарными. Обязательной частью бинарной установки является конденсатор-испаритель. Он мало чем отличается от обыкновенного конденсатора, но охлаждающее рабочее тело само здесь испаряется и идет во вторую турбину установки.

Примером бинарной установки является построенная в 1946 году в Москве ртутная электростанция. Она имела предшественников: первую турбину Эммета (1 050 киловатт), сооруженную в 1922 году; установку на станции Dutch Point (1 800 киловатт) в 1923 году; установку на станции South Meadow (10 тысяч киловатт) в 1928 году; первую советскую ртутную турбину (5 тысяч киловатт) в 1943 году и Ленинградскую ртутно-воднопаровую станцию (15 тысяч киловатт) в 1944 году. Московская ртутная станция имеет один котел, экранированный ртутными трубками, из которых пары ртути при температуре свыше 600 градусов и давлении около 15 атмосфер поступают в ртутную турбину мощностью в 12 тысяч киловатт и затем в конденсатор-испаритель. Здесь пары ртути, охлаждаясь, испаряют воду, и водяной пар проходит через вторую турбину бинарной установки. Впрочем, коэффициент полезного действия этой станции (0,40) уступает коэффициенту полезного действия осмотренной мною сегодня кватринарной установки, построенной в 1947 году и не имеющей предшественников.

Ее называли неточно. Здесь испаряются не четыре, а три рабочих тела. Но, кроме трех паровых турбин, в установку входит и газовая. Высокая температура газового потока (около 1 000 градусов С) обеспечивает экономичную работу ртутного котла, обогреваемого горячими газами, выходящими из турбины. Ртутные пары под давлением в 10 атмосфер поступают во вторую турбину установки. Конденсация ртутных паров дает водяной пар, который работает в своей третьей турбине и служит для теплоснабжения. Однако, кроме «надстроек» над водяным паром, здесь есть еще «подвал» под ним. Конденсируясь после турбины, водяной пар обогревает котел с бутаном. Иными словами, четвертая, нижняя, ступень Московской кватринарной станции является арктической температурной установкой. Она, конечно, работает только зимой.

Квартинарная станция и другие небольшие теплоэлектростанции Москвы дополнены мощным сталь-алюминиевым проводом, несущим в Москву энергию рек Западной Грузии, волжских вод и порогов Ангары. Этот провод, обвивший весь Союз, связывает Москву реальной физической связью, электронным потоком с гидроэлектростанциями, заводами, полями и городами всего государства. После создания единой высоковольтной сети СССР нельзя описать энергоснабжение одного города без общей картины энергетических потоков, текущих по стране.

2. НА ЮГЕ

Вчера весь день был потрачен на выбор маршрута. Решили ограничить его той территорией, которая сорок лет назад была охвачена планом ГОЭЛРО. Затем пришлось найти направление с наименьшим количеством повторных поездок по той же трассе. Мы сидели в редакции над картой и рассматривали конфигурацию электрических линий, передающих энергию крупных гидростанций Союза в границах плана ГОЭЛРО. Естественным центром системы является Ангара. От Ангары на восток к гидростанциям на Зее, Буре и Амуре идет передача постоянного тока. Она продолжается дальше — параллельно хребту Сихотэ-Алинь и побережью — до Владивостока. На северо-восток от Ангары идет передача переменного тока, к которой примыкают сети бассейна Лены. Дальше северо-восточная передача разветвляется и доходит до куста арктических станций в устье Индигирки и до Охотска.

В западной части единой высоковольтной сети основное направление электронных потоков с востока на запад. Десятки миллиардов киловатт-часов переносятся в европейскую часть Союза из Сибири и Средней Азии по двум сверхмагистралям постоянного тока. Они соединяются у Куйбышева, и электронный поток идет к Москве. Сюда же доходит передача из Грузии через Ростов. Кроме передачи постоянного тока Ростов — Москва — Куйбышев, в пределах европейской части существует разветвленная сеть ли-

ний в 380 тысяч вольт переменного тока и распределительные сети в 220 тысяч вольт. Передачи переменного тока соединяют мурманские и карельские станции с Ленинградом. Ленинград — с Москвой, районы Поволжья, Урала и юга. Основные передачи — широтная: Одесса — Днепр — Донбасс — Сталинград; волжская: Сталинград — Куйбышев — Горький; уральская: Печора — Соликамск — Свердловск — Челябинск — Магнитогорск; карельская: Мурманск — Ленинград.

Для того чтобы увидеть ряд крупных гидростанций и электропередач, я решил из Ленинграда отправиться сначала в Карелию, потом на Днепрогэс, затем в Крым и через море в Закавказье. Из Баку я должен был перебраться в Красноводск, оттуда в Ташкент. Из Средней Азии я предполагал полететь в Куйбышев и затем объехать кольцо Куйбышев — Камышин — Донбасс — Москва — Куйбышев. Дальше намечался путь на восток с остановками и поездками в сторону на Урале и в Кузбассе. Путь шел через ангарское кольцо на Дальний Восток.

Из Ленинграда я вылетел на большом быстроходном воздушном корабле Л-70 и вскоре мог наблюдать расположение основных гидростанций севера. Сначала показались станции на Свири, затем Нивская, Ковдинская, Туломская, Ондская и другие станции. Они соединены с Ленинградом, Карело-мурманская линия, так же как и Октябрьская, состоит из передачи переменного тока напряжением в 380 тысяч вольт, электрифицированной железной дороги и «коридора» электрифицированного земледелия вдоль линии. Тяговые и сельскохозяйственные подстанции получают энергию непосредственно из компенсаторов, поддерживающих напряжение в линии. Однако основная часть энергии не расходуется по пути, а передается в Ленинград.

Своеобразная природа Мурманского края, и Карелии делает их прекрасными источниками энергии для Ленинграда. Обилие озер, соединенных реками, и благоприятные геологические условия давно заставили обратить внимание на водные силы края. После Беломорско-Балтийского канала, здесь выросло много гидростанций. Озера являются ре-

гулирующими водохранилищами этих станций. Поэтому колебания стока здесь устранены, и станции работают полной мощностью в течение всего года. Значительная часть энергии передается в Ленинград.

В тот же день мы полетели на юг. В. продолжение трех часов удалось осмотреть основные станции Большого Днепра. Из них до сих пор самой большой является построенная в первом пятилетии Днепровская гидроэлектростанция имени Ленина. В течение шести лет строительства Большого Днепра были сооружены, помимо Днепрогэса, еще семь крупных гидростанций, и мощность всего каскада дошла до двух миллионов киловатт. Кременчугская станция (300 тысяч киловатт) собирает в своем водохранилище весь весенний паводок и регулирует сток Днепра, выравнивая и увеличивая выработку энергии на нижних станциях. Это подняло выработку энергии Днепрогэса и довело суммарную отдачу всех днепровских станций до 10 миллиардов киловатт-часов.

Сооружение плотин Большого Днепра соединило глубоководным путем Черное море с Ленинградом и Донбасс с Криворожем, Западной областью и Ленинградом через шлюзы Днепра и его притоки. Кроме того, Большой Днепр позволил осушить 5 миллионов гектаров болот в БССР, Западной области и на Украине, оросил 1,85 миллиона гектаров в Приднепровье и 800 тысяч гектаров в Крыму и превратил Южную Украину в страну цветущих садов, баштанов и полей, прорезанных голубой лентой Днепро-Азовского оросительного канала.

Сети Приднепровья соединены с электрическим кольцом Крыма. Из крымских электростанций я осмотрел лишь ветроустановку около Ялты. Она была важным этапом в истории советского ветроэлектро- строительства.

Уже в начале 40-х годов тысячи колхозов и совхозов пользовались ветродвигателями для водоснабжения, освещения и некоторых силовых и производственных нужд. Эти ветродвигатели были спроектированы в 30-х годах и впоследствии усовершенствованы. Они строились в виде пятидесятиметровых башен, которые первоначально весили 160

тонн. Потом, с переходом к новым сплавам, вес башни снизился до 60 тонн. Колесо соединено через редуктор с генератором и, вращаясь со скоростью 24 оборота в минуту, дает в генераторе 600 оборотов в минуту. Мощность подобных станций — 1 000 киловатт.

В 40-х годах было развернуто строительство первой крупной ветроэлектроцентрали. Она воздвигнута на Ай-Петри и состоит из двух установок с трехлопастными колесами. Диаметр каждого ветроколеса — 80 метров. Гидравлический редуктор повышает число оборотов колеса с 20 до 600 в минуту и передает энергию генератору трехфазного тока мощностью в 5 000 киловатт и напряжением в 6 000 вольт. Верхняя установка находится на самой вершине башни (158 метров), а нижняя — на высоте 65 метров. В помещении нижней установки, в одном из этажей ее машинного зала, расположены щиты и общее распределительное устройство. Отсюда ток под напряжением в 600 вольт передается вниз к кольцевым токосъемам, затем в повысительную подстанцию и, наконец, под напряжением в 110 тысяч вольт вливается в высоковольтное кольцо через Ялтинскую подстанцию.

Башня Ай-Петринской ветроэлектростанции сделана из железо-бетона, и опирается на гидравлический подпятник, то есть стальной цилиндр, наполненный мазью из вискозина с канифолью. Этот цилиндр заперт поршнем, представляющим собой нижнюю часть башни. Мазь находится под давлением в 350 атмосфер. Башня свободно поворачивается на этом шарнире, вращаясь при этом в кольце, к которому прикреплены растяжки. Башня поворачивается автоматически, в зависимости от направления ветра. Лопасты тоже поворачиваются сервомоторами. При этом они снабжены пневматическими буферами и при сильном порыве ветра выворачиваются.

Установки работают с помощью гидравлической передачи. Колесо вращает вал, соединенный через фрикционную муфту с масляным насосом. Масло под давлением в 37 атмосфер направляется в лопатки турбины Польштона, соединенной с генератором.

После осмотра ветроэлектростанции у меня осталось время для прогулки по Ялте. Я много лет не был на Крымском побережье и не узнал его. Орошение и регулирование климата изменили природу Крыма. Сейчас, в сентябре, окрестности Ялты напоминают Крымское побережье в мае. Обилие травы и всяческой зелени в разгар сентябрьской жары является результатом ирригационного и климаторегулирующего строительства четвертой и пятой пятилеток.

После обеда я вылетел из Ялты в Гагры на курортном воздушном корабле. Этот корабль — тихоходный гигантский гидроплан — непрерывно совершает рейсы между Крымом и Кавказом. В нем помещается кафэ, солярий и спортивный зал. Кроме того, гидроплан обычно буксирует множество пловцов, тренирующихся в беге на водных лыжах за самолетом.

3. ЗАКАВКАЗЬЕ И СРЕДНЯЯ АЗИЯ

В Гаграх я встретил старого друга, с которым мы вместе полетели в горы осматривать гидроустановки Главного Кавказского хребта, который здесь очень близко подходит к морю, сохраняя свою высоту. Верховья Ингура и Кодора, берущие начало в многочисленных высокогорных ледниках, расположены недалеко от устья. Реки эти отличаются громадным падением. Летом, когда ледники тают, их мощности очень велика, но зимой они почти совсем пересыхают. Поэтому летом побережье Грузии отдает энергию в сеть, а зимой получает ее. После осмотра гидростанций мой спутник предложил полететь на Главный хребет, поучиться прыжкам на лыжах с самолета.

Вылетели через полчаса — и к обеду были на месте. К концу дня я овладел новым видом спорта — и на следующий день до вечера продолжал прыжки. Они выполняются следующим образом. Прыгающий одевает на ноги небольшие металлические лыжи и покидает самолет в тот момент, когда последний пролетает над ровным, но крутым склоном покрытой снегом котловины или ущелья. Нужно прыгнуть таким образом, чтобы линия прыжка приблизилась под

очень острым углом к поверхности склона и чтобы лыжи мягко, без удара и толчка, скользнули по снежной поверхности вниз. Затем склон становится более пологим, потом лыжник скользит по горизонтальной поверхности дна котловины и, поднимаясь на противоположный склон, теряет, наконец, первоначальную скорость. Подобный прыжок можно сделать, точно рассчитав место, где находится самолет, направление, скорость и угол падения, силу торможения на снегу, хорошо зная скорость самолета, вес своего тела, крутизну склона и сопротивление воздуха. Для каждого прыжка приходится решать сложную геометрическую и механическую задачу. Участник прыжков заранее получает рельеф местности и другие данные и составляет график полета и прыжка, которому должен абсолютно точно следовать. Я раньше не отличался особой смелостью в физических упражнениях. Первые прыжки с вышки в воду, с лыжного трамплина и с парашютом дались мне нелегко. Но этот новый и опасный вид спорта совершенно не вызывал страха. У меня чуть-чуть замирало сердце, когда я вычерчивал кривую прыжка и каждую точку схемы воспринимал, как свое тело, летящее по этой кривой. Но в момент прыжка я, напротив, чувствовал себя точкой найденной кривой и был уверен в точности и правильности расчета, так что ничто не отвлекало меня от непосредственных ощущений. Слияние организма с теоретически найденной кривой было несравненно интереснее, чем то слияние человека и машины, которое так прельщало летчиков, планеристов, водителей бугров, автомобильных гонщиков и др.

На следующий день мы побывали над самой крупной установкой Закавказья, откуда начинается передача в миллион вольт к Москве. Самолет пролетел над передачей до Ростова и затем вернулся обратно. Внизу расстились поля Северного Кавказа с многочисленными подстанциями. Но южнее хребта, где как раз и были расположены гидроустановки мощностью в два миллиона киловатт, с самолета ничего не было видно. Дело в том, что громадная мощность получалась путем соединения верховьев рек подземными каналами. Машинный зал станции и распределительное

устройство также находились глубоко под землей. На север от этих установок шла передача постоянного тока в миллион вольт и на восток — к Тбилиси — передача переменного тока в 380 тысяч вольт. Вдоль нее мы и направились. Через час открылась панорама Тбилиси. С самолета хорошо видно направление электропередачи и электрических железных дорог, расходящихся во все стороны от Тбилиси. Одна передача идет в Западную Грузию, другая — магистральная — в Баку, третья — к Еревану. Вдоль этой третьей передачи, через Делижанский перевал, я долетел до знаменитого Севанского каскада.

Тридцать лет назад я подъезжал к Еленовке — селу на берегу озера Севан. Берег озера находился чуть ниже высшей точки подъема, и машина, долго поднимавшаяся, в горы, достигнув вершины, оказалась в нескольких метрах над необозримой гладью лазурного зеркала. Это создавало впечатление моря, поднятого на два километра вверх. Озеро Севан в 30-х годах занимало площадь в 1 500 квадратных километров, собирало воду 28 горных рек, которая вытекала вниз через единственный сток — реку Зангу. Отметка поверхности озера превышала 1 900 метров, и каждый кубический метр воды Севана обладал потенциальной энергией в 5 киловатт-часов.

Сейчас все изменилось. Сброс вод Севана через Зангу уменьшал зеркало озера, пока сократившееся испарение не уравнило его на новом уровне. При этом вода проходит через каскад восьми гидростанций (Озерная, Караван-Сарайская, Кохсы-Гюмушская, Арзнийская, Канакирская и три ереванских) и орошает 80 тысяч гектаров Киров-Сардарабадской безводной степи.

Общая мощность Севано-Зангинского каскада — 550 тысяч киловатт — сейчас кажется небольшой, так же как и выработка — 2 миллиарда киловатт-часов энергии. Но здесь были решены специфические гидроэнергетические проблемы, и, кроме того, Севан стал образцом художественного вкуса и архитектурной смелости для последующего гидростроительства. Сооружения каскада входят в грандиозный архитектурный ансамбль. На фоне белоснежных склонов

Аrarата видны розовый туф, белый мрамор, темно-зеленые рощи и голубые каналы Еревана. Их естественным продолжением служат просторные террасы каскада, автострада, акведуки, мосты, шлюзы и плотины. Основное эстетическое требование — соответствие между архитектурой и ландшафтом — совпало с максимальным использованием естественного рельефа. Плотины и здания каскада, мачты электропередач, каналы и водохранилища гармонично связаны с хребтами, долинами и ущельями Армении. Мы видим здесь также поразительную связь между специфическими строительными задачами и глубоко национальным характером архитектуры. У озера архитектурная аллея Занги переходит в курортное кольцо, окружающее Севан и выстроенное на его новом берегу, только в 1947 году показавшемся из-под схлынувших вод озера.

Горы, окружающие Севан, отделяют его от промышленных центров, которые мне интересно было осмотреть хотя бы с самолета. Я увидел большой завод ферросплавов, медные копи, углехимический завод и большое число консервных заводов. Все они получают энергию от станций Севано-Зангинского каскада. На склонах гор расположены виноградники.

Из Еревана в Баку я поехал электромагнитной дорогой. Металлический сигарообразный вагон несся от одного электромагнита к другому с такой скоростью, что трудно было что-либо увидеть на земле. Скорость электромагнитного вагона меньше скорости стратоплана, но он летит невысоко над землей и поэтому находящиеся под вагоном здания, рощи, водоемы и т. п. сливаются в быстро несущийся поток. Я вышел из вагона возле Мингечаурской гидростанции. Это крупная станция, одна из самых старых в Азербайджане. Ее начали строить в третьем пятилетии. Здесь — центр высоковольтных сетей Грузии, Армении, и Азербайджана. Высокая шестидесятиметровая плотина на Куре обеспечивает выработку свыше 1 200 миллионов киловатт-часов. Мощность станции — 300 тысяч киловатт. Мингечаурская плотина, кроме того, позволяет орошать миллион гектаров плодородных земель Ширванской, Мильской и Карабахской степей и обеспечивает судоходство по всей Куре.

Баку встретил нас благоуханием духов. Конечная станция электромагнитной дороги находится недалеко от Бакинского парфюмерного комбината. Сюда доставляются отходы после отгонки из нефти легкого топлива. Страна требует сейчас громадного количества бензина. Правда, кое-где моторы уже переведены на сжигание водорода, получаемого электролизом, или вовсе заменены электродвигателями с легкими аккумуляторами, однако, в районах, которые сейчас быстро осваиваются, но не охвачены высоковольтными сетями (например, в Сибири, севернее 60-й параллели, между Обью и Леной), выгоднее сжигать бензин и другие легкие фракции нефти. В Баку нефтеперегонные заводы получают из нефти такое количество легких погонцов, какое раньше казалось немыслимым. В первой-второй пятилетках так называемый крекинг-процесс удвоил количество дорогих продуктов, получаемых из нефти. Затем усовершенствование крекинга позволило еще больше увеличить выход бензина из мазута. Сейчас химические заводы получают не больше 25 процентов нефти — все, что остается после отгонки легкого топлива. Среди этих химических заводов парфюмерный комбинат занимает важное место. Первоначально здесь получали из нефти синтетические эссенции, заменявшие цветы при изготовлении духов и одеколонов. Сейчас цветочные духи и одеколоны производятся из естественных цветов. Бакинский парфюмерный комбинат специализировался на изготовлении особых эссенций, обладающих прекрасным запахом, не похожим на обычный аромат цветов. Спрос на эти духи и одеколоны быстро растет.

Мне казалось совершенно невозможным быть в Баку и не видеть нефти. Однако я ее действительно не увидел. Конечно, я и не воображал, что встречу канавы и ямы с нефтью, которые я видел в детстве, или баки и цистерны с пятнами нефти, которые существовали лет двадцать тому назад. Но я надеялся увидеть нефть, хотя бы через глазок или стеклянное окошечко нефтехранилища. Однако, когда на нефтеперегонном заводе мне показали, как меняется количество, температура, давление и состав нефти, я не увидел ничего, кроме щита с множеством измерительных при-

боров, автоматически регистрирующих все изменения, которые происходят с нефтью в герметически закрытых сосудах.

Переезд из Баку в Красноводск был совершен через тоннель, в котором помещались рельсовый путь, высоковольтный кабель, несущий энергию из Азербайджана в Туркмению, и нефтепровод. В небольших ответвлениях тоннеля находились буровые скважины, где нефть выкачивается из глубоких пластов, залегающих под Каспийским морем.

Передача Красноводск — Ташкент имеет очень мало распределительных сетей. В Туркмении большая часть нагрузок покрывается солнечными фотоэлектрическими установками. Иначе построено электроснабжение Узбекистана, Таджикистана и Киргизии. Здесь оно базируется на энергии рек, низвергающихся по крутым склонам высоких отрогов Тянь-Шаня и Гиндукуша. Первые крупные гидростанции в Средней Азии были сооружены на Чирчике. Мощность первых трех ступеней равнялась 272 тысячам киловатт. Первоначальная выработка — 1,3 миллиарда киловатт-часов — в 1944 году увеличилась, так как новая Верхне-Чоткальская ГЭС регулировала сток Чирчика. Сейчас на Чирчике 11 установок общей мощностью в 1,6 миллиона киловатт. Вода горной реки отдает свой потенциал турбинам станций и одновременно орошает хлопковые поля Чирчик-Ангренского бассейна. Впрочем, и энергия станций, разлагая воды и соединяя водород с азотом в аммиачных цехах Чирчикского тукового комбината, также в последнем счете обслуживает хлопок. В конце 40-х годов искусственный шелк и лен несколько вытеснили хлопчатобумажную ткань. Рост хлопковых площадей и потребность в удобрениях уменьшились, и вследствие этого на Чирчике за счет удобрильной электрохимии стала развиваться электрометаллургия (Алмалык). После того как хлопководы вывели современные тонковолокнистые сорта и научились комбинировать хлопок с другими видами волокна, производство синтетического аммиака не сокращается, хотя и отстает от среднеазиатской цветной электрометаллургии.

Еще более мощные установки, чем на Чирчике, сооружены в пятом и шестом пятилетиях на Нарыне и Вахше. В

шестом пятилетии мы приступили к осуществлению гидро-энергетической схемы Памира, где сложная система переброски рек в другие бассейны позволяет использовать пятикилометровые напоры и получить неслыханные мощности.

Мне удалось увидеть картину строительства одной из станций на Памире. Стройка началась весной. Площадка находится в котловине, окруженной неприступными отвесными скалами. Здесь должно быть устроено верхнее водохранилище каскада. Станция будет автоматической и телеуправляемой, и после пуска здесь не останется ни одного человека. Поэтому дорога к станции не сооружается. Все строительные материалы были подвезены сюда на дирижаблях, так как автожиры недостаточно грузоподъемны, а аэропланы не могут совершить посадку в этой котловине.

Сейчас строительные работы и монтаж машинного зала уже закончились, и через месяц станция должна быть пущена. Срок строительства — 7 месяцев — не так уж велик, если принять во внимание, что сложная механизация отсутствовала и работали здесь старыми стройкомбайнами, хотя и телеуправляемыми, но не полностью автоматизированными. Сейчас происходит монтаж открытого распределительного устройства. Я наблюдал за работой из крановой кабины. Роль кранов выполняют дирижабли, доставившие на площадку металлические конструкции. На дирижаблях нет персонала. Ими управляет из кабины начальник крановых работ. В кабине на небольшой экран нанесена схема расположения дирижаблей, необходимая для установки конструкций. Начальник работ вынужден сам подгонять дирижабли к нужному расположению. Для этого на экран проецируются передвижения дирижаблей, и начальник передвигает их, нажимая на клавиши телеуправляющего устройства до тех пор, пока изображения не совпадут со схемой, нанесенной на экран. После этого вступает в очередь телеуправление крановыми устройствами на дирижаблях, и конструкции попадают на предназначенные им места. Конечно, это не очень высокая степень механизации по сравнению с теми стройками, где фотоэлементы, связанные с экраном, сами включают телеуправляющий автомат и передвигают

краны до тех пор, пока изображения конструкций не совмestятся на экране с заданным расположением.

В Ташкенте меня ожидала жара, которую не могли побороть климаторегулирующие установки. Во всех домах включили охладители. Было очень приятно притти в прохладный внутренний дворик гостиницы, сесть у фонтана и поболтать с кем-нибудь. Однако надо было продолжать путь, и я покинул Ташкент.

Из Средней Азии идут три электропередачи. Вдоль одной из них — красноводской — я ехал сюда. Другая соединяет среднеазиатское кольцо с Иртышем, проходя через Караганду и Коунрад. Южный Казахстан, таким образом, может получать энергию из среднеазиатских рек и алтайских.

Мой маршрут шел вдоль третьей передачи, которая была частью сети постоянного тока.

Линия высоковольтной передачи Ташкент—Куйбышев не сопровождается электрифицированной железной дорогой. Здесь, идет дорога с паровой тягой. Мне уже приходилось ездить по этой дороге. И турбовоз и вагоны изготовлены из легких сплавов. Турбина приводит в движение авиационный пропеллер. Колеса снабжены пневматическими баллонами. Скорость этого поезда — 350 километров в час. Сегодня вечером, отправив это письмо, я пойду в вагон поезда и проснусь завтра утром на берегах Волги.

4. ЕВРОПЕЙСКОЕ КОЛЬЦО

Утром поезд достиг Волги. На противоположном высоком берегу реки был виден Куйбышев. Дорога пошла по гребню десятикилометровой плотины. Справа подпертая ею Волга разлилась широким морем без берегов. Слева, глубоко внизу, была, видна сравнительно узкая лента реки. На одном краю плотины находились шлюзы, на другом — здание станции. Я много раз осматривал ее и сейчас, не останавливаясь в Куйбышеве, сразу же сел на судно, отправлявшееся в Камышин. Судно напоминало корабли Тихоокеанской пассажирской линии. Оно имело пятиметровую осадку, вмещало около тысячи пассажирских кают и приво-

дилось в движение электродвигателями. Это судно шло из Горького в Ростов-на-Дону, миновало уже шлюзы Горьковской плотины и должно было пройти через Камышинскую плотину и Волго-Донской канал.

Волжское строительство опиралось на опыт Днепра и Беломорского канала. Днепрострой был замечателен высокой концентрацией работы. При пуске Днепрогэса присутствующим, и мне в том числе, бросалось в глаза именно это обстоятельство. Концентрация напора на одной плотине, концентрация электрической мощности в генераторах по 90 тысяч лошадиных сил, концентрация различных потребителей энергии на одной площадке — все это было в начале 30-х годов новым и необыкновенно увлекательным. Позже, в 1934 году, проезжая по 32 каналам через 19 шлюзов Беломорско-Балтийского канала, я был поражен другим большим фронтом строительства, растянутого на сотни километров и включавшего десятки одновременно воздвигаемых сооружений. Возникла мысль о том, чтобы помножить Днепрострой на Беломорстрой, то есть создать такую же длинную цепь сооружений, как на канале, но чтобы она состояла из плотин и станций масштаба Днепростроя. Строительство на Волге и было Днепром, помноженным на Беломорстрой.

Реконструкция Волги началась в середине 30-х годов и охватила громадную территорию в 3 миллиона квадратных километров с населением, превышавшим уже тогда 70 миллионов человек, с 60 миллионами гектаров посевной площади и 32 тысячами километров железных дорог. Закончилась реконструкция полностью только в пятой пятилетке, когда волжские гидростанции начали давать 50—60 миллиардов киловатт-часов.

В настоящее время энергия Волги используется на следующих станциях: у выхода канала Волга — Москва находится Ивановская станция и в этом же районе Угличская и Рыбинская ГЭС, выстроенные в третьем пятилетии. Вода собирается здесь в большое Волго-Шекснинское водохранилище, и сток ее дает 1,4 миллиарда киловатт-часов в год. На Каме после Верхне-Камской ГЭС (третье пятилетие) вы-

строены еще три гидроузла. В верховьях — общее Камско-Вычегодско-Печорское водохранилище позволило сбросить часть стока Вычегды и Печоры в Каму и увеличить этим выработку энергии камских гидростанций до 11 миллиардов киловатт-часов. На Средней и Нижней Волге в 50-х годах были выстроены гидроустановки у Куйбышевской луки, у Камышина и другие. Первая из них состоит из двух станций мощностью в 3,4 миллиона киловатт, то есть в шесть Днепростроев. Плотины этих станций создали глубоководный путь по всей реке. Этот путь на севере соединился с Ленинградом после подпора Свири и Невы плотинами гидростанций и увеличения глубин в районе «Великих озер». На юге волжская магистраль соединилась с Черным морем. Плотина на Дону ниже Калача направила воды Дона самотеком через водораздел. Канал оканчивается шлюзовым спуском в Волгу высотой в 79 метров. С этой высоты ежегодно низвергаются 12 миллиардов кубометров воды. Энергия используется двумя станциями с выработкой 2,1 миллиарда киловатт-часов. Что касается Дона, то он ниже Калача, вплоть до Ростова, полностью зашлюзован.

Таким образом, мы получили в центре европейской части Союза глубоководный волжский путь в 2 748 километров, а также Окский — в 1 200 километров и Камский — в 1 248 километров. При этом волжские плотины позволили реконструировать поволжское земледелие. Нижневолжские станции оросили Заволжье и сразу же создали в этом районе устойчивый урожай в 300 миллионов пудов пшеницы с поливных площадей. Эта цифра удвоилась еще в 40-х годах. На четырех миллионах гектаров орошенной земли растет не только пшеница, но также люцерна и сеяные травы.

С тех пор прошло больше десяти лет, и сейчас еще отчетливее видны неисчислимые результаты сооружений волжских станций и Волго-Дона. Наряду с массивами орошенных полей результатом строительства было изменение транспортных условий. Волга превратилась в самую оживленную в мире водную артерию, в почти непрерывный конвейер грузов. Этот поток действительно непрерывен. На электрифицированных пристанях суда разгружаются и

нагружаются, в большинстве случаев не останавливаясь. Только в шлюзовых камерах винты судов перестают вращаться.

В Сталинграде я сошел с судна и поехал рейсовым автомобилем на восток вдоль электропередачи Днепр — Донбасс — Сталинград. В Сталино я осмотрел новые установки для бездоменного получения железа, а затем поехал на ближайший участок подземной газификации угля. Вблизи Сталино немало скважин, во всяком случае, гораздо больше, чем шахт. Переход к подземной газификации в Донбассе произошел около двадцати лет тому назад. Во втором пятилетии были построены первые экспериментальные установки. В третьем пятилетии (1938—1942 гг.) получение горючего газа из подземных скважин стало самостоятельной отраслью промышленности. В пятом-шестом пятилетиях подземная газификация стала преобладающим методом использования ископаемого топлива.

Сама идея подземной газификации была сформулирована Лениным почти полвека назад. В то время В. Рамсей предполагал газифицировать под землей пласты угля. Познакомившись с предложением Рамсея, Ленин несколькими гениальными штрихами очертил грандиозную техническую идею, которая гораздо шире, чем предложение Рамсея. В статье «Одна из великих побед техники» («Правда», 4 мая 1913 г.) Ленин говорил о полном перевороте в добыче топлива, о снижении стоимости энергии в 5—10 раз и об электрификации производства и быта на этой основе

Сейчас подземный газ стал основным видом топлива для теплоэлектроцентралей. Правда, наравне с ним еще применяется добыча угля гидромониторами, но в основном ликвидация подземных работ осуществлена при помощи газификации ископаемого топлива.

Эксплуатируемые участки не представляют интереса при осмотре. Собственно, их даже нельзя найти. Бродя по лесопарковому кольцу вокруг Сталино, я часто встречал выходявшие из-под земли трубы. Но никто не смог бы сказать, идут ли они непосредственно из горящего пласта или это коллектор газовой сети, проложенный под землей, но кое-где выходящий на поверхность.

Зато очень интересен процесс проходки новых участков. Когда я натолкнулся в тридцати километрах от Сталино на такой участок, мне вспомнился монтаж на Памире. Здесь также пользуются телеуправлением, а для получения нормативной схемы на экране — различным отражением электромагнитных волн от различных пород. Посылаемые волны, возвращаясь, дают на экране изображение точно оконтуренного участка подземного пласта. Затем телеуправляемые проходочные комбайны вгрызаются в землю, прорывают запальную галерею и скважины.

Несколько позже я получил все же возможность узнать, где находятся участки подземной газификации, увидев их на карте в домике, где помещался щит управления газовыми сетями Донбасса. Подземные газы входят в сложную систему газоснабжения электростанций, заводов и городов Донбасса. В нее же входят газовые сети металлургических заводов. На немногочисленных старых металлургических гигантах юга, где до сих пор еще существуют доменные печи, уже давно объединено газовое хозяйство цехов. В коксовых печах сжигается колошниковый газ, а газ коксовых печей идет в мартеновские и прокатные цехи и в города.

В третьем-четвертом пятилетиях газовые сети заводов Донбасса и Приднепровья были соединены в районные кольца, по которым в год проходило 50—70 миллиардов кубических метров газа. Металлургам пришлось регулировать температуру и давление газов, автоматически переводить топки с одного газа на другой, производить на большом расстоянии анализы газов, контролировать и устранять загрязнение разветвленной сети трубопроводов. Это было характерным примером новых требований к электроавтоматике. Инициатором широкой автоматизации управления газовыми сетями оказался Сталинский завод. В начале 40-х годов был построен центральный пульт управления газовыми сетями завода. Для того времени это был передовой участок техники, хотя сейчас, когда этот пульт помещен в Политехнический музей в Сталино, где я его осматривал, он производит впечатление глубоко архаичного устройства. Представьте себе большой щит, на котором показана в

красках вся схема газовых сетей и помещены указатели калорийности газа в каждой точке, его температуры, давления и т. д. Перед щитом должен был сидеть специальный работник, который собственными глазами следил за приборами, переключал, в случае надобности, печи с одного газа на другой, регулировал поступление газа и т. д. Даже в то время не все считали передовой такую технику. В Сталино до сих пор помнят шум, поднявшийся вокруг помещенного в местной газете фельетона «Телеуправляемый баобаб или Тартарен на Альпах автоматики». Этот фельетон выразил чувства значительной части инженеров Сталинского завода. Полемические выступления и технические споры перешли в длительную исследовательскую работу, и в 1948 году удалось, наконец, установить полностью автоматизированное управление газовыми сетями, где указатели калорийности, температуры, давления и т. п. были связаны через фотоэлементы и тиратроны с автоматами переключения и регулирования. К этому щиту я и подъехал, осматривая окрестности Сталино. Больше всего меня поразил тот факт — и это действительно характерно для современного Донбасса, — что рядом помещался центральный пульт большого зернового предприятия. Трубы газовых сетей проложены под цветущими садами, огородами и полями Донбасса. После реконструкции водоснабжения Донбасс стал одним из основных сельскохозяйственных районов юга. В особенности Сталино прославилось небывалыми урожаями пшеницы, собираемыми с окружающих его полей.

Людей моего поколения, помнящих былую противоположность между городом и деревней, поражает, естественно, объединение почти под одной крышей щита управления донецкими газовыми сетями и пульта управления земледельческих предприятий Сталино.

Помещение пульта представляло собой просторную светлую комнату. Стеклянная стена позволяла видеть густой парк, доходивший до днепровского песчаного пляжа. Противоположная стена была занята большой схематической картой участка. Перемещение освещенного кружка соответствовало движению каждого из десяти работавших

агрегатов. Над картой висел небольшой экран. На нем могло появиться изображение любого агрегата. Каждый агрегат управлялся особым щитком с кнопками, включавшими его многочисленные моторы.

Из Донбасса в Москву я поехал по сверхмагистрале вдоль высоковольтной передачи. Все поезда на магистрале идут по параллельному графику, и эта дорога является самым медленным видом пассажирского сообщения. Зато она перевозит грузов в пять раз больше, чем обычные дороги. Все же я рассчитал, что если бы все поезда везли топливо, например, донецкий уголь, то и в этом случае энергия топлива, которую дорога таким образом передавала бы на север, была бы меньше, чем энергия, передаваемая по сталь-алюминиевому проводу высоковольтной линии Донбасс — Москва. Следовательно, если говорить о переброске энергии, то электропередача — это более мощный вид транспорта, чем железная дорога.

Сейчас я в Москве. Чтобы закончить путешествие вдоль европейского высоковольтного кольца, мне остается только проехать от Москвы до Куйбышева. Это будет началом большого путешествия на восток. Я опишу его в следующей корреспонденции. Поеду я по старой автострате, но воспользуюсь новым, только что введенным здесь видом дальнего транспорта — автоматическим электробусом без водителя.

5. СИБИРЬ

Я последним вошел в электробус восточной линии. Фотоэлектрический счетчик повернул стрелку указателя на деление, отмеченное движком. Этот счетчик управляет пуском машины после остановок в пути. Он отпускает тормоза, когда в машину войдут все пассажиры. В Москве и на основных станциях машину удерживает другой тормоз, выключаемый по радио из диспетчерской в минуту, указанную расписанием.

Машины отходят каждые пятнадцать минут.

Машина тронулась и пошла очень быстро. Впереди развевалась широкая страда, покрытая желтоватым мато-

вым составом. По сторонам стоял дремучий лес. Пересекавшие страду дороги проходили под ней в тоннелях.

Вскоре показался Куйбышев, где я был совсем недавно. На левом берегу Волги находился пункт, где к высоковольтному кольцу, соединявшему Москву, Волгу и Украину, примыкала электронная магистраль на восток. В дальнейшем страда пошла вдоль этой магистрали по направлению к Уралу. Меня поразило обилие воды. Один за другим появлялись каналы, водохранилища, акведуки, плотины. Непрерывная шеренга гидротехнических сооружений, набережных, мостов, электрифицированных предприятий и садов тянулась от Волги к Уралу и дальше по Сибири.

В Челябинске я остановился на несколько дней и летал в Магнитогорск, а затем в Свердловск и дальше на север. Эти полеты позволили оценить все значение электропередачи для индустриального развития Урала. Сейчас на Урале добываются сотни различных ископаемых. Большинство их является сырьем для электроемких производств. Впрочем, и старая уральская черная металлургия уже давно стала электроемким производством благодаря электро-доменному процессу, плавке железа и стали непосредственно из руды, распространению высокочастотных печей и т. д. Энергетические ресурсы Урала не обеспечили бы освоения его рудных богатств без переброски энергии из Сибири и в первую очередь из восточной части Урало-Кузнецкого комбината.

Когда автострада спустилась с Урала, гидротехнических сооружений стало еще больше. Они были частью осуществленной в продолжение пятой и шестой пятилеток гидротехнической системы Сибири и Казахстана. Эта система перебрасывает воду из бассейна Ледовитого океана в бассейны Каспийского и Аральского морей и казахстанских озер.

Проехав через Курган, Омск и Новосибирск, я остановился в Кузнецком бассейне, где осмотрел большие предприятия в Кузнецке и Кемерово. Уголь здесь далеко не везде сжигается в пластах, значительная часть его добывается гидромониторами и экскаваторами. Уголь этот поступает на обогатительные фабрики, в коксовые печи и на заводы искусственного жидкого топлива. Отходы этих производств

— штыб, шламы, полукокс — сгорают в топках теплоэлектроцентралей. Летом, когда теплоэлектроцентрали нагружены слабо, электроснабжение Кузнецкого бассейна базируется на гидроэнергии.

Крупные гидростанции расположены недалеко от Кузнецкого бассейна, в Северном Казахстане. Наиболее мощные установки выстроены на Иртыше. Их восемь, мощностью свыше 2,5 миллиона киловатт и с выработкой около 15 миллиардов киловатт-часов. Самая старая из них — Усть-Каменогорская ГЭС мощностью в 300 тысяч киловатт, с выработкой 1,5 миллиарда киловатт-часов — начала строиться еще в третьем пятилетии. Плотины станций создали глубоководный путь по Иртышу. Они же обеспечили самоотечное орошение 452 тысяч гектаров пшеничных и свекловичных массивов Бель-Агач-Коростельской степи, прииртышской полосы Кулундинской степи — 320 тысяч гектаров и Южно-Иртышской степи — 965 тысяч гектаров.

Наконец, машина подошла к Иркутску. Я вышел и направился к находившемуся невдалеке аэродрому. Хотелось сразу осмотреть знаменитые ангарские гидростанции. Небольшой самолет регулярно совершал круговой рейс над основными сооружениями. Я подождал, и через двадцать минут мог наблюдать расстилавшуюся внизу панораму ангарского района. Самолет шел очень низко над Ангарой. Было хорошо видно скалистое дно реки. Появилась Братская гидростанция мощностью в 2,5 миллиона киловатт. Дальше шли почти такие же большие станции в нижнем течении Ангары и на Енисее. Всего здесь работает 11 гидроустановок, которые дают 75 миллиардов киловатт-часов в год. Большая часть этой энергии, идет на электрохимию и электрометаллургию. Чтобы дать представление о значении Ангары для новой технологии, достаточно указать, что продукция этих отраслей в Ангаро-Енисейском комплексе уже в 1953 году превысила продукцию всего остального мира.

Сооружение Ангарской станции и заводов явилось переломным моментом в начавшейся гораздо раньше перестройке экономической географии мира. В 30-х годах преобладание по гидроэнергии, спецсталим, алюминию, пласт-

массам и синтетической ткани еще не означало бы, что данный район стал индустриальным центром мирового значения, но сейчас именно водород, а не уголь, электросталь и алюминий, а не железо, синтетический шелк, а не хлопок решают дело. Индустриальное развитие Сибири связано с новой технологией, воплотившей в производственную практику великие физико-химические открытия первой половины нашего века.

После станций нужно было побывать на Иркутском алюминиевом комбинате. По аллее, окаймленной столетними кедрами, я дошел до электролитического цеха. Везде бросалась в глаза абсолютная чистота территорий, зданий и воздуха, что свидетельствовало об отсутствии потерь вещества. Нормальная температура указывала на отсутствие тепловых потерь. В электролитическом цехе работало сравнительно много инженеров — человек десять. Но ни один из них не регулировал работу автоматов. Уйди они из цеха — работа продолжалась бы столь же четко. Я спросил одного из них о характере работы инженеров в этом полностью автоматизированном цехе.

— Здесь идет самая напряженная работа, — отвечал он. — У нас тут нет ни одной свободной минуты. В других, менее автоматизированных цехах еще можно кое-когда спокойно наблюдать за ходом процесса. У нас об этом не думаешь.

— А что же вы делаете?

— То, чего не могут делать машины.

— Но у вас тут машины, кажется, все могут делать, — возразил я.

— Как сказать! Электролитические ванны автоматически наполняются, автоматически включается ток; по получении жидкого алюминия последний сам выливается в формы. Когда металл остывает, термоэлементы раскрывают формы и ставят литье на конвейер. Но машины не могут сами перейти к другому процессу, более совершенному. Мы здесь и наблюдаем за производством, с тем, чтобы непрерывно переходить к улучшенным технологическим процессам. Сегодня, например, мы решили, каким образом пони-

зять силу тока в ваннах, и это сэкономит около 500 киловатт-часов на тонну металла.

Будучи в Братске, я совершил короткую, но интересную поездку на север вдоль линии переменного тока. Эта линия после Лены раздваивается на два направления. Я избрал то, которое идет к Индигирке. На берегу океана находятся бутанные станции, сыгравшие громадную роль в освоении севера. Они используют полярный холод для получения тепла, света и силовой энергии. Предложение Бархо, то есть использование разности температур арктического воздуха (примерно, — 40 градусов) и воды подо льдом (от 0 до 4 градусов) не получило на Западе сколько-нибудь широкого применения. У нас арктические станции насчитываются сейчас сотнями. Они снабжают энергией почти все предприятия, небольшие города и зимовки советского севера.

Устройство арктической бутанной станции несложно. Подо льдом находится резервуар, где бутан смешивается с ледяной, но сравнительно «теплой» водой (бутан не растворяется в воде). Здесь бутан кипит, и пары его идут в турбину, а затем в конденсатор. В последнем бутан охлаждается не непосредственно воздухом, а особым холодильным раствором, замороженным на воздухе.

В свое время предложили присоединять бутанные установки к обычным тепловым станциям. Это было реализовано в Кузбассе и в районах добычи золота. Здесь бутан в зимнее время испарялся теплом конденсирующегося водяного пара. Подобным же образом была осуществлена нижняя ступень Московской квартирной станции.

Вернувшись в Братск, я встретил там Ирину Геворкян, знаменитую изобретательницу нового метода получения металлического линния. Затем поехал дальше, на Дальний Восток. Здесь самым интересным было новое устье Амура. В продолжение тысячелетий, вплоть до конца 40-х годов нашего века, течение Амура, подходя почти вплотную к океану, поворачивало на север, и Амур впадал в океан севернее, там, где океан замерзает. Амурская плотина направила течение великой реки в незамерзающую часть океана, создала энергетический центр миллионной мощности и углубила водный путь по Амуру.

6. ФОТОЭЛЕМЕНТЫ И АВТОМАТИЗАЦИЯ

После объезда гидростанций я не мог представить себе другого столь же интересного маршрута. Но судьба готовила мне новое, не менее увлекательное путешествие. Начать с того, что сейчас оканчиваются последние сутки 1960 года, а 1 января 1961 года я вылетел из Владивостока сюда, в Москву.

Во Владивостоке я остался после путешествия вдоль единой высоковольтной сети и прожил там до декабря. В декабре я получил сообщение о том, что мне придется быть единственным корреспондентом, единственным пассажиром и вообще единственным человеком на автоматическом стратоплане «СССР-280» при первом его полете, приуроченном к новогодней ночи.

Автоматический перелет в стратосфере является вершиной современной техники. Здесь объединились два самых крупных технических достижения середины века — завершение автоматизации и переход к новой металлической базе.

Предпосылкой автоматизации автотранспорта и авиации был переход от двигателя внутреннего сгорания к электромотору. В начале 40-х годов на автомобилях обычно устанавливались поршневые водородные моторы, а позже водородные турбины. Переход к водороду был продиктован охраной чистоты городского воздуха. Но и с энергетической стороны водород был самым рациональным топливом. В эти годы топливо рассматривали как аккумулятор энергии и сравнивали различные виды топлива со стороны коэффициента полезного действия аккумулирования, портативности аккумуляторов и т. д. В этом отношении водород, который может, сгорая, отдать с высоким коэффициентом полезного действия энергию, затраченную при электролизе воды, далеко превосходил другие виды топлива. На автомобилях водородные двигатели господствовали почти безраздельно, но в авиации они были распространены гораздо меньше.

Когда строили большую транссибирскую автостраду, предполагали, что по ней будут ходить машины с водород-

ными двигателями. Были запроектированы колонки для газа, газохранилища, ремонтные мастерские и другие механизмы. Они оказались ненужными после открытия внутриа-томной аккумуляции (1948 г). На основе этого открытия были получены легкие аккумуляторы. Каждый из них весил около двух килограммов и аккумулировал несколько сот тысяч киловатт-часов, иными словами, мог служить без перезарядки источником энергии для стосильной машины, непрерывно работающей в течение нескольких месяцев.

После этого водородные двигатели, да и вообще двигатели внутреннего сгорания на автотранспорте и в авиации, стали вытесняться электродвигателями. Переход к электродвигателю был первой предпосылкой автоматизации. Второй предпосылкой было осуществленное еще в 30-х годах электрифицированное управление самолетами и автомобилями. Нужна была третья предпосылка — абсолютно надежные и быстро действующие фотореле,— и задача полной автоматизации могла быть решена.

Я хорошо знал создателя безинертных фотореле — Сергея Амосова, когда он учился в Московском энергетическом институте на электрофизическом факультете. Уже в вузе он был охвачен одной идеей— идеей автоматизации производства. Он физически страдал, когда видел изнурительный механический, нетворческий труд. В Энергетическом институте Амосов занялся вакуумными приборами. По окончании института он был командирован в Америку. Здесь Амосову пришлось встретиться с первыми применениями фотоэлементов.

Фотоэлементы того времени состояли из светочувствительной пластинки, с поверхности которой под влиянием света срываются электроны, в силу чего возникает слабый электрический ток, усиливающийся во много раз и включающий электрическую цепь¹.

¹ Обычные фотореле представляли собой электронную трубку со светочувствительным катодом. Последний испускает электронную эмиссию, пропорциональную световому потоку. Установка с пилотронами повышает ток реле до такой степени, что-

Сергей Амосов был на Чикагской выставке и видел, как под влиянием луча показавшейся звезды фотоэлементы включали освещение и силовые установки выставки. Он видел, как на американских фабриках фотоэлементы автоматически бракуют слишком прозрачную бумагу, регулируют работу котельных по цвету дыма, сортируют сигары, кофе и апельсины, включают свет в витринах при появлении прохожих и т. д.

По возвращении в СССР, Амосов поставил перед собой задачу сделать электровакуумные приборы, тиратроны и фотоэлементы орудием для полной автоматизации всех основных технических операций. 40-е годы были годами «электровакуумной революции» в технике. Здесь широко развернулись природные способности Амосова. В конце концов ему удалось изобрести носящее его имя безинертное реле, которое реагировало на любые возбуждения (световые любых частот, тепловые, звуковые) неизмеримо быстрее и точнее, чем человек.

Реле Амосова решили проблему автоматического воздушного транспорта. Уже в 30—40-х годах была разработана система автоматического постоянства курса самолета и его продольной устойчивости. Звуковые и световые сигналы действовали на реле управления, как только самолет отклонялся от правильного курса. На самолетах были установле-

бы он мог включить контактор. Усилитель и контактор часто помещались в стороне от фотореле. Такая установка действовала в течение 0,1 секунды. Наряду с фотореле применялись тиратроны в виде трех электродных ламп, наполненных парами ртути. В сущности это были ртутные выпрямители с регулирующей сеткой. Даже самый слабый ток в сетке (меньше 0,000 000 000 000 000 001 вольта) приводил тиратроны в действие. Очень часто фотореле соединяли с тиратроном, то-есть ток, вызванный светом в фотореле, пропускали через сетку тиратрона и изменением этого тока регулировали ток, протекающий через тиратрон.

ны жиро­скопы, и каж­дое от­кло­не­ние са­мо­ле­та от нор­маль­ной оси вклю­ча­ло мо­то­ры про­дол­ной ста­би­ли­за­ции. Но все это лишь по­мо­га­ло пи­ло­ту и в край­нем слу­чае по­зво­ля­ло ле­тать без пи­ло­та с боль­шой опа­ской. Пе­ре­лом был вы­зван безынертными реле. Они обес­пе­чи­ва­ли аб­со­лют­ную точ­ность и бе­зо­па­с­ность по­ле­та.

В свое время большой интерес был вызван кругосветным беспосадочным перелетом автоматических самолетов. Облетев без пилотов земной шар, самолеты 14 августа 1955 года влетели в свои ангары. Во время их полета взгляды всех граждан Союза были прикованы к телевизорам. Наконец, теперь было решено пустить автоматический воздушный корабль без водителя в стратосферу. В первый рейс не брали пассажиров. Я был единственным обитателем корабля.

Опишу в двух словах внешний вид и устройство «СССР-280». Он имеет вид сплюснутой сигары около трехсот метров длины и ста метров ширины. Высота его в самом высоком месте — 30 метров. По своей величине «СССР-280» значительно превышает существующие стратопланы. Рассчитанный на кругосветные и вообще длительные путешествия, он напоминает летающий корабль только в том случае, если под кораблем подразумевать океанское судно с большой электростанцией, площадками, салонами, кафэ, множеством кают, бассейном, концертным холлом и библиотекой. В передней части «СССР-280» расположен машинный зал. Здесь стоит пять электродвигателей по 10 тысяч киловатт каждый. Корабль движется со скоростью от 1 000 до 1 500 километров в час на высоте 20— 40 километров. Сервомоторы, то есть электродвигатели, приводящие в движение рычаги управления и прочее оборудование центральной кабины, соединены с одной стороны с фотоэлектрической рубкой, а с другой — с радиоприборами. Я сидел почти все время в библиотеке, читал, вспоминал прошлое, думал о будущем. Обстановка благоприятствует техническим и историческим обобщениям, навеянным автоматической техникой «СССР-280».

7. ЛИННИЙ

Автоматизм это только одно из технических достижений, реализованных в этом стратоплане. Он не мог бы двигаться со скоростью, превышающей на параллели Москвы скорость вращения земли, если бы не был сделан из нового металла, именно из линниевых сплава, если бы этот металл не был получен новыми путями, если бы современная техника не создала новую металлическую базу для машиностроения.

Мне кажется, что переход к новым металлам и, в частности, получение линния разложением атомных ядер связаны с самыми основными вопросами современной коммунистической культуры.

В самом деле. Сейчас уже уничтожена противоположность между умственным и физическим трудом. Давно уже нет рабочих, не получивших высшего технического образования. С другой стороны, на передовых предприятиях вмешательство в работу автоматов рассматривается как пережиток прошлого. Современные фотоуправляемые машины могут сами начинать работать, останавливаться, изменять скорость, направление, напряжение, давление, температуру, освещение и т. д. — без человека, повинаясь ритму технологического процесса. На Ангарском комбинате я видел, что эти машины могут делать все, кроме единственного: они не могут изменять объем производства и переходить к другому технологическому процессу. Именно эта подлинно творческая и революционная функция стала основной производственной функцией людей, после того как фотоэлементы завершили автоматизацию.

В значительной степени стерлась грань между эксплуатацией и реконструкцией. Исчез разрыв между промышленной лабораторией, вырабатывающей новый технологический метод, и производственным цехом. Мысль работника, освобожденная от заботы об автоматической работе машин, направилась по пути творческих поисков все более совершенных конструкций и процессов. Отсюда непрерывное и

непрерывно ускоряющееся нарастание производительности труда и власти человека над природой.

Этот безостановочный взлет стал нормальным состоянием советских граждан. Как смешны сейчас мещанские тревоги и прогнозы о «пресыщении» свободного и счастливого человечества! Сталинская эпоха ежедневно приносит нам новые и новые победы. Их сила, масштаб и значение непрерывно растут. Непрерывный рост наших потребностей, наших знаний, силы нашего творчества, нашей власти над природой делают неувыдаемым и свежим ощущение счастья и глубокой благодарности великому творцу коммунизма.

Непрерывная технологическая реконструкция ведется людьми нового типа. После уничтожения противоположности между умственным и физическим трудом, после подъема культурно-технического уровня рабочих до уровня инженерно-технических работников на наших глазах решается другая задача. Мы можем говорить о подъеме всех работников на уровень Эдисона и других гениальных новаторов техники. В наше время уничтожается деление людей на инженеров-эксплуатационников и инженеров-новаторов. Это началось первым поколением стахановцев. Сейчас происходят непрерывные коренные изменения в самом технологическом процессе, привлекаются все новые и новые виды сырья и возникают новые виды продукции. С этим связан глубокий политехницизм, характеризующий современного инженера. В основе всех отраслей все осязательнее проступают единые физико-технические принципы и законы. Это принципы и законы электричества, и поэтому сейчас прямо или косвенно все инженеры Союза являются электрификаторами.

Действительно, все они решают основную проблему нынешнего этапа электрификации. Она сводится к следующему. Молодая рациональная технология отказывается от характерного для старой техники химического расточения энергии. Ликвидируется противоречие между энергетическим балансом реакции и энергетическим балансом ее инженерного оформления. Ведь раньше обычно процесс, ко-

торый выделял энергию, технически осуществлялся таким образом, что требовал энергии со стороны. Вместе с этим старые низкие потенциалы — напряжения, температуры и т. п. — были источниками больших энергетических потерь. Нам бы пришлось вырабатывать триллионы киловатт-часов, чтобы дать современную промышленную продукцию при старых нормах потребления энергии.

Примером новых технических задач и их энергетического значения является получение линния путем бомбардировки атомных ядер углерода, достигнутое Ириной Геворкян в 1957 году.

Ирина Геворкян родилась в 1938 году. Когда она начала работать на Ангарском алюминиевом комбинате, даже кнопочный пульт стал анахронизмом. Проблемы, волновавшие поколение Сергея Амосова, были уже решены. Ирина заинтересовалась вопросами экономики сырья и энергии. Она поставила перед собой задачу перейти от электролитического получения линния ², требовавшего тогда 50 тысяч киловатт-часов на тонну и ценного и редкого сырья, к более экономному способу. В это время сильные магнитные поля уже позволили получить целый ряд металлов электронной бомбардировкой. Освобождение внутриатомной энергии не открыло еще человечеству этого неисчерпаемого энергетического источника. Получение энергии путем бомбардировки ядра, когда распад его вызывается лишь ничтожной частью затраченной энергии, нерационально. Получается приблизительно столько же энергии, сколько ее затрачивается на бомбардировку. Но это позволило, во-первых, решить проблему аккумуляирования энергии и, во-вторых, превращать элементы один в другой с совершенно незначительными затратами энергии или даже с «даровым» получением новой энергии. Процесс Ирины Геворкян использует сложный и

² Линний был открыт в СССР в 1954 году при разработке месторождений бериллия, который он напоминает своим внешним видом и некоторыми физическими и химическими свойствами.

многократный распад ядер, так как непосредственное превращение требует редкого и дорогого сырья. Освобождающаяся энергия несколько меньше затраченной, и на тонну линния приходится тратить около 600 киловатт-часов.

По сравнению с электролитическим процессом затрата энергии уменьшилась в сто раз. Поэтому линниевые сплавы стали основой новой машинной техники.

Что дал линний машиностроению? Он в три раза легче алюминия, он превосходит другие металлы по упругости, твердости, сопротивлению на разрыв, изгиб и сжатие. Он отличается высокой электропроводностью. Поэтому внедрение линния вызвало переворот в технической оснастке всех отраслей хозяйства. Был построен проволочный мост через Неву, о котором мечтали тридцать лет тому назад. Новые электропередачи со своими легкими, изящными мачтами строятся из линния.

Линниевые конструкции преобразили облик машин, зданий, мостов, дорог и авиации. Какими тяжелыми кажутся теперь не только Эйфелева башня, но даже мачты транссибирской передачи!

Но дело не только в этом, изобретение Ирины Геворкян является началом новой главы в истории техники. Мы ведь еще не завершили химизацию производства. Мы еще не можем построить любую молекулу из составляющих ее атомов и получить, таким образом, любое сложное вещество из его элементов, взятых откуда угодно. Правда, уже давно мы носим синтетические шелковые ткани из древесины. С давних времен мы получаем синтетический бензин, каучук и т. д. Но этот процесс еще далеко не закончен.

Между тем открывается новая возможность — строить и создавать не только молекулы, но и самые атомы. Изобретение Ирины Геворкян именно в этом и заключается. В будущем мы будем создавать все из всего, будем составлять любые атомы и любые молекулы из первичных известных нам кирпичей мироздания — электронов, нейтронов и т. п.

Новая технология не только вырабатывала продукцию при несравненно меньших затратах энергии. Сама продукция была рычагом для решительного снижения необходи-

мой энергии и мощности. Время тяжелых и грозных конструкций прошло. Особенно ярко это видно на примере транспорта. Изобретение Ирины Геворкян позволило уменьшить вес автомобилей до 200 килограммов. Что же касается до рутений — роди-линниевского сплава, то сделанные из него новейшие машины обладают весом в 50 — 80 килограммов и их десятицильные моторы обеспечивают двухсоткилометровую скорость на обычных дорогах и четырехсоткилометровую — на специальных. В свою очередь и высокие скорости уменьшили вес конструкций. С переходом скорости самолетов за 1 000 километров в час, отпала какая-либо необходимость в крыльях. Сопротивления самой кабины при такой скорости достаточно, чтобы поддерживать самолет в воздухе.

Я рассказал о технических предпосылках автоматического полета в стратосферу и о значении этих предпосылок для современной культуры и техники. Что же сказать о самом перелете? В том-то и все дело, что он не отличался от обычного. Отсутствие водителя никак не сказалось на характере полета. Но что чувствовалось в полете и особенно в конце его — это необычайная скорость движения.

8. СОРОК ЛЕТ ЭЛЕКТРИФИКАЦИИ

Под стратопланом быстро проносились районы Сибири. «СССР-280» придерживался трассы восточной высоковольтной магистрали. С высоты 30 километров ночью можно было очень наглядно видеть тяготение производства к электропередаче. При ночном полете над Сибирью земля кажется перевернутым звездным небом. Миллионы огненных точек, приближаясь к трассе электропередач, становятся все гуще и сливаются в светящийся потолок — наш земной млечный путь. Линии освещенных плотин Ангары сменились искусственными солнцами цитрусовых рощ Сибири и, наконец, огнями Урала.

Я вспоминал сорокалетний путь электрификации. Панограма сверкающей страны напомнила по контрасту книжку Герберта Уэллса «Россия во мгле». В библиотеке страто-

плана эта книжка стояла на полке рядом с томиком плана ГОЭЛРО. Книжка Уэллса описывает его приезд в Россию в 1920 году. Наша страна переживала тяжелую зиму: фронты, разруха, голод, эпидемии... «К 1920 году Россия представляла собой еще невиданную картину современной цивилизации, находящейся в состоянии полнейшего упадка. Железные дороги ржавели и постепенно выходили из употребления, города разрушались», записал Уэллс в свой блокнот.

В это время партия Ленина — Сталина выдвинула смелую идею электрификации советских республик. Сейчас, в связи с годовщиной ГОЭЛРО, многие вспоминают письмо Ленина в январе 1920 года, где Ильич предлагал: «...в 10 (5) лет построим 20 — 30 (30 — 50) станций, чтобы всю страну усеять центрами на 400 (или 200, если не осилим больше) верст радиусом, на торфе, на воде, на сланце, на угле, на нефти...». В том же году государственная комиссия по электрификации России (ГОЭЛРО), согласно указаниям Владимира Ильича, разработала план электрификации, утвержденный VIII съездом советов. Этот план Ленин считал второй программой партии. Великий соратник Ильича Сталин называл план ГОЭЛРО «единственной в наши дни марксистской попыткой подведения под советскую надстройку хозяйственно отсталой России действительно реальной и единственно возможной при нынешних условиях технической базы».

В книжке Уэллса есть глава, которая называется «Кремлевский мечтатель» («The dreamer in the Kremlin».) Здесь описана встреча с Лениным. Следующий отрывок посвящен электрификации:

«Ленин хоть и отрицает, как правоверный марксист, всякие утопии, но в конце концов сам вдался в электрическую утопию. Он всеми силами поддерживает план организации в России гигантских электрических станций, которые должны обслуживать целые области светом и силовой энергией для транспорта и промышленности. Он уверял меня, что в двух районах это уже осуществлено. Можно ли вообразить более смелый проект в обширной плоской стране с бесконечными лесами и неграмотными мужиками, с ни-

чтожным развитием техники и умирающей промышленностью и торговлей? Такого рода электрификация существует уже в Голландии, говорили о ней и в Англии, и весьма возможно, что в этих густонаселенных и промышленно развитых странах она увенчается успехом и окажется делом полезным и экономным. Но вообразить себе применение ее в России можно лишь с помощью очень богатой фантазии. Я лично ничего подобного представить себе не могу. Но этот маленький человек в Кремле, по-видимому, может...»

Чем дальше отходит от нас время, когда Уэллс писал эти строки, тем комичнее становится положение действительно маленького человека — автора фантастических утопий, которому не хватило воображения для того, чтобы понять творческую мечту гиганта. Сейчас, во времена развернутого коммунизма, мы с гордостью вспоминаем ленинскую формулу: «Коммунизм—это есть советская власть плюс электрификация». Ленинский замысел выполнен. Весь мир увидел, что большевики — это особые люди и мечты у них особое. Они претворяют свои мечты в планы. Они превращают идеалы лучших умов человечества в твердые научно обоснованные проекты и по этим проектам изменяют и обновляют лицо нашей старой планеты. Наши мечты — исходный пункт переделки мира, они развиваются в планы и проекты и затем осуществляются. В этом смысле вполне правильно написано в майском номере «Электричества», который я также перелистал и который был посвящен годовщине пуска волжских гидростанций: «В СССР мечта — это начальная стадия проектирования» («Электричество», 1960, III, стр. 14).

ЗЕЛЕНЫЙ ГОРОД

И Колтун

Поезд
давно убежал назад,
пыль поднялась столбом.
Вот он — город —
зеленый сад,
листья шумят кругом.

Дома поднялись
из железобетона
там, где степь
лежала вчера.
Ночью среди яблонь,
анаций и кленов
круглые лампы
как луны горят.

Здесь с утра
по гудку заводскому
люди выходят, —
работать пора!
Новые люди
из каждого дома
Республику строить
выходят с утра.

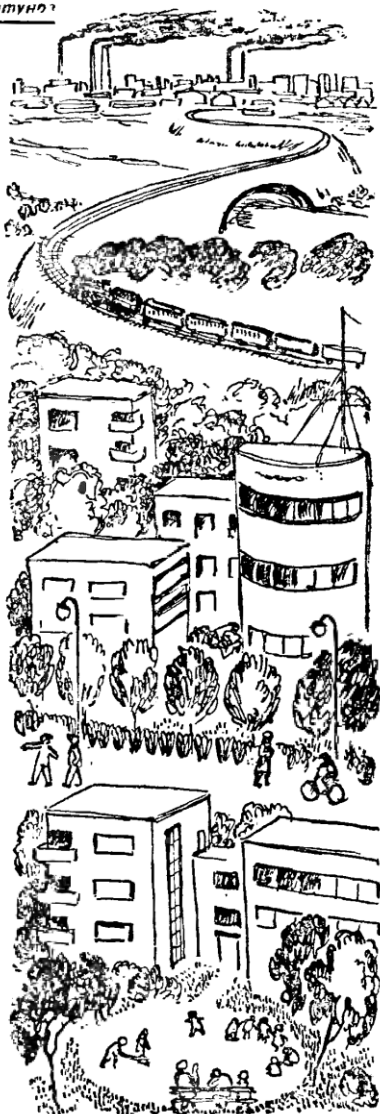
Дети выходят, —
здоровые дети.
В легкий воздух
смелый набирай!
В нашей Республике,
первой на свете,
работы еще
непечатый край!

Так везде мы
работать должны,
чтоб с этим городом
в ряд —

каждый город
нашей страны
был бы —
зеленый сад!

К этой работе
каждый готов.
Мы выполним план
сполна.

Железную волею
большевиков
неузнаваемой станет
страна!

Ж. «Юные ударники», 1931-1932, № 9-10

П. ИГНАТЬЕВ

ВОЗДУШНЫЙ ТРОЛЛЕЙБУС

Фантастический очерк

Рисунки Н. Елизарова

П. ИГНАТЬЕВ

Рисунки Н. ЕЛИЗАРОВА

По обеим сторонам дороги, имеющей в ширину 14 м, расставлены высокие ферменные столбы. Они имеют форму буквы «Г» и обращены своими верхними рейками в сторону дороги. На этих рейках подвешены электропровода.

Что это — трамвайный путь, дорога для электропоездов? Но тогда почему не видно рельсов? Если здесь ходят троллейбусы, то почему электропровода не сворачивают вместе с дорогой, а идут прямо через поля, огороды, пересекают реки?

Ни поезда, ни троллейбусы здесь не ходят. Это подвесное «воздушное» полотно будущей электрической аэродороги.

Вместо поездов и вагонов здесь курсируют с огромной скоростью — до 500 км в час — электросамолеты. В отличие от обычных аэропланов электросамолеты вместо бензинового мотора имеют электромоторы. — Электросамолет, или «воздушный троллейбус», не нуждается в запасе горючего, и поэтому не имеет бензиновых баков. Он получает энергию от электропроводов. Такой самолет обладает

большой полезной грузоподъемностью и может поднять почти вдвое больше пассажиров, чем такой же бензиновый самолет.

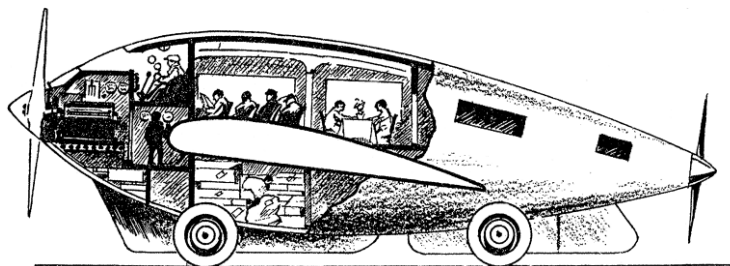
Воздушный троллейбус имеет четырехколесное шасси. Два передние колеса — управляемые, так же как в автомобиле. Эта необходимо для правильной пробежки самолета при взлете и посадке, Размах крыльев его 10—12 м.

Как же летает такой самолет? На концах его крыльев имеется механизм с выдвижными трубками. На трубках — ролики. Эти ролики примыкают к электропроводам.

Таким образом, самолет снизу прижимается своими крыльями к воздушной проводке, и в таком положении совершает полет.

На «вокзале», представляющем собой взлетную площадку длиной в 100—150 м, электропроводка проходит на уровне крыльев самолета, а затем электропровода поднимаются кверху и тянутся уже на нормальной высоте.

Такие воздушные троллейбусы смогут летать в самых скверных метеорологических условиях (туман, дождь, снег). Путешествие в них будет более безопасным, чем в обычных самолетах.

И. МАЗУРУК

НЕЗАРЕГИСТРИРОВАННЫЙ РЕКОРД

Фантастический рассказ

НЕЗАРЕГИСТРИРОВАННЫЙ РЕКОРД

Фантастический рассказ

Это случилось в 194... году. С тех пор прошло уже пять лет. Мириам успела много раз побывать на обоих полюсах, совершить скоростной беспосадочный полет вокруг света, проплыть на сферическом аэростате до мыса Доброй Надежды.

В таблице международных женских рекордов часто встречается имя Героя Советского Союза Мириам Исмаиловой.

Но когда Мириам просят поделиться воспоминаниями о самом интересном из ее перелетов, она рассказывает о воздушном рейсе Москва — Сан-Франциско — о своем первом, нигде не зарегистрированном рекорде.

В один из зимних вечеров я зашел к Мириам. Мириам живет в недавно выстроенном дворце «Покорителей воздуха». Лифт быстро поднял меня на 52-й этаж.

Хозяйка обрадовалась мне, она любила слушать повествования о тех временах, когда обыкновенные полеты наших дней считались мировыми достижениями.

Но на этот раз я предупредил Мириам, что буду только слушать. Слушать ее пение, ее игру на рояле, ее рассказы. На последнем я особенно настаивал: в моем присутствии она еще ни разу не делилась воспоминаниями о своих полетах.

— Желание гостя — закон, — засмеялась Мириам.

...В гостиной было очень уютно. Я с удовольствием уселся в мягкое удобное кресло и приготовился слушать.

За окном бушевала метель.

Мириам села за рояль, и под собственный аккомпанемент запела.

Я залюбовался ею. Большие глаза освещают узкое смуглое лицо. Черные, широко раскинувшиеся брови сходятся на переносице. Они говорят о воле, о решительности. Рот по-детски нежен. Но губы сжаты упрямо. Такая никогда не откажется от своего слова, никогда не отступит от намеченной цели. На вид она хрупкая, а сколько сил таится в ней!

Невольно я задумался о чудесных девушках, возвращенных нашей страной. О девушках, таких, как Мириам.

Мириам кончила петь. Несколько минут она молчала. Молчал и я. Потом она встала из-за рояля, уселась в кресло и, не ожидая моей просьбы, начала.

— Я работала летчиком-испытателем новых моделей на опытном заводе. Однажды в полдень меня вызвали. Разговор был короткий: вылет через час. Надо доставить в Сан-Франциско трех девушек-спортсменок.

Тут же я узнала, что наши лучшие рекордсменки по бегу, плаванию и метанию копья: Лида Трофимова, Галя Штепенко и Айша Нахтангова, посланные две недели назад на международные женские состязания в Сан-Франциско, — уже несколько часов находятся в госпитале. Они получили ранения при автомобильной катастрофе. Автомобильная катастрофа была организована агентами одной фашистской страны с целью сорвать участие СССР в международных женских соревнованиях. Соревнования начнутся завтра в двенадцать часов дня. Должна выступить вторая команда — мои пассажирки.

Времени было в обрез: не более десяти часов на полет и один час на подготовку девушек к выступлениям. Малейшая задержка в пути — и наша страна не сможет принять участие в международных физкультурных состязаниях.

Мне предложили выбрать машину. Я мысленно взвесила качества каждого, хорошо знакомого мне типа самолета.

..Внезапно блеснувшая мысль заставила меня броситься к телефону.

Соединившись с опытным авиапарком и вызвав командира, я попросила разрешения немедленно подготовить к полету в Сан-Франциско стратоплан «Эдуард Циолковский». Эту машину я начала испытывать недавно. Оставалось проверить в полете еще кое-какие второстепенные детали. Но для меня и тогда уже было ясно: «Эдуард Циолковский» — идеальная машина для срочных и дальних рейсов.

Я успела полюбить этот первый стратосферный ракетоплан. Советский конструктор, разработав идеи нашего гениального ученого, создал своеобразную, стремительную и мощную машину, напоминающую своими очертаниями ласточку или стрижа. Стратоплан — беспоплавковый гидроплан. У него не было ни моторов, ни винтов. В задней части его фюзеляжа расположились крестообразно четыре трубы ракетного двигателя. Эти трубы (каждая длиной несколько более метра), походившие на форму фюзеляжа, являлись реактивным двигателем стратосферного ракетоплана. Заканчивались они широкими раструбами.

В головной, закрытой части труб происходило сгорание автоматически подававшейся ленты сильно прессованного вещества — оксидрогина¹⁾.

Вы, конечно, помните, что советские химики, расшифровав формулу оксидрогина, усовершенствовали это вещество. Они укротили его склонность к детонации и нашли способ регулировать быстроту сгорания. Оксидрогин превратился в великолепный источник энергии ракетного двигателя. Могучая струя газов, вырываясь со страшной силой из раструбов двигателя, сообщала ракетоплану скорость около 1200 километров в час.

Сейчас эта машина уже устарела. Мы летаем с быстротой, близкой к 2 тысячам километров. Но по тем временам ничего нельзя было придумать лучшего для срочного рейса Москва — Сан-Франциско.

Спешу в Химкинский аэропорт. На воде покачивается большой четырехмоторный гидроплан обыкновенной конструкции. Его мощные моторы снабжены усиленными тур-

1) Оксидрогин — взрывчатое вещество, в пять раз превосходящее своей энергией тринитротолуол.

бонагнетателями. На этом гидроплане установлен «Эдуард Циолковский». Мой бортмеханик Надя Сквирская проверяет приборы стратоплана. Скоро появились мои пассажирки. Сначала только две: рослая блондинка, с правильными, спокойными чертами лица, и гибкая смуглянка,

Я узнала в смуглянке подругу моего детства Рахилу Бестаеву, вместе с которой я когда-то играла в летчиц, приземлившихся на таежном болоте.

Рахила бросилась ко мне, мы расцеловались.

— Мириам! Я хочу показать всему миру, что девушки Страны советов умеют бегать быстрее всех. Я должна это сделать. Галя Штепенко вышла из строя, — взволнованно заявила моя подружка.

— В добрый час, Рахила! — пожелала я ей.

Ее спутница Вера Осипова сказала мне, что она заменит Айшу Нахтангову.

Моя последняя пассажирка появилась, когда уже разогревались моторы гидроплана-матки.

Я увидела очень милое личико с ямочками, слегка вздернутый нос, смеющиеся глаза. Нина Астахова, вторая рекордсменка Советского Союза по метанию копья, завоевала мои симпатии с первого же взгляда.

...Пора лететь. Все уселись в герметически изолированную кабину. Нормальное давление, состав и температура воздуха поддерживались автоматически. В передней части кабины, сделанной из стеклянной брони, были сосредоточены все аппараты и приборы управления ракетным стратопланом.

Дальше, за перегородкой, — места пассажиров, помещение для грузов. И в самом хвосте — камера с оксидрогином.

— Мириам, — попросила меня Рахила, — если можно, нажми... Сама понимаешь, как дорог нам каждый час. Надо успеть познакомиться со стадионом.

— Постараюсь, девушки... — эти слова я произнесла уже в воздухе.

По обыкновению, я залюбовалась Москвой. Море солнечного света заливает широкие прямые улицы. Нарядные

многоэтажные дома, масса зеленых деревьев. У Дворца Советов медленно плывет пароход.

Через несколько минут только сероватая дымка напомнила мне о родной Москве.

Подымаемся все выше и выше. И, наконец, на высоте 15 тысяч метров я включаю ракетный мотор и отделяюсь от своей матки.

Стратоплан молниеносно набрал скорость. Мы мчались с быстротой около 1200 километров в час. Далеко, внизу, бушевали циклоны. Кругом была тишина, густая, спокойная и убаюкивающая. Через некоторое время я проверила приборы: Большая Земля, Белое и Баренцево моря остались позади.

Мы приближались к полюсу.

...Нахлынули воспоминания о первых завоевателях Северного полюса, об отважных летчиках, проложивших трассу Москва — Сан-Франциско...

Выполняя инструкцию, пассажиры спали на удобных раздвижных креслах: они берегли свои силы для предстоящих состязаний.

Надя Сквирская следила за приборами. Я не отходила от штурвала, стараясь нагнать скорость.

Все время меня сверлила мысль: «Только бы не опоздать!» Моментами возникала подсознательная тревога: «Машина недостаточно проверена, что если...»

Но усилием воли я гнала сомнения прочь.

...Ослепительное солнце заливало кабину. Я заглянула в иллюминатор. Наш стратоплан напоминал расплавленное серебро в опрокинутой голубой чаше. Внизу плыли спокойные облака...

Звонок прервал рассказ Мириам. В гостиную вошел ее муж Андрей Торицын — лучший конструктор стратопланов, прозванный богатырем за свой высокий рост и могучие плечи.

Андрей поздоровался и уселся в свободное кресло.

Мириам обратилась к нему: «Ты уже много раз слышал... старая история... о полете в Сан-Франциско».

Андрей молча улыбнулся.

Однако дальнейший рассказ он слушал так же внимательно, как и я. Судя по выражению его лица, некоторые детали доставляли ему огромное удовольствие.

...Мириам продолжала:

— Мы летели над Северным Ледовитым океаном. Стратоплан шел на огромной высоте, жадно поглощая воздушные пространства. Он с каждой секундой приближал нас к цели. По приборам я узнала, что под нами уже полюс недоступности. Очевидно, мы прилетим раньше срока.

От радости я запела ту самую песню, что пела сегодня вам.

...Слова Нади Сквирской не сразу дошли до моего сознания. То, что она говорила, слишком шло вразрез с моим ликующим настроением.

— Мириам, оксидрогина не хватит. Нам грозит вынужденная посадка.

Если мы сядем, СССР не будет участвовать в состязании.

Быстро проверяю запас горючего. Надя права. Мы рискуем не долететь до Сан-Франциско. Очевидно, расчет расхода горючего во время испытательных полетов был недостаточно точен.

...Девушки продолжали спокойно спать. Они не сомневались, что я доставлю их вовремя.

...Решение пришло молниеносно. Впрочем, раздумывать было некогда.

Вверх, вверх! Там спасительная скорость, там экономия горючего, там запас высоты для планирующего спуска.

Стратоплан «Эдуард Циолковский» рванулся в бездонную яркую синеву. С лихорадочной поспешностью я проверяю показания приборов. Я хорошо помню, что свой потолок машина брала легко.

Вот и потолок... Выше, выше... Надя все поняла. Она не отрывает глаз от ползущей вверх стрелки альтиметра. Еще несколько минут — и облегченный вздох вырывается из груди моего бортмеханика. Хотя расчетный потолок стратоплана остался под нами, — пока все в порядке.

Идем на высоте 25 тысяч метров. Путевая скорость стратоплана выросла до 1500 — 1600 километров в час. Те-

перь мы стремительно приближаемся к цели. Появилась надежда долететь благополучно и с нашим скудным запасом оксидрогина.

Пассажирки уже проснулись. Им и в голову не приходило, какая огромная опасность еще продолжает угрожать нам.

— В 11 часов утра будем в Сан-Франциско. Мириам никогда не опаздывает, — безапелляционно заявила своим спутницам Рахия.

«Эх, Рахия! — подумала я. — Какое «жестокое разочарование ожидает тебя, если мы совсем не дотянем до Сан-Франциско».

...Мы летим на юг.

Я все время слежу за указателем скорости. И очень часто посылаю бортмеханика проверять запас горючего. Хватит или нет? По-моему, должно хватить. Но что, если машина не выдержит такой скорости, что, если появятся опасные вибрации?

Тогда придется идти вниз...

Я чутко вслушиваюсь в шумы. Но ничего подозрительного не улавливаю. Ракетный двигатель работает на ровной ноте.

По приборам я вижу: мы прошли Скалистые горы и подходим к Золотым воротам. Радость заливает все мое существо.

В этот миг я была так благодарна конструктору, создавшему эту замечательную машину.

— Надя, — прошу я бортмеханика, — предупреди пассажиров.

Рахия, Вера и Нина окружили меня.

— Мириам, неужели мы уже прилетели? На полтора часа раньше? Вот спасибо, родная!

Я оборвала их полуслушутя, полусерьезно:

— Прекратите излишества, не отвлекайте меня. Вы что, хотите, чтобы, я осрамилась при посадке?

И я, и мои спутницы хорошо знали, что за снижением советского стратоплана будет следить много глаз — и дружеских и враждебных.

Надо рассчитать каждое движение, каждую секунду. Стратоплан должен спланировать легко и красиво и опуститься точно на намеченную с воздуха водяную площадку.

Все обошлось благополучно. Села хорошо. На берегу нас ожидали советские работники и представители американской общественности,

Вот тут-то я сдала... Сказались усталость и волнения во время полета.

Точно сквозь туман, я помню дружеские приветствия, крепкие рукопожатия... Потом автомобиль быстро домчал нас до гостиницы.

Попав к себе в номер, я приняла ванну и переоделась, чтобы ехать вместе со своими пассажирами на стадион.

...Я примеряла шляпу, когда раздался легкий, но настойчивый стук в дверь. Уверенная, что это Рахилия, я подбежала к двери и широко распахнула ее. В комнату вошел незнакомый мне молодой человек. Он вежливо извинился за беспокойство и попросил меня уделить ему несколько минут для беседы.

— Кто вы? — удивленно спросила я у незнакомца.

— Конструктор стратоплана «Эдуард Циолковский», — последовал ответ.

Когда я испытывала стратоплан, конструктор был в Нью-Йорке. Его пригласили туда сделать несколько докладов о реализации идей Циолковского в нашей стране. Узнав, что его стратоплан летит в Сан-Франциско, он решил посмотреть на свое детище.

Мы беседовали около четверти часа. Конструктор пылливо допрашивал меня о малейших деталях. Он хотел знать, как вела себя машина в таком большом и ответственном перелете.

Его интересовало все, начиная с четкости работы ракетного двигателя и кончая удобствами герметически закупоренной кабины. После моего рассказа он решил увеличить питательные камеры для оксидогина.

...Рахилия ворвалась в мою комнату без всякого предупреждения. В первый момент она смутилась, увидев, что я не одна... Но потом начала торопить меня.

Конструктор поехал вместе с нами на стадион.

Этот день был днем полного триумфа Советского Союза. Наши девушки оставили далеко позади всех участниц международного состязания. Их имена без конца повторяла восторженная толпа. Автомобиль, на котором они возвращались в гостиницу, был буквально засыпан живыми цветами.

Усталые и счастливые, они делились со мной своими впечатлениями. Я гордилась моими знатными пассажирками. Гордилась моей страной.

Вечером был банкет. Наши победительницы вызывали всеобщее восхищение. Много было выпито вина за их здоровье, за их будущие рекорды. Непринужденное веселье царило за столом.

Неожиданно с бокалом в руке поднялся мой новый знакомый — конструктор «Эдуарда Циолковского».

Я не сразу поняла, о каком рекорде говорит он. А когда поняла, не знала, куда деваться: все окружили меня, жали мне руки, поздравляли.

Рахия еще подбавила жару своим выступлением. Она всегда рада случаю похвалить меня.

На другое утро я была в постели, когда Рахия притащила мне целый ворох пахнувших типографской краской газет. Я увидела свои портреты в самых разнообразных видах (и когда это только успели меня заснять) и прочла многочисленные хвалебные статьи.

Большинство этих статей было напечатано под заголовком «Советский авиационный рекорд», а эпиграфом к ним служили слова конструктора стратоплана:

«Я знал и любил свою машину, свой стратоплан со славным именем «Эдуард Циолковский». Но я никогда и не мечтал, что мой стратоплан сможет дать столько, сколько он дал в руках летчицы Мириам Исмаиловой. Я никогда и не мечтал о таких блестящих скоростных полетах, — около 1600 километров в час...»

Я буду откровенна с вами, друзья мои! Признание моего незарегистрированного рекорда, о котором я даже ни разу не подумала, доставило мне огромную радость.

Этот мой полет я всегда буду помнить так, как будто он был только вчера.

Мириам замолчала и... прислушалась.

— Мне показалось, моя Наташка плачет. Сегодня ей что-то немного нездоровилось, — ответила она на мой немой вопрос.

— Послушайте-ка, Мириам, — обратился я к хозяйке, — а кто конструировал стратоплан «Эдуард Циолковский»?

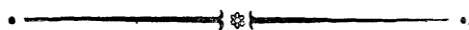
В глазах Мириам мелькнуло непередаваемое выражение, но голос ее звучал спокойно:

— Андрей Торицын.

— Это второй незарегистрированный рекорд Мириам, — засмеялся Андрей, — до встречи с ней я был уверен, что никогда не женюсь.

АНАТОЛИЙ ШИШКО

ЧУМНОЙ БУНТ

Рассказ

ЧУМНОЙ БУНТ

Рассказ

1.

Унылый звон стлался над Москвой. Колокола разносили весть о чуме. Кордоны стояли на всех заставах, но было поздно: моровая язва, свирепствовавшая в Дунайской армии, переползла в Молдавию, через Украину докатилась до Москвы.

Лето 1771 года было знойное, сухой ветер распространял заразу.

Город опустел. С наступлением темноты на площадях зажигались можжевелевые костры. Ночью по улицам двигались телеги могильщиков. В просмоленных масках с пришивными носами, под которыми были заложены ароматичные травы, могильщики напоминали хищных птиц. Впереди шел факельщик. Внимательно разглядывая дома, он искал на воротах черный крест, намалеванный дегтем. В такой дом входили, вытаскивали крючьями одежду, мебель, складывали все это на дворе и сжигали.

Заслышав скрип телег, жители гасили свет, плотнее закрывали ставни, спускали собак. Будто вымерла Москва. Но никто не спал в эти душные ночи, когда, казалось, горела земля, сам воздух, густой, пропитанный дымом.

Грабежи и пожары вспыхивали во всех концах города. Войск не хватало. Местный гарнизон состоял из инвалидов. Случалось, они сами грабили заболевших и, заражаясь, разбегались. Лекарей было мало, пользовали они только дворян, не успевших выехать в свои подмосковные <имения>. Купцам лекаря мазали руки ляписом. На ладонях появлялись черные пятна, напоминавшие бубонные нарывы. За купцом приходили власти, чтобы отвезти его в больницу, и требовали выкуп.

Глухо волновалось Замоскворечье, где были расположены мануфактуры. Из-за скученности жилья люди здесь мерли сотнями. Рабочие разбивали ткацкие станки, поджигали хоромы хозяев.

Не в силах поддерживать порядок, главнокомандующий Москвы граф Салтыков бежал в свое имение Марфино. Бежал тайком, окруженный офицерами, оружием расчищавшими путь карете, где, закрыв лицо руками, сидел переодетый Салтыков. Офицеров закидывали грязью, толпа голодных женщин бежала за каретой, плевала в окна, швыряла камнями...

...В эти грозные дни архитектор Баженов не прекращал работы над моделью. Каждое утро он отправлялся из своего дома в Средних Садовниках в Кремль. Около колокольни Ивана Великого был сколочен модельный дом. Много бессонных ночей провел Баженов в бревенчатом сарае, едва освещенном фонарем. Минуты подъема сменялись отчаяньем: не хватало материалов, все труднее становилось с пищей.

Один за другим разбегались помощники.

Он осунулся, похудел. Тревожила мысль о семье. Аграфена Лукинична с первенцем Костенькой лето провела в селе Коломенском, а осенью, несмотря на уговоры мужа, вернулась в Москву. На рассвете телега, где они сидели переодетые крестьянами, едущими на базар, была задержана кордоном. Баженов откупился пятью рублями и должен был раздать голодным солдатам полвоза рыбы.

По возвращении из Коломенского он поселил семью отдельно.

Сегодня, заночевав в Садовниках, Баженов встал рано, забрал последние деньги и, пройдясь по опустевшим комнатам, остановился перед зеркалом. В раме он видел свое лицо, впалые землистые щеки; глаза горели лихорадочным огнем. Этот жар он ощущал в сухости рук, когда сами собой, конвульсивно, сжимались пальцы. Возникал образ жены, страх охватывал за нее, за сына. Взор его гас, и, согнувшийся, постаревший, он проводил ладонью по влажному лбу: «Лучше не думать, лучше делать свое дело, а там...»

Ночью он просыпался, вскакивал с постели. «Грунюшка, — звал он, — ангел мой!» В доме было темно и пусто. Дрожая, Баженов зажигал свечу и тут только видел, что находится в Садовниках. Вставая, шел в кабинет. На стенах поблескивали в золоченых рамах портреты учителей: де Лямотта, Шарля Девальи, итальянца Растрелли. Повсюду висели чертежи, картины. На бюро лежал план Кремлевского дворца. План всегда был с ним.

Баженов садился за стол, брал циркуль, но не было сил работать. Он наливал водки, залпом опрокидывал. Опираясь на стол ладонями, смотрел в окно. Ночь пылала заревом. Окно светлело, ширилось. Гудел набат.

Накинув кафтан, Баженов выбегал на улицу, где толпа теней плясала около пожарища. Шум и чад кружили голову. С причитаниями, навзрыд плакали женщины, испуганные детские глаза таращились на Баженова. Мимо него волокли тела. Чумные или обгоревшие, он не знал. В груди закипала ярость против тех; кто не уберег Москвы, прекраснейших ее памятников.

Вместе с другими Баженов выносил вещи, рвал полотенца на бинты. Забывая, что среди толпы могли быть больные, перевязывал обожженных. Лицо его было сурово, брови сдвинуты. Резким, отрывистым голосом он требовал, распоряжался. Люди теснились вокруг него. Пригоршнями раздавал он медяки и серебро погорельцам.

Бледнело, гасло зарево. Покрываясь пеплом, дотлевало пожарище, кричали петухи, — усталый, архитектор возвращался домой. Умывшись, он рассматривал грудь, руки: чумных пятен не было. Баженов крестился и шел работать. Хотелось есть. Инстинктивно он ускорял шаги: сегодня надо было закончить северную сторону модели. Погруженный в расчеты, он забывал о голоде, и когда в полдень жена приносила ему в мастерскую похлебку, Баженов удивленно говорил:

— Как время летит, а я еще ничего не сделал.

Взяв папку с планами, Баженов запер дверь и вышел в сад. Было ясное утро. В прозрачном воздухе дрожали паутинки. Сквозь пожелтевшую листву краснели яблоки. Пахло молодым вином. Полной грудью вдыхал он бодрящий, соленоватый воздух сентября.

Солнце пригревало. На Москворецком плавном мосту обычно было людно: сапожных дел мастера стучали молотками, толпились торговцы разной снедью. Теперь все замерло, не слышно ни говора, ни шума колес. Посреди бревчатого моста лежал труп мастерового. Лицо его, грудь, раскинутые руки были в чумных язвах. Рой мух вился над мертвецом. Жирные, с гноящимися глазами псы разбежались при виде Баженова.

Держа платок у лица, архитектор перешел мост и стал взбираться вверх по пыльной дороге. Пустынно было вокруг. Редкие пешеходы тащили что-то под полой кафтана. Сидя у Москвы-реки, мужик сколачивал из теса гроб.

Каждое утро, проходя через Варварскую площадь, Баженов пил воду из каменного водоема. Он любил здесь отдышаться. У часовни, под воротами Варварской башни, толпились богомольцы, шло богослужение. Сегодня народу было больше обычного. Монахи, бабы в черных платках, купцы — все это шумело и волновалось, Трепетали по ветру желтые огоньки свечей. Баженов остановился. Взобравшись на бочку, какой-то молодец в расстегнутой рубаше бил себя по нательному кресту, надрывно кричал:

— Порадейте, православные, Боголюбской Божьей матери на всемирную свечу!

С глухим звоном сыпались в ящик медяки, серебряные гривны.

Стоявший позади Баженова купец в синей поддевке тяжело задышал, полез за пояс, вынул кошель и, достав медный грош, протянул архитектору:

— Передай, родимый...

Баженов машинально взял монету и тут же отбросил ее: на жирной ладони купца антоновым огнем пылало красное пятно.

Купец побагровел, затрясся.

— Ты чего, чего, — повторял он, словно в бреду. Глаза купца все расширялись. Покачнувшись, он грузно, как мешок, осел на землю, схватился за грудь.

— Братцы! кричал он.— Родные, помогите, душно мне... тошно!..

С воем толпа отпрянула от купца, а Баженов стал вытаскивать из кармана огниво. Нагнувшись, поднял с земли клочок пакли. Дрожащими руками силился он высечь искру. Через минуту пакля затлелась. Баженов приложил ее к пальцам, которыми только что брал от купца монету, и закусил губу. Бледный, стоял он так с минуту, потом, не оглядываясь, быстро пошел прочь, а вслед ему неся слабеющий голос купца:

— Братцы! Горю!.. Православные...

Подгоняемый криком, Баженов бросился бежать. Сердце его стучало, в глазах мутилось.

Остановливаясь, он рассматривал руку. «Домой бы не занести»,— думал он. Окидывая взглядом Красную площадь, не узнавая ее, повторял: «Боже, за что сия мука?..».

Часы на Спасской башне проиграли полдень.

Прежде чем войти в дом, Баженов зажег огонь на таганце, бросил в него можжевельника. Ветви затрещали, дым наполнил сени. Приподнимая полы кафтана, Баженов поворачивался во все стороны. Едкий дым жег глаза, кашляя, архитектор жмурился.

Заслышав шум, Аграфена Лукинична выбежала в сени. Баженов закричал:

— Не входи, не входи!

Спустя полчаса, переодевшись, он открыл дверь в горницу. Аграфена Лукинична обняла мужа, веки ее задрожали от слез. Баженов гладил жену по русым волосам:

— Ну, что с тобой, вот глупая...

Пряча голову на груди его, она сказала:

— Василек, милый, я так тревожилась за тебя.

В голосе ее слышалось затаенное желание. Он знал, о чем она будет просить, и боялся этого.

Аграфена Лукинична прошептала:

— Давай уедем, хорошо?

Он кивнул.

— Когда же, Василек?

— Окончу и уедем.

Минута прошла в молчании; слышно было, как тикали часы. Баженов поцеловал жену в лоб:

— Не будем об этом. Надо беречься, и все тут, Как Костенька?

— Спит,— упавшим голосом ответила Аграфена Лукинична и вышла.

Задумавшись, он смотрел ей вслед.

«Уехать? Бросить план, модель, работу двух лет? Никогда! А сын?» Ему вдруг припомнился купец, закатившиеся его глаза... «И с ним то же будет, с Костенькой..» Баженов сел и закрыл лицо руками. «Нет, не мечта — рухнет дело всей жизни, Казаков уехал, бежали близкие сердцу, может быть, никому не нужен его дворец, от императрицы ни слова, выплату прекратили... Но ведь чума не вечна... пройдет, и работы возобновятся».

Долго сидел он так, не двигаясь. Слышно было, как через ровные промежутки звонили на колокольне Ивана Великого. За окном билась птица, опалившая крылья на пожаре. Все пыталась взлететь и не могла.

3.

Был уже вечер. Отужинав, Аграфена Лукинична сидела с Костей у окна. Укачивая сына, она тихонько напевала:

*А мое ли то дитя во высоком терему,
В шитом, бранном пологу, во серебряном кругу...*

Скрипя козловыми сапогами, по горнице ходил отец Баженова. С похмелья дьячок был хмур, пятерней расчесывал бороду. Косясь на дверь мастерской, он наклонялся к невестке, что-то говорил ей. Потом опять слышалось:

*У того ли у дити люля точена,
Люля точена, позолочена...*

Бормотанье отца становилось громче. Не выдержав, Баженов швырнул линейку, вошел в горницу:

— Ну, о чем вы тут? Спать пора...

Аграфена Лукинична приложила палец к губам, осторожно перенесла сына в зыбку, задернула полог. Помолчав, она ответила:

— Иван Федорович рассказывают: в городе неспокойно...

Дьячок перекрестился:

— Истинно говорю: быть лиху. Преосвященный послал к Варварским воротам подъячих, сымать икону. Только это стали на ящик печати накладывать, как зашумит толпа: чего смотрите, Боголюбскую Божью мать грабят... Что тут соделалось, передать невозможно. Богохульными словесами владыку поносили, сжечь грозились...

— Ничего — кивнул Баженов, — пошумят и разойдутся.

Дьячок исподлобья глянул на него, но промолчал.

— Батюшке лучше у нас заночевать, — сказала Аграфена Лукинична.

Старик вдруг заторопился:

— Благодарствуйте. Я уже пойду.

Перекрестив внука, Иван Федорович поклонился невестке за хлеб-соль и, не прощаясь с сыном, вышел.

Заперев дверь, Баженов вернулся в горницу. Заложив руки за спину, прошелся по скрипящим половицам.

— Небось, про отъезд говорили?

Аграфена Лукинична убирала со стола. На лице ее застыла грустная покорность:

— Говорили...

— Экий какой заботливый, а когда я... — Баженов остановился, не договорив. Набат забил вдруг рядом, гулом наполняя горницу. Аграфена Лукинична поднялась с лавки. Безмолвные, они смотрели друг на друга,

— Горит где-нибудь...

Аграфена Лукинична бросилась к люльке. Вынув спящего Костеньку, торопливо стала его заворачивать в одеяло.

В дверь постучали.

Баженов открыл и столкнулся с испуганным отцом.

— Ну, — спросил Баженов, — что там?

Иван Федорович пробормотал:

— Хоронитесь! Толпа валит. Бегу предупредить владыку!

И пропал в темноте.

Стоя в дверях, Баженов чувствовал на шее прерывистое дыхание. Обернулся: позади — жена, уже одетая, с ребенком. Крепко взял ее за руку.

— Идем.

Не спрашивая, молча, шла она за ним. Скрипнула дверь мастерской. В лицо пахнуло запахом стружек, клея. Баженов достал с полки фонарь, зажег его. Пламя тускло озарило сарай с игрушечной моделью Кремля, расставленной на земляном полу. Модель была в аршин высоты и с точностью воспроизводила здание кремлевских соборов и колоколен. Посреди высился прямоугольный дворец со множеством колонн, белевших в полумраке.

Баженов замкнул дверь, подпер ее бревном, задвинул окна, кроме одного, выходящего на площадь. Положив рядом с собой ребенка, Аграфена Лукинична в изнеможении опустилась на лавку:

— Василий Иванович, что же это будет?

Не отвечая, Баженов вынул из ларца, где хранились чертежи, пистоль, насыпал порошу и взвел курок.

В последний раз окинув взором свою модель, Баженов подошел к окну.

Издалека, словно в прибое, катился грохочущий вал. Аграфена Лукинична молча обняла мужа. Он вздрогнул, быстро наклонился, и три раза, как на Пасху, поцеловал ее в холодные губы.

Послышался топот бегущих ног, частые, дробью, удары в ворота. Что-то треснуло, раздался отчаянный вопль: «Бей его!» Мимо дома пронеслась ватага. При свете факелов видны были перепрыгивающие пространство тени.

Аграфена Лукинична вскрикнула, закрыла лицо руками.

— Молчи, — прошептал Баженов.

В окне мелькали лица. Видя архитектора с наведенной пистолью, лица шарахались, пропадали и вновь появлялись, озверевшие, залитые кровью. Дым застилал площадь,

огоньки вспыхивали во тьме, как искры, опять загремели колокола. От звона гудело в ушах, тошнота подкатывала к горлу.

Какой-то подъячий, волочивший по земле ризу, просунулся в окно мастерской, крикнул:

— Выходи вон, чернокнижник!

Рукой он ухватился за раму, взмахнул топором.

Подавшись всем корпусом вперед, Баженов выстрелил. Эхо отдалось в мастерской. Взвизгнув, заплакал Костенька.

По лицу Баженова катился холодный пот. Рука, сжимавшая пистоль, дрожала, другой он поддерживал жену за талию. Застыв, Баженов прислушивался.

Неизвестно, сколько прошло времени. Еще долго были слышны удалявшиеся, слабевшие голоса, прогремел пушечный залп, и все смолкло. Баженов посмотрел на жену. Лицо ее было мертво, глаза закрыты. Тяжелело, сползало вниз тело.

Осторожно положив Аграфену Лукиничну на землю, Баженов опустился на колени. Она дышала: это был обморок. Вглядываясь в милые черты, Баженов заметил, что русая ее головка стала белой, как серебро. Машинально он провел рукой по своим волосам и, упав на грудь жены, зарыдал неудержимо, отчаянно, как плачут о погибшей жизни.

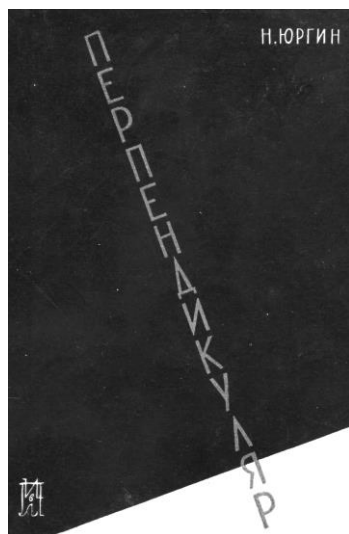

Н. ЮРГИН

САМОЗВАНЕЦ

Фантастический рассказ

Рассказ печатается по изданию:

*Н. Югин: Перпендикуляр
Л.: Издательство писателей в Ленинграде, 1931 г.*

Рисунок на обложке М. Кирнарского.

Содержание:

*Н. Югин. Перпендикуляр (повесть)
Н. Югин. Самозванец (Фантастический рассказ)*

С А М О З В А Н Е Ц

1.

При неудаче легко найти утешение в юморе. Но юмор хорош и при удаче: он избавляет от высокомерного пафоса и помогает сохранить ясный взгляд на вещи. Иногда ему — не юмору, а моему герою — мир представлялся страшной неразберихой, и он запутывался в ней, как однажды случилось с ним под Москвой. Он выехал в праздник за город и намеревался побродить несколько часов по маршруту, намеченному красными чернилами в его пятиверстке. Из этого маршрута ничего не вышло. Вот он взобрался на какую-то насыпь и давай глядеть в разные стороны. Насыпь круто обрывалась под ним, уступая железнодорожному полотну, и нельзя было понять, где Москва — направо или налево. Он, герой, хромоногий правозаступник Оружейников, спросил об этом железнодорожного сторожа, крикнув ему сверху; тот указал, но мир не стал от этого яснее для Оружейникова ни на сколько. Местность вокруг вся была взбудорожена многими выпуклостями: холмами и насыпями, фабричками, водокачками, постройками дачного типа и стандартстроевскими новенькими ящиками, нагромождениями зелени и горбатыми парками, безвкусыными средневековыми замками и дворцами, выстроенными по прихоти старинного и чванного барства. Железнодорожные пути, одноколейные и двухколейные, магистрали и передаточные, окружные и подъездные к какому-нибудь заводу или товарному складу, пересекались под разными углами, то ныряли друг под друга в какие-то туннели, то перекатывались друг через друга по насыпям и мостам — это была паутина, в которой он увяз всеми лапами. К тому же и день был своеправный: облака носились в разные стороны, как запыхавшиеся вестовые, дождь выгадал совершенно беспорядочно, солнце как будто играло в прятки. Люди также вели себя беспокойно, шныряли в кустах, перелетали стайками с

насыпи на насыпь, под носом у водокачки разыгрывали волейбол.

Из-за поворота, из-за лесистого мыска выскочил поезд — он подобрался совершенно неслышно и уже готов был скрыться за следующим поворотом. Вообразим крушение: из можжевельника выпрыгнул какой-то отчаявшийся в жизни человек и поставил стрелку не как надо. Почти в тот же момент навстречу показался товарный состав, и два паровоза столкнулись лбами у самых ног Оружейникова. Вагоны повскакивали друг на друга, из красных и зеленых ящиков они вдруг превратились в живых зверьков и перегрызлись между собою. Следует думать, что отчаявшийся человек устроил крушение не из пустых фантазий. Земля летит в пространстве, повизгивая, вздрагивая поминутно и гримасничая. Сначала люди передрались между собою, как вот эти вагончики, и дрались четыре года, посылая в пространство больше проклятий, чем воинственных кликов. Затем пестрые армии внезапно перевооружились и перестроились в другие колонны, по цветам, и так расположились лагерем на позициях «худого мира». Красные и белые, черные, зеленые и желтые колонки людей сидели друг против друга на корточках и скалили зубы. Время от времени то в одном, то в другом месте колонки вдруг кидались друг на друга и дрались, повторяя старые приемы и вдохновенно изобретая новые. С птичьего полета это могло бы нас позабавить, если бы и наши бока не испытывали на себе ударов дерущихся, если бы не долетали и к нам шальные пули. Они раздражают нас, и мы сами кидаемся в драку. Придется сойти с нашей насыпи и поглядеть, что натворил человек, выскочивший из можжевельника, — очевидно, провокатор, подосланный одной из враждующих сторон. Провокатором оказался басмач (зеленого цвета), полукочевник, не то и вовсе кочевник, бедуин какой-то. У него в кустах был припрятан отряд, и, когда зазвенели буфера и при столкновении затрещали вагоны двух цивилизованных поездов, этот отряд выскочил с криками «грабь награбленное» и принялся выволакивать товары и потрошить пассажиров, повыскакивавших из вагонов со своим барахлом. Бандиты считали, что желез-

ные дороги, поезда и небоскребы выстроены за их счет, и пожалуй, были правы в этом отношении. С разных сторон, из-за разных прикрытий выскочили другие такие же отряды, и с теми же криками тоже принялись потрошить — каждый, вероятно, был прав по-своему. Но им не удалось как следует помародерствовать: из-за поворота показался новый состав и круто затормозил у самого места катастрофы. Из вагонов выпрыгнули хорошо вооруженные и сытые солдаты, они быстро построились в ряды и открыли правильное наступление на зеленых, давши два залпа в воздух. Зеленые вынуждены были отступить к лесу с тем, что удалось захватить, и тут началось разбирательство. Забегали из одного лагеря в другой парламентареры, была составлена паритетная комиссия, и начались бесконечные заседания в тени покривившихся вагонов. Оружейников стал вникать в события.

Зеленые отряды большей частью обманным образом были вовлечены в грабеж. Их предводители, их шейхи и беки воздействовали страхом и обещаниями на своих подданных. Между отдельными предводителями первоначально не было согласованности, каждый бек и каждый шейх действовал за свой страх и риск, и в любой момент готов был схватиться с любым другим шейхом или беком в дележе награбленного. Однако, в последнее время среди них появился прекрасный организатор, изгнанник из несчастного государства зеленых, муж весьма решительный, крупный военный талант и красноречивый проповедник. Это был Бушир-паша, европейски образованный человек. Он объявил себя пан-колонистом, т. е. вождем, желающим объединить все колониальные народы на основе их самобытной культуры и религии. Никто его не звал, он самовольно объявился в рядах зеленых. Недальновидные шейхи сначала арестовали его и держали под сильным караулом. Он сумел убедить их в высокой значительности своей особы, и тогда они превратили его караул в почетный, еще больше усилив его. Когда начались переговоры с европейскими державами, шейхи, плохо разбираясь в международном положении, стали обращаться к паше за справками. Давая справки, паша давал и советы, которые, большей частью, оказывались весьма мудрыми. Он

предложил им план реорганизации их беспорядочных войск, обучил их обращению с пулеметами и пушками, и скоро многие из шейхов и беков подчинились его авторитету в военных и дипломатических делах. Он готовил священную войну против всех неверных.

Однако у паши был соперник, район действия которого распространялся, главным образом, на западные пустынные владения зеленых. Лоу, лорд, получивший прекрасное идеалистическое воспитание у благородной тетушки в старой Англии, отправился несколько лет тому назад в страны востока, как подающий блестящие надежды молодой археолог. Он долго жил среди зеленых еще в мирные времена, прекрасно изучил их язык, характер и манеры и даже полюбил их. Он искренне желал им всякого успеха в жизни. Он полюбил пустыню совсем как вторую родину и бедуинов как младших братьев. Когда открылись военные действия, его первая родина объявила себя другом его второй родины, и удивительно, что лорд Лоу стал передатчиком любви обеих родин. Он препровождал из первой родины снаряды для второй родины, и из второй — людей для первой. Когда позднее выяснилось, что побуждения первой родины не совсем бескорыстны, и Лоу сообразил, что вторая родина, пожалуй, выйдет из дружбы без хвоста, он продолжал любить ее, но он уже не мог отступить. Он раньше многих успел заметить, что дружеские чувства первой родины доходят до второй в некотором искривлении через его же руки, но продолжал делать свое дело, считая, что он только подчиняется распоряжениям правительства, хотя и против совести. «Младшие братья» пока еще не замечали никаких перемен и продолжали верить способному молодому ученому, который так близко слился с ними, что перестал отличаться от них даже одеждой.

Надменный Бушир-паша ненавидел лорда Лоу так, как только может ненавидеть спортсмен своего много раз срывавшего первый приз соперника. Благородный и совестливый лорд Лоу вполне понимал патриотические побуждения паши, но не сочувствовал его намерениям, которые считал ошибочными с точки зрения зеленых же интересов. Они

должны были встретиться на совещании, причем нельзя было понять, то ли они собираются заключить договор о совместных выступлениях в предстоящей мирной конференции и выторговать себе взаимные уступки, то ли обменяться друг с другом ультимативными нотами. Третьим участником совещания должен был оказаться Оружейников.

2.

Оружейников был из тех людей, которых превратности войны и революций отравили авантюризмом на всю жизнь. В свое время он несколько раз побывал в плену и несколько раз бежал (это было и во время революции, и в махновщину, и в Фергане). Эти события и эти места создали его характер в большей степени, чем материнская наследственность, чем мещанская среда глухой провинции, воспитывавшая его в детстве. От природы застенчивый и склонный к рефлексии, он, вероятно, просидел бы всю жизнь у родного озера, если бы не события. События выкинули его из уездных масштабов и научили мыслить более крупными масштабами. Без мобилизации он не тронулся бы с места, но он и не жаловался, когда приказ уездного начальника выслал его в свет. И так всюду он с готовностью следовал за своей судьбой. Точно так же, без восторгов, он принял и демобилизацию. Но вскоре затем яд начал действовать. Житейское спокойствие, снизошедшее на него, быстро наскучило. Он стал чаще вспоминать былые дни и все чаще упрекать себя в инертности, которой был подвержен тогда, когда все вокруг действовало — в прошлом. Стал прикидывать, как бы он должен был поступить тогда в разных случаях, если бы был активен, и каких успехов сумел бы тогда достичь. Основным тоном его жизни стало напряженное ожидание чего-то, похожего на прежнее; ухо было каждую минуту настороже, прислушивалось к каждой газетной строчке и междустрочью, к каждой сплетне. У него едва достало сил окончить университет. Немного отвлекла последовавшая затем судебная практика: на судах он внимательно вглядывался в людей, изучал мотивы их поступков, он тренировался в

приемах овладения людским вниманием и людской волей и скоро почувствовал, что, пожалуй, уже может предсказывать поступки любого человека в любом случае на основании нескольких жестов и слов, пойманных на лету. Когда он к этому привык, выжидающее напряжение овладело им с новой силой, и так он дрожал, как натянутая струна, до сего дня.

Он едва удержался, чтобы от восторга не прыгнуть с насыпи, на верху которой стоял во время катастрофы, но, удержавшись, уже с нарочитой медленностью готовился спуститься вниз к месту крушения. Совершенно округлившись, приобретшими огромную светосилу цейсовского объектива глазами, он оглядывал весь широкий горизонт. Все чувства его обострились необычайно и приобрели чудовищную способность отбора существенных черт ставшего совершенно прозрачным мира от несущественных. Его горизонт стал шире горизонта человека, спускающегося с насыпи, он вмещал все города и села земного шара и отбирал в них только то, что свидетельствовало о противоречиях, что означало грань противоположных интересов. Он зачуял, — так он уверял впоследствии всех, кто его выслушивал, — дикарскую стихию людей, еще не отделившихся от сырой природы, и отмечал места предстоящих вулканических извержений. Вот знатный аристократ, который потерял все надежды на лучшее будущее, но он доволен уже тем, что победивший буржуа отдает невольную дань внешнего почтения его титулам, его породе, и даже пролетарий хранит следы, оставленные им на земле, как музейную ценность. Вот энергичный буржуа, который знает, что девять десятых ценностей создано им и готов защитить свое авторское право на девять десятых мира ценою крови всех, кто не буржуа. Вот пролетарий, который сам еще хорошенько не знает, что сделает, но уже приподнялся и засучил рукава. Вот преждевременно состарившийся младенец-землероб, мужик, дехкан, индус, шинуаз, который уж и вовсе не знает, что ему всего нужнее, и слепо противится операции омоложения, которая ему предстоит в мировом масштабе. Вот и неподдельное дитя-дикарь, копатель корешков, скотогон,

охотник, рыболов, полинезиец, негр, самоед, афганец со звериными инстинктами, свойственными детскому возрасту, со стадностью, свойственной зверю.

По мере того, как Оружейников спускался, он начинал различать подробности и напряженной ощущать приближение момента своего непосредственного действия. Он ступал все медленнее и осторожнее, пристально вглядываясь в окружающее, ища момента, когда он должен вмешаться, боясь его упустить и боясь остановиться там, где не стоит останавливаться.

Картина крушения была пестра и оживлена. Группа эксцентричных молодых американок, совершающих кругосветное путешествие, сидела на своем багаже и горько каялась во всех своих необдуманных поступках; покидая родные дома, они мечтали об охоте на бурого медведя в сибирской тайге, на слона в Сиаме, на оранга в джунглях Африки — и сейчас с грустью разглядывали свои коробки со шляпами и платьями, помятые в крушении. Группа негров, согнанных из родных лесов для постройки транссахарской дороги, — высаженные из товарных вагонов, они страшно радовались непредвиденной остановке и возможности посидеть под открытым и ясным небом. «Дети, совершенные дети» — подумал Оружейников и прошел дальше. Концессионер, владелец многих предприятий, сидел верхом на телефоне, который успел установить в тени вздыбленного крушением вагона, и громко отдавал кому-то очередные распоряжения. «Вот зверь, — подумал Оружейников, — мне бы так никогда не выучиться». Ремонтные рабочие, присланные для починки повреждений пути и состава, внешне предупредительные к господам, иронически перемигивались друг с другом, когда господа отвергивались. Подмосковные дачники, совслужащие, острили над забавным положением, в котором они очутились из-за катастрофы, и со смехом вспоминали подробности крушения. Члены тройки, назначенной правительством для ликвидации последствий крушения, проявили преувеличенную расторопность и вопиющую нераспорядительность («тыловики!» — буркнул Оружейников). Крестьяне прибежали к поезду с крынками мо-

лока и корзинами яиц. Солдаты, охрана поезда, составивши ружья и козлы, уже обедали с котелками и флягами в руках и угощали баб махоркой и льстивым разговором. Все это запечатлевалось в мозгу Оружейникова с мельчайшими подробностями, но покамест не останавливало его.

Он пошел прочь от места катастрофы в пустыню. Ноги вязли в песке, начала охватывать преждевременная усталость. Похоже было на то, что он удаляется в уединение для поста и молитвы перед совершением великого подвига... Эти глупости ему были совсем не по душе, и он уже хотел вернуться, но невядалеке замаячила группа кочевников у чахлой пальмы. Он приблизился к ним, они отдыхали в ночной прохладе от утомительного палящего дневного зноя, разместившись на песке в странных позах каких-то застывших конвульсий. Их тела казались матово-белыми, их белые плащи грязными; наклонившись, можно было различить вшей, которые на свободе ползали в разных направлениях по открытым частям их тела. Верблюды распластались ногами во все стороны, у некоторых длинная шея казалась пятой ногой, они воняли, как только умеют вонять верблюды.

У колодца сидели двое и молчали. Оружейников заставил их отвечать на свои вопросы. Это были люди шейха Акиды, они везли угощение для Бушир-паше и известного всем ференхи Лоу, которые должны были приехать к шейху на совещание в связи с катастрофой. Они опаздывали, но так устали в дороге, что им было все равно. Оружейников подождал. Он дал уснуть этим двум людям и тогда поднял на ноги одного из крупных верблюдов, предварительно сняв с него поклажу. Он с отвращением влез на спину провонявшего животного. Он понесся через пустыню, пока еще была ночь, стремясь не опоздать на совещание паши с англичанином. Он не опоздал, он приехал слишком рано, и это его раздосадовало. Шейх встретил его у входа в палатку, и тут же Оружейников с величественным жестом объявил ему, что приехал на совещание как представитель большой северной державы, войска которой подходят к месту катастрофы (не то уже пришли!..) — войска, с которыми каждый должен посчитаться! Шейх отвел его в просторную па-

латку. Оружейников не желал с ним разговаривать, он был недоволен, что приехал раньше всех. Жестикуюлируя, он объявил шейху, коверкая язык, что останется здесь один, пока не приедут двое других. «Объяви им, что я почиваю» — крикнул он в самое ухо шейху.

3.

Оружейников присел на низенькую скамеечку, которая попала ему под ноги. Он сидел так посредине палатки, скрючившись, и бил себя ладонью по затылку за то, что поспешил. Он строил себе самые презрительные и уничижительные гримасы, называл себя суетливым болваном и беспросветным идиотом, и чувствовал, что от этого начинает понемногу успокаиваться. Он решил, что сейчас, пока есть время, он должен обдумать свое выступление на предстоящей конференции. Она начнется едва ли раньше полудня, а теперь еще рано. Может быть, за это время он еще успел бы сделать что-нибудь в другом месте?

От скуки Оружейников разглядывал узоры на ковре, стлавшемся под ним. Причудливые узоры эти в полутьме могли показать человеку все, что хотелось, все, о чем думалось. Пребогатый растительный мир шевелился в полутьме на ковре. Тонкие, извилистые стебли лиан напоминали Оружейникову лесные тропки, опутавшие место крушения поезда. Какие-то черные, беспорядочно нагроможденные в лесу квадратики были похожи на вагончики разбитого поезда. Оружейников снова обошел кругом застывшие в неудобных позах вагоны. Суетня здесь еще продолжалась. Четырнадцать паритетных комиссий, которые успели образоваться за время его отсутствия и даже обзавестись громоздкими канцеляриями, заседали за длинными столами в разных местах и препирались по пустякам, обсуждая условия, на которых должна работать предстоящая генеральная примирительная комиссия Лиги наций. Пассажиры, потерпевшие крушение, все еще ждали, когда им предоставят какие-нибудь средства передвижения, чтобы как-нибудь наконец отправиться по домам. Они уже теряли надежду на это, их охватило безразличие.

Молодые аргентинские буржуазки совершенно растерялись в суматохе. На них никто не обращал внимания. Когда прибыла на место крушения тройка по ликвидации последствий катастрофы, они окружили ее, лстя и кокетничая, пробовали выпросить у нее автомобиль для немедленной отправки в безопасное место. Но тройка поначалу хотела казаться совершенно беспристрастной, и поставила их в общую очередь потерпевших. От очереди они решительно отказались, потом начали раскаиваться в этом и сидели, жалкие, на своем багаже. Они привыкли к немедленному исполнению всех своих капризов, — теперь они заискивали даже у своих горничных, которые спокойненько грызли гранаты, обращая на своих господ столько же внимания, сколько и весь остальной мир. Скоро, однако, аргентинкам наскучила их собственная растерянность, и они заинтересовались негоциантом, сидевшим верхом на своем телефоне. Выкидывая в трубку отрывистые свои распоряжения, он поминутно взглядывал в сторону аргентинок. Это был известный либеральный богач Маркус, который считал, что освобождение человечества возможно только с помощью золота. И он поставил целью своей жизни соединить в своих руках путем коммерции и разработки недр земли столько золота, сколько потребуется, чтобы освободить людей-братьев от их материальной и моральной нищеты. Покамест он не приступал к освобождению, считая, что накопленных запасов золота еще недостаточно, и вероятно, честь освобождения должна будет выпасть на долю только его детей или внуков. Сверх этого, он считал себя способным дон-Жуаном, и уже хлопотал по телефону об улучшении участи несчастных аргентинок. Покончив со всеми разговорами, он передал трубку секретарю и двинулся в сторону аргентинок. Он рассказал им, что в двух километрах отсюда находится помещицья усадьба с прекрасным домом-дворцом, владельцы которого готовы оказать гостеприимство ему и прекрасным путешественникам.

Предложение немедленно отправиться туда было принято аргентинками с подобающим достоинством, они повеселились и быстро разместились в двух просторных и удобных автомобилях, оставив багаж под присмотром прислуги.

Негоциант сел править, и потерпевшие покатили по шоссе к замку «Отдыхающего орла».

Оружейников глядел вслед удаляющемуся автомобилю. Облако пыли, поднятое им по шоссе, густея, начинало уже заслонять автомобиль. Но внезапно автомобиль остановился, — как будто у заставы, потребовавшей пропуска на переезд какой-то границы.

Облако пыли с разгону перемахнуло автомобиль и заставу без всяких пропусков, и Оружейников мог различить толпу людей, внезапно набежавших с разных сторон или выскочивших из канавы. Оружейников опрометью бросился по шоссе, зачуяв, что у заставы завязывается какой-то новый узел занимательных происшествий. Однако, не успел он подбежать, как автомобиль снова рванулся и понесся вперед со скоростью, которая могла быть вызвана только испугом. Толпа отпрянула в обе стороны, но на дороге остался лежать человек, очевидно сшибленный с ног автомобилем и, может быть, изуродованный. С разбегу Оружейников, проскочивший в образованный толпою на мгновение корридор, едва не наткнулся на лежавшего человека, и встал над ним как вкопанный. Он очутился в самом центре толпы. Человек был уже несомненно мертв, у него была смята грудная клетка и передавлена шея. Голова, почти отделенная от туловища, лежала, как приставная, в пыли, в крови. Ноги были отрезаны. Толпа моментально окружила Оружейникова, который стоял над трупом, ошеломленный. Толпа была пестра и разноцветна. Видимо, это были крестьяне, и при том, может быть, какие-нибудь партизаны, потому что все были вооружены. Вооружение было так же разнообразно, как и одежда, как и лица партизан. У немногих были винтовки английского образца, какие пересылают через Хиндукуш из Индии в помощь туркестанским басмачам. У некоторых — старые дребезжащие охотничьи берданки или шомпольные дробовики; кое у кого даже старинные, зажигающиеся с помощью огнива мултыки и даже огромные, живописные старорусские самострелы. Но большинство было вооружено предметами, имеющими в мирное время другое применение: какие-то длинные шесты с же-

лезными или медными наконечниками, оглобли и дышла, и даже кочерги с ухватами и косы — совсем как у мужиков, гнавших француза за Березину (если верить православным историографам «Отечественной войны двенадцатого года»). Крестьяне покультурней — обезземеленные нефтяными компаниями американские фермеры — щеголяли длинными инкрустированными серебром дедовскими пистолетами ва-шингтоновских времен.

Действие, произведенное на толпу смертью товарища под колесами щегольского праздношатающегося автомобиля, равнялось действию электрического тока. Это было, прежде всего, безграничное, бездонное изумление перед актом беззастенчивого, обнаженного человеческого жестокосердия. Оно ошеломило толпу и заставило ее застыть на мгновение с широко раскрытыми и почти выпрыгнувшими наружу зрачками. Непосредственной, рефлексивной реакцией толпы на этот акт могла быть только реакция мести. Но виновник злодейства был уже далеко и, очевидно, торжествовал над мстителями. Оружейников, даже не взглянув на лица людей, всем существом своим ощутил, что сейчас месть разгневанной толпы падет на его голову, и убежать от нее нельзя. Только незамедлительная, молниеносная и при том какая-нибудь особенная неожиданная выходка с его стороны могла отсрочить его казнь. Он схватил отрезанную автомобилем, окровавленную, еще живую ногу того человека и, высоко подняв ее над головой, потряс ею в воздухе, так что брызги крови осыпали дождем лица стоявших близко людей. Одновременно он закричал. Так как очевидно, что никакая осмысленная речь, никакое осмысленное обращение не могло бы остановить толпу, находившуюся во власти аффекта, он диким и резким голосом принялся выкрикивать неслыханные какие-то междометия и заумные слова, стараясь выразить свою жажду жизни в этих исступленных своих выкриках. В них набиты были страшные угрозы, проклятия и негодования по адресу удирающих преступников. И только тогда, когда этими отчаянными выкриками удалось ему на один момент вызвать у толпы сомнение в его, Оружейникова, виновности, он начал вбивать

в заушный свой крик отдельные слова, имеющие некоторый общепонятный человеческий смысл. Сначала он вставил слово «знаю» с восклицательным знаком и повторил его несколько раз, и толпа уже начала прислушиваться к его крику и ждать разъяснений — что он знает — этот беснующийся человек. Вскоре он смог объяснить им, вставляя по одному слову в заушь, что знает, куда поехали люди в автомобиле, где их искать, где их можно растерзать. Они поехали в замок «Отдыхающего орла», в гнездо веселящихся аристократов. Надо немедленно всем идти и разорить это гнездо. «Посмотрите, люди, на ваши рисовые и пшеничные поля — ваши ли они? — задыхаясь, кричал Оружейников. — Вам всем известен замок на холме — отсюда виден его шпиг и герб на нем, золотой, сверкающий, смеющийся над вами. Оскалим наши зубы, взъерошим наши волосы, разинем наши глотки, скличем всех рабов земли со всей вселенной и раздавим всех аристократов!» — так патетически восклицал Оружейников и восклицал весело, потому что чувствовал себя спасенным, да в придачу еще и главарем крестьянского восстания — этот хвостун Оружейников...

4.

До чего тенист и темен сад в имении «Отдыхающего орла»! Как он изумительно запущен! Какой чудесной плесенью веет от корней тысячелетних его дерев! Как жалостливо догнивают его уединенные беседки и как задумчиво оседают под тяжестью времени его как лебедь белоснежные павильоны над прудом! Как многозначительно проросли травой его дорожки, некогда прямые, укатанные гладко и празднично! Здесь гулял Пушкин, здесь отдыхал Данте, сюда прятался от ростовщиков Шекспир! Здесь и посейчас гуляют тени прошлых времен и веют дуновенья легких одеяний прекрасных утопленниц, кинувших свое тело в тенистый и темный пруд.

Оружейников проник в сад через потайную калитку в самом дальнем его конце. Он пришел сюда прощаться с человеческим прошлым. Он ходил по саду медленными и

проникновенными шажками и вдыхал на память запахи и чувства уходящих аристократий. Ведь нынче будет все разрушено, и никогда не будет восстановлено, и надо в последний раз вникнуть в седую старину и запомнить ее в предсмертный час. Он ходил по саду и как будто готовил его к смертному часу. Он разметал на песке у пруда свежие следы чьих-то ног, он покривил немного некоторые колонки статуй, чтобы все казалось подлинно запущенным, чтобы сад имел по-настоящему заброшенный вид и чтобы тление господствовало в нем безраздельно. — «Как прекрасен и как возлюблен этот темный мир! — восклицал Оружейников. — Но он должен умереть, он умрет сейчас же, и я буду первым его могильщиком! — горестно ломал он себе руки. — Я сделаю это во имя блага большей части человечества и еще потому, что иначе сделает кто-нибудь другой!» — так горевал и манифестировал в пустоте Оружейников, и когда кончил — захотел проникнуть в замок и разведать, что творится там.

Разнокалиберная аристократия, собравшаяся в замке «Отдыхающего орла», была разорена, в долгах, в трауре: это был траур по утерянному родовому богатству и власти, траур родовитости, лишившейся реальной поддержки своей в землях, в рабах, в деньгах. Но траур утомителен, а траур по самому себе, кроме того, и оскорбителен. Поэтому аристократы придумали себе в утешение презанятную игру. В замке «Отдыхающего орла» шел вечный маскарад. Были вытащены из подвалов костюмы аристократий всего мира, какие носились во времена их господства в разных странах: герцогские и курфюрстские одеяния средневековья, боярские шубы времен царя Алексея Михайловича, мандаринские широкие балахоны — до-манчжурской эпохи, ослепительно белые и тонкие халаты и чалмы индийских магарадж. Потомки некогда славных и владетельных князей и халифов разоделись в эти блистательные покровы, воскрешавшие героизм древних завоевательных подвигов и дух горделивого чванства, и беспрерывно, изо дня в день, разыгрывали спектакли пышных церемоний, торжественных приемов, ослепительных балов. Они не уставали делать это, им необ-

ходимо было забыться, пофантазировать, перевоплотиться в предков, потому что действительность была скучна, бедна.

В светлой приемной замка, убранство которой представляло пестрое смешение разнообразнейших стилей, обладатели замка поджидали приезда узурпатора их власти, нефтяного короля Маркуса со свитой современных принцесс — дочерей короля угольного, короля свиного, короля резинового, короля гуано. Они расположились полукругом в церемонных позах и злословили по адресу буржуа, которых сами же пригласили в замок: они пригласили их потому, что гости были богаты и можно было рассчитывать завести с ними родственные связи, которые подкрепили бы их материальное благосостояние. Посредине, на возвышении, на качающемся троне, восседал экс-монарх незначительного средиземноморского королевства, недавно превратившегося в республику. Маркус был его старым другом, и перед отречением монарх успел продать ему нефтеносные недра своей земли за приличную, как он думал, цену.

Автомобиль Маркуса вскоре показался на шоссе. Он несся как угорелый и круто затормозил перед воротами замка. Он прокатил во внутренний двор, его пассажиры с непонятной поспешностью выпрыгнули из автомобиля и заторопились по лестнице в замок, Маркус побежал впереди всех, перепрыгивая через две ступеньки. Минута, — и он появился перед сборищем аристократов запыленный, не успев даже снять шофферские очки. Он торопливо сделал общий поклон всем, с жестом, как бы извиняющимся за поспешность, и прямо подошел к экс-монарху, который испуганно приподнялся на троне.

— Ваше величество! — сказал Маркус. — Прикажите немедленно поднять мосты и запереть все ворота замка.

Экс-король не посмел спросить объяснения.

— Приказываю! — крикнул он в сторону своего министра двора, сидевшего по правую руку. Министр двора тотчас же вышел отдать нужные распоряжения слугам.

— Есть у вас радио-установка? — спросил Маркус.

— Кажется, да, — ответил экс-король, — это наверху, в башне.

— Проведите меня.

— Проведите! — крикнул король своему министру почт и телеграфов, сидевшему сзади.

— Скорее! — крикнул Маркус и побежал вслед за министром наверх, в башню.

Экс-король и его двор, приготовившиеся к длинной, медлительной церемонии встречи, недоуменно переглядывались и терялись в догадках. Но в это время они заметили аргентинок, робко просунувшихся в дверь и притаившихся одна за другую. Их некому было представить, они были изумлены зрелищем музейного великолепия и пестроты, которое им открылось. Старый экс-король, покряхтивая, слез с трона и заковылял им навстречу.

— Пожалуйте, пожалуйте! — заговорил он шамкающим голосом, — будьте дорогими гостями, мы все рады вам.

— Ваше величество! — обратилась к нему одна из аргентинок, выпихнутая вперед подругами. — Ваше величество! Мы очень устали с дороги. Не будете ли так любезны показать нам наши комнаты, чтобы мы могли принять ванну и переодеться.

— Сию минуту! — воскликнул король. — Сию минуту я отведу вас в ваши покои, где вы отдохнете от великого несчастья, постигшего вас, — и король удалился в сопровождении аргентинских невест, провожаемых долгими взглядами храбрых рыцарей — будущих женихов.

— Взгляните сюда, ваше сиятельство, — обратилась одна из придворных дам к другой, — взгляните в окно. Какие-то народы идут приступом на наше убежище.

Все кинулись к окнам. Толпы крестьян со всех концов земли устремились к замку, сжимая его в кольцо, и шум, на подобие шума морского прибоя, все усиливаясь, проникал в залу. Общество встревожилось, храбрые рыцари обнажили мечи, готовые отразить всякое нападение на их твердыню.

— К порядку, ваши высочества и сиятельства! — раздался сзади них громкий голос Маркуса. — Ворота все уже заперты, и я вызвал правительственные войска, которые в десять-двенадцать минут разгонят весь этот сброд, — и он вынул из жилетного кармана часы, чтобы заметить время.

Дамы окружили Маркуса, наперерыв стараясь выразить ему свое восхищение его распорядительностью и военным гением.

5.

Итак, к началу совещания с Буширом-пашой и лордом Лоу Оружейников мог уже выдавать себя за вождя огромного крестьянского восстания, охватившего мир и обложившего замок «Отдыхающего орла», который с прибытием в него Маркуса превратился в цитадель империализма на востоке. Оружейников с удовлетворением заметил, что в числе восставших были и зеленые, миллионы зеленых, от имени которых намеревался говорить Бушир-паша. Они перемешались здесь с земледельцами других цветов; расовая вражда смягчилась в рядах восставших, которыми владело теперь только одно желание — уничтожить врага, засевшего в замке, ненавидимого одинаково всеми цветами радуги. Бушир-паша не мог быть доволен этим, ибо его ставка была как раз ставкой на национальную вражду. Бушир-паша чувствовал себя прескверно. Идеи панколонизма и священной войны против неверных оказывались устаревшими. Беки начали разбегаться из его штаба. Он мог рассчитывать на помощь только некоторых из них, но и те уже не рвались в бой так, как хотелось Буширу.

Оружейников в первые моменты своего выдвижения в вожди находился в состоянии приподнятого возбуждения, опьянения своими успехами. Он даже позабыл о совещании. Он уже успел обзавестись ординарцами, и в сопровождении пестрой свиты всадников всех цветов объезжал на горячем и трепещущем жеребце расположение своих пестро вооруженных войск. Всюду он звонким голосом выкрикивал распоряжения, перестраивал ряды восставших, формировал полки, позировал перед кино-аппаратом, произносил вдохновенные речи. Однако, вскоре он заметил, что мало кто его слушает. Правда, речи его всюду встречались рукоплесканиями и бряцанием оружия, но нетрудно сообразить, что всякая речь, кто бы ее ни произнес перед этой возбужден-

ной толпой, точно также была бы встречена с восторгом, лишь бы она была направлена против замка, против аристократов и Маркуса. Однако подчиняться распоряжениям, которые требуют какого-то порядка, какой-то дисциплины, никто не хотел в толпе, охваченной хаосом. При повторном объезде рядов Оружейников констатировал, что все осталось по-старому: люди жгли костры и варили мародерское мясо; время от времени в разных местах разрозненными кучками они производили на замок нападения, которые легко отражались пулеметами и артиллерией замка, получившего подкрепление из регулярных правительственных войск. Осада замка обещала затянуться, и в конце концов Оружейникову стало скучно отдавать приказания, которых никто не исполняет. Тогда он вспомнил о совещании.

Как Бушир-паша, как Оружейников — лорд Лоу точно так же был в дурном настроении. Его правительство требовало от него решительных действий. Методы дипломатического заигрывания с вождями «второй родины» лорда оказались недостаточными в обстановке войны. Шейхи, дружба которых была, казалось, приобретена навеки, вдруг начали сторониться лорда. Закрадывались подозрения в измене наиболее надежных, казалось бы, друзей. Стало ясным, что курс его в отношении второй родины должен быть изменен. Но в какую сторону? Подчиниться ли распоряжениям генерала, назначенного правительством первой родины, и принудить шейхов силой к решительным действиям в защиту замка? Или, храня дружбу, бросить политику, уйти от дел, снова заняться наукой? Так, не решив вопроса, лорд и отправился на совещание с Бушир-пашей и Оружейниковым. Может быть, переговоры с этими людьми подскажут какой-нибудь выход из неудобного теперешнего положения.

И вот началось это совещание трех носителей призрачной власти, давно отозванных своими избирателями, но упрямо не желающих сдавать мандаты. Их жалкое бессилие выразилось в той преувеличенной помпезности, с которой они явились на совещание и открыли его. Они прибыли в сопровождении многочисленной свиты: они захватили с собой всех еще оставшихся в их подчинении сторонников.

Бушир-паша и бушириды прискакали кавалькадой, разодетые во все неисчислимые цвета востока. Сам паша, европейски образованный человек, был одет в черный-пре-черный пиджак с белой-пребелой манишкой и манжетами. Лоу со своими клевретами в военных мундирах подкатили на трех свежевывмытых автомобилях. Стремясь подчеркнуть свою нелицемерную дружбу к востоку, сам он нарядился в лиловый халат с белоснежной чалмой — костюм, полученный в подарок от шейхов тогда, когда они еще перед лордом заискивали. Все прибывшие должны были участвовать в заседании, которое важно было сделать как можно более многочленным. Оружейников не имел свиты. Он посадил рядом с собой единственного оставшегося ему верным ординарца — глухонемого Алешу, и заставил его водить самопишущей ручкой по бумаге, вырванной из тетради, в которой он вел свой дневник. «Конь в сенате!» — подумал про Алешу Бушир-паша, классически образованный человек, — и махнул рукой: в сенатах вообще заседают только кони.

Как и следовало ожидать, больше всего прений возбудили повестка заседания и регламент. Председательствовал шейх Акида, хозяин палатки, где происходило совещание. Он, разумеется, не мог не догадаться о никчемности совещания, но все же ему льстило, что в его доме обсуждаются не какие-нибудь семейные или соседские дразги, а дразги в мировом масштабе, и что гости его — если не считать самозванца Оружейникова, — люди, имевшие, чем похвастать в прошлом, если не в настоящем.

Но вот подошли к сути дела. Три главаря торговались из-за территории и власти так, как будто они имели в руках реальные ценности. Впрочем, они скоро пошли на уступки. Каждый рассчитывал, что обстоятельства изменятся в его пользу, и каждый считал, что теоретически — на всех этих междудеомственных совещаниях можно не бояться уступок: выполнение договоров определяется, прежде всего, реальным соотношением сил — и больше ничем. Сейчас же важно если не приобрести себе союзника в трудных обстоятельствах, то, по крайней мере, создать хоть какую-нибудь иллюзию серьезного политического действия, чтобы под-

держат свои силы хотя бы искусственными средствами. Не преувеличивая своих сил, каждый старался преувеличить силы возможного союзника, Все относились друг к другу с подчеркнутым уважением и соблюдали церемониал международных конференций с подчеркнутой пунктуальностью.

Далекie холмы — все равно какой родины — не оставляют вас ни на минуту. Вот так и Оружейников, пренебрегая заседанием, поминутно отлучался из палатки, где длилось оно без конца, и возвращался на холмы восстания. Ощущение близкого конца событий не покидало его. Почему повстанцы, когда он был с ними и самоотверженно бросался в руководство повстанческим движением, — почему они тогда не слушали его, — а теперь, лишь только он ушел, они сами строятся в ряды, организуются в полки, готовят битву, как будто никакой боготворимый полководец им не надобен? Это случайность! Что случайность? Кто — случайность? Он — случайность, Оружейников! — Темная ночь, горят костры, поют певцы в каждой полуроте в стане храбрых воинов, трубят трубачи, звенит оружие, бойцы поднимаются с насиженных мест. Внезапно тухнут все костры и молкнут все звуки, и в угрожающем страшном молчании воинство двигается на приступ.

Оружейников не может больше ждать: великое наступление началось, и он должен быть в его рядах. Оружейников опрометью кидается вон из палатки, обрывая собственную речь, и мчится к месту битвы. Он становится в ряды повстанцев, как простой солдат, и, спотыкаясь во тьме о кочки, устремляется вместе со всеми к замку.

В замке бьют тревогу. Маркус, разбуженный внезапной тишиной окрестностей, вскакивает с постели и, едва натянув брюки, бежит на башню к прожектору. Прожектор начинает бродить по окрестностям, указывая прицел для орудий. К западу ползут из замка валы удушливых газов — но на западе нет повстанцев, они идут с востока по ветру, с юга и севера. Здесь их косит орудийная пальба, но повстанцев миллионы, и всех не выкосишь. Приблизившись на расстояние пущенной стрелы, повстанцы с экзотическими криками бегут к замку, переплывают ров — ров скоро исче-

зает, наполнившись трупами. Повстанцы наскоро строят лестницы и взбираются по ним на стены замка: тысячи их падают, и скоро воздвигается вокруг замка сплошная лестница из трупов, по которым взбираются новые толпы. Тогда артиллеристы Маркуса бросают бесцельную стрельбу, ломают орудия и сдаются в плен: они падают тут же под ударами повстанческих топоров и палашей, потому что в сумятице некогда разбираться в людях.

Повстанцы рассыпаются по замку, подвергая уничтожению все живое беспощадно, без запинки: ведь они добрались до врага по трупам своих однокашников. Оружейников пытается уговорить повстанцев не уничтожать ценностей, поберечь картины и статуи — но скоро умолкает, получив хорошего тумака от соратников. Учинив расправу в замке, повстанцы поджигают его со всех сторон. Они рассыпаются по полю и, разыскав трупы своих товарищей, с пением предадут их огню.

К утру замок и трупы сгорают дотла. Теперь на месте том уже можно строить новое.

6.

В ФССРВ (Федерации Советских Социалистических Республик Востока), организовавшейся после умерщвления «Отдыхающего орла», Оружейникову опять не удалось занять никакого руководящего поста. Он вынужден был вернуться к карьере правозаступника. Он получил по ордеру, как один из участников великого восстания, комнату в только что выстроенном кооперативном доме в Бомбее и в свободное от служебных занятий время занялся коллекционированием почтовых открыток с видами разных городов. Он пообмужг, поизленился и походил на преждевременно состарившегося юношу, головастика на коротких ножках. Вот он сидит за разборкой пачки открыток, только что полученных из Меланезии. На одной изображен новенький городок, возникший на одном из Ново-Гебридских островов на месте людоедского поселка. Дикари племени Больших Намба расхаживают по благоустроенной набережной в бе-

лых марлевых костюмах с зонтами, сосут леденцы и обсуждают недавно закончившийся процесс трех вербовщиков рабочих с голландских плантаций на Новой Гвинее, обвиняемых в жульничестве и обмане рабочих при найме. Обман происходил еще во времена дореволюционные, но голландцы умели в течение десяти лет скрываться от правосудия, пристроившись прорабами на лесозаготовках в Австралии. Теперь они обнаружены и понесут должное наказание.

Новогбридский городок по архитектуре представляет какую-то смесь разных достаточно архаичных стилей Китая и Индии: с архаическими тенденциями архитекторов трудно бороться даже в новых условиях. Нелепо торчащий на холме межсоюзный клуб почему-то напоминает храм Вишну в Лагоре. Так и кажется, что в нем происходят не физкультурные занятия туземной молодежи, поголовно грамотной, а конспиративное контрреволюционное заседание жрецов четверорукого бога, подкупленных западно-европейскими фашистами. В Индии это возможно еще и сейчас: страна, освободившись от господства англичан, чуть было не превратилась в настоящую буржуазную республику. Только чрезвычайными мерами удалось утвердить в ней советский строй. На конклаве жрецов присутствует также и представитель бывшей индустанской буржуазии, Рутабендранат Стэн, всегда готовый произносить блеклые речи о providentialной роли индустанской интеллигенции, пожертвовавшей многими жизнями на борьбу за свободу индийского народа. Рутабендранат в настоящее время работает квалифицированным экономистом во всеиндийском текстильном синдикате. Он подвержен правому уклону, и дома у него на этой почве происходят постоянные столкновения с дочерью:

— Ты несколько не хочешь подражать своей покойной матери, Нэль! — говорит он ей. — Твоя мать была женщина подлинно-индийской культуры, а ты, ей богу, ленинградская комсомолка какая-то.

— Я комсомолка, отец, хотя и не ленинградская, — презрительно отвечает ему дочь. — Ты как-то все забываешь об этом. Мать я не осуждаю, я только стараюсь думать собственной головой. Вот и все.

В это время раздается звонок, и входит подруга Нэль, Магди, девушка из Тибета. Она приехала в Лагор как представительница тибетского комсомола на третий всеиндийский съезд комсомола. У нее на родине — другая история. В Тибете такое огромное количество лам и народ так еще боится их, что даже и после великой колониальной революции там пришлось оставить ламаистский строй. Удалось только вместо самодержавного Далай-ламы и клики его министров передать власть всетибетскому собору из беднейших провинциальных лам. Сейчас тибетским комсомолом поднята кампания за полную ликвидацию ламаизма. Время горячее, и надо удивляться, как Магди согласилась покинуть Лхассу в такое время.

Нэль и Магди выезжают в дежурном автомобиле по шоссе в горы, куда перенесены из-за жары заседания комсомольского съезда. Если это шоссе продлить через Гималай, Каракорум, Такла-Макан, и дальше через ряд пустынь и лесов километров на семь тысяч к северо-востоку, то попадешь прямехонько на остров Врангеля. Здесь уже ни о каких уклонах нет и речи, потому что здесь вообще вот уже вторая пятилетка, как нет никакой политики. Просто люди уже не нуждаются в ней при полном социализме. Остров довольно густо заселен выходцами из разных мест земного шара, любителями северной природы, айсбергов и рыбной ловли. Островитяне живут превеселой и пребодрой коммунальной, часто в субмаринах экскурсируют к Северному полюсу, иногда вылетают и в жаркие страны — больше, впрочем, из самообразовательных целей — какая тут может быть политика?

Но старый политикан Оружейников по-прежнему неспокоен. Вот ему надоели почтовые открытки с видами, он достал где-то крепкого орехового самогону и загрустил. Впрочем, при неудаче легко найти утешение в юморе! Иногда ему — не юмору, а моему герою — мир и посейчас представляется страшной неразберихой, и он опять запутывается в ней, как однажды случилось с ним под Москвой. Ведь, еще на Западе не было социальной революции! — а

Оружейников был из тех людей, которых превратности войн и революций отравили авантюризмом на всю жизнь... Из-за поворота, из-за лесистого мыска выскочил поезд — он подобрался совершенно неслышно и почти прошел уже мимо. Вообразим крушение!

Но — уж начинать ли нам эту сказку сначала? Не стоит! Садись, Оружейников, за открытки с видами, и нишкни!

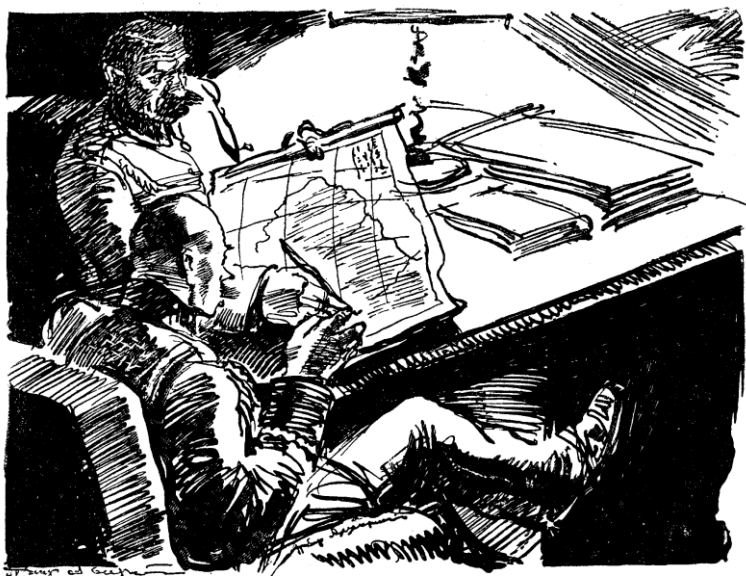
Ник. ШПАНОВ

НОМЕР НЕ ПРОЙДЕТ

Фантастический рассказ

Рисунки П. Алякринского

Журнал «Борьба миров», 1930, № 4

НОМЕР НЕ ПРОЙДЕТ

Рассказ Н. ШПАНОВА

Рис. П. АЛЯКРИНСКОГО

В апреле исполнилось 10 лет со дня наглого налета на Советскую Украину одной из соседних с нами буржуазных республик, играющих роль цепного пса мирового империализма. Рассказ Н. Шпанова напоминает нам о том, что военная опасность снова на носу, и иллюстрирует подготовку нового «крестового похода». В арсенале замышляющих этот поход видное место занимает провокация. При помощи подстроченных налетов пытаются белые генералы вызвать нас на войну и подогреть остывшие патристические чувства трудящихся своей страны. Но... номер не пройдет, как не прошел и 10 лет тому назад!

1.

ТУСКЛЫЙ, серый свет умирающего зимнего дня с трудом проникал в глубокие ниши окон старого казенного дома, где помещался секретный отдел генерального штаба. Из углов длинного коридора выползали темные пятна сумерек и постепенно заполняли весь коридор. В этой серой мгле по-особенному звучали шаркающие шаги часового. Изредка щелкал американский замок в одной из обитых толстым войлоком дверей, выходящих в коридор, и мимо замирающего на месте часового с мягким звоном шпор, поблескивая в сумраке серебряным шитьем воротника, проплывал офицер.

Стало совсем темно. Часовой в коридоре перестал различать звездочки на погонах проходящих офицеров и, подойдя к выключателю, повернул кнопку. Две тусклые лампочки покраснели подслеповатыми глазками по концам коридора, искоса освещая эмалированные дощечки с номерами отделений, ярко белеющие на войлоке дверей. На самой дальней двери, последней от входа, дощечка была крупнее других, и на ней значилось крупными буквами: «Начальник отдела». Приближаясь к этой двери, шаркающие шаги часового делались совершенно неслышными, и даже, когда в двух шагах от нее, в конце коридора он делал поворот налево кругом, приклад и ножны штыка, ударяясь друг о друга,

не издавали обычного позвякивания, придержанные дисциплинированной рукой солдата.

Если из всех остальных дверей, когда их открывали, в тишину коридора вместе со столбом синего дыма вырывались плески приглушенных голосов, щелканье пишущих машинок, удушливый запах горелого сургуча и стук прикладываемых печатей, — то за этой, последней дверью всегда царила мертвая тишина, даже когда она открывалась. Из нее не выплескивались тучи синего дыма или шум многих голосов. Разве только тонкая струйка едва уловимого запаха сигары и кряхтящий старческий кашель говорили о том, что за дверью сидит кто-то живой. Шаги входящих в эту дверь сразу смолкали, как только за спиной входящего опускалась тяжелая бархатная портьера. Их звук проглатывал пушистый ковер, покрывавший пол небольшой комнатки, где за высоким американским бюро, заваленным грудой дел в зеленых картонных обложках, сидел адъютант, торопливо звывавший шпорами и серебряными карандашами аксельбантов, каждый раз, когда перед его глазами вспыхивала электрическая лампочка, заменявшая звонок его превосходительству.

Теперь адъютанту не сиделось. Часы давно уже пробили четыре мягких удара — обычное время, когда его превосходительство покидал отдел, а маленькая низкая дверка в его кабинете оставалась плотно закрытой, и до сих пор у него сидел посетитель — долговязый авиационный полковник. Откровенно позевывая, адъютант мерил своими коротенькими ножками, с икрами и ляжками, рельефно обрисованными узкими уланками, бордюр пушистого ковра, уже тысячу раз измеренный, со знакомыми до тошноты сине-красными завитками замысловатого восточного рисунка.

С тех пор как в «большой политике» (как презрительно называл адъютант отделение внешней службы своего отдела) началась усиленная деятельность в связи с хлопотами, доставляемыми государству неугомонными соседями, служба в отделе сделалась совершенно невозможной. Генерал безбожно долго засиживался в своем кабинете, и гора зеленых папок на адъютантском бюро росла, как снежный

ком. Не раз приходила в адъютантскую голову мысль плюнуть на все и вернуться к своему уланскому эскадрону. Только боязнь неприятностей, которые ждут его в случае похода, могущего рано или поздно свалиться на плечи уланов, удерживала его в этом несносном соседстве с ворчуном генералом.

Размышления адъютанта были прерваны вспышкой лампочки, требовавшей его в кабинет. Сразу расправившись, точно в его маленькое, рыхлое тело вставили упругую пружину, адъютант нырнул в низкую дверь кабинета.

В огромной комнате, так же, как адъютантская, затянутой сплошным ковром и уставленной по стенам целой серией несгораемых шкафов, царил полумрак; массивная низкая лампа с широким зеленым абажуром бросала мягкое пятно света только на большой письменный стол, за которым почти терялась маленькая, сухая фигурка генерала.

Не поднимая головы при входе адъютанта, генерал прокрипел:

— Прошу поручика дать нам карту третьего округа с расположением наших аэродромов и прилегающую к ней карту территории соседнего государства.

— Слушаю, ваше превосходительство, — и через минуту, извлеченное из одного из бесчисленных шкафов у стены, перед глазами генерала и его собеседника развернулось огромное зеленое поле карты. Почтительно постояв минуту перед столом, адъютант едва приметно звякнул шпорами и неслышно вышел из кабинета.

Сухонький палец генерала быстро бегал по простору карты, и, когда он наткнулся на цветной значок в виде кружка, треугольника или ромба, только слышалось отрывистое: «Вот, вот, вот». Лицо сидевшего рядом с генералом высокого худого полковника тонуло во мраке за границами светового пятна, бросаемого абажуром, позволявшего видеть только яркие желтые петлицы его воротника. Полковник так же односложно бросал: «Есть, есть, есть».

Палец замер на карте, и, откинувшись в кресло, генерал уставился в темноту в том направлении, где над желтыми петлицами угадывалось лицо высокого полковника.

— Итак?

— Все понятно, ваше превосходительство. Осмелюсь только доложить, что самолет, на котором в свое время к нам перелетели их летчики, не является машиной, типичной для их авиации, и, на мой взгляд, было бы весьма полезно просить английского атташе испросить у своего правительства одну машину, сходную по типу с теми, которыми вооружены авиационные части нашего соседа. Это было бы более доказательно.

— Вам прекрасно известно, что у нас на это нет времени, и, кроме того, для нас не составит никакого труда доказать, что данная машина также является принадлежностью их вооружения.

— В таком случае, все в порядке, ваше превосходительство. Позвольте доложить только еще одно обстоятельство. Мне было бы очень жаль, если бы в это дело пришлось послать кого-либо из хороших летчиков, их у нас не так много.

— Я вас об этом и не прошу. Можете послать кого угодно, даже если это не будет офицер, во всяком случае, не кто-нибудь из хорошей семьи, а то потом не оберешься хлопот с его тетушками. Подыщите лучше кого-нибудь из унтер-офицеров, из-за кого не стали бы поднимать слишком большого шума там, в нашей гостиной.

— О, я не сомневаюсь в том, что ни одному из депутатов и в голову не придет догадываться об истинном смысле этого небольшого происшествия.

— Ну, как знать, эта публика теперь лезет всюду, куда ее не просят, и любит совать нос в наши секретные дела больше, чем в те дела, которые создаются специально для того, чтобы ими интересовались господа народные представители. Во всяком случае, полковник, — осторожность, вот что я вам рекомендую при проведении всей этой операции. Кстати, можно ли быть уверенным в том, что истребитель, которому придется действовать, при всяких условиях справится со своей задачей?

— О, вашему превосходительству известно, что это за отличные машины. И как раз отряд, стоящий в районе, намеченном вами для проведения всей задачи, только что

переворужился и снабжен «Спадами» из числа последней партии, полученной нами из Франции. Я вполне ручаюсь вашему превосходительству за машину, ну, а в летчиках мне сомневаться также не приходится.

— Ну, ну, отлично. Похвальная уверенность, полковник. Я всегда держусь того мнения, что в нашем офицере можно быть уверенным гораздо больше, чем в собственной жене... хе-хе...

— Ну, в этом вопросе вашему превосходительству и книги в руки. К сожалению, не могу присоединиться к вашему мнению в отношении солдат, и особенно солдат наших специальных частей.

— Что поделаешь, пан полковник, народ мельчает и глупеет. Нет уже в поляках того беззаветного понимания слова «родина», которое мы с вами всосали с молоком матери. Каждый вкладывает теперь в это святое для нас слово свой собственный смысл, и эпитет «свободная» слишком часто начинает к нему пристегиваться, когда надо и когда не надо. Ну, да поживем — увидим. Вы можете идти, пан полковник, и да будет с вами божье благословение.

— Надеюсь, ваше превосходительство.

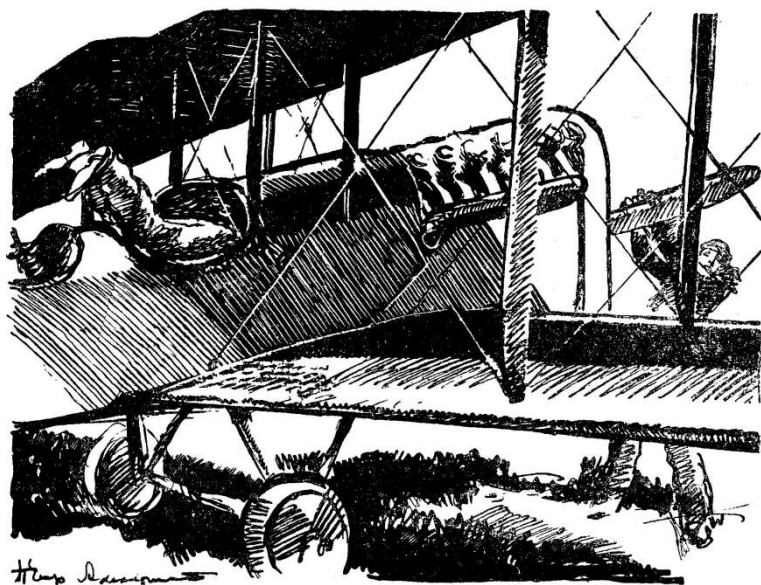
Громыхнув саблей, полковник встал. Яркие желтые петлицы утонули где-то высоко в сумраке, за пределами пятна, бросаемого абажуром.

2.

— Тысяча дьяволов, ради чего понадобилось вытаскивать из архива эту машину? Ну, перелетели и перелетели. Пусть ставят в музей этот «трофей» и любуются на него. Ведь, теперь его надо заново регулировать — от головы до хвоста и от хвоста до головы.

Слова эти принадлежали авиационному механику, которого в этот момент не было видно. Из кабинки высокого корпуса самолета торчали только ноги, а владелец их ковырялся внутри фюзеляжа, второй день подтягивая тендеры ослабевших растяжек. Все сказанное относилось к машине, над которой он возился — большому двухместному самолету.

ту-разведчику, без всякого употребления стоявшему в ангаре с тех пор, как год тому назад на нем перелетели, опустились на эту территорию, летчик и моторист, бежавшие от уголовного преследования из соседней страны. Теперь этот самолет, по приказанию, полученному из штаба, осматривался, ремонтировался и подготавливался к полетам. Никто в отряде не знал, для какого рода работы предназначается машина, даже назначенный на нее молодой летчик, старший унтер-офицер Вацлав Домбровский.

Единственное, о чем знал Домбровский по отрывочным разговорам с командиром отряда, это то, что ему дается на тренировку одна-две недели, и после того придется проделать несколько длительных полетов.

Служба отучила бывшего студента политехникума Домбровского от излишнего любопытства еще в учебной команде, куда он попал зеленым вольноопределяющимся. Начальник команды, старый капитан, вбил в него трудную для студента истину, что «любопытный солдат хуже шпио-

на». Хотя это и не вязалось со студенческим представлением о той части устава, где говорилось о сметке, инициативе и прочих необходимых качествах бойца, но внушительные усы и сизый нос начальника, неизменно подкрепляемые отеческим назиданием фельдфебеля, были достаточно убедительны, и на время отбывания действительной службы Домбровский добросовестно забыл обо всем, что не преподано в классной комнате учебной команды. И даже последующая относительно свободная жизнь в авиационной школе не вернула впечатлительному Домбровскому представления об истинных границах любопытства, приличествующих унтер-офицеру и летчику. Не способствовала этому и отчужденность, которую неизбежно чувствовал молодой унтер-офицер в обществе летчиков-офицеров. Некоторая пренебрежительность в их отношении к Домбровскому, унтер-офицеру, студенту и сыну простого железнодорожного машиниста, заставляла его всегда держаться особняком. Из самолюбия и нежелания быть одернутым Домбровский никогда не задавал офицерам вопросов, сверх тех, какие были строго необходимы для выполнения непосредственно на него возлагаемой работы.

Так было и теперь. Когда командир отряда вызвал его к себе и сообщил о том, что он назначается на старую машину, не входящую в состав отряда, но не пожелал сам дать какие-либо объяснения этому назначению, Домбровский не стал его ни о чем спрашивать. Осведомился только о сроке, к которому машина должна была быть подготовлена.

Судя по тому, что в его распоряжение были предоставлены лучшие механики отряда и все наличные ремонтные средства, его будущей работе на этом самолете придавалось немаловажное значение. Это было не только непривычно, но и просто удивительно для Домбровского, так как до того все мало-мальски интересные и выигрышные задания выпадали на долю его товарищей-летчиков из числа офицеров, а ему доставалась всегда наименее интересная и показательная часть работы.

Но как бы то ни было, а данные на приведение в порядок машины четырнадцать дней один за другим улетали,

едва замечаемые, с раннего утра и до позднего вечера наполненные хлопотами около разрегулированной, разошедшейся машины.

Ни малейшего доверия не внушало Домбровскому путанное нагромождение бесчисленных деревянных стоек и реек. Каждая из них казалась ему подозрительной, таящей под лаком и краской предательские трещины или гниль.

Полотняное покрытие крыльев успело за год ослабнуть, и если бы не категорическое приказание командира отряда покрыть их заново эмалитом так, как есть, без перетяжки, Домбровский ни за что бы не поверил в доброкачественность покрытия. Но почему-то командир, обычно чрезвычайно требовательный ко всяким мелочам в аппаратах и до щепетильности осторожный, на этот раз необычайно торопился с окончанием ремонта и не обращал внимания на доклады Домбровского даже о довольно существенных недочетах в самолете. Единственное, на что ему пришлось согласиться с явным неудовольствием, это смена мотора, так как привести в порядок стоявший год без всякого присмотра мотор не представлялось никакой возможности. При этом для Домбровского осталось загадкой брошенное командиром замечание, когда он дал разрешение на выдачу нового двигателя: «Зря хороший мотор губить».

В другое время Домбровский наверное бы не так скоро забыл странное замечание командира, но в повседневной суете около самолета неприятное впечатление быстро сгладилось, и некоторое чувство обиды — «Дать мне мотор — значит погубить?» — скоро забылось. Дружная работа механиков, внимательно относившихся ко всем указаниям Домбровского, искупала многие неприятности, с которыми связана была для него вся эта кутерьма. Постоянное общение с помогавшими ему солдатами, от которых в обычное время он поневоле должен был держаться вдалеке, было для Домбровского настоящим отдыхом. Бывая с ними наедине, вдали от офицеров отряда, Домбровский держался с механиками и помогавшими им солдатами как свой. И сегодня, придя спозаранку в ангар, где производилась уже последняя регулировка самолета, он, не отрывая людей от работы, приветливо бросил им:

— День добрый, ребята!

— А, никак Вацек? Что так, ни свет, ни заря? Я бы на вашем месте спал да спал. Святой Иисус и все его дьяволы, машина не так плоха, завтра кончим начисто, можете лететь спокойно, — послышался ответ из глубины фюзеляжа — голос владельца торчащих вверх ног, младшего из двух прикомандированных к Домбровскому механиков.

Второй, уже пожилой капрал, сосредоточенно проверял установку зажигания на моторе, заставляя молодого солдата медленно поворачивать его за пропеллер. Не отрываясь от работы, он кинул подошедшему летчику:

— Мое почтение! Стась прав, дела не так плохи, как я думал сначала. Машина не ахти что, но лететь можете спокойно. А еще не известно, какая работа предстоит этому драбанту?

— Пока не знаю, — хмуро ответил Домбровский, внимательно осматривая со всех сторон машину.

Когда его взгляд дошел до крыльев, Домбровскому показалось, что сквозь блестящий слой свежего эмалита просвечивают на концах крыльев красные звезды — опознавательные знаки, с которыми самолет прилетел сюда.

— Войцех Сигизмундович, — повернулся он к старшему механику, — как вы, старый механик, могли позволить покрыть плоскости заново эмалитом, не смыв старый слой, ведь, вон, даже знаки просвечивают!

— При чем здесь я? Командир приказал не смывать старый слой; только на фюзеляже успели как следует сделать. Не велел и наших знаков делать — говорит, не стоит для нескольких полетов.

— Тут что-нибудь не так, я спрошу командира.

— Что спрашивать? Я-ж вам говорю — не велел. Что же вы думаете — я бы сам разве позволил этакое проделать? А раз приказано — наше дело маленькое. Да вы не тревожьтесь. Полотно лежит отлично, мы проверяли и в двух местах наново прошили.

Пощелкав пальцем по натянутой, как барабан, лакированной поверхности полотна, Домбровский махнул рукой и пошел из ангара. Ему начинала сильно не нравиться непо-

нятная небрежность, с которой производилась подготовка его машины к полетам, но не хотелось ввязываться в разговоры с начальством, и он решил подождать первых испытательных полетов, чтобы посмотреть, как самолет будет вести себя в воздухе.

3.

Еще быстрее, чем дни ремонта, пролетела неделя, предоставленная Домбровскому на ознакомление с большевистским самолетом в воздухе и на тренировочные полеты. Машина ему нравилась. В воздухе она вела себя совершенно спокойно, хорошо слушалась рулей. Малейшие недочеты в работе мотора, уловленные опытным ухом старшего механика, летавшего с ним все время, были устранены. В субботу Домбровский доложил командиру, что вполне освоился с машиной и может приступить к работе.

— Отлично, — сказал молодой капитан — командир отряда, — через часок загляните ко мне в канцелярию, я сообщу вам суть задания, и можно будет начинать работу.

Ровно через час Домбровский сидел в крохотном кабинете командира при штабе отряда. В канцелярии уже никого не было, — как всегда в субботу, с окончанием занятий все поспешили в город. Беседа велась совершенно наедине.

— Прошу покорно садиться, — сказал командир. — Я сейчас изложу вам суть вашего задания. Оно не так сложно, но его результатам высшее командование придает огромное значение. Я особенно подчеркиваю — огромное значение. И мне кажется, что мы с вами можем гордиться тем, что выполнение столь ответственного задания выпало именно на нашу долю. Ни минуты не сомневаюсь в том, что летчик моего отряда целиком оправдает оказанное ему доверие... — здесь капитан сделал небольшую паузу.

— Постараюсь, господин капитан.

— Ни минуты не сомневаюсь в вас, Домбровский. Так дело вот в чем: хотя мы, конечно, имеем более или менее точные данные о качествах машин, которыми вооружены наши любезные соседи, но решено на практике выяснить полетные и тактические данные машин, стоящих у них на

вооружении. Для этого мы воспользуемся попавшей к нам машиной перебежчика и...

— Но, позволю себе заметить, господин капитан, насколько мне известно, эта машина вовсе не является типичной, ведь у них...

— А наше ли это с вами дело рассуждать? Мне приказано: пользуясь имеющейся налицо машиной, выявить все ее качества. И баста! Мы должны их выяснить, не вдаваясь в рассуждения о типичности или нетипичности.

В понедельник перед рассветом вы подниметесь с нашего аэродрома. Впрочем, давайте лучше сразу же обратимся к карте, — капитан достал из стола приготовленную для полета, склеенную лентой и размеченную карту и разложил ее перед Домбровским. — Так вот, видите ли, вы поднимаетесь с нашего аэродрома, вот здесь, и летите на П. у самой границы. Тут вы сворачиваете круто на зюйд-ост и, пройдя вдоль границы до Т., берете курс на Д., где расположен аэродром нашей истребительной эскадрильи. Везде по пути вашего следования специальные посты наблюдателей будут засекают время вашего пролета, учитывая в то же время скорость и направление ветра. Это нам совершенно необходимо для выявления действительной скорости машины во вне-аэродромных условиях, при случайной метеорологической обстановке. На борту у вас будет полный запас горючего и балласт в виде учебных бомб в максимальном расчетном количестве, какое только машина способна поднимать при данном радиусе действия. Механик вам в полете не нужен. На случай вынужденной посадки помощь будет вам оказана постами наблюдателей, о которых я только что говорил. Свободная от механика подъемная сила используется для увеличения запаса горючего, так как мне бы хотелось, чтобы вы могли тем же путем, повернув над Д., прийти обратно на наш аэродром, не совершая посадок.

Дав Домбровскому время внимательно проследить по карте указанный маршрут, командир продолжал:

— Кстати, мы используем первый полет и для того, чтобы дать вам возможность наиболее полно ознакомиться с маневренностью машины в условиях, так сказать, чистой

практики. Вероятно, не доходя Д., навстречу вам будет выслан истребитель или два, с которыми вам придется провести примерный бой. Этот бой представляет для нас особенный интерес, так как вам придется его вести с большой нагрузкой горючего и с бомбами. При этом заметьте, что мне бы очень не хотелось, чтобы нападение истребителей заставило вас сбросить бомбы. Вы сами понимаете, насколько это интересно, хотя я и согласен с тем, что ставлю вам несколько необычные требования. Но я же знаю, с каким лихим летуном я имею дело, — любезно осклабился командир.

— Ну что же, капитан, я полагаю, что ничего страшного в этом задании нет. Позволю себе только заметить, что, вероятно, мне удалось бы выяснить несколько не хуже качества машины, и не совершая столь длинного перелета. Хотя я, поверьте, от него не уклоняюсь и совершу эту прогулку с большим удовольствием.

— С тем большим, что, вероятно, по возвращении из нее, если, конечно, она будет успешной, вас ожидают офицерские погоны. Что же касается необычности условий этого испытания, то такова воля высшего командования, с которой нам не приходится спорить.

— Да, пожалуй, не приходится. А что касается офицерских погонов, то поверьте, что они для меня не представляются уж так необходимыми, чтобы отбыть свой срок обязательной службы.

— Ну, это вам так сейчас кажется. Другое скажете, когда будете постарше, — с достоинством произнес капитан, разглаживая плохо растущие, по молодости, усы.

— Да, скажите кстати, вы застрахованы?

— Никак нет, капитан.

— Как же так? Очень рекомендую вам по возвращении из полета сделать это. Наша служба, ведь, такова, что трудно сказать, в каком виде вернешься к себе домой, да и вернешься ли вообще. Это совершенно необходимо сделать в пользу вашей матушки.

— Ну, моей матушке теперь уж не очень нужен мой страховой полис. Выражаясь стилем господ священнослу-

жителей, в случае чего мы с ней только встретимся на том свете.

— А, ну так, так это другое дело. Знаете, для нашего брата это даже лучше — знать, что ты никого не имеешь за спиной. Семья связывает дух летчика... Ну-с, итак, до понедельника. Очень вас прошу вылететь с самым рассветом.

— Есть, капитан. Разрешите идти?

— Да. Желаю всего наилучшего. Утром приеду сам на аэродром вас проводить.

— Всего лучшего, — сказал Домбровский и, щелкнув каблуками, как полагалось, двинулся к выходу.

Точно спохватившись, командир его окликнул:

— Ах, да, прошу извинить меня. Я совершенно забыл. Мы только вчера получили из Варшавы полетное платье нового образца, говорят, оно замечательно удобно. Я бы очень хотел, чтобы вы кстати уж попробовали его послезавтра и сказали ваше мнение — каково оно для длительных полетов. Вот, я распорядился даже приготовить вам один комплект. Прошу вас, вот там. Не откажите взять с собой и обязательно им воспользоваться в понедельничном полете.

Капитан указал в угол, где на стуле было приготовлено большое кожаное пальто на коротком мягком меху.

«Скажи на милость, какая необычайная предупредительность. Чего они со мной последние дни так носятся?» подумал Домбровский, забирая в охапку мягкую грудку приятно пахнущей коричневой лайки.

4.

Ровно и спокойно, как хороший хронометр, рокочет мотор. Четыреста лошадиных сил, заключенных в двенадцать черных цилиндров, так спокойно вертят пропеллер, точно это ручка простой швейной машинки, и будто на этом пропеллере не висит большая машина, весом в две с лишним тысячи килограммов.

В серой мгле рассвета Домбровский больше угадывает, чем видит ровное дрожание стрелок приборов; как таинственные глаза какого-то большого живого существа, глядят

они на него с передней доски своими светящимися циферблатами. Машина спокойно режет воздух, и его однообразный шум в ушах навевает почти сонливую, спокойную уверенность в себе и в самолете.

Уже почти два часа, как Домбровский следит за стрелками приборов. Уже полтора часа, как он миновал сонную П. Уже полчаса, как он окончил свое движение вдоль границы и свернул в сторону Д. Уже полчаса, как у самой этой границы, под Тарнаховичами, из домика пограничной стражи выскочили на шум машины солдаты и, вероятно, споронок пустили ему вслед несколько блесков винтовочных выстрелов.

Наверно, минут через сорок должны бы уже появиться и П. с аэродромом истребительной группы. «Тут где-нибудь меня должен встретить истребитель и протанцевать со мной воздушную мазурку. Только вот, еще не совсем рассвело, и танцевать мазурку в воздухе рядом с истребителем, делающим по двести сорок километров в час, не так приятно, когда его не совсем отчетливо видно. Немного не рассчитал время вылета командир, торопивший в полет», думалось Домбровскому.

До сих пор Домбровскому не приходилось уходить в такие продолжительные полеты одному, даже без механика. Чувство некоторого одиночества не покидало его. Он думал; какая-то совершенно необычайная для него в полете тоска крепко держала за сердце. Мысли невольно сворачивали в сторону от стоявшей перед ним самой обыкновенной для военного летчика задачи и искали в этом полете какой-то скрытый смысл. В такие минуты он встряхивал головой, отгоняя неудобные мысли, и старался сосредоточить все внимание на управлении машиной. Как назло, это управление не требовало сегодня большого внимания, так как машина шла удивительно спокойно и уверенно. Ровный ветер в лоб не выводил ее из равновесия и почти не заставлял пилота работать рукояткой.

Время от времени Домбровский пытался разыскать там далеко внизу какие-нибудь намеки на те посты наблюдателей, что должны отмечать его движение по назначенному

маршруту, но все попутные деревни спали крепким сном, и в них не заметно было никакого движения.

Вон, далеко впереди, на горизонте вспыхнул блеклый, голубоватый луч прожектора. Он бессильно уставился вверх, но растаял в свете пробуждающегося дня и почти сразу угас.

«Вероятно Д., — подумал Домбровский. — Но на кой ляд им прожекторы, когда день на дворе? Или они меня ждали много раньше? Вероятно, оттого и истребители меня не встречают. Наверно, вылетали и вернулись уже к себе»,

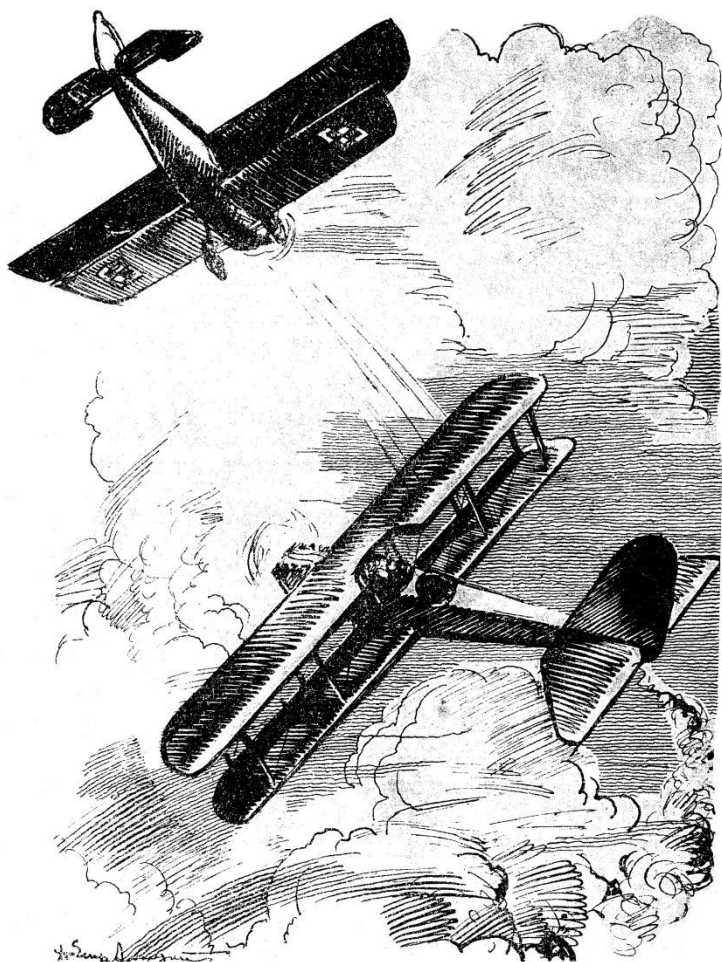
Домбровский внимательно осмотрел весь горизонт перед собой. Взгляд его задержался на крохотной черной точке. «Он, — мелькнуло у Домбровского, — ну, Вацек, подтянись. Надо не ударить в грязь лицом перед этими воздушными танцорами».

А точка на горизонте быстро росла. Превратилась в черточку. В силуэт самолета. И, прежде чем Домбровский сумел оценить расстояние, у него над головой черной воющей массой пронесся маленький биплан.

«Спад»... хороши машины...» — приятный холодок пробежал по спине Домбровского, совсем, как бывало в школе во время примерных боев с инструктором. Но некогда было заниматься воспоминаниями, так как «Спад», крутой свечой набрав высоту, пикировал ему на голову.

Домбровский потянул сектора. Счетчик оборотов показывал предельные 1850 оборотов, но Домбровский видел, что перегруженную машину нельзя вести на фигуры, не сбросив висевшего у нее под крыльями груза бомб. Взвешивая, стоит ли таскаться с бомбами или можно их бросить, чтобы провести намеченный бой с истребителем, Домбровский не особенно заботился о маневрах «Спада», так как времени впереди для «мирного боя» было еще достаточно. Мысли его были прерваны неожиданным резким блеском перед глазами и странными щелчками по борту машины: точно кто-то пальцем постучал по натянутому полотну.

Поглядев на мотор, он ничего не заметил подозрительного. Он высунул голову за борт, чтобы взглянуть на то место, где ему слышались щелчки. Прямо на него снизу горкой лез «Спад».

— Он рехнулся! Садит из пулемета...

«Ишь ты, неугомонный», подумал Вацек, но мысль его была прервана снова блеснувшим в глаза огнем с носа истребителя.

«Мать!.. Он рехнулся! Садит из пулемета», пронеслось в голове Домбровского. И как бы в подтверждение этого

нелепого предположения снова застучало дробью по брюху самолета. В тот же момент правая нога Домбровского вместе с педалью резко подалась вперед. Мысли вихрем закружились в голове летчика: «Ерунда... не может быть... трос, вероятно, лопнул... нет, нет, тросы были новые... да что ж это такое... ерунда... недоразумение».

Рука сама потянулась к сектору и сбавила газ: «По инструкции, садиться прямо перед собой, руль глубины действует, а этого идиота под арест запятят... так недолго...»

Разлетевшиеся вдребезги перед самым носом Домбровского стекла нескольких приборов яснее слов сказали о посыпавшейся сверху новой пулеметной очереди. Над ним был явно сумасшедший. Времени не оставалось. Домбровский дал рукоятку от себя, насколько мог, и тросы завывли в стремительном падении машины. Но прежде, чем Домбровский успел убавить газ, впереди у самого носа машины раздался пронзительный треск, и машина стала нелепо дергаться от бешено крутящегося обломка пропеллера. Горячий удар в голову заставил Домбровского закрыть на момент глаза. Когда он их с усилием открыл, то сквозь багровый туман заливавшей их крови он увидел прямо перед собой вертящуюся в правильно ускоряющемся движении землю. «Штопор», через силу подумал Домбровский. Нога машинально подалась вперед, следуя заученной комбинации движений рукоятки и педалей. Но педали не было, она бесильно болталась на оборванном пулей тросе. Превозмогая заливавший его голову обморок, Домбровский расстегнул пояс и потянулся руками к бортам кабинки. Воющий на тысячу голосов ветер с необычайной силой прижал его к сиденью. Последним усилием воли Домбровский напряг мускулы...

5.

Телеграфная комната секретного отдела генерального штаба была ярко освещена несмотря на поздний час. Размерно стучали клавиши Бодо, выбрасывая в бесконечную сеть проводов слово за словом срочный приказ:

«Особо срочно. Совершенно секретно. Начальнику погранучастка П... Т... Нашим сведениям, ночь на понедельник перелетит границу чужой самолет. Неусыпно наблюдайте. Фиксируйте время пролета машины над вашим участком. Сообщите мне. Примите меры тому, чтобы факт перелета был установлен и гражданскими властями погранрайона. Факте перелета немедленно уведомьте командира истребительной авиогруппы.

Начальник N-го отдела бригадный генерал Шкловски. Адьютант ротмистр Любомирски. Номер 4257. Шифр НРБ».

Поставив точку, Бодо замолк. Телеграфист отложил в сторону листок с переданным уже текстом и положил перед собой другой. Клавиши снова застучали, выбивая на ленте новые слова:

«Особо срочно. Совершенно секретно. Командиру №-й истребительной авиогруппы. Нашим сведениям, ночь на понедельник разведчик соседней страны перелетит границу вашем районе. Вести наблюдение. Снять при появлении. Действовать во всем полном соответствии ранее данной инструкции. Результаты немедленно уведомить меня. Начальник N-го отдела бригадный генерал Шкловски. Начальник отдела воздухообороны полковник Зборовски. Адьютант ротмистр Любомирски. Номер 4258. Шифр НРБ».

Бодо снова замолк. Телеграфист отрезал сбегавшую со стола длинной белой змейкой ленту с текстом передачи и вместе с листками передал ее сидевшему у стола офицеру. Тот бережно сложил все в конверт. Поставил на нем сургучную печать. Через минуту пакет лежал в большом несгораемом шкафу, а офицер, удобно растянувшись на кожаном диване, принялся за чтение истрепанного номера газеты.

6.

По ровному асфальту столицы сплошной, неразрывной вереницей тянулись автомобили, на все ноты гаммы предостерегавшие суетливо перебежавших улицу прохожих.

Залитый ярким светом магазинных витрин, асфальт тротуаров кишел суетливой толпой. Наперебой разноголосому хору автомобильных гудков неслись звонкие голоса газетчиков.

— Экстренный выпуск! Экстренный выпуск! Иностранные самолеты над нашей территорией! Исключительные события на границе!

Листки экстренного выпуска расхватывались прохожими. Последний листок из рук ошалелого от собственного крика и суеты мальчишки взял пожилой мужчина в форме авиационного механика. Он торопливо развернул листок, и перед его глазами запестрели заголовки.

Переполяется чаша нашего терпения

Маршал о налете

Мы не можем больше выжидать

НАШ МЕЧ ДОЛЖЕН РУБИТЬ СЕТЬ ПАУТИН- НЫ, ПОКА ОНА НАС НЕ ЗАДУШИЛА

Официальное сообщение военного министерства

«Сегодня на рассвете пограничной охраной был замечен самолет, без опознавательных знаков, перелетевший нашу границу между П. и Т-ми. По всему пути следования самолета до местечка Д-и, где расположена наша истребительная авиация, самолету подавались нашей охраной сигналы, требовавшие немедленной посадки.

Действуя согласно инструкциям, истребительной группой был выслан навстречу неизвестной машине самолет-истребитель, который выстрелами в воздух потребовал посадки неизвестного. Но тот, не обращая внимания на предупреждения, продолжал полет.

Одной из пулеметных очередей, произведенных в воздух, неизвестный самолет, вследствие собственной неосто-

рожности, был поврежден. При посадке самолет разбился, летчик убит.

Произведенный на месте осмотр самолета обнаружил под свежей наружной лакировкой крыльев пятиконечные красные звезды.

При освидетельствовании труп летчика следственными властями обнаружены зашитые в подкладке его кожаного пальто документы на имя военного летчика советской службы и предписание секретного отдела советского генерального штаба...

К участию в следствии по этому делу привлечено министерство иностранных дел».

Пожилой мужчина в форме авиационного механика не мог дальше читать. Буквы смешались и запрыгали перед глазами. Рука, державшая листок экстренного сообщения, бессильно опустилась.

— Да, да, это звезды, которые я сам закрашивал... неужели Вацек?. Так вот для чего я должен был так торопиться... Бедный Вацек... но, ведь, есть же где-нибудь и на них управа...

Как сомнамбула, глядя перед собой невидящими глазами, механик шел, натыкаясь на прохожих. Нарядные дамы и мужчины с опаской шарахались в сторону от шатающегося солдата. Какой-то высокий худой полковник с желтыми авиационными петлицами, такими же, какие были на воротнике шатающегося солдата, изумленно остановился при виде непривычной картины.

— Эй, капрал!

Капрал поднял на него невидящий взгляд. Сознание промелькнуло в глазах за двумя крупными слезами. Капрал нетвердым шагом приблизился к полковнику и протянул к его лицу листок:

— Это Вацек... Вацек Домбровский, я знаю... да, да, я знаю... номер не пройдет...

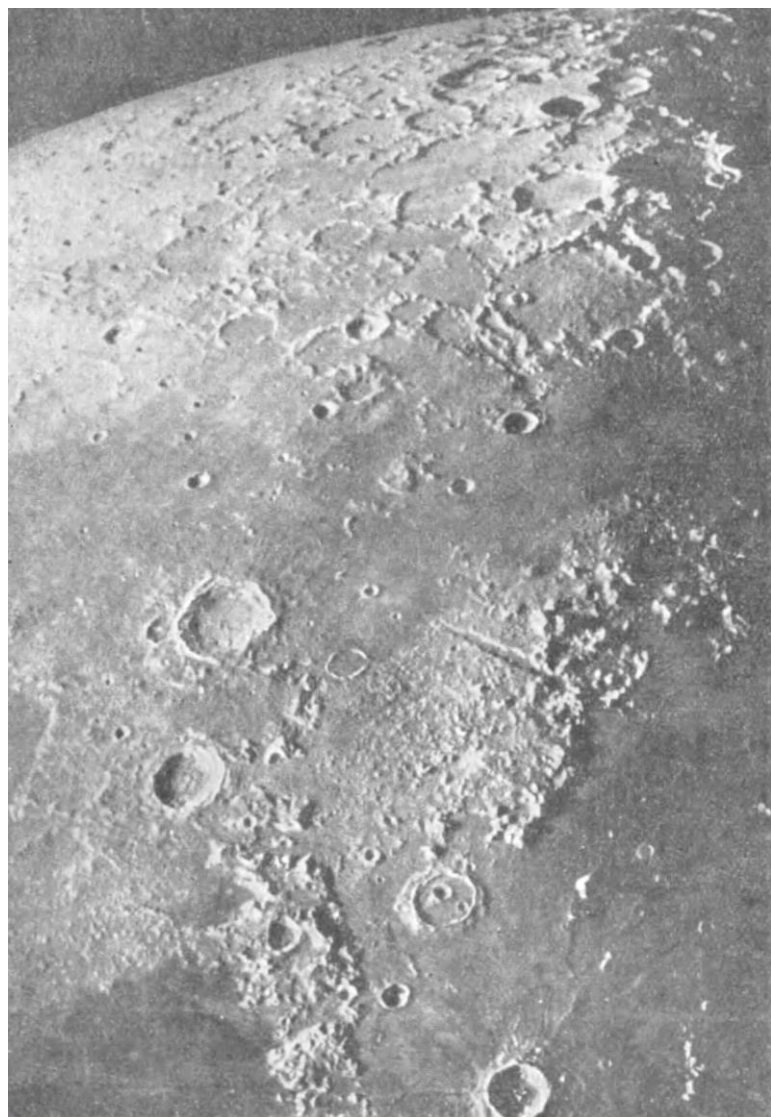

Я. ПЕРЕЛЬМАН

РАКЕТЫ НА ЛУНУ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1930

40 коп.

Я. И. ПЕРЕЛЬМАН

ЛУННЫЙ ПЕРЕЛЕТ ПРОГУЛКА НА ЛУНЕ

(Отрывки из книги «Ракетой на Луну»)

Я. И. ПЕРЕЛЬМАН

РАКЕТОЙ
НА
ЛУНУ

1 9 3 0

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА — ЛЕНИНГРАД

ЗАГЛЯНЕМ В БУДУЩЕЕ!

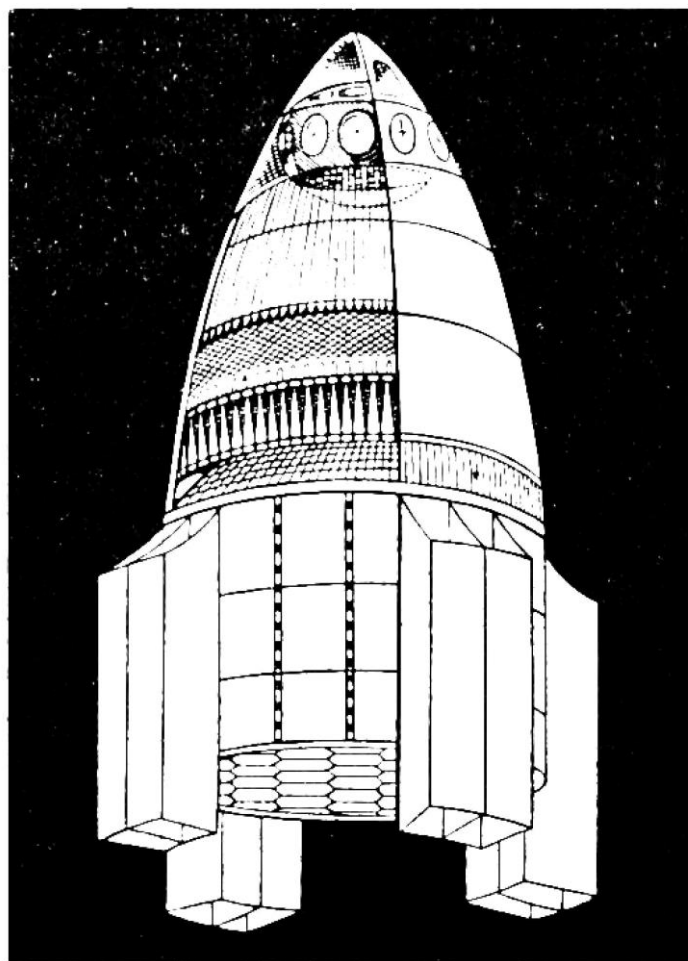
Когда все сейчас намеченное удастся постепенно сделать и строители крупных ракет получают большой опыт в их сооружении, тогда придет, наконец, пора совершить и перелет на Луну. Построят огромную ракету — величиной с большой пароход — и наполнят ее таким обильным запасом горючего, что его хватит на перелет туда и обратно.

Найдутся, без сомнения, отважные люди, которых не устрашат никакие опасности; связанные с первым лунным перелетом. Это будет небывалое, изумительное путешествие — самое удивительное и самое смелое из всех, когда-либо совершившихся за время существования человечества. Человек отправится завоевывать небо!

Не знаю, доведется ли мне дожить до того часа, когда ракетный корабль ринется в небесное пространство и унесет на Луну первых людей. Но вы, молодые читатели мои, вы, весьма возможно, доживете и до того времени, когда между Землей и Луной будут совершаться правильные перелеты, и — кто знает? — может быть, кому-нибудь из вас посчастливится и самому проделать такое путешествие... Как же будут происходить лунные перелеты? Попробуем заглянуть в будущее и нарисовать вероятную картину путешествия на Луну и обратно.

Воздушная ракетная торпеда при
отлете (фантастический рисунок).

Ракетный корабль Оберта, как представляет себе его изобретатель.

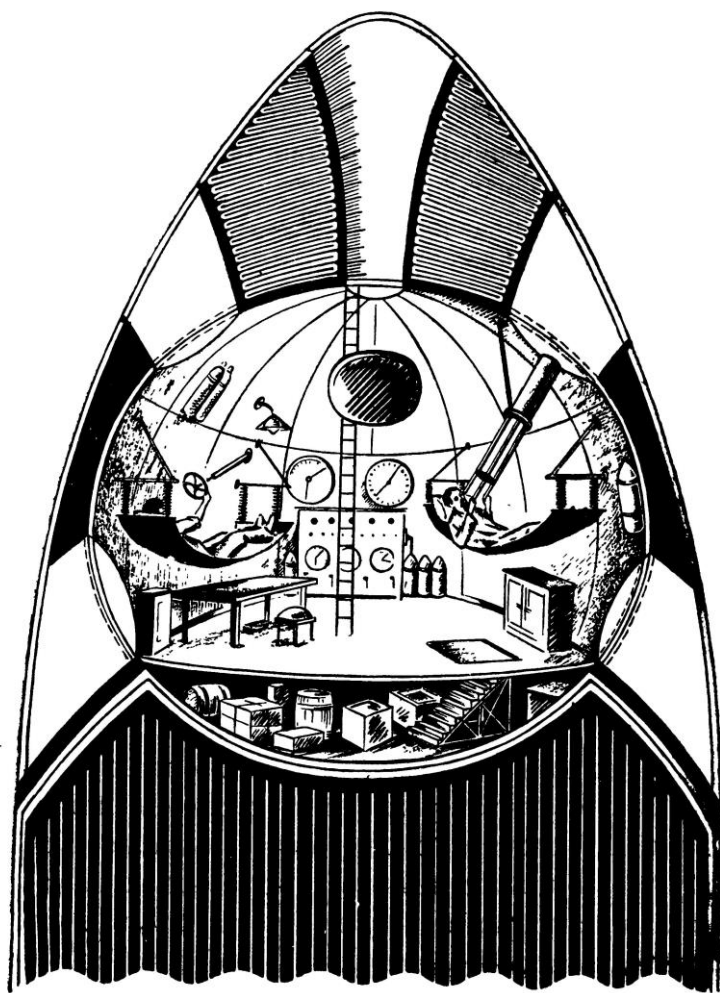

ЛУННЫЙ ПЕРЕЛЕТ

Вы забрались через небольшой люк в тесную кабину ракетного корабля и заботливо заперли за собою двойные дверцы... Ни одной щелочки не должно быть в дверцах: ведь вы полетите в пустоту, а там ведь воздух кабины мгновенно улетучится, если где-нибудь останется хоть самая маленькая скважинка.

Вы еще находитесь на Земле, но уже отделены от земного мира. Сноситься с товарищами, которые собрались вас проводить, больше невозможно. Нельзя даже их видеть: толстые стекла окошек пришлось закрыть наружными ставнями, чтобы они не расплавились, когда корабль будет прорезывать атмосферу и разогреется от трения о воздух. Однако в кабине не темно: войдя, вы повернули выключатель электрического освещения, — и яркий свет залил комнатку. Пока ракета еще не начала полета, рассмотрите ваше тесное жилище. Стены, потолок, пол — все обито мягкой кожей; ударяешься о них без боли, как о мягкий тюфяк. Значит, нечего бояться толчков и сотрясений. Стол, табуреты, шкафчики, вся мебель — привинчены к полу; они тоже не пострадают при сотрясении. По стенам укреплены странные приборы. Вот щит с электрическими измерителями, кнопками, выключателями, рубильниками. Управлять всем этим придется не вам: с вами едет опытный ракетный летчик, не раз уже проделавший путь на Луну и обратно.

Есть в кабине приборы, засасывающие и очищающие воздух, который вы выдыхаете; есть и сосуды с жидким кислородом для пополнения его убыли в кабине. Как видите, нет опасности задохнуться от недостатка воздуха, если только путешествие пройдет благополучно и не затянется чересчур долго сверх намеченного срока.

Каюта будущего ракетного корабля.

Но где же запас провизии? — А, вот трап в полу, ведущий в нижнее помещение. Загляните туда: ящики, бочонки, мешки, свертки. Ну, пищи достаточно! Перелет на Луну и обратно должен длиться две недели; на Луне долго задерживаться не будете, — значит, провизии хватит. На чем готовить пищу? Для этого имеется в каюте удобная электрическая кухня.

На стене висит какая-то необычайная одежда, похожая на костюм водолазов и вся окутанная шнурами. Кто ее наденет? — Легко догадаться: одежда приготовлена для вас самих. Ведь на Луне нельзя дышать так, как на Земле: там воздуха нет или почти нет. Чтобы выйти из каюты ракетного корабля на лунную почву, придется одеться с головы до ног в этот резиновый костюм с металлическим шлемом для головы. Его надуют воздухом, которым вы будете дышать и который не даст вашей крови выступить наружу. Кроме того, за спиной у вас будет ранец с запасом сжатого воздуха.

Сейчас наступит момент отправления корабля в путь. Летчик советует вам лечь в койку, подвешенную на пружинах.

— Вам предстоит три-четыре не особенно приятных минуты, — говорит он. — Но вы, конечно, перенесете их стойко; к тому же все пройдет без вреда для вашего здоровья. Готовы? Пускаю машину.

Летчик подходит к приборам, размещенным на щите, и берется за одну из рукояток, чтобы начать сжигание горючего в ракете корабля.

Оглушающий рев доносится из машинного отделения, и одновременно что-то странное делается с вашим телом: оно словно отяжелело в несколько раз. Пробоете двинуть рукой, шевельнуть ногой — они кажутся вам налитыми свинцом. Приподнять тело над койкой не хватает сил — настолько оно грузно.

Откуда такая тяжесть?

Дело в том, что корабль летит вверх, стремительно увеличивая свою скорость. Пока он разгоняется, койка под вами подпирает ваше тело. Ведь она прикреплена к потолку

каюты и вместе со всей каютой словно силится обогнуть ваше тело.

Отсюда и напор на вас снизу. Вам же кажется, что это вы сами прижимаетесь к койке, сделались тяжелее. И не только ваше тело, — все вещи, находящиеся на ракетном корабле, тоже сильнее давят на свои опоры и, значит, тоже становятся тяжелее. Дышать трудно; на грудь словно налегает тяжелый груз; сердце бьется чаще. Долго ли продлится эта мука?

— Еще полминуты, — успокаивает вас летчик.— Все сразу кончится. Теперь вы раза в три тяжелее обычного, а опыты показали, что отяжеление втрое на короткое время не причиняет вреда человеческому здоровью... Ну вот, я прекращаю горение в ракете. Готовьтесь теперь к новой неожиданности!

Поворот рычага, — и тяжести как не бывало! Но то, что вы чувствуете теперь, еще страннее прежнего. Вы положительно не верите своим чувствам. Ничего подобного вам и во сне никогда не снилось; вы совершенно перестали весить! Вы потеряли свой вес целиком, без остатка!

Что же произошло? Только то, что ваше тело не давит уже на свою опору. Раз горение в ракете прекращено, то скорость корабля больше не нарастает. Он брошен теперь в пространство, как пуля из ружья. До сих пор, пока скорость корабля быстро нарастала, пол каюты словно настигал вас и оттого подпирал ваше тело снизу. Но сейчас и вы, и каюта движетесь одинаково быстро и, следовательно, не напираете друг на друга. А если вы не давите на свою опору, то это и значит, что вы ничего не весите. И все вещи в каюте тоже ничего не весят.

Посмотрите, что проделывает, ради шутки, перед вами летчик: он роняет из рук свои карманные часы, — и они повисают в воздухе, не опускаясь к полу. Вы не должны, однако, удивляться тому, что часы не падают. Почему они должны падать? Земля, конечно, их притягивает, замедляя их полет в пространство. Но она притягивает также весь летящий корабль и тоже замедляет его полет, причем замедляет в одинаковой мере. Часы и каюта мчатся, следова-

тельно, с одной скоростью, не приближаясь и не удаляясь друг от друга. Поэтому часы и остаются на неизменном расстоянии от пола. Если вы слегка подпрыгнете, то тоже будете витать в воздухе.

Вы хотите проверить это: подпрыгиваете — и мягко ударяетесь головой в обитый кожей потолок каюты. Но здесь вы не остаетесь: отскакиваете от потолка и — ударяетесь о пол. На полу вы также не можете удержаться: отскакиваете снова к потолку, и так качаетесь между полом и потолком.

— Хватайтесь за поручень, — кричит вам летчик, — иначе никогда не остановитесь!

Вам удастся поймать рукой один из поручней, прикрепленных к стенам каюты, и ваши невольные качания кончатся.

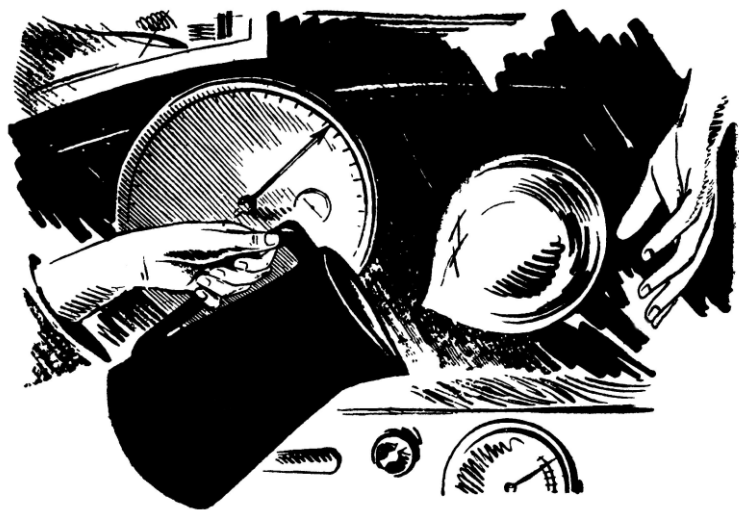
В течение всего перелета на Луну, кроме нескольких минут спуска на ее поверхность, вы будете лишены своего веса. Вам придется к этому привыкнуть и приучить себя ходить не на ногах, а на руках, хватаясь за поручни, или даже вовсе плавать в воздухе, как рыба в воде.

Но привыкнуть не так-то легко. Ведь не только вы сами потеряли вес, но сделались ничего не весящими и все вещи в каюте. Чуть до чего дотронулись, — оно снимается с места и начинает медленно ходить по комнате туда и назад. Хорошо, что столы, табуреты, шкафики наглухо привинчены к полу и стенам каюты: иначе все это шаталось бы в воздухе. Да и то вам с непривычки приходится долго охотиться за каким-нибудь нужным листком бумаги, который вы беспечно положили возле себя. Разыскать его и поймать, пожалуй, не легче, чем схватить руками живую бабочку на лугу — листок уносится малейшим движением воздуха. А если вы выпустили из рук карандаш — можно с ним распрощаться навсегда: легче поймать пушинку в воздухе.

Вам понятно теперь, почему среди припасов, взятых на борт ракетного корабля, вовсе нет таких сыпучих продуктов, как мука, крупа, горох и др. Только развяжете такой мешок — и от малейшего толчка, от едва заметного движения воздуха все это рассеется в воздухе каюты. Собрать

рассеянное вновь невозможно, разве только вылавливать сачком. А, между тем, пришлось бы этим засоренным воздухом дышать; и тогда стоило бы крупинке или горошине попасть в дыхательное горло, как начался бы судорожный кашель, который легко может причинить удушье.

Вам хочется пить. Добираетесь до шкафа и извлекаете из него кувшин с водой, плотно закрытый крышкой. Сняв крышку, вы наклоняете кувшин над стаканом. Но вода не льется. Наклоняете кувшин круче, опрокидываете его наконец совсем — ни капли не выливается! «Да есть ли в кувшине вода-то?» — сомневаетесь вы. По весу не узнать: посуда и полная и пустая здесь одинаково ничего не весят. Заглядываете внутрь: вода несомненно есть. Снова опрокидываете кувшин — нет, ничего не выливается. Ну, конечно, так и должно быть: разве может вода литься, раз она ничего не весит?

Из кувшина выскочил большой водяной шар...

Как же все-таки добыть воду из кувшина? Летчик советует вам хлопнуть ладонью по доньшку. Так и поступаете. Что это? Из кувшина выскочил большой водяной шар, чуть не с тыкву величиной.

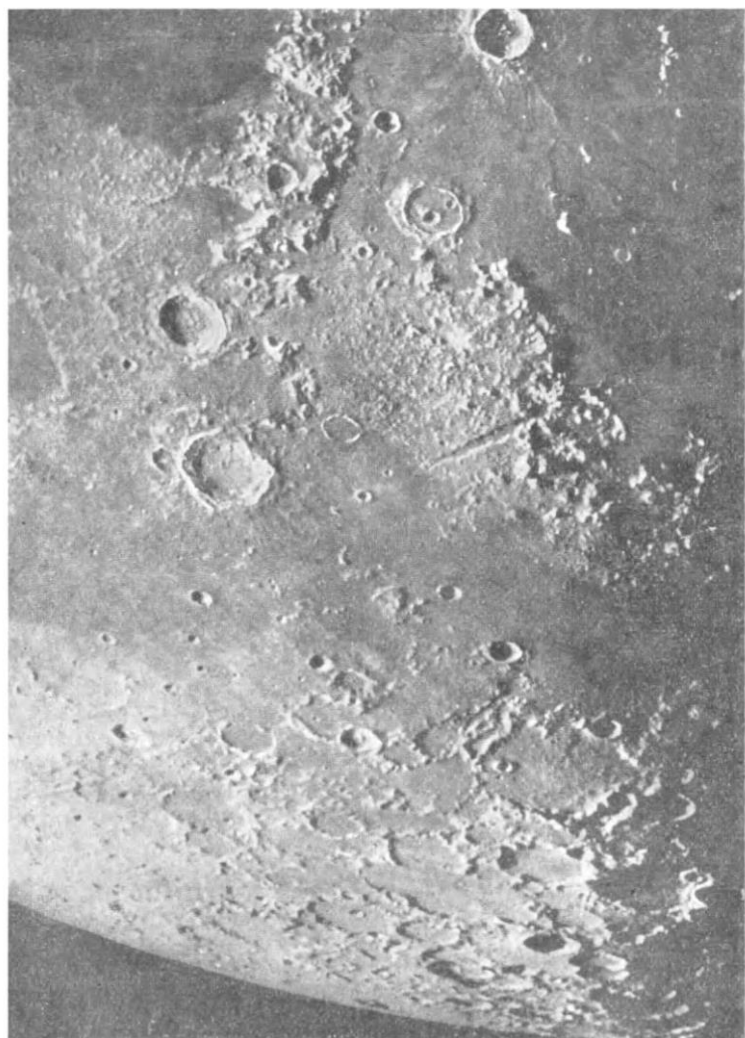
Это здесь такие капли: раз вода ничего не весит, она вся собирается в одну большую каплю. Недолго думая, вы представляете губы к капле, висящей в воздухе, и стараетесь втянуть в себя глоток. Но едва губы ваши коснулись капли, как вода разливается по всему вашему лицу, обволакивает голову, расплзается под платьем по телу.

— Ловите! — кричит вам летчик, кидая полотенце. — Напрасно поторопились: я только хотел дать вам трубочку, через которую вы могли бы пить из этой капли, не принимая холодной ванны.

Да, нелегко привыкнуть ко всем неожиданностям этого странного мира, в котором ни одна вещь ничего не весит и никуда не падает, — мира, где суп не выливается из опрокинутой тарелки; где тело ваше носится в воздухе, как пушинка, где нельзя даже глотнуть воды по-человечески!

Вы начинаете опасаться, что в этом мире невозможно будет ни пить, ни есть: проглоченный кусок не дойдет до желудка, а остановится на полпути, раз он ничего не весит. Но бояться этого нечего; пища опускается изо рта в желудок вовсе не вследствие тяжести: она проталкивается туда стенками пищевода. Если бы было иначе, как могли бы пить воду длинноногие животные, например жираффа, которая, когда пьет, опускает голову ниже своего желудка? В цирке мы видим гимнастов, которые пьют воду через трубку, стоя на руках вниз головой. Здесь нет обмана: каждый глоток проталкивается в желудок схватками стенок пищевода.

Время путешествия тянется однообразно. Часы проходят за часами, но день не сменяется ночью. Солнце без устали заливает яркими лучами стеклянные окна каюты и так согревает комнату, что не приходится вовсе пускать в дело электрическое отопление. Напротив, становится даже чересчур жарко, и надо позаботиться об охлаждении каюты. Летчик берет сосуд с жидким кислородом и разбрасывает его в каюте. Страшно холодная жидкость заметно освежает помещение и, испаряясь, подбавляет в нем кислорода.

Какой должна быть видна поверхность Луны из окошка приближающегося к ней ракетного корабля.

Вы подходите к окошечку каюты, чтобы взглянуть на то, что делается за бортом небесного корабля. Странное дело: солнце ярко сияет, а небо черно, как в самую темную южную ночь, и на нем во множестве выступают яркие звезды. Однако так и должно быть: голубой цвет неба на земле зависит только от воздуха; где нет воздуха, там небо черно. Летчики при высоких подъемах, туда, где воздух мало плотен, видят днем почти черное небо. А здесь кругом корабля вовсе нет воздуха, — оттого небо так черно. Причиной того, что звезды на земле не видны днем, также является воздух: его частицы всюду рассеивают солнечные лучи, которые и затмевают слабый свет звезд. Вокруг небесного корабля нет этой сияющей воздушной завесы, и оттого звезды светят здесь при полном блеске солнца.

Если хотите полюбоваться видом неба не из окошка, а на воле, вы можете покинуть корабль и совершить прогулку в пространстве. Вы удивлены? Боитесь, что упадете в бездну, что задохнетесь от отсутствия воздуха и, вдобавок, еще замерзнете на том страшном морозе, который вечно стоит в мировом пространстве? Страхи ваши напрасны: не случится ни того, ни другого, ни третьего.

Во-первых, вы никуда не упадете, потому что вы брошены в пространство вместе с кораблем и будете все время двигаться с ним — находитесь ли вы внутри его, или выбрались наружу. Чтобы вернуться без хлопот обратно на корабль, вам придется только, покидая его, привязаться к нему на проволоке: хватаясь за нее, вы подтянете себя к кораблю. Как видите, с этой стороны вам ничто не угрожает.

Во-вторых, вы не задохнетесь, потому что будете одеты в особый костюм, надутый воздухом, да еще будете иметь запас сжатого воздуха в ранце за вашей спиной.

И, в-третьих, вы не замерзнете, потому что солнце своими лучами будет согревать вас в вашем костюме, как согревало до сих пор в каюте. А для большего спокойствия захватите с собою электрические нагреватели, соединенные проводами с машиной на небесном корабле.

Итак, нечего опасаться прогулки за борт корабля. Надевайте «водолазный» костюм (его бы следовало, пожалуй,

называть здесь «пустолазным»), запасайтесь всем, чем надо, и, осторожно открыв двойные наружные двери каюты, смело выскальзывайте в мировое пространство. Вы видите дивное зрелище! Звезды, яркие и многочисленные, окружают вас со всех сторон, светят над головой и под ногами, блистая на черном бархате неба. Они не мигают, как на земном небе, а горят спокойным сиянием: где нет воздуха, там не может быть и мерцания звезд.

Среди звездной пыли, усеивающей черное небо, сияет нестерпимо-яркое солнце. Оно не похоже на то солнце, которое вы видели на земном небе. Его окружает какое-то жемчужное сияние. Это самая наружная оболочка солнца, его «корона», которая обычно с Земли не видна сквозь толщу воздуха; ее удастся видеть с Земли только во время полного солнечного затмения.

Видна на небе и Луна в форме полукруга. Она заметно крупнее, чем при взгляде с Земли. Понятно, почему: ведь мы уже на много ближе к ней после долгих часов небесного путешествия.

Кроме Луны, на небе сияет еще одно очень большое светило, — тоже в виде полукруга, но обращенного выпуклостью в противоположную сторону, чем Луна. Оно занимает больше места, чем солнце и Луна. Что это за новое светило? Почему вы никогда не видели его с Земли? Причина понятна: вы сами жили на нем и оттого, разумеется, не могли видеть его на небе. Ну, конечно, это земной шар, который вы покинули! Он сияет, залитый солнцем, как все другие планеты, только крупнее их, потому что вы еще недостаточно от него удалились. Теперь собственными глазами убеждаетесь вы, что Земля, на которой живут люди, тоже небесное светило и что в сущности все мы живем на небе!

У вас кружится голова, когда вы окидываете восхищенным взором этот безграничный простор вселенной, эту великую картину мироздания. Утомленные новизною зрелища, вы спешите вернуться в кабину, чтобы отдаться мыслям о земле, о небе, о вашем необычайном путешествии.

Здесь вам приходит на ум вопрос: почему, когда вы совершали прогулку «за борт», вам казалось, что небесный

корабль несется вовсе не к Луне, а куда-то в сторону. Он и в самом деле летит не туда, где сейчас находится Луна. Не забудьте, что ваш перелет в один конец должен длиться шесть суток, а за этот срок Луна успеет обойти чуть не четверть неба. Место, где она должна очутиться спустя шесть суток после вашего отлета, точно рассчитано. Туда-то и направляется корабль. Сейчас там Луны еще нет, но она не опоздает явиться как раз вовремя.

Луна становится все крупнее; она растет на ваших глазах, и вы уже хорошо различаете на ней простым глазом такие подробности, какие с Земли видны только в хороший бинокль.

Примерно после ста часов полета летчик объявляет вам, что вы, наконец, достигли «перевального пункта путешествия», как он выражается. Корабль пролетел уже девять десятых пути и находится теперь на той невидимой границе, где притяжение могучей Земли уравнивается притяжением маленькой Луны. Здесь словно кончается власть Земли, и начинается власть Луны. С этого времени вы больше не летите на Луну, вы падаете на нее — сначала медленно, потом все быстрее и быстрее. Через тридцать часов такого падения вы очутитесь на ее поверхности.

Итак, вы уже вступили в мир, управляемый Луной, хотя вас отделяет от нее еще сорок тысяч километров. Огромный круг ее заслоняет теперь на небе в сто раз больше места, чем при взгляде с Земли. Вам видны простым глазом кольцевые горы и равнины этого загадочного мира. С каждым часом подлетаете вы к Луне все ближе и ближе, мчитесь все быстрее и быстрее. Если падение будет так продолжаться, то корабль, ударившись о лунную почву, разобьется вдребезги. Удар не будет даже смягчен воздушной подушкой: вокруг Луны нет атмосферы.

Поэтому, когда корабль достаточно приблизится к Луне, капитан вашего корабля примет меры, чтобы, ослабить губительную быстроту падения. Он повернет корабль ракетой к Луне и снова начнет сжигать горючее: газ будет вытекать в сторону Луны, и оттого скорость корабля станет уменьшаться. Так постепенно почти без остатка уничтожится вся

скорость корабля, и он плавно, без толчка сядет на лунную почву.

Будущие исследователи вселенной в особых костюмах покидают ракетный корабль, который спустился на Луну.

Наконец этот момент наступил. Спуск прошел благополучно, и корабль лежит на почве Луны. Вы с капитаном надеваете на себя «водолазные» костюмы и не без волнения покидаете кабину, чтобы ступить ногой в новый, неведомый мир.

ПРОГУЛКА НА ЛУНЕ

Первые же шаги на Луне вызывают ваше удивление. Хотя вы не летите больше в небесном пространстве, а стоите обеими ногами на твердой почве, тело ваше и тут заметно легче, чем было на Земле. Вы потеряли на Луне значительную часть вашего веса. Малейшее усилие вызывает последствия, которых вы никак не ждали. Каждый шаг переносит вас на полдюжины земных шагов; легкий прыжок поднимает ваше тело на два-три метра над почвой.

Не оттого ли стали вы здесь так легки, что костюм ваш надут воздухом? Конечно, нет: на Луне нет атмосферы, и даже самая легкая вещь падает здесь вниз совершенно так же, как и самая грузная. В пустоте все вещи падают с одинаковой скоростью — таков закон природы. Причина легкости совсем в другом, а именно та, что на Луне тяжесть в шесть раз меньше, чем на Земле. Это позволяет вам делать в лунном мире такие высокие прыжки, каких на Земле не делает ни один гимнаст, и поднимать руками такие большие грузы, каких не поднимает на Земле ни один силач.

Вы вглядываетесь в лунную почву, и вас поражает ее темный цвет. Вы ожидали, что почва на Луне белая, как известь. Но ученые знают, что лунная почва не может быть белой; они исследовали лунный свет и убедились, что поверхность Луны должна отбрасывать падающие на нее солнечные лучи, примерно, так же, как чернозем. Установлено, что из всего света, падающего на почву Луны, она отбрасывает всего только четырнадцатую долю.

«Однако, — спросите вы, — если Луна вовсе не белая, а черная, то почему же так ярко светит она ночью?» Потому, что она все же недостаточно черна: ведь четырнадцатую долю света она отбрасывает, посылает к Земле. Даже черный бархат, залитый солнечными лучами, сиял бы на ночном небе белым светом и казался бы нам ярким по сравнению с темнотою ночи.

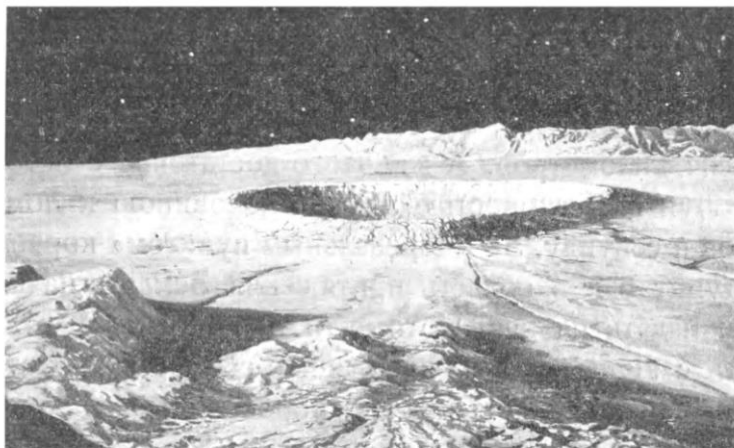
Солнечное затмение на Луне: земной шар заслоняет солнце.

Скоро вы начинаете ощущать, что на Луне днем очень жарко. Солнце кажется с Луны не больше, чем с Земли, но зато оно жжет здесь непрерывно целый ряд суток; оттого почва накаляется так, что жар ее нестерпим для ног. Скорее в тень ближайшей горы! Вот где прохладно, даже, пожалуй, чересчур прохладно.

Сидя в тени, вы оглядываете небо — лунное небо. Вид его так же необычаен, как и вид неба с ракетного корабля. При ярком сиянии солнца небо и здесь совершенно черно, и на нем в изобилии светят звезды. Наша Земля сияет на лунном небе в виде очень яркого круга, поперечник которого раза в четыре больше, чем круг месяца на земном небе. И светит Земля ярче, чем месяц; ее атмосфера отбрасывает больше солнечного света, чем темная почва Луны.

Но что это? День начинает меркнуть. Неужели солнце заходит? Нет, оно лишь прячется позади Земли: начинается солнечное затмение на Луне. Волшебное зрелище! Земля на небе окружается красной каймой: такой вид имеет наша атмосфера, когда она заливается сзади лучами солнца.

Вы достаточно уже остыли от прежнего зноя, более чем достаточно. Вам стало заметно холодно в тени лунной горы. Хочется снова согреться, подвигаться, и вы предпринимаете экскурсию на лунную гору. Подъем очень легкий — не только потому, что тело ваше теперь вшестеро меньше весит, но и потому, что склон горы не крут. Лунные горы вообще не крутые, напротив — очень пологие. Кажутся же они с Земли в трубу крутыми лишь благодаря тому, что отбрасывают от себя резкие тени. Вы добрались до гребня горы; дальше идет спуск в котловину, спуск заметно более крутой. Ваша гора оказывается кольцевой, как и большинство лунных гор.

Кольцевая гора на Луне.

Вот, пожалуй, и все, что я могу рассказать теперь из впечатлений вашей будущей поездки на Луну. Описать все, что вы увидите, когда будете на самом деле бродить по лунной почве, я не в состоянии — по очень простой причине: я не знаю этого. Чтобы все рассказать, надо раньше самому совершить такой перелет. А так как измышлять я не хочу, то делаю здесь пропуск и перехожу сразу к тому моменту, когда вы собрались в обратный путь на Землю.

Вы тщательно укладываете сделанные вами фотографические снимки лунных видов (отправляясь в путь, вы, конечно, захватили с собою фотографический аппарат), а также собранные вами образчики лунной природы. Когда вернетесь домой, вы составите из этого материала «лунную коллекцию», которая красит собою витрину вашего городского или сельского музея. Со всем этим драгоценным имуществом, о котором сейчас земные ученые могут только мечтать, вы забираетесь в каюту небесного корабля, чтобы пуститься в обратное путешествие на родную Землю.

Опять начинается сжигание топлива в ракете, и корабль снимается с места. Он устремляется к небу на этот раз не с такой огромной скоростью, с какою покидал Землю. Скорость — одиннадцать километров в секунду — здесь не нужна. При отлете с Луны корабль должен иметь лишь такую скорость, которая могла бы донести его до «перевального пункта», то есть поднять всего на сорок тысяч километров. А для этого достаточно отлететь от Луны со скоростью двух с половиною километров в секунду. За «перевальным пунктом» корабль вступит уже в область притяжения Земли и начнет сам падать на нее. Потому-то и достаточно отлететь с Луны с такою небольшою скоростью, — которая, однако, вдвое больше скорости снаряда нашей самой сильной пушки.

Когда горение в ракете кончится, то есть через несколько секунд, вы снова потеряете ваш вес и снова окажетесь в маленьком, но необычайном мире, где ничто ничего не весит. Спустя шесть земных суток вы, если спуск пройдет благополучно, будете уже на родной Земле. Перелет на Луну и обратно кончится.

Так или примерно так будут со временем происходить перелеты на Луну и обратно. Если вам доведется самим совершить подобное путешествие, вспомните тогда о тех тружениках, которые смелым полетом мысли и упорной работой подготовили эту удивительную победу человеческого ума над силами природы.

ПРИЛОЖЕНИЕ

К.Э. ЦИОЛКОВСКИЙ

ТЯЖЕСТЬ ИСЧЕЗЛА

Фантастический очерк

Несмотря на то, что частично данная работа К. Э. Циолковского была опубликована еще до революции, в журнале «Природа и люди», 1914 г., № 36, лучшее издание все-таки вышло в 1933 году, с замечательными иллюстрациями. Работа приводится со значительными сокращениями (в основном, сокращались научные выкладки и рассуждения).

К. Э. ЦИОЛКОВСКИЙ

ТЯЖЕСТЬ исчезла

юношеская
научно – техническая
библиотека
машметиздата

1933

госмашметиздат

К. Э. ЦИОЛКОВСКИЙ

Тяжесть исчезла

**Фантастический
очерк**

**Юношеская
Научно-
Техническая
Библиотека**

ОНТИ

1933

Госмашметиздат • Москва • Ленинград

ТЯЖЕСТЬ НА ЗЕМЛЕ ИСЧЕЗЛА

Тяжесть исчезла на земном шаре: воздух моментально улетучился, реки и моря перестали течь, закипели и испарились в межпланетное пространство, растения засохли, животные погибли. Случится и еще многое другое, — но достаточно сказанного.

Тяжесть исчезла, — но пусть воздух останется, и.. ни моря, ни реки не улетучиваются. Устроить это довольно трудно, предположить же все можно. Предположим, кстати, что и центробежная сила суточного вращения земли не сбросала с ее поверхности все находящиеся на ней предметы в разные стороны.

Для всего этого земля не должна вертеться, а воздух должен сдерживаться от рассеивания крепкой кристалльной оболочкой, подобной воображаемому небу древних: тогда сохранится и влажность, — растения не засохнут, и живые существа не умрут.

Так или иначе, но мы живем в обычной обстановке, — недостает лишь тяжести.

ЧТО БЫЛО В ДОМЕ

Вчера мы легли, как ни в чем не бывало, — а сегодня проснулись в среде, свободной от тяжести.

Дело было так. Я проснулся от страшного сердечного замирания, которое бывает при падении с высоты. Сбрасываю одеяло и вижу, что моя кровать стоит столбом, но я с нее не скатываюсь. Мой товарищ, спавший в одной комнате со мной, проснулся от того же ощущения и от холода: тюфяк оттолкнул его своей эластичностью вместе с одеялом, — и он очу-

тился у самого потолка, но укрыться со всех сторон не мог и зяб от утренней свежести.

Я проснулся от странного сердечного замирания

Мое одеяло едва на мне держалось, застряв как-то в кровати, и сам я едва касался тюфяка. Мне все казалось, что я падаю... замрет сердце... оглянусь... вижу, что все на своем месте... успокоюсь; забудусь — опять замрет. Понемногу промежутки между моментами замирания увеличивались — и ложное ощущение падения ослаблялось. Но когда я поднялся, чтобы одеться, то неожиданно и довольно плавно полетел к противоположной стене... и сердце опять тревож-

но забилося... я перестал различать пол от потолка, верх от низу. Комната мне казалась вертящейся вместе с садом и небом, видимым из окон. Сумбур произошел страшный, неопиcуемый.

Я путешествовал по воздуху во все углы комнаты, с потолка на пол и обратно; переворачивался в пространстве, как клоун, но, помимо воли, стучался обо все предметы и всеми членами, приводя все ударяемое в движение; комната плавала и опускалась, как воздушный шар, — уходила и потом, стукнувшись об меня, шла навстречу... Все в голове перепуталось и еще — это неприятное замирание...

Желая достать разные вещи, одеться, мы все сдвинули, — все полетело, закружилось, застучалось и о нас, и о стены, и друг о друга.

По комнате летали «невыразимые» в дружественном объятии со шляпой; сюртук и шкаф плыли, красиво извиваясь; сапоги и чулки были в разных местах; полетишь за одним, — другое запрячется в какой-нибудь закоулок, наслаждаясь там уединением...

Мы плохо направлялись, куда нужно, и бились, как мухи в лампочном стекле... забывали придерживать сами и придерживать необходимые, не надетые еще принадлежности костюма, — и вот, вместе с наполовину натянутыми панталонами, кувыркались, забывая прихватить сюртук и наживая себе новые хлопоты.

Книги на полках, разные мелочи — все это точно ожило и бродило, не имея, по-видимому, серьезного намерения отдыхать.

Комната была, как садок с рыбой; нельзя было повернуться, чтобы не задеть что-нибудь; столы, стулья кресла, зеркала, стоявшие в воздухе, кто как хочет, совершали постепенные эволюции в довольно неживописном беспорядке, но как бы задумавшись. Книги раскрылись, распушились и, поворачиваясь, будто говорили: «читайте нас со всех сторон, вот мы сами к вам от скуки пришли».

Когда мы отталкивали докучный предмет, лезший в самые глаза, задевавший по носу, щекотавший ухо, волосы, то он с необычайной яростью, как бы злясь и мстя нам за нашу

дерзость, метался, как угорелый, из угла в угол, ударяя нас и сталкивая другие предметы, производившие своим движением неимоверный беспорядок. Понемногу этот предмет успокаивался, лишь толкая какую-нибудь куклу в бок, точно говоря: «Ты что ж не бунтуешь». И она бунтовала.

Карманные часы, пойманные случайно за цепочку, волевившуюся подобно змее, указали нам время, и в награду были водворены в жилетный карман.

Восстановить порядок было невозможно: чем усерднее мы его восстанавливали, тем более он нарушался ... Часы с маятником стояли и не приходили в действие, несмотря на все наши усилия: маятник отказывался качаться. Вода из графина от толчка вылилась и летала сначала в виде колебавшегося шара, а потом разбивалась при ударах на капли и, наконец, прилипала и расплзалась по стенам. В других комнатах тоже все было не на месте; но так как там никто порядка не учинял, то все, по крайней мере, не сумасшествовало, не двигалось, не скакало, не ударяло. Присмотревшись, мы, однако, заметили и там слабое брожение.

В противоположность хаосу в доме сад выглядел, как всегда; деревья зеленели, трава шепталась, цветы благоухали, и запах их доносился сквозь сетку открытого окна. Самую сетку я устранять боялся, чтобы не растерять вещей, которые уже неоднократно приближались к рамам, заглядывали в сад и, как бы сожалея о невозможности дальнейшей прогулки, медленно, медленно отходили...

Мы несколько освоились с новым положением: я не вскрикивал, когда попадал вниз головою, между «небом и землей», сердце не замирало, мы научились удерживаться на месте и двигаться в любом направлении.

Только все еще не приноровились летать без вращения: оттолкнешься и непременно хоть слабо, начнешь вертеться; это ужасно, потому что представляется, что все кругом вертится — да и голова кружится. Даже трудно отрешиться от мысли о какой-то шаткости и подвижности дома. Трудно убедить себя, что движешься только ты... оттолкнешься и кажется, что оттолкнул комнату, и она поплыла назад, как легкая лодка.

НЕЛОВКИЙ СКАЧОК, ОКОНЧИВШИЙСЯ БЛАГОПОЛУЧНО

Не подумайте, читатель, на основании предыдущей статьи, что в пространстве, свободном от тяжести, тела имеют свойство сами собой приходить в движение. Совсем напротив: тело в такой среде, не имея движения, никогда его без действия сил не получает, и наоборот, — имея движение, вечно его сохраняет. Если у нас все бродило, то только потому, что в местах, лишенных тяжести, нет трения, происходившего большей частью от самой тяжести, вследствие чего достаточно самого малейшего усилия, — ничтожного дуновения воздуха, — чтобы сдвинуть предмет с места, заставить его вечно стремиться в одном направлении и вечно вертеться. Очень трудно установить предмет, не сообщив ему, как-нибудь нечаянно, толчка; попробуйте, например, поставить самовар прямо на пол. Кажется, что может быть легче: а вам это не удастся, если даже вас и самого-то держать.

Пока вы самовар прижимаете руками, все прекрасно — он стоит; но как только примете руки, он тотчас начнет очень, очень медленно сворачивать на бок, наклоняться. Смотришь, — спустя каких-нибудь 5 мин. уж самовар отошел от пола на вершок и его не касается... Дело в том, что когда мы отняли от него руки, то сообщили ему некоторое движение, происшедшее от невольного и незаметного дрожания руки, и он с течением времени проявляет это движение...

...От стены к стене, не без неудач, пролетели мы по ломаным линиям все комнаты и очутились снаружи, у дверей крыльца. Тут мы задумались. Оттолкнешься неровно — и полетишь в «небо». Как-то оттуда воротиться? Мы делаем прыжок в сад, — но неверно рассчитали (высоко взяли) и полетели в гору, не задевая даже за высочайшие деревья.

Напрасно мы простирали к ним руки, чтоб зацепиться хоть за макушки: деревья уходили и опускались, как-то

проваливались. Кроме того, от болтания руками и ногами (о воздух) я стал вращаться, мне же казалось, что вся громадная местность, от которой я удалялся, поворачивалась: то была у меня над головой (подо мною бездна), то становилась стеной, то казалась горой, ведущей на небо.

От толчка я лечу в противоположную сторону

Я — один; приятель отстал, хотя и кричал мне: «Сейчас догоню». Хочу подождать его, остановиться; машу руками, — но бесполезно...

Я знаю, что я лечу, но не могу чувствами сознать этого; мне кажется, что я совершенно неподвижен, а движется земля... Случилось то, чего я опасался: я уношусь в беспредельное пространство, чтобы сделаться спутником солнца, короче — планетой...

Случилось то, о чем я думал когда-то давно, лежа на траве и глядя в чистое небо: «а что, если я упаду туда». И вот я падаю, — и встречный воздух колышет мою одежду... Ба, да ведь он должен остановить мое планетарное течение...

Однако проходит час, а я все не останавливаюсь ... употребляю отчаянные усилия, — но напрасно... приятель исчез из виду.

Вдали что-то виднеется... ближе и ближе... это бочка... трах об меня... Ах, чорт тебя побери, ловко свиснула.

От толчка я лечу в другую сторону... Прекрасно. Как раз назад... вот и сад... а вон и приятель, беспомощно летящий... я схватываю его за протянутую ногу, и мы вместе (не особенно грациозно) погружаемся в тенистую прохладу сада. Листья нам щекочат лица.

Но мы ни на что не обращаем внимания и, измученные волнениями, с осторожностью, приобретенной печальным опытом, от дерева к дереву, от сучка к сучку, добираемся до беседки, запираемся плотно, — и предаемся сну.

Если бы кто-нибудь видел, как мы спали мертвым сном, усталые и издерганные пережитыми волнениями! Разумеется, невозможно придумать такую мягкую постель, какую представляет собой во всяком месте среда, свободная от тяготения.

ЧТО БЫЛО В САДУ

Скользили близко к почве, задевая за траву; как мотыльки, касались цветов, наслаждались их свежестью и благоуханием... как птицы, пролетали между кустами и деревьями, хватались за них и, сделав вокруг них несколько оборотов и поколебавшись, как пташки, севшие с размаху на тонкую жердочку, останавливались.

Хорошо лежать неподвижно, близко к почве; иногда казалось, что погружен в чрезвычайно прозрачную воду, или лежишь на чистом зеркальном стекле.

Для более быстрого движения удобно отталкиваться от древесного ствола ногами, совершенно так, как это делал (лежа на спине) при купании...

В городе суматоха страшная... Крики... Ужасы, смех..

ЧТО БЫЛО В ГОРОДЕ

Забрел или, лучше сказать, залетел к нам в сад один знакомый из города и, кушая в волнении спелые яблок, передал следующую быль о событиях в их местах.

В городе суматоха страшная: лошади, экипажи, люди и даже дома, плохо скрепленные со своими фундаментами, вместе со всем содержимым, носятся по воздуху, как пылинки и пушинки... Дамы подвязали внизу платья, во-первых, потому что ноги не нужны, во-вторых, неудобно. Некоторые женщины надели мужскую одежду... эмансипация своего рода.

...Вода, разливаясь из рек, прудов и колодцев, засасывается землею или летает шарами всякой величины, вроде мыльных пузырей, — только поплотнее. Такой шар, иногда огромной величины, столкнувшись с человеком, не умеющим устранить себя с его пути, обдаёт его с ног до головы водою, прилипает к нему, и он, весь мокрый, отряхивается, как барбос.

Потом все научились благополучно путешествовать, — но вначале было смешно и неприятно.

Подпочвенная вода, в силу волосности не сдерживаемая тяжестью, поднялась до поверхности земли, и растения, получая достаточно влаги, не нуждались в дожде. Действительно, везде мы замечали сырую землю, как после дождя, но трава и зелень листьев были сухие.

Всюду крик, гам; все летит не туда, куда хочет... Все ползет, вертится, издает крики ужаса или изумления... Слышен смех — раскатистый, или звонкий и беззаботный.

В воздухе носятся нелетающие существа: кошки, насекомые без крыльев, собаки, издающие вой; а летающие существа как-то странно движутся — все вверх, видимо не применившись к новым условиям. Целое стадо коров «витают» в подоблачной высоте... А вон рота солдат, забывшая дисциплину: кто стоит кверху ногами, кто боком, кто, как покачнувшийся столб; один на голове у другого... и все они,

как кучка спичек, разбросанная в беспорядке, или как куча гвоздей.

НА ПРОСТОРЕ

Двигаемся ровно, на одной высоте; если встречается овраг, река, то земля как бы углубляется; под тобою пропасть, в глубине которой сверкают остатки воды, принявшие чудные фантастические формы... Но сердце напрасно замирает: мы не падаем в эту пропасть, а несемся через нее; как тучи, как птицы, или как пушинки, подхваченные сильным ветром. Иногда мы стукались легко о стену, горку; тогда отталкивались параллельно ей и летели на нее так незаметно, как будто она сама услужливо для нас опускалась; на краю ее хватались за траву, кусты, камни, изменяли направление — и опять неслись горизонтально.

Но движение постепенно ослабело; надо было возобновлять его толчками и потому высоко летать было неудобно: не обо что оттолкнуться.

Порою мы летали головой к земле, — и тогда она простиралась над нами, как потолок, с опрокинутыми лесами и горами, под нами же была бездна, куда мы, однако, не падали. Когда мы летели в лежащем положении, то казалось, что мы всходили или опускались вдоль стены, земля стояла боком, стеной и с поставленными боком деревьями, — с других же сторон была бездна.

Потом все иллюзии исчезли, — мы перестали считать землю какой-то прихотливой вертушкой и ясно сознавали свое движение, как сознает его постепенно путник-новичок. плывущий по реке на лодке, для которого берега вначале казались ползущими.

Со временем мы научились двигаться на любой высоте и куда угодно. Для этого нам служили крылья, ничего не весившие, несмотря на свою большую поверхность, и мчавшиеся за нами без малейших усилий. Благодаря им мы избавлялись от неприятного кружения и могли придавать себе

движение, как птицы, и при самом незначительном расходе сил. 10—20 километров в час пролетались легко, без заметного утомления. В лежачем положении можно было двигаться вдвое скорее. Уставая больше от разных акробатических трюков, мы останавливались на высоте, отдыхали, насыщались, засыпали или любовались прекрасными видами. Во время еды хлеб, мясо, напитки в графинах, — все это раскладывалось в воздухе, как на столе.

Завтрак в воздухе

Хорошо было лететь горами, через темные ущелья, над лесами и водами... Через несколько дней «игривого» пути мы оказались в теплом климате. От ядовитых змей, хищных зверей и т. д. мы ограждались железной сеткой, следующей за нами по воздуху. Впрочем, неразумные твари были совершенно обезоружены и находились в том же беспомощном состоянии, как и люди в самом начале переворота. Большая часть их погибла, другая часть должна была погибнуть, потому что они только случайно находили пищу и воду. Питались мы вкусными орехами и другими плодами, которые доставать, понятно, не составляло никакого труда.

Люди все более и более приспосабливались к новым условиям. Животные погибали от беспомощности и непонимания происходящего, растения спасались вследствие полного отсутствия разума.

В лесных лужайках мы то и дело натывались на красивые хоробы мужчин и женщин. На высоте летающих жаворонок раздавались пение и музыка. Ткани прихотливо драпировали тела. Порою забудешься, — и в тупик ставит такой хороб, напоминающий сказки, русалок и разные небылицы.

Иногда мы натывались на трагедию: какое-нибудь несчастное жвачное в нескольких саженьях от густой сочной травы погибало от голода; едва усиленными ударами о воздух и, конечно, случайно оно приближалось к земле и хватало корм, как новое неразумное движение ногами уносило животное в высоту и гораздо дальше, чем оно отстояло ранее.

Хищным было еще хуже (не летающим, — летающие же, хоть и не без замешательства, но справлялись с новыми условиями); редко, редко налетали они на корм или корм налетал на них... Да, мы видели и такие сцены: бедная овечка, серна, олень, корова, лошадь, заяц волей-неволей лезли в самый рот медведю, льву, волку... все это бляло, ржало, мычало, — но не могло избежать неумолимой судьбы. Случалось, впрочем, что животное пролетало на какой-нибудь аршин от хищника, который, несмотря на самое искреннее желание попользоваться добычей, не мог этого сделать. Бы-

вало и так, что животное ударит хищника сзади и рикошетом улетит назад, не попав к нему в лапы. Когда можно или нужно было, мы спасали животное... чтобы съесть его.

НЕНАВИСТНИК ТЯЖЕСТИ

У меня был чужак-знакомый, ненавидевший земную тяжесть, как что-то живое, — не как явление, которое он считал вредным, а как личного и злейшего врага. Он разражался громовыми обвинительными речами, по-своему убедительно доказывал всю несостоятельность этого явления и все блаженство, которое «имеет быть произойти» по его уничтожению.

— Помилуйте, — кричал он, — нельзя выстроить дом, чтобы тяжесть не препятствовала этому всеми силами... Потаскайте-ка кирпичи, повозите-ка бревна... почему бы мне на этом самом бревне не проехаться из лесу?.. а все проказница-тяжесть... Она мешает нам двигаться с быстротою, удобством и дешевизной.

— Не ей ли мы обязаны всеми ужасными затратами на пути сообщения, все еще очень несовершенные, недостаточные, незаконченные и дорогие.

— Ни опуститься в шахту, ни подняться на гору — без затруднений, опасностей и расходов.

— Благодарите ее, — вопил он, — за то, что она вам дает рабочих, засыпая их землею, обваливает мосты и здания, погребая под обломками находящихся в них людей, топит народ и корабли, нагруженные хлебом и другими богатствами, разбивает вдребезги падающих с высот и уничтожает градом полевые всходы; не дает грандиозно развиваться животному и растительному миру, и делает тысячи других гадостей...

— То ли дело, — внезапно умилился он, — среда, свободная от тяжести. ...Всякий спит, сидит и работает, где ему угодно, не нуждаясь в почве и пользуясь при этом прекрасной мебелью, мягкость которой ни с чем не сравнима.

Жилища можно строить везде, на всякой высоте, произвольной величины, что представляет громадные выгоды во многих отношениях; прочности от них не требуется и, кроме того, они могут служить и воздушными кораблями, принимающими на себя или в себя произвольные массы товара и людей, — лишь бы нашлось место.

— Скорость таких кораблей, при заостренной их форме, достигает поразительной величины. Вечно путешествуя, они доставляют своим хозяевам все блага и сокровища земного шара.

— Но пойми ты, что все придет в хаос, — возражали ему, — что будет с морями, океанами, воздухом? Как будут падать капли дождя, и как будут орошаться поля? Ведь массы соленой воды полезут к тебе в дом, в сад, в огород и чем ты от них оградишься?

Но чудаки наш не унимался, а затыкал уши или сердился на возражения, говоря, что его не хотят понять.

Тогда у него спрашивали: «Где такая среда есть, и имеет ли она к нам какое-нибудь отношение, и не выдумал ли он «счастливую Аркадию». — Он отвечал: «Счастливой Аркадии я не выдумывал, — а среда такая есть на астероидах»...

— Воздух препятствует быстрым движениям, — горячился чудаки

— Но там нет воздуха, атмосферы, — говорили ему, — и от нас чересчур далеко, если не считать маленьким расстоянием в несколько сотен миллионов верст.

— Во-первых, расстояние — ничто, потому что зависит от скорости движения и удобства путей сообщения: до Колумба Америка была недоступна, несмотря на сравнительно небольшое расстояние; теперь же для Европы оно сократилось до 5—7 дней. Во-вторых, почему вы думаете, что существа не могут жить без видимого дыхания? Почему бы и людям не примениться с течением времени к такой жизни? По учению некоторых натуралистов, атмосфера должна со временем всосаться земной корой и вступить с ее элементами в химическое соединение, так что людям и животным поневоле придется довольствоваться все меньшей и меньшей дозой кислорода... неужели все должно погибнуть, а не приспособиться к новой жизни?..

Тут он нес такую ахинею, что окружающие только разводили руками и отходили прочь.

В ПОЯСЕ АСТЕРОИДОВ

(из фантастических рассказов чудака)

КАК Я ПОПАЛ НА АСТЕРОИД

Кругом солнца, кроме восьми крупных планет с их спутниками, и астероидов, тоже довольно крупных и движущихся между орбитами Марса и Юпитера, движется масса планет совсем мелких, так что многие из них даже недоступны наблюдению в телескоп.

...Я был на астероидах и еще меньших планетах и видел там жизнь. О, это чудная страна!

Случилось это так.

Блуждая в небесных пространствах со скоростью света, между прочим, я попал на один из астероидов; там нашлись мудрые существа, которые окружили меня всеми заботами, дали мне искусственную атмосферу, замкнутую в шаровом, частью стекляновидном приборе, в котором были растения с прекрасными, зреющими плодами, превосходно утолявшими голод и жажду.

Но этого мало; когда я хотел видеть их жизнь, они плотно закрывали мое тело, без нарушения его форм и свободы движений, особой довольно тонкой оболочкой, предохраняющей его от опасного отсутствия атмосферного давления; они снабжали меня сосудами с кислородом и разными другими аппаратами, имевшими связь с моим телом и заменявшими на некоторое время воздух и питание. Аппараты эти благодаря почти полному отсутствию тяжести не были для меня обременительны...

Так я выходил из своего жилища и все видел.

— Откуда вы? — спросил я однажды у них.
— Мы — переселенцы с других больших планет.

Для них же было безразлично жить — в атмосфере или без нее, потому что газы и вообще все посторонние тела не могли проникать через их кожу; слой атмосферы только немного замедлял их питание солнечными лучами...

Когда я привык к ним и научился их зрительному языку... я с ними много беседовал...

Не буду говорить о формах их тела, потому что понятия о красоте, даже у одной породы двуногих, крайне субъективны; несмотря на это, могу сказать, что и для меня — человека — формы их показались в высшей степени изящны.

Нужно ли напоминать, что с астероидов солнце кажется совсем маленьким и светит и греет... слабее, чем на земле.

...Поэтому, судя по месту моего пребывания, для меня требовалась большая или меньшая защита от холода.

Жители же, чересчур удаленные от солнца, имели кровь холодную, как наши рыбы и насекомые, и были сотканы из веществ, трудно замерзающих.

МОЯ ПЕРВАЯ БЕСЕДА С ТУЗЕМЦАМИ

— Откуда вы? — спросил я однажды у них.

— Мы — переселенцы с других больших планет.

— Как же вы попали сюда и как живете в пустоте, когда ваши тела были приспособлены к жизни в атмосфере?

— Как мы попали сюда — это я не могу вам объяснить, до такой степени это сложно; что же касается атмосферы, то наши тела изменялись понемногу и применились к жизни в пустоте, как у вас водные животные постепенно превращались в сухопутных и нелетающие в летающих. Вообще, на планетах сначала появлялись водные животные, потом — живущие в воздухе и, наконец, в пустоте.

— Я никогда не видал, — прервал я, — чтобы вы ели; скажите, пожалуйста, чем вы питаетесь.

— Мы ничего не едим в том смысле, как вы это понимаете; мы питаемся и развиваемся, подобно растениям, действием солнечных лучей.

— Это восхитительно, что вам не нужно заботиться о куске хлеба и не нужно убивать и пожирать слабейших; ва-

ша жизнь — давнишняя моя мечта, казавшаяся мне неисполнимой. Но я все-таки не понимаю... Растение питается соками земли и газами воздуха, которые энергия солнечных лучей изменяет в ткань растений... А вы говорите, что вы, как растения, ничего не едите.

— Вначале, правда, пока мы еще окончательно не сформировались, мы живем, как земные растения и животные, в особой искусственной среде, переживая эмбриологически разные фазисы нашей эволюции в бесконечном прошедшем.... По формировании мы покрываемся прозрачной роговидной оболочкой, непроницаемой для тел ни в каком их состоянии, и становимся в пустоте неуязвимыми.

— Неужели вы никогда не испытываете неприятных ощущений голода и жажды?

— Никогда. У нас есть только регулятор, который показывает, что пора обернуть к солнцу наши крылья, чтобы не заснуть. Если мы не захотим послушать этого указания, то засыпаем сладко. Когда наступает опасность истощения, регулятор будит нас и заботливо указывает на новое обстоятельство. Впрочем, в этой среде, где мы живем, нет облаков, и мы питаемся беспрепятственно.

— Так вот для чего ваши красивые крылья: они оказываются вашим садом, огородом, полем, скотным двором и т. д., потому что доставляют все необходимое для стола; а я ранее думал, что вы летаете...

— Летать мы можем и без крыльев; в пустоте же крылья для вашего обыкновенного летания и бесполезны.

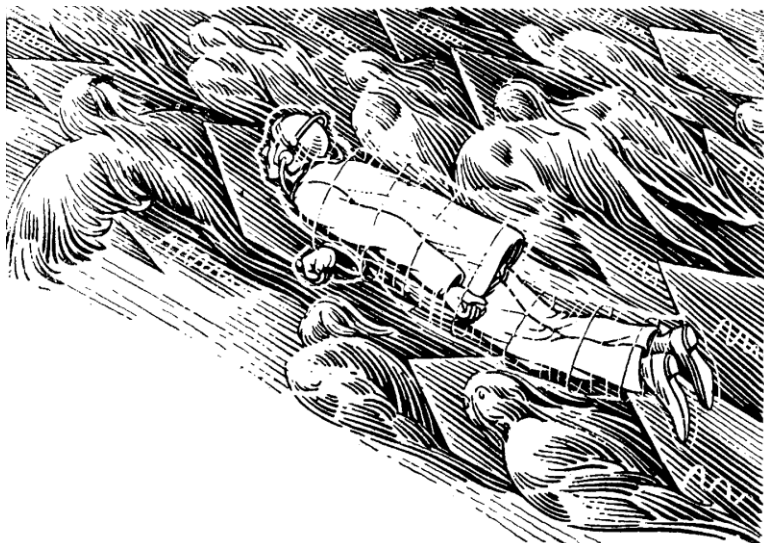
ПЛАНЕТА, ОТ КОТОРОЙ ОСВОБОЖДАЮТСЯ ОДНИМ ХОРОШИМ ПРЫЖКОМ

Мы на астероиде, невидимом с земли в лучшие телескопы, так как диаметр его не более 6 км. Тяжесть тут так слаба, что достаточно понатужиться — прыгнуть посильнее, и мы вечно будем удаляться от него и никогда к нему не приблизимся; мы освобождаемся от силы его тяготения одним хорошим прыжком...

Сравнительная поверхность этого астероида действительно крохотная: на ней может устроиться не более 3000

земных жителей с их расточительным хозяйством; туземцев же может поместиться и кормиться около 8 млн.: немножко тесненько, но в полях они не нуждаются; тяжесть очень слабая: прыгни — и лети, куда хочешь...

Если хотите путешествовать, лучше сказать, облететь кругом планету по разным меридианам и осмотреть ее поверхность, то лучше поступать так: оттолкнитесь ногами, в лежащем положении и в горизонтальном направлении, от какого-нибудь большого камня или выступа планеты. Тогда вы полетите, как рыба в воде, будто поплывете: на боку, животе или на спине...

Я был у них на кольце, летая от одной его части к другой.

Многомиллионное население планеты живет на ней только частью, большинство же, в погоне за светом и местом, образует вокруг нее вместе со своими машинами, аппаратами и строениями движущийся рой, имеющий форму кольца, — вроде кольца Сатурна, только большее. Живое кольцо это расположено в плоскости, перпендикулярной направлению лучей солнечного света, и потому оно никогда не лишается его живительной силы; по мере же обращения

планеты кругом солнца движение кольца искусственно изменяется, и «лицо» его продолжает глядеть на светило; скорости элементов кольца так ничтожны, что перемену направления его плоскости можно производить не только раз в год, но и 100 раз в день...

Я был у них на кольце, летая от одной его части к другой и отталкиваясь все выше и выше. Мне всегда казалось, что вертится планета, а мы все стоим, и двигаемся лишь по желанию...

Со мной путешествовало и мое жилище и вся моя домашняя земная обстановка, устроенная для меня жителями астероида, так что я всегда, когда хотел, мог пользоваться атмосферой и всем, к чему я привык. А надоело облекаться в свою «кожу», нацеплять всю амуницию, необходимую для жизни в безвоздушном пространстве, и гулять в нем.

АСТЕРОИД С ДИАМЕТРОМ, В 10 РАЗ БОЛЬШИМ

Вот астероид, диаметр которого равен 56 км. Так как планета находится поблизости от описанной, то пользуется она той же энергией лучей солнца, но пропитать может на своей поверхности около 800 млн. обитателей планеты... Планета, как хотите, солидная...

Хоть планета и солидная, но бежать на ней несколько удобнее, чем на предыдущей; только не торопитесь: при малейшей торопливости начнете кувыркаться...

У жителей малых планет есть особые способы и приборы для приобретения скорости, для остановки и для предохранения от кувыркания.

Вокруг этой, так же точно, как и вокруг меньшей планеты, вертится живое кольцо, получающее от солнца энергию, достаточную для поддержания существования 20 млрд. жителей. Его население превышает население планеты в 25 раз, а поверхность — только в 6 раз. Плоскость кольца также всегда обращена «лицом» к солнцу, и элементы его, значит, меняют свое движение по мере обращения своего вокруг светила.

Вокруг одного из меридианов планеты устроен гладкий путь, и на нем охватывающий кругом планету и ползущий

на ней пояс; это — длинная кольцеобразная платформа на множестве колес. Посредством солнечных двигателей она непрерывной и неустанной полосой движется вокруг планеты... Описанная система хороша для жителей тем, что всегда им обеспечивает удобное сообщение кольца (или диска) планетой.

Многоэтажные кольцевые поезда, приводимые в движение солнечными моторами.

Изо всей силы оттолкнулся от обломка.

НА ТРЕХ ПЕРВОБЫТНЫХ АСТЕРОИДАХ

Случилось мне быть и на первобытной планете, нетронутой обитателями астероидного пояса на память о прошлом, как мы храним местности, замечательные в геологическом отношении. Что это за неправильная масса! И издалека, и вблизи она напоминает какой-то осколок, а уж никак не нашу сравнительно полированную землю. Тяжесть на астероиде, будучи очень мала, беспредельно разнообразна по направлению и напряжению.

Другой раз я был на первобытной вращающейся планете, но почти шаровидной формы. Вследствие вращения относительная тяжесть на поверхности планеты тоже сильно изменялась... почва уже представлялась наклонным потолком, который на экваторе превращался в обыкновенный горизонтальный земной потолок, и вам надо было хвататься, за что придется, чтобы не слететь с планеты. Здесь прихо-

дилось стоять кверху ногами, как это делают мальчики и акробаты, с той, однако, разницей; что кровь к голове не приливает, лицо не краснеет и вас не притискивает к почве ужасная земная тяжесть, а, напротив, стремится слегка оторвать от тех выступов, за которые вы придерживаетесь. Камней тут нет, все они улетели с планеты под влиянием центробежной силы, и, носясь кругом планеты, лишь изредка к ней приближаются.

Однажды выступ, за который я ухватился, был сорван мной, — и вот я вместе с ним плавно отделяюсь от планеты; тогда я изо всей силы оттолкнулся от захваченного мною обломка, который и стал быстро удаляться от меня и планеты, я же стал приближаться к ней. Но так как в этот раз я попал на гладкую часть планеты, и схватиться решительно было не за что, то мне и пришлось удаляться от планеты снова...

ВОЗВРАЩЕНИЕ НА ЗЕМЛЮ

...Сколько лет прошло, — не знаю. Наступила пора покинуть моих добрых хозяев.

Я своим человеческим сердцем так привязался к ним, к их жизни, к их обстановке и ласкам, которыми они меня постоянно окружали...

Я находил их прекрасными, как старинные драгоценные вазы, я преклонялся перед ними, как перед высочайшими произведениями человеческого ума.

Мало того, — каждый мне казался таким недостижимо высоким, благородным, и в то же время таким добрым, простым, доступным...

... Но пора возвратиться, и они мне об этом объявили:

— Ты должен быть у своих и передать то, что ты здесь видел и испытал...

— Покинуть вас — о, это ужасно! Оставьте меня здесь совсем, оставьте, — и воплотите меня в одно из ваших тел!

Но они были непреклонны...

Сердце мое разрывалось от горя; про землю я забыл и смотрел на нее, как на нечто мне чуждое...

... Со мной еще поговорили, и я сам пожелал вернуться обратно — и вот я... снова на земле.

Вот мои забытые впечатления — теперь они, переданные бумаге, лежат перед вами.

Не вспомню ли я и еще чего-нибудь со временем?..

Да, друзья мои, я рассказал вам много чудных вещей, но я не рассказал и миллионной доли того, что есть на самом деле.

Что я видел и где я был? В одной солнечной системе. А сколько таких систем? В одном Млечном Пути их миллиарды. А сколько Млечных Путей?!..

А. КРУЧИНА

«186 и 18»

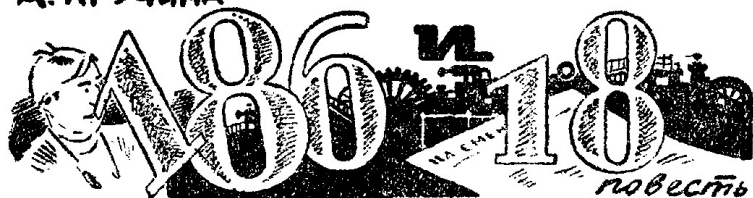
Фантастическая повесть

Газета «На смену!» (Свердловск), 1927 г., 5 июня – 3 июля.

Текст найден не полностью.

Найдены №№ 55, 56, 58, 59, 62, 65. Окончание повести, видимо, перенесено на июль. В № 65 есть анонс о выходе следующего номера 3 июля 1927 года.

А. КРУЧИНА

РЕДКИЙ СЛУЧАЙ В ПРАКТИКЕ

Происшествие это чрезвычайно взволновало немногочисленное население станции Разгильдяй. Дело было так:

Уполномоченный по печати при ячейке ВЛКСМ, он же постоянный юнкор «На Смену», Иван Семенович Тимофеев вернулся домой в чрезвычайно мрачном настроении.

Швырнув в сторону портфель и кепку, он сел за стол и подперев щеки крепко сжатыми кулаками, погрузился в тяжелое раздумье. Затем встряхнул шевелюрой и сердито процедил сквозь зубы.

— 186 и 18. Безобразие... Позор...

— В чем дело?.. — озабоченно спросила его жена Дора. — Какие восемнадцать? Какие сто восемьдесят шесть? Пора идти в столовую обедать...

— Что же ты молчишь, — после паузы недоумевающе переспросила Дора.

Но в этот самый момент Тимофеев поднялся со стула, нелепо взмахнул руками и упал навзничь.

— Обморок! Воды... — змейкой промелькнула в голове Доры первая мысль... Но ведро воды, немедленно использованное в качестве первой помощи, не дало никаких результатов. Гриша не подавал никаких признаков жизни. Положение создалось отчаянное, и крик ужаса и глубокой душевной боли вырвался у Доры...

— Умер... Умер.. Умер... — крикнула она, заламывая руки.

На крики Доры сбегались соседи. Быстро весть о смерти Тимофеева облетела всю станцию. Пришли ребята из

ячейки. Потрясенные потерей любимого товарища, деловито приступили к обсуждению церемониала предстоящих похорон. Комната наполнилась сочувствующими и любопытными...

Телеграфист Штучкин утешал вдову, нашептывая ей о том, что смерть человека - дело обычное, и придавать этому особенное значение не следует... Что его чувства к Доре не угасли, наоборот, разгорелись бушующим пламенем страсти, и он сумеет ей заменить и мужа, и друга, каким был для нее Тимофеев.

Но странное дело! Недвижно распростертый на полу, парализованный Тимофеев отлично слышал и понимал все, что вокруг него происходило...

И прислушавшись к страстному шепоту Штучкина, обозлился.

— Негодяй! Не успел похоронить меня, и уже сватается к жене... Хотя, в конечном счете, все это предрассудки, не стоящие выеденного яйца. — Тут Тимофеев хотел презрительно улыбнуться, но ни один мускул на его лице не дрогнул. Лицо было парализовано и оставалось неподвижным.

Кто-то из окружающих подал мысль:

— Доктора нужно вызвать. Доктор должен констатировать смерть, установить ее причины. Без этого нельзя хоронить товарища.

И пока ждали доктора, среди друзей и знакомых Тимофеева продолжался обмен мнениями по поводу случившегося.

— Золотой работник погиб, — говорили комсомольцы. — Жалко Ванюху.

— Одним газетным кляузником меньше, — ехидно ворчали старики из числа любопытных.

Наконец приехал участковый врач тов. Уповающий и приступил к обследованию бездыханного Тимофеева.

Врач отложил в сторону стетоскоп, снял очки, протер их, затем снова осмотрел Тимофеева и развел руками.

— Станный случай в практике. Он жив, граждане. Это очевидно, просто один из видов летаргии. Сегодня же отправьте товарища в больницу.

И в этот момент Тимофеев потерял способность слышать и понимать то, что делается вокруг. Он погрузился в небытие.

Все служащие ст. Разгильдяй недели две подряд ломали головы над разгадыванием истинной причины летаргического сна Тимофеева.

Но все их попытки, конечно, ничего определенного, близкого к истине дать не могли.

Одни утверждали, что Тимофеев впал в летаргию в результате семейных недоразумений, другие предполагали, что летаргия явилась следствием переутомления, так как Тимофеев за последние четыре года работал в комсомоле с нагрузкой в триста пятьдесят процентов и отпусками не пользовался.

Но как первые, так и вторые были в своих предположениях далеки от истины...

И да позволит нам читатель приоткрыть завесу и осветить те обстоятельства, которые сопутствовали в высшей степени странному, если не сказать больше, неслыханному в летописях станции Разгильдйя происшествию.

Случай с Тимофеевым произошел ровно в 3 часа 15 минут пополудни местного времени 30 апреля 1927 года.

В этот день Иван Семенович возвратился домой в два часа дня в чрезвычайно приподнятом настроении. Твердым, чеканным шагом подошел к своему письменному столу и погрузился в тяжелое раздумье.

— Позор! — прошептал он. — На 186 комсомольцев восемнадцать номеров. Всего только 10 процентов. И это называется ком-со-мольцы, краса и гордость революции.

Иван Семенович покачал головой и с едкой горечью еще раз прошептал:

— Восемнадцать подписчиков!

Два года Тимофеев состоял неизменным и верным корреспондентом «На Смену!», два года состоял уполномоченным печати при ячейке, всеми силами содействуя распространению своей областной комсомольской газеты. И теперь испытывал мучительный жгучий стыд за своих товарищей по организации, только на 10 процентов проявивших заинтересованность в своей газете.

— На Урале не менее ста тысяч комсомольцев, а «На Смену!» имеет возможность выходить только три раза в неделю. «На Смену!» имеет огромный дефицит и сравнительно небольшой тираж — думал Тимофеев. — Ведь, если бы четвертая часть всей массы уральских комсомольцев и городских, и фабрично-заводских, и деревенских районов выписывала «На Смену!», какая была бы красота! Ежедневно бы выпускали газету, с приложением, чорт возьми. Эх!..

Краска стыда покрыла лицо Тимофеева.

— Но чем объяснить такой слабый интерес к газете среди комсомольцев? Газета ведется хорошо, откликается на все комсомольские злобы дня, представляет собой отпечаток коллективного творчества всех, кто группируется вокруг

газеты... А наша ячейка плетется в хвосте... Хм... Смешно! 18 экземпляров! Недаром станции присвоено имя «Разгильдяй».

Долго думал Тимофеев. Нужно было писать в редакцию «На Смену!» о результатах апрельской подписки, послать пару корреспонденций.

Снова сжалось сердце Тимофеева от угрызений совести, от стыда перед любимой редакцией.

Тимофеев взялся за перо, глубоко вздохнул, собираясь писать, и вдруг смертельная бледность покрыла его лицо. На лбу выступил холодный пот, в глазах потемнело.

В это время подошла его жена.

Тимофеев поднялся, взмахнул руками, покачнулся и... упал.

Остальное читателю известно.

В больнице, куда на другой день утром доставили Ивана Семеновича, его положили в отдельной изолированной комнате.

Врач отдал необходимые распоряжения и ушел. Погруженного в глубокий сон Тимофеева врач посещал по нескольку раз в день.

Прошло две недели, Тимофеев спал.

На пятнадцатый день врач остановился около больного, снял пенснэ, не торопясь протер платком стекла, что-то обдумывая, еще раз внимательно осмотрел Тимофеева, молча прошел в кабинет, сел за письменный стол и написал телеграмму:

«Пермь, профессору Крутову.

Чрезвычайно интересный случай длительной летаргии. Больной спит пятнадцать дней, просьба приехать, согласие телеграфируйте.

Врач Уповающий».

Ровно через три часа в больницу доставили телеграмму-ответ. В ней было только три слова:

«Выехал скорым. Крутов».

<.....>

Дни летели за днями пестрой лентой, сплетались в недели, в месяцы, в годы.

В клинике Пермского университета, в громадной светлой комнате лежал Тимофеев.

С утра до утра, около Тимофеева поочередно дежурили лучшие представители местных научных сил, время от времени занося в толстый журнал краткие записи о своих наблюдениях.

Посередине палаты возвышался громадный стеклянный четырехугольный футляр, снабженный целым рядом специальных приспособлений и аппаратов высшей чувствительности, непрерывно показывающих изменения и колебания в состоянии организма больного.

В футляре лежал Тимофеев. Над его головой был помещен радиограф, кривыми линиями на стеклянной, матовой доске показывавший малейшие проблески работы мозга больного, рядом был установлен массивный, чрезвычайно сложный электромагнискоскоп, движением стрелки показывающий состояние сердца, кровообращения, температуры и проч. Затем около футляра можно было заметить радиорегулятор движения воздуха, прибор для искусственного питания и целый ряд других механизированных помощников медицины.

Профессора, врачи, сиделки бесшумно скользили по этой палате. Царила напряженная тишина, Говорили шопотом.

— Ну-с. Как дела, коллега? — осведомился вошедший в палату профессор Крутов.

Дежурный приват-доцент Неустроев развел руками.

— За время моего дежурства, профессор, ничего особенного не случилось, если не считать, что кривая радиографа в два часа двенадцать минут отклонилась на четыре секунды влево.

— Это очень важно — заметил профессор и проверил стрелки электромагнискоскопа, заглянув в журнал, покинул палату.

Восемнадцать лет спал Тимофеев.

Весь мир был заинтересован этим редкостным случаем летаргии. Газеты и журналы всех стран света аккуратно помещали краткие бюллетени о состоянии здоровья Тимофеева.

И ежедневно радио разносило по всему миру.
«Состояние здоровья Тимофеева — без перемен».

23-го августа 1943 года профессор Крутов получил радиограмму.

«Сообщите результаты последних наблюдений состояния органов кровообращения и деятельности мозга Тимофеева. Вильямс Стортинг».

В тот же день профессор Крутов телеграфировал:

Лондон Гойд Стрит 23—48, 16. Стортингу.

«Отклонение кривой радиографа четыре секунды. Электромагнитной 0,02. — Пищеварение нормально. Ваше присутствие желательно.

Крутов».

И к вечеру получил ответ:

«Вылетел. Стортинг».

А 25-го августа на пермском аэродроме опустился мощный четырехсотильный гелиокоптер «4-а».

Из алюминиевой кабины, в сопровождении трех молодых людей, вышел низенький старичок, в цилиндре, клетчатом пальто, в больших круглых очках и, подойдя к группе ученых во главе с профессором Крутовым, учтиво приподнял цилиндр.

— Профессор лондонской медицинской академии Вильямс Стортинг.

Блестящий, лакированный автомобиль марки «Коминтерн» умчал маститого гостя в лучшую в городе гостиницу.

<.....>

29 августа 1946 года в три часа ночи дежурный врач клиники Набоков, взволнованный, подошел к телефону.

— Два ноль два, — отрывисто бросил он в трубку.

— Два ноль два? Мне нужно профессора Крутова. Это вы, профессор? Стрелка электромагнископа отклонилась влево на 0,2 градуса 3 секунды. Пульс проявляет деятельность, кровообращение усилилось...

Ответа Набоков не услышал.

Профессор издал какое-то междометие и повесил трубку.

Но зато тотчас же вызвал к телефону центральной гостиницы профессора Вильямса Стортинга.

Он должен был это сделать.

ЧУДЕСА В РЕШЕТЕ

Ровно три недели тому назад маститый ученый предсказал пробуждение Тимофеева, назначив срок, — прежде приближительный, но совпадающий с сообщением доктора Набокова.

— Три-четыре недели, и он должен вернуться к жизни.

Три года прожил Вильямс Стортинг в Перми, тщательно изучая малейшие детали, сопутствовавшие летаргии Тимофеева, рассчитывая написать многотомное исследование этого исключительного случая.

В 3 часа 20 минут, в громадной, строго молчаливой палате Тимофеева собрался цвет ученого мира. Стрелка электромагнискоскопа явно нервничала, как нервничали и собравшиеся вокруг больного серые корифеи науки.

Но вот вздрогнула и прыгнула вверх кривая радиографа, судорожно рванулась влево и задрожала на предельных цифрах стрелка электромагнискоскопа, и остановилась.

Настал жуткий момент.

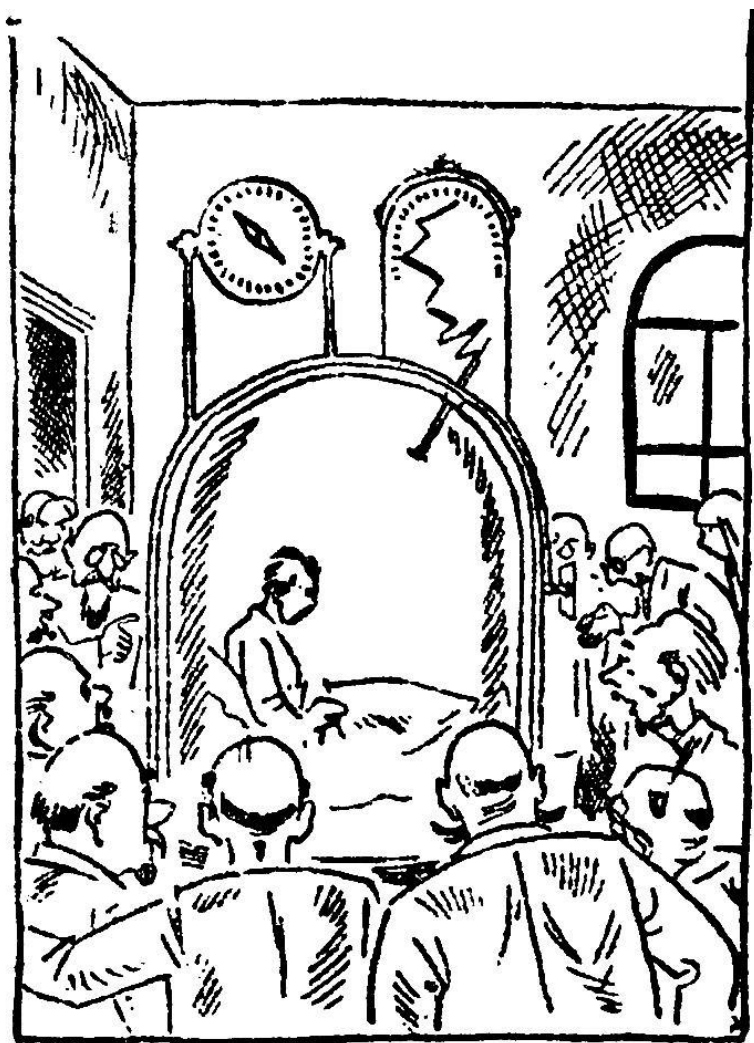
Тимофеев впервые за 19 лет сна сделал глубокий вздох, открыл глаза и громко с аппетитом... чихнул.

— Будьте здоровы! — не преминул заявить, от избытка чувств, дежурный врач Набоков.

Тимофеев тупо посмотрел в стеклянный потолок футляра, скосил глаза на сгруппировавшихся ученых и наморщив лоб, начал припоминать.

— Да! Припоминаю. Мне нужно было написать письмо в «На Смену!». Но где я? Почему здесь эти люди в белых халатах? Что это за идиотский стеклянный колпак? В чем, собственно, дело?!

Профессор-психиатр Крутов счел нужным ликвидировать вполне понятные, недоумевающие взгляды Тимофеева.

— Тов. Тимофеев, — с мягкостью в голосе сказал он. — Вы не беспокойтесь, не удивляйтесь, не волнуйтесь. Вы в больнице.

— По-почему? — снова скосил глаза Тимофеев. — Чем я, собственно, болен? Может, тиф?

— Поспали вы больше, чем следует. Вот и все. Вы пока что успокойтесь.

— Да я ничего, я не волнуюсь, — отозвался Тимофеев, и спустил ноги с кровати, добавил:

— Нельзя ли, товарищи, пожрать чего-нибудь? Чувствую, что голоден, и здорово.

Как бы по мановению волшебной палочки, в палату вошла сиделка с подносом, на котором умещался прибор, расширявший раздражающие, вкусные запахи.

Тимофеев вскочил с кровати, вышел из футляра и, присев за столик, с таким аппетитом начал уписывать принесенную пищу.

— Сколько же времени я спал, что в больнице оказался? — осведомился подкрепившийся и повеселевший Иван Семенович.

— Вы спали ровно 19 лет 5 мес. и 26 дней.

— Как? — Тимофеев вытаращил глаза и расхохотался. — Шутить изволите?

— Вы находитесь в клинике Пермского государственного университета. Девятнадцать лет, пять месяцев и двадцать шесть дней тому назад вы, от неизвестной пока причины, безусловно сильнейшего потрясения впали в длительный летаргический сон. Весь ученый мир заинтересовался вашей болезнью; нет на земном шаре такого угла, где бы не знали вашего имени. Сейчас в момент вашего пробуждения мы обращаемся к вам с просьбой оказать услугу науке. Припомните-ка. Не была ли у вас какого-либо сильного нервного потрясения? Нам важно выяснить причину происхождения длительной летаргии.

<.....>

— Да успокойтесь пожалуйста, — остановил Тимофеева молодой человек. — Никто вас не обманывал и не думал обманывать. Никто вас не считал и не думает считать за сумасшедшего. И это я вам сейчас же докажу не на словах, а на деле.

— Но вы понимаете, — закричал в отчаянии Иван Семенович, ударяя себя кулаком в грудь, — вы понимаете, что

я в этом деле ровным счетом ни черта не понимаю.

— Поймете, — уверенно отчеканил молодой человек и быстро вышел из палаты.

Юноша прошел по коридору в кабинет профессора Крутова и пробыл там не более четверти часа, затем вместе с профессором заглянул на минутку в радио-кабинет.

Соединить радио-телефон с редакцией «На Смену!» было делом момента.

— Сейчас вылетаем с Тимофеевым в Свердловск. Через час будем в редакции. Профессор Крутов любезно предложил свою машину. Наши самолеты, как назло, в разлете, по экспедиции. Ждать их возвращения нет смысла. Тимофеев нервничает.

— Воспользуйтесь машиной профессора Крутова — отрезал редактор.

Между тем в палату в Тимофееву вошла сиделка с бельем и верхним платьем.

— Переоденьтесь.

Продолжавший недоумевать Иван Семенович все же не заставил себя ждать.

Мягкие сандалии, красивая блуза, брюки, легкая изящная шляпа немедленно преобразили фигуру Тимофеева.

— Итак, летим, — громко сказал уже знакомый Тимофееву вошедший в палату юноша. — Машина нас ждет.

— Как это летим? Куда летим?

— Мы сейчас в Перми. В клинике университета. Летим в столицу Урала, Свердловск. В редакцию «На Смену!» прямым сообщением, без пересадок и остановок. Через час будем на месте.

НАД МИРОМ ЧУДЕС

Сотрудник «На Смену!» провел Тимофеева по длинному коридору к лифту.

— Сейчас поднимемся на крышу, — сказал он. — Там аэродром, и нас ждет машина.

Крыша местами была сделана из толстого, рубчатого стекла. По бокам ее росли высокие, кудрявые деревья, цветы...

Площадь крыши, что удивило Тимофеева, была использована для самых различных надобностей. Видно было несколько павильонов причудливо-красивой архитектуры, площадки с клумбами ароматных цветов

— Вот это у нас санаторий, — показывал юноша, здесь тепловая машина.

— Какая тепловая машина? — заинтересовался Тимофеев.

— Обыкновенная. Здание отапливается и освещается теперь концентрированными солнечными лучами. Правда, не все дома оборудованы тепловыми машинами, но использование солнечной энергии во всех областях жизни, с каждым годом развивается все больше и больше. Вот радиостанция, это регулятор атмосферы.

— Как?

— Регулятор, мы теперь имеем возможность регулировать движение воздуха... В ваше время еще не было средств предотвратить ураганы, сильные грозы и т. п. стихийные бедствия. Теперь мы уже начинаем побеждать силы стихий. Правда, еще не в абсолютных, не в совершенных формах, но все-таки.

— А это что?

— Здесь обсерватория. Телескоп дает увеличение в 100.000 раз и помогает нашим ученым разгадывать загадки далеких от нас миров.

— А это?

— А это и есть аэродром, куда мы с вами держим путь.

— Но позвольте, — удивился Тимофеев, — какой же тут к чорту аэродром? Здесь аэроплану и разбежаться-то для под'ема негде.

Юноша улыбнулся.

— В области авиации, тов. Тимофеев, за двадцать лет сделаны громадные достижения. Современные летательные машины при под'еме не нуждаются в разбеге, точно так же, как и при спуске. Да вот убедитесь сами. Прошу.

И юноша откинул дверцу кабины.

Не успел еще Тимофеев поудобнее усесться в мягком кожаном кресле, как загудел мотор, машина вздрогнула и рванулась вверх.

Через большое стеклянное окно перед восхищенным взором Тимофеева разворачивались просторы Урала.

— А это что? — продолжал допытываться он у своего словоохотливого спутника.

— Это Шамары.

— Что вы мне говорите, — возмутился Тимофеев, — Шамары, насколько мне помнится, сравнительно небольшая

станция, а здесь я вижу большой прекрасный город.

— Совершенно верно. Ни одного населенного пункта на Урале, какие вы знали двадцать лет тому назад, сейчас не узнаете. Мы очень далеко шагнули вперед.

— А это, это что?

— Это новый мощный металлургический завод.

— Позвольте, какая-то, по-видимому, новая железная дорога?

— Да. Эта линия соединяет Урал с Кузнецким бассейном. Уральские заводы работают преимущественно на кузнецком коксе, уральская руда частично идет для переработки в Кузбасс, на Тельбесский металлургический завод.

— Смотрите, смотрите, — заволновался Тимофеев. — Какая красота! Что это?

— Это Свердловск. Мы подлетаем.

<.....>

Когда Тимофеев вошел в кабинет, редактор делал дружеский выговор заведующему радио-экспедицией.

— Опять жалобы. Это же становится невозможным. Сегодня же пригласите инженеров для проверки регуляторов. Так дальше работать нельзя.

Но тут редактор поднял глаза и широко улыбнулся.

— А-а, вот и тов. Тимофеев. Присаживайтесь.

Тимофеев опустился на мягкое кресло и вздохнул:

— Ничего не понимаю, — жалобно сказал он.

— Как вам нравится «На Смену!»? А ведь помню, были тяжелые времена. Выходила в небольшом формате, три раза в неделю, тираж был незначителен. Да... Но все-таки, дружными усилиями комсомольцев, дело развернули. Достижения налицо.

— Я все сделал, что мог, и все же Разгильдяй подкачал, — начал оправдываться Тимофеев. — Никакого интереса к газете. 186 и 18. Сами понимаете. Скандал, стыд...

— Ничего, — успокоил его редактор. — Разгильдяя теперь нет. Эта станция переименована, а станция Тимофеевка от других в отношении выписки газет не отстает.

— Да? — удивился Тимофеев.

— Да, потому что нет на Урале такого комсомольца, который не выписывал бы своей областной газеты. Без своей газеты комсомольцу как без рук.

— А какой тираж у «На Смену!»? — спросил Тимофеев.

— Сейчас 670 тысяч, — ответил редактор. — Ровно столько, сколько комсомольцев на Урале.

— Но позвольте, насколько мне помнится, комсомольцев на Урале было меньше.

— Да. Двадцать лет тому, назад. Но сейчас Урал развернулся, новые заводы, новые железнодорожные линии. И параллельно с ростом промышленности, наряду с ростом рабочей силы,росло и число комсомольцев. Это же ясно.

— Кроме того, — добавил редактор, — пионерская газета «Всходы Коммуны» имеет полумиллионный тираж. У нас зарегистрировано 172.000 радио-подписчиков. Каждый подписчик имеет у себя на квартире радио-приемник и получает от нас информацию радио-газеты в любое время дня и ночи. Затем мелочь: три журнала, вечерний выпуск «На Смену!», периодическая библиотека...

<.....>

СОДЕРЖАНИЕ

АНДРЕЙ ПЛАТОНОВ

ЛУННЫЕ ИЗЫСКАНИЯ (ЛУННАЯ БОМБА)

Научно-фантастический рассказ
(Полный вариант)

5

ДМИТРИЙ ТИГЕР (ДМИТРИЙ Т.)

М-Б-10-22: СИЛУЭТЫ ГРЯДУЩЕГО

Фантастическая повесть

37

П. ОРЛОВЕЦ

КУЗЬКА ДОБРОХИМ

Фантастическая повесть

115

ГУТ

ПЕРВЫЙ ТОПОР

ВСТРЕЧА С МЕДВЕДЕМ

Рассказы о первобытной жизни

157

Н. ТРУБЛАНИИ

56-я ПАРАЛЛЕЛЬ^{*)}

Научно-фантастическая повесть

Перевод с украинского

169

ЖЕНЯ АНДРИАНОВ

НАША СТРАНА ЧЕРЕЗ СТО ЛЕТ

Фантастический рассказ

297

А. ШМАНКЕВИЧ
ВОДОЛАЗ ПЕТРОВИЧ

Рассказ

307

К. С. МИКОНИ
В МЕЖПЛАНЕТНОЕ ПРОСТРАНСТВО

Фантастический рассказ

315

Б. КУЗНЕЦОВ
ПУТЕШЕСТВИЕ В 1960 ГОДУ

Фантастический очерк

331

В. КОЛТУНОВ
ЗЕЛЕНый ГОРОД

Стихотворение

370

П. ИГНАТЬЕВ
ВОЗДУШНЫЙ ТРОЛЛЕЙБУС

Фантастический очерк

371

И. МАЗУРУК
НЕЗАРЕГИСТРИРОВАННЫЙ РЕКОРД

Фантастический рассказ

375

АНАТОЛИЙ ШИШКО
ЧУМНОЙ БУНТ

Рассказ

387

Н. ЮРГИН
САМОЗВАНЕЦ

Фантастический рассказ

399

Ник. ШПАНОВ
НОМЕР НЕ ПРОЙДЕТ

Фантастический рассказ

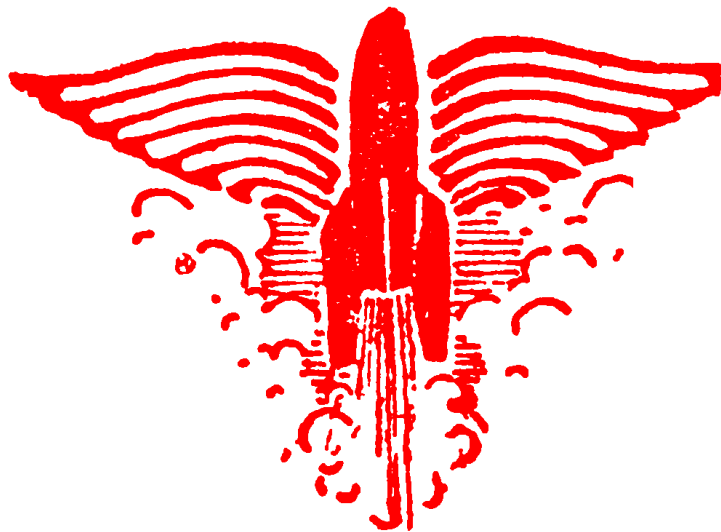
425

Я. И. ПЕРЕЛЬМАН
ЛУННЫЙ ПЕРЕЛЕТ
ПРОГУЛКА НА ЛУНЕ
(Отрывки из книги «Ракетой на Луну»)
449

П Р И Л О Ж Е Н И Е

К.Э. ЦИОЛКОВСКИЙ
ТЯЖЕСТЬ ИСЧЕЗЛА
Фантастический очерк
473

А. КРУЧИНА
«186 и 18»
Фантастическая повесть
501

Литературно-художественное издание

БИБЛИОТЕКА ПРИКЛЮЧЕНИЙ И НАУЧНОЙ ФАНТАСТИКИ
Для среднего и старшего возраста

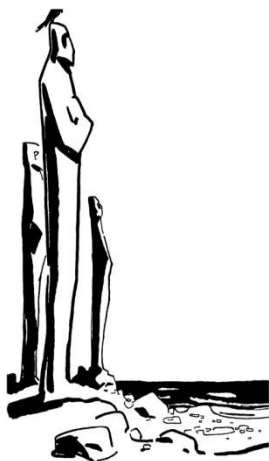
СИЛУЭТЫ ГРЯДУЩЕГО
Антология фантастической
и приключенческой прозы
20-х — 30-х годов XX века

Издательство «СПУТНИКTM»
Дзуреченск, ул. Славная, 88

Подписано в печать

25.05.2021

Ответственный редактор А. Невструев
Генеральный директор издательства
所有的爱-人

Отпечатано в полном соответствии с качеством
представленного электронного оригинал-
макета в типографии ООО «Шер-Хан», субсег-
мент Энлиль, пр. Голконды Таврической, 177

